

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

**UNIVERSITY
BULLETIN**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (77) – 2022 г.

Душанбе – 2022

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

**UNIVERSITY
BULLETIN**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2 (77) – 2022 г.

Dushanbe – 2022

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Ходжазода Тохир Абдулло, доктор физико-математических наук

Редакционная коллегия:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук, заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Комилов Сироджиддин Джамолиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Файзулло Машраб Курбонали, доктор экономических наук (Таджикистан)

Редактор:	Р.В.Баратова
Технический редактор:	Г.Х.Ташматова
Перевод на английский язык:	С.У.Тагаева
Перевод на таджикский язык:	Р.Р.Раджабова
Компьютерная верстка:	Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №081/ЖР-97 от 11 сентября 2018 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки России

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 11

www.rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики, юриспруденции, филологии.

Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Представление в журнал работ, ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях, не допускается. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом).

К статье, написанной аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, необходимо приложить отзыв научного руководителя. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Объем научной статьи не должен превышать 1 п.л.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, резюме на русском языке и ключевые слова через точку с запятой (от 3 до 10 слов). Объем текста должен составлять от 150 до 200 слов и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Резюме должно ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

В статье обязательны ссылки на источники информации (цитаты, цифры). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок с указанием страницы, откуда взята цитата.

Список литературы приводится в конце статьи. Пристатейный библиографический список оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее 5 наименований научной литературы, отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и тексты резюме на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

СОДЕРЖАНИЕ

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кодирзода Д.Б., Салиева Н.Ш. Методологические принципы разграничения факторов региональной экономической интеграции.....	12
Мирсаидов А.Б., Шамсуллозода Ш. Основные направления совершенствования механизмов планирования в страховых организациях	22
Назаров А.А., Набиева Х.Н. Инновационная деятельность как важная особенность эффективности использования человеческого капитала в экономике региона.....	35
Махмадали Б.Н. Управление процессом разработки и инвестиционной политики развития региона с учетом местной эколого-экономической ситуации.....	49
Расулзода Б.Р. Экономическая эффективность применения различных приемов возделывания пшеницы в условиях Таджикистана.....	62
Якушев Н.О. Специфика технологических рынков в развитии регионального высокотехнологичного экспорта.....	73
Исмаилова Ш.Ш. Проблемы развития кредитования сельскохозяйственного производства в Таджикистане.....	84
Сорокин С.В. Человеческий капитал как движущая сила инновационных преобразований.....	97

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шамбезода Х.Д. Проблема внутривидового развития бесписьменных языков в условиях многоязычия.....	109
Джабборова М.Т. Субстантивация причастий в русском и таджикском языках: сопоставительный аспект.....	122
Давлатмирова М.Б. Анализ аксиологических доминант традиционного праздника «Навруз» в таджикском языке.....	132
Аминов А.С. Таджикская детская литература периода независимости.....	141
Нуридинзода М.С. О семантике географических названий и их особенностях (на примере топонимов Таджикистана).....	149
Саъдиева Г.Ф. К вопросу о структурно-семантических особенностях сельскохозяйственных терминов таджикского языка (на материале словаря «Тухфат-ул-ахбоб»).....	161
Худоёрв Х.Ё. Лексическая объективация концепта «одоб» (вежливость) в таджикском языке (на материале лексикографических источников и Национального корпуса таджикского языка).....	170
Курбонова Х.Х. Языковая объективация лингвокультурных концептов «верность» и «предательство» в русском языке.....	183
Умарова М.С. Терминологические гнезда как показатель формирования метаязыка молочной отрасли в русском языке.....	194
Зикриёева М. Морфологические средства связи текста в таджикском и английском языках	206

Умбетова Н.Ж. Использование статистических методов исследования при изучении творчества О.О.Сулейменова.....	217
Хасанова Н.Х. Теоретические основы формирования молодежного сленга и его роль в современном русском языке.....	226
Шамбезода М.Х. Концепт «мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка.....	236
Комилова Х.М. Векторность и мотивированность женского предпринимательства в Республике Таджикистан (по материалам СМИ).....	246
Косимов М.Н. Теоретические подходы к изучению паремий в лингвистике.....	256

CONTENTS

• ECONOMIC SCIENCES

Kodirzoda D.B., Salieva N.Sh. Methodological principles for differentiation of factors of regional economic integration.....	12
Mirsaidov A.B., Shamsullozoda Sh. Main directions for improving the planning mechanisms of insurance organizations.....	22
Nazarov A.A., Nabieva H.N. Innovative activity as an important feature of the efficiency of the use of human capital in the regional economy.....	35
Mahmadali B.N. Management of the process of development and investment policy of the development of the region subject to the local environmental and economic situation.....	49
Rasulzoda B.R. Economic efficiency of use of various methods of wheat growing in the conditions of Tajikistan.....	62
Yakushev N.O. Specificity of technological markets in development of regional high-tech export.....	73
Ismailova Sh.Sh. Problems of development of lending to agricultural production in Tajikistan.....	84
Sorokin S.V. Human capital as a driving force of innovative transformations.....	97

• PHILOLOGICAL SCIENCES

Shambezoda Kh.J. The problem of infrastructural development of unwritten languages under conditions of multilingualism.....	109
Jabborova M.T. Substantivization of participles in the Russian and Tajik languages: a comparative aspect.....	122
Davlatmirova M.B. Analysis of the axiological dominants of the traditional holiday "Navruz" in the Tajik language.....	132
Aminov A.S. Tajik children's literature of the independence period.....	141
Nuridinzoda M.S. On the semantics of geographical names and their features (on the example of toponimes of Tajikistan).....	149
Sadieva G.F. To the question of structural-semantic features of agricultural terminology in the Tajik language (on the material of the dictionary "Tuhfat-ul-ahbob").....	161
Khudoyorov Kh.Yo. Lexical objectivation of the concept "odob" (politeness) in the Tajik language (on the material of lexicographical sources and the National corpus of the Tajik language).....	170
Qurbonova Kh.Kh. Linguistic objectivation of the linguocultural concepts "loyalty" and "betrayal" in the Russian language.....	183
Umarova M.S. Terminological nests as an indicator of the formation of dairy industry metalanguage in the Russian language.....	194
Zikriyoeva M.Kh. Morphological means of text communication in Tajik and English.....	206
Umbetova N.Zh. Using statistical methods of research in the study of O.O.Suleimenov's work.....	217

Khasanova N.Kh. Theoretical basis for the formation of youth slang and its role in the modern Russian language.....	226
Shambezoda M.Kh. The concept of "migrant" in the linguistic consciousness of Tajik language speakers.....	236
Komilova Kh.M. Vector and motivation of women's entrepreneurship in the Republic of Tajikistan (based on press material).....	246
Kosimov M.N. Theoretical approaches to the study of paremia in linguistics	256

МУНДАРИЧА

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ

Қодирзода Д.Б., Солиева Н.Ш. Принципҳои методологии ҷудокунии омилҳои ҳамгирои минтақавии иқтисодӣ.....	12
Мирсаидов А.Б., Шамсуллозода Ш. Самтҳои асосии тақмили механизмҳои банақшагирии ташкилоти суғуртавӣ	22
Назаров А.А., Набиева Х.Н. Фаъолияти инноватсионӣ ҳамчун хусусияти муҳимми самаранокии истифодабарии сармояи инсонӣ дар иқтисодиёти минтақаа.....	35
Маҳмадалӣ Б.Н. Идоракунии раванди қорқард ва сиёсати сармоягузорӣ дар инкишофи минтақа бо инобати вазъи маҳаллии экологӣ-иқтисодӣ.....	49
Расулзода Б.Р. Самаранокии иқтисодии истифодабарии усулҳои гуногуни кишти гандум дар шароити Тоҷикистон.....	62
Якушев Н.О. Махсусияти бозорҳои технологӣ дар инкишофи содироти минтақавии технологияи содироти ҳудудҳо.....	73
Исмоилова Ш.Ш. Мушкilotи инкишофи қарздиҳии истехсолоти кишоварзӣ дар Тоҷикистон.....	84
Сорокин С.В. Сармояи инсонӣ ҳамчун қувваи ҳаракатдиҳандаи табaddулоти инноватсионӣ.....	97

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

Шамбезода Х.Ч. Мушкilotи рушди дохилисохтории забонҳои бехат дар шароити бисёрзабонӣ.....	109
Ҷабборова М.Т. Исмшавии сифатҳои феълӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ: ҷанбаи муқоисавӣ.....	122
Давлатмирова М.Б. Таҳлили доминантаҳои аксиологияи ҷашни анъанавии “Наврӯз” дар забони тоҷикӣ.....	132
Аминов А.С. Адабиёти бачагонаи тоҷик дар давраи истиқлолият.....	141
Нуридинзода М.С. Оид ба маънои номҳои ҷуғрофӣ ва хусусиятҳои онҳо (дар мисоли топонимҳои Тоҷикистон).....	149
Саъдиева Г.Ф. Роҷеъ ба масъалаи хусусиятҳои сохторӣ-маъноии истилоҳоти кишоварзӣ дар забони тоҷикӣ (дар асоси маводи луғати «Тухфат-ул-аҳбоб»).....	161
Худоёрров Ҳ.Ё. Объективикунонии луғавии мафҳуми «одоб» дар забони тоҷикӣ (дар асоси маводи сарчашмаҳои луғатнигорӣ ва Пайкараи миллии забони тоҷикӣ).....	170
Курбонова Х.Х. Объектикунонии забонию фарҳангии мафҳумҳои «садоқат» ва «хиёнат» дар забони русӣ.....	183
Умарова М.С. Майдонҳои истилоҳӣ чун нишондиҳандаи ташаккули метазабони соҳаи шир дар забони русӣ	194
Зикриева М.Ҳ. Воситаҳои сарфӣи алоқамандии матн дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ.....	206

Умбетова Н.Ж. Истифодабарии усулҳои омории тадқиқ зимни омӯзиши эҷодиёти О.О.Сулейменов.....	217
Ҳасанова Н.Х. Асосҳои назариявии ташаккулёбии ғӯйиши ҷавонон ва нақши он дар забони муосири русӣ.....	226
Шамбезода М.Х. Мафҳуми «муҳочир» дар шуури забонии ҳомилони забони тоҷикӣ.....	236
Комилова Х.М. Векторнокӣ ва ҳавасмандии соҳибкории занона дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (дар асоси маводи матбуот).....	246
Косимов М.Н. Муносибати назариявӣ ба омӯзиши паремияҳо дар забоншиносӣ	256

УДК 332.1

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Кодирзода Диловар Бахридин

Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 903 38 81 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Салиева Наима Шодибоевна

Заведующая кафедрой информационных технологий и автоматизации
Душанбинский филиал НИТУ «МИСИС»
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Назаршоева, 7
Тел.: (+992) 93 373 75 57 (м.)

В статье рассмотрены методологические принципы разграничения факторов региональной экономической интеграции. В зависимости от траекторий развития интеграционных объединений и возможных трансформаций их типов логика рассмотрения соотношения внутренних и внешних факторов развития региональной экономической интеграции основана на двух принципиальных методологических позициях: во-первых, на основе использования принципа единства общего, особенного и единичного в познании экономических явлений, где общие условия выступают внешними, а единичные условия внутренними факторами развития по отношению к интеграционной системе, а во-вторых, на основе применения экономического анализа посредством двух его видов – *ex post* и *ex ante*.

Отмечается, что заслугой представителей функциональной концепции интеграции является обоснование одинаковой важности как внутренних, так и внешних факторов интеграции, в связи с чем они рассматривали региональную экономическую интеграцию как противоречивый процесс согласования интересов национальных хозяйств.

Такой подход, по мнению авторов, очень важен при рассмотрении «разноскоростной» интеграции стран-членов СНГ и их объективных интересов в различных секторах интеграционного пространства. Поэтому при рассмотрении соотношения внутренних и внешних факторов региональной экономической интеграции важно учитывать процессы развития национальных экономик и уровень реализации структурных реформ.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция; мировая экономика; факторы интеграции; методологические принципы; национальные интересы; экспорт; импорт; интеграционная система; кризис внешней задолженности; глобальный финансовый кризис.

В условиях глобализации качество развития интеграционных группировок во многом определяется новыми условиями и тенденциями развития мировой экономики, а также влиянием внешних шоков и финансовых кризисов. Региональная экономическая интеграция в современном мире проходит в условиях зависимости от внутренних и внешних факторов. С одной стороны, существует объективная необходимость коллективного использования ресурсов интегрируемых государств и реализации конкурентных преимуществ национальных экономик, с другой стороны, разный уровень развития производительных сил, различия в мотивах и целях реализации национальных и внешнеэкономических интересов государств, а также воздействие геополитических интересов в структуре современного мирового хозяйства, не способствуют налаживанию оптимальных процессов экономической интеграции.

На наш взгляд, логика рассмотрения соотношения внутренних и внешних факторов развития региональной экономической интеграции может быть основана на двух принципиальных методологических позициях [1, с.15].

Во-первых, как было отмечено выше, на основе использования принципа единства общего, особенного и единичного в познании экономических явлений, где общие условия выступают внешними, а единичные условия – внутренними факторами развития по отношению к интеграционной системе.

Во-вторых, на основе применения экономического анализа посредством двух его видов – *expost* и *exante*. Если экономический анализ *expost*, т.е. анализ статистических данных, позволяет оценивать результаты региональной экономической интеграции и проводить сравнительный анализ различных интеграционных группировок, то экономический анализ *exante*, т.е. прогнозное моделирование экономических процессов и явлений, позволяет на основе выявленных тенденций и принятых теоретических концепций определить причинно-следственные связи между эндогенными (внутренними) и экзогенными (внешними) переменными.

В отношении первого методологического подхода необходимо отметить, что особенности интеграционных процессов на постсоветском пространстве необходимо оценивать также и на основе учета двух взаимосвязанных явлений – развития рыночных отношений и открытости внешнему миру. Дело в том, что если тренд развития рыночных отношений показывает направления изменения системы экономических отношений в интеграционном пространстве, то источником этих преобразований становятся интересы отдельных национальных хозяйств, открывающих себя внешнему миру [5, с.1].

С этих позиций уместно, на наш взгляд, привести высказывания видного представителя современной институциональной школы Э. де Сото, который, сравнивая развитие системы капиталистических отношений в современных развитых и развивающихся странах, отмечал, что «закон, господствующий сегодня в странах Запада, возник не из пыльных томов сводов законов. Это живое единство, возникшее в реальных жизненных отношениях и вскормленное мечтами и стремлениями простых людей задолго до того, как за него взяли руки профессиональных юристов. Прежде чем удалось заняться систематизацией законов и сведением их в единый кодекс, нужно было закон открыть. «Открытие закона» –

это именно то, чем я и мои коллеги занимаемся последние 15 лет в разных странах... Сеятелям капитализма, чванящимся победой над социализмом, еще предстоит понять, что макроэкономических реформ самих по себе недостаточно. Не следует забывать, что толчком к глобализации послужило то, что развивающиеся и бывшие социалистические страны, некогда наглухо изолированные, занялись открытием своих рынков, стабилизацией валюты и принятием законов, делающих возможными международную торговлю и частные инвестиции» [11, с. 82, 212].

Как отмечает Л.Х.Саидмурадов, «интенсивные процессы интернационализации хозяйственной жизни, которые мы наблюдаем в конце XX века, вовлекают в систему экономических отношений такие явления экономической действительности, как международная конкуренция, глобализация мировой экономики, экономическая интеграция, взаимозависимость национальных хозяйств, кризис внешней задолженности, глобальный финансовый кризис и т.д. Сам по себе факт понимания всемирного хозяйства как предмета экономической теории не новый. Однако осмысление его с точки зрения интересов новых транзитных стран в условиях глобализации хозяйственных связей – лишь в начальной стадии» [7, с.16]. Такой подход к оценке мирохозяйственных тенденций в современном мире позволяет уйти от метода «слепого копирования» моделей и путей экономической интеграции и выявить особенности этого процесса, которые во многом связаны с действием внешних факторов.

Пол Хейне в своей знаменитой работе «Экономический образ мышления» отмечает, что «может быть, читая главы этой книги, вы заметили, что большее значение в ней придается не тому, что надо делать, а тому, чего делать не следует... всякое совершаемое в обществе действие влечет за собой непредвиденные и непредсказуемые последствия. К примеру, очевидно, что ограничения на импорт текстиля в США сохраняют рабочие места и доходы отечественных производителей. Но лишь опытный глаз экономиста отметит, что такая мера уменьшит доход остальных американцев, поскольку поднимет цены на текстиль, ограничит возможность США в экспорте других товаров и не даст им возможности воспользоваться своими сравнительными преимуществами» [10, с.700-701]. Поэтому, на наш взгляд, к вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов развития региональной экономической интеграции необходимо подходить не только со стороны оценки интересов отдельных стран, но и с позиции интересов самой интеграционной группировки. Именно при таком подходе, на наш взгляд, возможно выделить значимость внешних факторов экономической интеграции. Особенность исследования процессов региональной экономической интеграции состоит в том, что отношения между государствами в рамках интеграционной группировки и отношения группировки в целом с остальным миром во многом подвержены влиянию политических, социальных, геополитических, культурных и т.д. отношений. Однако объективная потребность в экономической интеграции не всегда реализуется в создании региональных интеграционных объединений. Чтобы это произошло, необходимо определенное соотношение внутренних и внешних факторов развития интеграции. Исходя из представленных выше методологических подходов, нами на рисунке 1 представлено возможное соотноше-

ние внутренних и внешних факторов, которые в единстве определяют необходимость формирования и развития региональной экономической интеграции в ее различных формах [8, с.14-15].

Как показывает практика современного мирового хозяйства, для стран с переходной экономикой большое значение имеет уровень их экономического развития на момент принятия решения об объединении. Это означает, что в производственной функции интеграционного хозяйства стран с развивающимися рынками внутренние факторы (переменные) не могут иметь коэффициент выше 0,5, когда сумма коэффициентов составляет единицу. В противном случае интеграция проходит вяло, и даже возможны процессы дезинтеграции и центробежных тенденций.

Проецируя на существующие интеграционные отношения концепцию «общественного выбора», представленную в работах Дж.Бюкенена и М.Олсона, что политику можно рассматривать как систему обмена, можно сказать, что выводы этой концепции можно применить и при исследовании процессов региональной экономической интеграции. Так, например, Дж.Бюкенен пишет, что политика

«есть сложная система обмена между индивидами в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных... Элементы насилия, характерные для государственной деятельности, казалось бы, трудно совместить с концепцией свободного обмена между людьми... Ответ прост. Индивиды согласятся подчиниться принуждению со стороны государства только в том случае, если конечные результаты политического «обмена» соответствуют их интересам» [2, с.23].

Интересы государств в интеграционном процессе обусловлены не только объективными или внутренними факторами, подталкивающими их к интеграции, но и воздействием внешних факторов, которые формируют интеграционное пространство как единую организационную и социально-экономическую систему. «В конечном счете, - отмечает современный исследователь проблем развивающихся стран М.П.Тодаро, - единственным приемлемым результатом процесса глобализации и новой международной взаимозависимости является формирование такого типа взаимоотношений, при котором в любой ситуации выигрывают или несут потери одновременно все участники... уже невозможно возникновение ситуации, при которой одновременно кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает» [9, с.604].

В то же время возникают закономерные вопросы. Каково соотношение внутренних и внешних факторов в развитии региональной экономической интеграции? Является ли их соотношение формой проявления складывающейся в процессе региональной экономической интеграции системы организационно-экономических отношений? «С точки зрения диалектического метода познания, - отмечает Л.Х.Саидмурадов, - внешнеэкономические интересы хозяйствующих субъектов (фирм, ТНК, государств, политических и экономических группировок стран и т.д.) исторически всегда выступают формами проявления складывающихся в рамках мирового хозяйства экономических отношений. Поэтому выявление такого рода интересов предполагает, прежде всего, анализ всей совокупности международных экономических отношений, а затем и их конкретизацию. Однако такая методология исследования во многом фетишизирует внешнеэкономические интересы промышленно развитых стран мира в рамках мирового хозяйства, представляя их как защиту внутренних национальных экономических интересов, что, в конечном счете, обосновывает идею гегемонизма» [7, с.23-24]. В таком случае так же, как и при использовании принципа единства общего, особенного и единичного, важным моментом является вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов развития.

Таким образом, без оценки соотношения внутренних и внешних факторов интеграции сказать конкретно, на каком этапе развития находится та или иная интеграционная группировка, очень сложно. Тем более, что многие исследователи сферы региональной экономической интеграции отмечают, что в некоторых национальных экономиках интеграционные усилия весьма чувствительны к небольшим изменениям внешнеполитического вектора интеграции [3, с.46].

На практике довольно часто интеграционное объединение, которое имеет название экономической союз, «может находиться лишь на ранних этапах взаимной ликвидации таможенных тарифов, т.е. еще не достигнуть даже уровня зоны свободной торговли, а объединение, считающее себя таможенным союзом, может вообще существовать только на бумаге, поскольку общий таможенный тариф еще не разработан и не введен» [6, с.14]. Поэтому при выявлении соотношения внутренних и внешних факторов региональной экономической интеграции важно учитывать вопрос о том, вносит ли интеграция коррективы в национальные модели развития или нет, а также каков уровень ее влияния на характер и темпы экономического развития стран, входящих в интеграционную группировку.

В 2017 году в опросном исследовании, проведенном Евразийским Банком Развития (Интеграционный барометр ЕАБР. 2017), отмечается, что если до 2014 года выяснялось общественное мнение относительно поддержки населения по присоединению к Таможенному союзу (ТС) и Единому экономическому пространству (ЕЭП), то с 2015 г. такая оценка проводилась уже по отношению к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Опрос был проведен уже в зависимости от того, входит или нет страна в соответствующую интеграционную группировку. Из населения семи стран, которые участвовали в опросе, положительно отнеслись к ЕАЭС в среднем 64% респондентов (Кыргызстан – 83%, Казахстан – 76%, Россия – 68 %, Беларусь – 56%, Армения – 51%). Среди стран, которые не входят в ЕАЭС, самый большой показатель поддержки населения в вопросе присоединения характерно для Республики Таджикистан – 69%, Молдовы – 48% [3, с.20].

Такой подход согласуется и с существующими в экономической литературе концепциями интеграции: рыночная, рыночно-институциональная, структурно-дирижистская и функциональная. Эти концепции так или иначе систематизируют конкретные пути и формы развития интеграционных объединений, а также рассматривают методы и механизмы, в рамках которых могут быть согласованы экономическая, социальная и внешняя политика стран и, соответственно, значение на каждом конкретном этапе значимости внутренних и внешних факторов интеграции.

Наиболее абстрактной, и в этом смысле общей, теорией интеграции является рыночная концепция (Л. фон Мизес, В.Рёпке, Ж.Рюэфф), исходным пунктом которой является постулат о том, что посредством рынка возможно наиболее эффективно регулировать экономические процессы. При этом отмечается, что только рыночные силы, как внутренние факторы, могут быть саморегулирующимися и действовать независимо от институциональных и правовых факторов региональной интеграции. При этом, согласно этой концепции, настоящая интеграция – это когда сформировано единое рыночное поле в масштабах нескольких стран, в котором обеспечена эффективная работа конкурентных рыночных сил и, самое главное, где не существует значительное вмешательство государства в экономику.

Однако эта концепция не вполне соответствовала реальной практике интеграции, особенно стран ЕС. Именно поэтому сформировалась концепция рыночно-институциональной интеграции (М.Алле, Б.Баласса, Ж.Вайлер, Г.Кремер, К.Мейер), которая, отдавая дань рыночному механизму региональной интеграции, отмечает и важную роль координации экономической политики государств, когда интеграция неизбежно требует согласования политики заинтересованных стран в целях ликвидации «провалов» рынка за счет работы «компенсационных» механизмов внешних факторов интеграции, которые направлены на постоянную поддержку состояния интегрированности. Именно эта концепция, на наш взгляд, может рассматриваться как основной подход для рассмотрения соотношения внутренних и внешних факторов интеграции. Таким образом, в отличие от рыночной, рыночно-институциональная концепция признает, что современная интеграция национальных экономик не может быть реализована только посредством рыночных методов и, следовательно, при рассмотрении этапов и форм региональной интеграции необходимо учитывать политические условия, или, иначе, внешние факторы интеграции.

В середине XX века возникает структурно-дирижистская концепция интеграции (Г.Мюрдаль, А.Нарбаль, П.Стритен, Ф.Перру), в основе которой лежит понимание, что свободное передвижение капиталов, товаров и услуг, может способствовать неравномерному экономическому развитию отдельных регионов внутри самого интеграционного пространства, Представители этой концепции считали, что интеграция только рынков – это псевдоинтеграция, а реальная интеграция национальных хозяйств – это процесс, при котором на основе принципа солидарности развитие одного государства может приносить пользу другим государствам-участникам. Следовательно, интеграцию необходимо рассматривать как глубокий процесс структурных преобразований в экономике интегрирующихся государств, предполагающий учет комплексности внутренних и внешних факторов формирования и развития интеграционного пространства под воздействием политических условий интеграции.

Функциональная концепция интеграции (Д.Митрани, П.Райнш, Э.Ханс, Ф.Шмиттер, Л.Линдберг, Д.Най) предполагает, что сам современный производственный процесс и система коммуникаций создают экономические, экологические и социальные потребности в международном сотрудничестве, где важную функцию выполняют специализированные международные организации или корпорации. Современные представители этой концепции (Э.Ханс, Ф.Шмиттер, Л.Линдберг, Д.Най и др.) усовершенствовали эту теорию взаимодействия функциональных и политических условий интеграции и попытались на основе системного подхода показать региональную интеграцию как тесно связанные друг с другом переменные элементы в рамках интеграционной совокупности. С точки зрения нашего предмета исследования, необходимо подчеркнуть, что заслугой представителей функциональной концепции интеграции выступает положение о том, что внутренние и внешние факторы интеграции имеют одинаковую важность, и поэтому они рассматривали региональную экономическую интеграцию как противоречивый процесс согласования интересов национальных хозяйств.

Такой подход очень важен при рассмотрении «разноскоростной» интеграции стран-членов СНГ и их объективных интересов в различных секторах интеграционного пространства. Поэтому при рассмотрении соотношения внутренних и внешних факторов региональной экономической интеграции важно учитывать процессы развития национальных экономик и уровень реализации структурных реформ.

Таким образом, необходимо отметить, что методологическим принципом разграничения внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов региональной экономической интеграции выступает положение о том, что важную роль в координации экономической политики интегрирующихся государств играют «компенсационные» механизмы внешних факторов интеграции, которые направлены на постоянную поддержку состояния их интегрированности. Это означает, что современная интеграция национальных экономик не может быть реализована только посредством рыночных, или объективных методов и, следовательно, необходимо учитывать политические, социокультурные и другие условия, или, иначе, внешние факторы интеграции.

Литература

1. Винокуров Е.Ю. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы / Е.Ю.Винокуров, И.В.Пелипась, И.Э.Точицкая. – М.: ЦИИ ЕАБР, 2014. – 62 с
2. Джеймс М. Бюкенен. Соч. Т.1 / Фонд экономической инициативы; гл. ред. кол.: Р.М.Нуреев и др. – М.: «ТаурисАлфа», 1997. – 176 с.
3. Интеграционный барометр ЕАБР. 2017. – СПб., 2017. – 110 с.
4. Кодирзода Д.Б., Салиева Н.Ш. Классификация факторов формирования и развития региональных экономических объединений // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №3-4(75). – С.18-25.
5. Кодирзода Д.Б., Салиева Н.Ш. Факторы развития региональной экономической интеграции в условиях глобализации. – Душанбе: ТНУ, 2021. – 184 с.
6. Пшонковский Р.Э. Внешние факторы развития экономической интеграции в Африке: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Пшонковский Руслан Эдуардович. – М., 2003. – 28 с.
7. Саидмурадов Л.Х. Экономическая теория открытого хозяйства и проблемы современного Таджикистана. – Душанбе, 2005. – 312 с.
8. Салиева Н.Ш. Внешние факторы развития региональной экономической интеграции в современных условиях (на примере государств-участников СНГ): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Салиева Наима Шодибоевна. – Душанбе: ТНУ, 2020. – 30 с.
9. Тодаро М.Т. Экономическое развитие / пер. с англ. под ред. С.М.Яковлева, М.З.Зевина. – М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. – 608 с.
10. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: 1991. – 743 с.
11. Эде Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: Олимп Бизнес, 2004. – 212 с.

**METHODOLOGICAL PRINCIPLES FOR DIFFERENTIATION
FACTORS OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION**

Kodirzoda Dilovar Bahridin

Doctor of Economic Sciences,
professor of the chair of economic theory
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 903 38 81 81 (m.)
dilovark@mail.ru

Salieva Naima Shodiboevna

Head of the chair of information technologies and automation
Branch of STU «MISIS» in Dushanbe
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nazarshoev, 7
Ph.: (+992) 93 373 75 57 (m.)

In the article, the methodological principles for distinguishing the factors of regional economic integration are considered. Depending on the development trajectories of integration associations and possible transformations of their types, the logic of considering the ratio of internal and external factors in the development of regional economic integration is based on two fundamental methodological positions: first, on the basis of using the principle of unity of the general, special and singular in the knowledge of economic phenomena, where general conditions act as external, and individual conditions as internal factors of development in relation to the integration system, and secondly, based on the application of economic analysis through its two types – *expost* and *exante*.

It is noted that the merit of the representatives of the functional concept of integration is the substantiation of the equal importance of both internal and external factors of integration, in connection with which they considered regional economic integration as a contradictory process of harmonizing the interests of national economies.

Such an approach, according to the authors, is very important when considering the "multi-speed" integration of the CIS member countries and their objective interests in various sectors of the integration space. Therefore, when considering the ratio of internal and external factors of regional economic integration, it is important to take into account the development of national economies and the level of implementation of structural reforms.

Keywords: regional economic integration; world economy; integration factors; methodological principles; national interests; export; import; integration system; external debt crisis; global financial crisis.

ПРИНСПҲОИ МЕТОДОЛОГИИ МАРЗГУЗОРИИ ОМИЛҲОИ ҲАМГИРОИИ МИНТАҚАВИИ ИҚТИСОДӢ

Қодирзода Диловар Баҳридин

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи назарияи иқтисодӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, х. Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 903 38 81 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Солиева Наима Шодибоевна

Мудирӣ кафедраи технологияҳои иттилоотӣ ва автоматикунонӣ
Филиали НИТУ «МИСИС» дар ш. Душанбе
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. Назаршоев, 7
Тел.: (+992) 93 373 75 57 (м.)

Дар мақола принспҳои методологии марзгузори омилҳои ҳамгироии минтақавии иқтисодӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Вобаста аз траекторияҳои рушди иттиҳодияҳои ҳамгиро ва табиллӣ имконпазирӣ типҳои онҳо, мантиқи баррасии таносуби омилҳои дохилӣ ва берунӣ рушди ҳамгироии минтақавии иқтисодӣ ба ду мавқеи принспии методологӣ асос ёфтааст: аввалан, дар асоси истифодабарии принспи ягонагии умумият, махсусият ва воҳид дар идорки ҳодисаҳои иқтисодӣ, ки дар он шароити умумӣ ҳамчун берунӣ ва шароити воҳид ҳамчун омилҳои дохилии рушд нисбат ба низоми ҳамгирошуда баромад мекунад; дар навбати дуюм, дар асоси кор фармудани таҳлили иқтисодӣ тавассути ду намуди он – *expost* ва *exante*.

Зикр гардидааст, ки хизмати намоёндогони консепсияи ҳамгироии функционалӣ асосноккунии муҳимияти яхелаи омилҳои дохилӣ ва берунӣ ҳамгироӣ мебошад ва вобаста аз ин онҳо ҳамгироии минтақавии иқтисодиро ҳамчун раванди пуриштилофи мувофикакунии манфиатҳои хоҷагиҳои миллии баррасӣ мекунад.

Чунин муносибат, бино ба ақидаи муаллифон, ҳангоми баррасӣ намудани ҳамгироии «гуногунсуръати» кишварҳо-аъзои ИДМ ва манфиатҳои объективии онҳо дар бахшҳои гуногуни фазои ҳамгиро хеле муҳим аст. Аз ин сабаб ҳангоми баррасӣ намудани таносуби омилҳои дохилӣ ва берунӣ ҳамгироии минтақавии иқтисодӣ ба назар гирифтани раванди рушди миллии иқтисодӣ ва сатҳи татбиқшавии ислоҳоти сохторӣ муҳим аст.

Вожаҳои калидӣ: ҳамгироии минтақавии иқтисодӣ; иқтисоди ҷаҳонӣ; омилҳои ҳамгироӣ; принспҳои методологӣ; манфиатҳои миллии; содирот; воридот; низоми ҳамгироӣ; бухрони қарзии берунӣ; бухрони ҷаҳонии молиявӣ.

338:368 (575.3)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ
ПЛАНИРОВАНИЯ В СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Мирсаидов Аврор Бобоевич

Доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана
734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Айни, 44

Шамсуллозода Шукрулло

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления государственными финансами
Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Саида Носира, 33

В статье рассматриваются тенденции развития страховой сферы в Республике Таджикистан, выявляются особенности, проблемы и трудности развития данного типа предпринимательства. В связи с этим обосновывается необходимость совершенствования механизмов и методов планирования деятельности страховых организаций, адекватных рыночным условиям. Показано, что основным механизмом и инструментом составления бизнес-плана являются выбор метода анализа страхового рынка, выработка стратегии развития страховых организаций, определение перечня маркетинговых мероприятий. В связи с этим авторами выделяются структурные элементы или стадии организации маркетинговых исследований, предлагают алгоритм, или логическую последовательность, разработки бизнес-плана.

Ключевые слова: страховая организация; рынок страховых услуг; конъюнктура; страховое предпринимательство; страховой продукт; страховая услуга; планирование страховой деятельности; бизнес-план; маркетинговая стратегия; риск.

В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года предусмотрено, что «в качестве основных направлений действий в области реформы финансового сектора определены усиление потенциала и конкурентоспособности финансовых и кредитных учреждений (банки, микрофинансовые организации, страховые и лизинговые компании, фондовые биржи и т.д.) за счёт внедрения системы международных стандартов деятельности, повышение минимальных требований по капиталу, ужесточение резервных требований для обеспечения роста их финансовой стабильности, создание современной системы

управления рисками»¹. В условиях перехода республики на новый этап развития все более возрастает необходимость укрепления потенциала и конкурентоспособности страховых компаний как субъекта рынка финансовых услуг и всеобщей инфраструктуры социально-экономической системы. От успешной деятельности страховых компаний зависит стабильность социально-экономической системы общества, поскольку они призваны нейтрализовать влияние рисков на хозяйственную деятельность субъектов экономики. Все субъекты экономики (домашние хозяйства, предприятия, организации, государство), осуществляя свою предпринимательскую деятельность, идут на риск. Любая предпринимательская деятельность сопровождается риском, риск является ключевым элементом предпринимательской деятельности. Поэтому любой субъект экономики осуществляет страхование рисков. Страхование риска представляет собой передачу определённых рисков страховой компании на основе заключения с ней контракта. С другой стороны, финансовые ресурсы, которые аккумулируются в страховых организациях, является существенным источником инвестиций в экономику страны. Страховые организации, занимаясь инвестиционной деятельностью, получают соответствующие доходы. Следовательно, специализированная страховая деятельность выступает важнейшим видом предпринимательства.

Стабильная работа страховой системы экономики и предпринимательской деятельности в этой системе способствует обеспечению надёжной экономической защиты участников страховых отношений и их успешного функционирования в условиях рыночной экономики. От этого зависят рост и стабильность экономики в целом [5], потому что страховое предпринимательство, прежде всего, имеет дело с нейтрализацией рисков, возникающих в экономике. Здесь уместно подчеркнуть, что представление о рисках сегодня изменилось. Риск обладает всеми характеристиками, присущими факторам производства – имеет собственника, стоимость (цену), ограничен количественно, приносит конечный результат [1, с.12]. Следовательно, можно утверждать, что риск выступает как ресурс или фактор производства страховых организаций.

В стратегических планах развития Республики Таджикистан большое значение придаётся аккумулированию и эффективному распределению крупных финансовых средств, и в этом направлении страхование является достаточно эффективным средством, обеспечивающим контроль и сбережение финансовых фондов. В республике наблюдается устойчивое развитие сферы страхования. В таблице 1 приведена динамика и структура основных показателей деятельности страховых организаций Республики Таджикистан в период с 2005 по 2019 гг. Как видно из данных таблицы, за анализируемый период доходы страховых организаций увеличились более чем в 7 раз. Страховые взносы занимают более 90 % общих поступлений в страховой фонд. Выплаты страхового возмещения и страховых сумм в 2019 г. составили 14,9 млн. сомони, т.е. увеличились по сравнению

¹ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030. С.90. URL: <https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda>

с 2005 г. более, чем в 2,4 раза, их удельный вес в общем объеме расходов составил в среднем 13,3%. В 2019 г. более 66 % страховых доходов были направлены на страховые резервы, которые являются источником инвестиционной деятельности и, следовательно, условий для развития предпринимательской деятельности. За анализируемый период балансовая прибыль страховых организаций увеличилась также с 0,31 до 70,2 млн. сомони.

Таблица 1

**Основные показатели деятельности страховых организаций
Республики Таджикистан (млн. сомони)**

Показатели	2005	2010	2015	2019	2019 к 2005 в %
Доходы страховых организаций, всего	34,3	115,56	154,3	244,9	713,9
из них:					
страховые взносы	32,54	106,13	121,3	227,4	698,8
в %	94,0	91,9	78,6	92,8	-1,2 пп
Прочие доходы	1,76	9,43	33,0	17,6	10 раз
в %	6,0	8,1	21,3	7,2	1,2пп
Расходы – всего	33,99	112,16	128,9	174,6	513,6
из них:					
Выплаты страхового возмещения и страховых сумм	6,15	14,96	16,7	14,9	242,2
в %	18,0	13,3	12,9	8,5	-9,5 пп
Отчисление в страховые резервы	3,20	23,05	51,1	66,8	20,8 раз
в %	9,4	20,53	39,6	38,0	28,6 пп
Страховые взносы (премии), пере- данные на перестрахование	17,62	47,31	4,5	3,0	-82,9
в %	52,0	42,33	3,5	1,7	-50,3
Отчисление в резерв для финанси- рования мероприятий по преду- преждению несчастных случаев, утраты или повреждения застрахо- ванного имущества	1,17	3,35	10,0	14,0	11,9 раз
в %	3,5	2,98	7,7	8,0	4,5 пп
Расходы на ведение дела	5,24	22,05	42,1	52,0	9,9 раз
в %	15,5	19,6	32,6	29,7	14,2 пп
Прочие расходы от страховой деятельности	0,10	1,43	4,5	25,8	258 раз
в %	0,30	1,26	3,5	14,7	14,4 пп
Балансовая прибыль (доход), убыток (+,-)	0,31	3,4	25,4	70,2	226 раз

Рассчитано по: Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Статистический сборник. Душанбе, 2011. С. 13. 815; Таджикистан: 25 лет государственной независимости. Статистический сборник. Душанбе, 2016. С. 13. 615, Статистический ежегодник Республики Таджикистан, 2020, с. 481

В Республике Таджикистан в последние годы все более расширяется диапазон рынка страховых услуг за счёт расширения предпринимательской деятельности страховых организаций. В Государственном реестре страховщиков на начало 2021 г. было зарегистрировано 19 страховых организаций против 15 ед. в 2010 г. На страховом рынке республики наблюдались трансформации и соответственно происходил процесс размывание границ групп «кэптивные компании». Постепенно они становились открытыми агентами рынка страховых услуг или превращались в специализированных отраслевых страховщиков, отдельные страховые организации находили свою отрасль специализации. По результатам проведённого исследования, в четвёрку крупнейших игроков реального рынка вошли ГУП «Точиксуғурта», ГУП СК «Таджиксармоягузор», ООО СПО «Спитамен – Иншренс», ООО «СО «Муин». Наиболее динамично развивающимися компаниями, которые в ближайшее время могут попасть в число лидеров, являются ООО «Страхование 21 века». ООО «СО Бима», ООО СО «Эсхата – Сугурта». Развитие страхового бизнеса в стране базировалось в основном на расширяющемся процессе добровольного страхования, выступающего важным фактором формирования и развития спроса на рынке страховых услуг. В 2019 г. более 70% всех страховых платежей в республике приходились на долю добровольных видов страхования [6].

Страховым организациям для ведения предпринимательской деятельности в условиях формирования и развития рыночной конкурентной среды на рынке страховых услуг необходимо совершенствовать механизмы планирования своей деятельности, адекватные рыночным условиям. В условиях развития рыночных отношений изменились методология и механизм разработки плана деятельности. Страховые организации как свободный агент рыночной экономики, прежде всего рынка финансовых услуг, самостоятельно выбирают механизмы и методы планирования своей деятельности и предлагают свою продукцию, исходя из рыночного спроса, потребностей и предпочтений потребителей. Контракты или договоры, заключённые с клиентами и поставщиками ресурсов, составляют главный институт и механизм разработки планов действия. Планирование деятельности отражается в бизнес-планах организаций, которые представляют собой подготовленную документ, описывающий цели, задачи, пути, механизмы их достижения на определённый срок. Бизнес-план страховых организаций является удобной и уникальной формой ознакомления инвесторов, стейкхолдеров с проектом, по которой в дальнейшем они будут принимать решения о целесообразности их участия в реализации проекта. Планирование деятельности страховых организаций имеет определённые особенности и соответствующие механизмы, которые необходимо учитывать при разработке и реализации бизнес-плана.

Основным механизмом и инструментом планирования, бизнес-плана являются выбор метода анализа страхового рынка, выработка стратегии развития

страховых организаций, разработка перечня маркетинговых мероприятий. В современных условиях метод SWOT-анализа превратился в важный инструмент выбора основных направлений и основу разработки рациональной стратегии развития субъектов страхового сектора. Этот метод исследования позволяет провести углубленный анализ состояния и развития страхового рынка, определить место страховых организаций на рынке. SWOT-анализ в основном направлен на выявление сильных и слабых сторон страховых организаций, потенциала развития, наличия угроз со стороны конкурентов и субъектов внешней среды в целом. Выявление слабых и сильных сторон страховых организаций можно осуществить на основе анализа текущего состояния их деятельности. Проведение мониторинга страхового рынка, сегментирование и их оценка позволяют определить потенциальные возможности и угрозы, которые могут породить условия внешней среды.

Выявленные сильные стороны организации, а также возможности использования условий и факторов внешней среды в интересах обеспечения развития страховых организации должны лежать в основе разработки бизнес-плана организации. При разработке бизнес-плана конкретизация миссии и стратегической цели развития страховой организации является начальным этапом, и этот этап является интерактивным процессом, в котором должны участвовать наиболее опытные внешние консультанты, эксперты и другие заинтересованные лица.

Анализ конъюнктуры страхового рынка является следующим этапом после определения цели развития организации. В результате аналитического процесса выявляются тенденции и перспективы развития важных сегментов рынка, что позволяет оценить, определить и структурировать основные направления развития страховых организаций, компаний. По результатам маркетингового анализа может быть принято, например, решение о создании кэптивной компании, о специализации в перестраховании, об активизации деятельности в конкретной отрасли или секторе, в оказании страховых услуг физическим или юридическим лицам и др. Другим словами, результаты анализа страхового рынка и его структуры предоставляют возможным организациям в разрабатываемом бизнес-плане выбрать наиболее эффективный и выгодный тип деятельности, который исходит из потенциальных возможностей организации. В рамках установленного направления развития выбираются также способы предоставления страховых услуг, разрабатывается план мероприятий, способствующих реализации стратегии страховых компаний.

В процессе подготовки бизнес-плана (в рамках выбранного направления развития) важным моментом является разработка маркетинговой стратегии. Маркетинговая стратегия, естественно, требует конкретизации цели и задач, а также комплекса мер по реализации маркетинговых исследований [3; 7]. В данном процессе принимаемые меры должны соответствовать стратегическому плану развития страховых организаций, что требует осуществления оценки каждого мероприятия по критериям его целесообразности. Страховые услуги, способы их размещения и оказания, цена страховых услуг, оказывающая влияние на поведение потребителей, участников страхового рынка, контрагентов или конкурентов

и т.д., выступают объектом маркетинговых исследований. По результатам маркетинговых исследований страховых организаций можно выявить возможности организации по оказанию влияния на определенный сегмент страхового рынка, на уровень формирования спроса потребителей на их услуги.

В страховом продукте отражается комплекс страховых отношений, прежде всего страховые возмещения и другие услуги, которые оказываются страховыми организациями при наступлении страхового случая [2, с.315-316]. Что касается, цены страховых услуг, то это сумма денег, которую потребитель или страхователь оплачивает для получения конкретной услуги. Методы распространения страхового продукта представляют собой деятельность страховых организаций, направленную на создание доступных условий для потребителей страховых услуг. Методы продвижения страхового продукта заключаются в предоставлении клиентам информации о свойствах и достоинствах страхового продукта с тем, чтобы убедить их в необходимости покупки страхового продукта.

Маркетинг страховых компаний охватывает следующие структурные элементы, или стадии, маркетинговых исследований (см. табл.2)

Таблица 2

Основные этапы маркетинговых исследований

№	Этапы	Характеристика
1.	Исследование состояния и динамики потенциальных потребителей страховых услуг	На этом этапе анализа определяется структура предпочтений (вкусы, привычки и реакции потребителей на конкретные страховые услуги). Это позволяет руководителям страховых компаний узнать группу людей, предпочитающих страховать
2.	Исследование мотивов потенциальных потребителей в процессе заключения договоров о страховании	В процессе проведения анализа поведения страхователей выявляются не только привычки, предпочтения, но и обычаи, стереотипы мышления. Это даст возможность компаниям прогнозировать особенности формирования и ориентации поведения групп потребителей на будущее и разрабатывать и реализовывать соответствующую страховую политику
3.	Анализ конъюнктуры и структуры рынка страховых услуг	Определяется потенциальная ёмкость рынка на определённые виды страховых услуги. В результате исследования руководители компании должны выявить региональные аспекты и преимущества потребления страховых услуг. что определяет направление наиболее выгодного размещения страховых услуг по регионам страны. Результаты анализа, конечно, сравниваются с уровнем платёжеспособности населения и субъектов экономики

4.	Исследование страхового продукта	Должно быть направлено на то, чтобы руководство страховой компании определило предпочтения страхователя применительно к конкретным условиям страхования, а также способы предоставления потребителям новых страховых продуктов, на которые будет направлен рекламный процесс
5.	Анализ способов и сети продвижения страховых услуг от страховых компаний к потенциальному потребителю	Включает в себе исследование функций и особенностей деятельности посредников, характера их взаимоотношений со страхователями
6.	Исследование поведения конкурентов	Осуществляется оценка состояния и формы конкуренции на рынке страховых услуг. В рамках данного анализа необходимо выявить главных конкурентов страховой компании, их сильные и слабые стороны

Составлено авторами

Ответственные лица страховых компаний по маркетинговым исследованиям должны отслеживать происходящие изменения в маркетинговой среде, выявить новые тенденции развития рынка страховых услуг и искать благоприятные возможности для развития своих компаний. Менеджеры компании также владеют информацией о состоянии маркетинговой среды, но функциональные обязанности маркетологов чётко направлены на эффективное решение этой задачи, поскольку имеют в своём распоряжении действенные инструменты, такие как маркетинговое мышление и накопленные знания и опыт маркетингового исследования. Кроме того, маркетологи по функциональной обязанности должны тратить много времени на потребителей страховых услуг и конкурентов.

Следует отметить, что ответственные за проведение маркетинговой деятельности и исследований не всегда имеют возможности оказать воздействие на все факторы и условия внешней маркетинговой среды, потому что они, в основном, следят за изменениями условий внешней среды. Поэтому при возможности им необходимо занимать активную (не пассивную) позицию во внешней маркетинговой среде. Под понятием «активная позиция» мы подразумеваем:

- активные действия в направлении лоббирования интересов страховых организаций в процессе разработки и принятия законодательных актов в области страховой системы страны;
- привлечение средств массовой информации (газет, журналов, радио и телевидения) для рекламы страховой деятельности, новых страховых продуктов с целью повышения имиджа организации и привлечения внимания общественности, формирования общественного мнения.

Маркетологи страховых организации на базе постоянного изучения условий и факторов внешней среды должны корректировать стратегии маркетингового исследования, адаптировать их к изменяющимся условиям внешней среды, тем самым совершенствовать структуру бизнес-стратегии, адекватную новым условиям и требованиям маркетинговой среды.

На практике маркетинговые исследования охватывают процесс сбора информации, анализ рынка и прогнозирование спроса. В маркетинговом исследовании используются:

- маркетинговые приёмы, которые состоят из сегментирования и выбора рынков, позиционирования компании и страховых продуктов, организации взаимоотношений с клиентами и формирования конкурентных преимуществ;
- маркетинговые стратегии, которые состоят из процессов производства страховых продуктов, формирования сферы услуг, ценообразования, а также интегрированных маркетинговых коммуникаций;
- реклама, организация связи с общественностью, стимулирование реализации страховых продуктов и управление этими процессами, каналами распределения;
- организация прямого и интерактивного маркетинга;
- организация департамента или служб маркетинга страховой компании.

Обоснование и прогнозирование объёмов страховых взносов и выплат по страховой деятельности в рамках реализации разработанного стратегического плана являются важнейшей частью бизнес-плана страховой компании. Оценка осуществляется с учётом накопленного опыта потребителей страховых услуг и консультантов, непосредственно участвующих в страховых отношениях, прежде всего в проекте, стандартов убыточности и доли рисков, которые передаются в перестрахование, и т.д.

В процессе разработки бизнес-плана развития страховых организаций исследуется и описывается траектория изменений. Это позволяет им провести структурные изменения в функционирующих организационных структурах и действующей кадровой политике организации. Если страховые организации имеют подразделения или филиалы в различных регионах республики, то следует рассматривать данный вопрос в отдельности – как для головного офиса, так и для филиалов. В расчёт затраты рабочего времени (оплату труда работников) включается не только заработная плата сотрудников организации, но и затраты, связанные с предоставлением компенсационных пакетов, а также другие выплаты персоналу, которые предусмотрены в системе вознаграждения.

На базе анализа издержек, которые необходимы для организации мероприятий по реализации стратегии развития страховой компании, осуществляется оценка материальных затрат. Эти затраты, его нормативы так же определяются в отдельности – как для головного офиса, так и для филиалов.

В рамках стратегического плана развития страховых организаций составляется график реализации проекта, который включает в себя комплекс мероприятий в период срока реализации проекта.

Ключевым моментом в разработке и реализации стратегического плана страховых организации является определение эффективности выбранного направления развития на основе сравнительного анализа финансовых индикаторов, заявленных в ходе постановки цели и достигнутых результатов. Для этого осуществляется финансово-экономическая оценка проекта, составляется прогнозный баланс, прогноз движения денежных средств, балансовый отчет.

Анализ рисков проекта является завершающей стадией разработки бизнес-плана, целью которого является определение уровня чувствительности основных финансовых показателей компании к изменениям среды (внешней и внутренней).

Деятельность страховых компаний сопряжена с большими рисками, связанными с изменением факторов и условий внешней среды, как с рисками возникновения большой величины убыточности по видам страховой деятельности, с рисками, которые связаны с введением дополнительных регуляций и ограничений и т.п. [4] С изменением внутренней среды связано возникновение риска снижения уровня различных статей доходов страховых организации, и повышение уровня расходов компании связано в основном с изменением условий внутренней среды. На практике часто встречаются наиболее весомые риски, которые связаны с увеличением объема расходов на оплату труда сотрудников организации и снижением уровня поступлений страховых взносов. Следует отметить также, что в каждом проекте существуют специфические риски и специфические методы, которые в процессе реализации проекта способствуют предотвращению возникновения кризисных ситуаций. Обобщая все вышеуказанное, можно установить для страховой компании следующий алгоритм, или логическую последовательность, разработки бизнес-плана, который приведен в таблице 3.

Таблица 3

Алгоритм разработки бизнес-плана страховых организаций

№	Стадии	Характеристика
1.	Краткая характеристика, цели и задачи страховой компании	- краткая характеристика, ожидаемые индикаторы деятельности компаний по видам страхования; - цели, планируемые компаний, тактика и способы достижения целей, условия и факторы, которые оказывают влияние на достижение поставленных целей. Планируемые результаты деятельности компании
2.	Анализ условий внешней среды страховой компании	- анализ страхового рынка по сегментам видов страхования, основные конкурентные компании на рынке (по видам страхования); - оценка конкурентных преимуществ и недостатков конкурентных компаний;

		<ul style="list-style-type: none"> - основные клиенты страховых компаний, которые в перспективе расширят состав клиентской базы; - оказание страховых услуг стратегическим корпоративным клиентам; - основные ориентиры рекламной поддержки продвижения страховых продуктов
3.	Анализ деятельности страховых компаний	<ul style="list-style-type: none"> - оценки текущего положения организации на рынке, конкурентоспособности, цены и качество предоставляемых видов страхования; - главные направления развития деятельности по видам оказания страховых услуг; - план привлечения премий, анализ структура страхового портфеля
4.	Обеспечение деятельности по страхованию	<ul style="list-style-type: none"> - установление оптимального размера расходов на ведение дела; - описание изменений на рынке приобретаемых ресурсов и их стоимости; - определение ориентиров рекламной поддержки продвижения страховых услуг
5.	Реструктуризация страховых компаний	<ul style="list-style-type: none"> - оценка численного состава и движения персонала, структура кадрового потенциала; - подготовка и повышение квалификации персонала; - разработка мер по оптимизации численности работников организации; - создание дополнительных подразделений, филиалов и др.
6.	Анализ финансово-экономической деятельности	<ul style="list-style-type: none"> - план поступления страховых взносов; - разработка сметы расходов на ведение дела; - планирование инвестиционной деятельности, инвестиционный бюджет; - план приобретения материально-технических средств; - план дальнейшей капитализации денежных ресурсов, доходов организации

Составлено авторами

Следует подчеркнуть, что в республике основной тенденцией развития страхового предпринимательства и маркетинга являются повышение внимания к адекватности свойств страховых продуктов потребностям клиентов. Применение предлагаемых механизмов совершенствования планирования и разработки бизнес-планов даёт возможность страховым организациям преодолеть трудности на пути разработки и позиционирования новых продуктов и повышения имиджа организации.

Литература

1. Иода Е.В. Управление рисками региональной инновационной системы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Иода Елена Васильевна. – Тамбов, 2007. – 47 с.
2. Князева Е.Г. Теоретико-методологические основы категориальной страхования // Фундаментальные исследования. – 2007. – №12. – С.315-316.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. – М.: Прогресс, 1990.
4. Мирсаидов А.Б., Саидмуродов Ш.М. Риск и страхование в системе аграрных экономических отношений (теоретический аспект) // Кишоварз. Таджикский аграрный университет им. Шириншоха Шотемура. – Душанбе, 2014. – №3 (63). – С.40-42.
5. Мирсаидов А.Б., Шамсуллозода Х. Инвестиционная природа страхования. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 130 с.
6. Шамсуллозода Ш. Страховой бизнес в сфере предпринимательства Республики Таджикистан: Проблемы и перспективы. – Душанбе: Ирфон, 2019. – 160 с.
7. Ромашова Л. Социальные факторы обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур. – М.: Знание Понимание. Умение, 2012. – №4. – 736с.

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE PLANNING MECHANISMS OF INSURANCE ORGANIZATIONS

Mirsaidov Auror Boboevich

Doctor of Economic sciences, professor,
deputy director

Institute of economics and demography
of the National Academy of sciences of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. S. Aini, 44

Shamsullozoda Shukrullo

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of public finance management
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Said Nosir, 33

In the article, the trends in the development of the insurance sector in the Republic of Tajikistan are considered, features, problems and difficulties in the development of this type of entrepreneurship are identified. In this regard, the necessity of improving the mechanisms and methods of planning the activities of insurance organizations adequate to market conditions is substantiated. It is proved that the main mechanism and tool for compiling a business plan is the choice of a method for analyzing the insurance market, a strategy making for the development of insurance organizations, and determining a list of marketing activities. In this regard, the authors highlight the structural elements or stages of organization of marketing research; propose an algorithm or a logical sequence for developing a business plan.

Keywords: insurance organization; insurance services market; conjuncture; insurance business; insurance product; insurance service; planning of insurance activity; business plan; marketing strategy; risk.

**САМТҶОИ АСОСИИ ТАКМИЛИ МЕХАНИЗМҶОИ БАНАҚШАГИРИИ
ТАШКИЛОТИ СУҶУРТАВӢ**

Мирсаидов Аврор Бобоевич

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
муовини директори
Институти иқтисод ва демографияи
Академияи миллии илмҳо Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. Айнӣ, 44

Шамсуллозода Шукрулло

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи идоракунии молиёти давлатӣ
Академияи идоракунии давлатӣ
назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. Саид Носир, 33

Дар мақола тамоюли инкишофи соҳаи суғуртавии Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ гардида, хусусиятҳо, мушкилот ва душвориҳои инкишофи ин навъи соҳибкорӣ ошкор карда шудаанд. Дар ин робита зарурати такмилдиҳии механизмҳо ва усулҳои банақшагирии фаъолияти ташкилоти суғуртавӣ, ки ба шароити бозорӣ мусоӣ мебошанд, асоснок карда шудааст. Асоснок карда мешавад, ки механизм ва асбоби асосии тартиб додани бизнес-нақша интиҳоби усули таҳлили

бозори суғуртавӣ, кор карда баромадани стратегияи инкишофи ташкилоти суғуртавӣ, муайян сохтани рӯйхати корхонаҳои маркетингӣ мебошад. Дар ин робита муаллифон унсурҳои сохторӣ ва ё зинаҳои ташкили тадқиқоти маркетингиро ҷудо карда, алгоритм ё пайдарҳамии мантиқии коркарди бизнес-нақшаро пешниҳод месозанд.

Вожаҳои калидӣ: ташкилоти суғуртавӣ; бозори хизматрасониҳои суғуртавӣ; конъюнктура; соҳибкории суғуртавӣ; маҳсули суғурта; хизматрасонии суғуртавӣ; банақшагирии фаъолияти суғуртавӣ; бизнес-нақша; стратегияи маркетингӣ; хатар.

УДК 332.142

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Назаров Абдушукур Абдурахимович

Доктор экономических наук,
профессор кафедры инженерной экономики и менеджмента
Политехнический институт
Таджикского технического университета им.М.Осими
734042, Республика Таджикистан, Согдийская область, Худжанд,
пр.И.Сомони, 226
Тел.: (+992) 92 707 49 71 (м.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Набиева Хуснишон Наимовна

Старший преподаватель кафедры инженерной экономики и менеджмента
Политехнический институт
Таджикского технического университета им.М.Осими
734042, Республика Таджикистан, Согдийская область, Худжанд,
пр.И.Сомони, 226
Тел.: (+992) 92 755 61 66 (м.)
nabievax@mail.ru

В статье обосновывается актуальность формирования и развития человеческого капитала. Дана его характеристика по северному региону Республики Таджикистан и его территориальным подразделениям. Подчеркивается, что человек, его знаниям, навыки и опыт являются базовым фактором развития шестого технологического уклада. Показаны факторы формирования человеческого капитала на основе государственных затрат на науку и образование, а также приведена система инновационного развития путем определения индекса его изменения на предприятиях. При этом рассматривается такая важная результативная особенность использования человеческого капитала, как инновационная деятельность. Инновационная деятельность раскрывается через некоторые её факторные элементы, такие как количество новых предприятий, особенно по производству импортозамещения товара, отраслевая специализация территориальных подразделений региона по вводу новых предприятий, а также разнообразие новых товаров при производстве той или иной продукции.

Ключевые слова: человеческий капитал; инновационная деятельность; экономика региона; уровень образования; индекс человеческого развития; индекс инновации; патентный показатель производства новой продукции.

В настоящее время мировая экономика, вступая в шестой технологический уклад, требует новых усилий от человеческого капитала, поскольку, как известно, с переходом к новому технологическому укладу огромную роль играет именно человек, его знания, навыки и опыт. Поэтому каждый хозяйствующий субъект и индивид должны постоянно совершенствовать свои знания, которые быстро устаревают и теряют свою востребованность на рынке труда. При усовершенствовании знаний и навыков человеческий капитал обогащается и у него появляется возможность предлагать конкурентоспособных специалистов на рынке труда [1].

Учитывая опыт развитых стран, необходимо добавить, что без развития человеческого капитала и инновационной деятельности мы не можем достичь экономического роста. Как известно, само понятие инновации впервые появилось в научных исследованиях XIX века и означало обновление, улучшение. Вопросы изучения инновационных процессов и инноваций занимались экономисты различных школ и направлений. В мировой экономической науке наибольшее распространение получил подход Й.Шумпетера [6], который трактовал инновации как любое возможное изменение, происходящее вследствие использования новых или усовершенствования решений технического, технологического, организационного характера. В его работах впервые появился термин «экономическая инновация». Последователями, развивавшими подход к инновациям, на основе воззрений Й.Шумпетера, были такие ученые, как Ла Пьере, П.Витфилд, П.Друкер, К.Найт.

При этом трактовка инноваций, предложенная П.Друкером [1], была непосредственно связана с предпринимательской деятельностью, направленной на поиск новых источников прибыли или расширение потенциала уже имеющихся за счет внедрения инновационных решений. Значительный вклад в исследования инноваций внес Н.Д.Кондратьев, который наряду с Й.Шумпетером считается основателем теории технологических укладов, согласно которой ведущую роль в смене укладов играют именно инновационные процессы, происходящие в экономике [2].

Известно, что от качества человеческого капитала зависит инновационная активность региона, государство должно содействовать и быть заинтересованным в том, чтобы на уровне государства или региона была обеспечена возможность заниматься наукой и разрабатывать наукоёмкие техники, технологии или продукцию. Поэтому госчиновникам необходимо уделить внимание расходам госбюджета на науку и увеличить их, так как без государственной поддержки, без её финансирования мы не достигнем желаемого результата. Приведем статистические данные по Согдийской области.

Так, анализ расходов из государственного бюджета на науку за рассматриваемый период (2011-2020) показал, что они увеличились и составили в указанные годы 2445,2 тыс. сомони, что по сравнению с базисным годом увеличилось в 24 раза. Однако число функционирующих научных учреждений в эти же годы сократилось. К примеру, в 2006 г. их число составило 7 единиц, а за весь период

составило 5 единиц, что по сравнению с базисным годом уменьшилось на 28,6%. (см. рис.1).

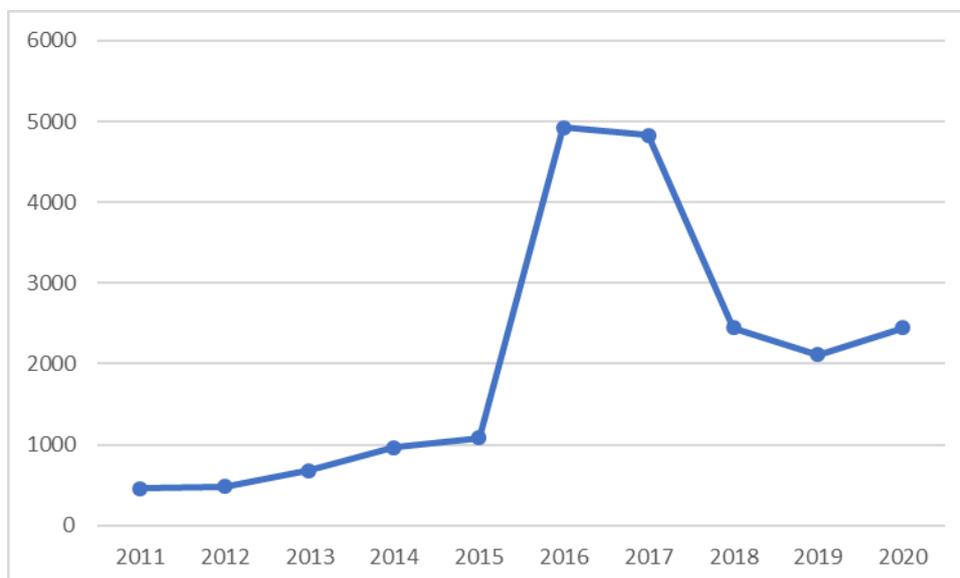

Рис.1. Затраты на исследования и научные разработки в 2011-2020гг.

Как видно из рисунка 1, расходы из государственного бюджета на науку и образование¹, начиная с 2011 г., имеет тенденцию к росту. Это, прежде всего, связано с тем, что именно в 2011 г. была принята Программа инновационного развития Республики Таджикистан на период 2011-2020 гг., придавшая ускорение качественным и количественным изменениям в экономике и социальной сфере.

Однако, несмотря на наметившийся рост расходов на развитие науки, их доля в ВРП региона неудовлетворительная и составляет в среднем 0,042%, что значительно ниже соответствующих показателей развитых экономик.

В мировой практике к странам с наукоемким производством принято относить те, где показатель составляет не менее 3,5%, а с высокотехнологичным – не менее 8,5% [3]. Государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские работы, недостаточно эффективно расходуются для решения проблем секторов экономики. Основная часть НИОКР как в стране, так и в регионе ведется институтами, работающим под эгидой НАН Таджикистана, в состав которой входят научно-исследовательские институты и отраслевые академии. Проанализировав статистические данные региона, можно сказать, что в период с 1995 по 2010 гг. в регионе сокращается число организаций и учреждений, зани-

¹Статистический ежегодник Согдийской области. Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Главное управление Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан в Согдийской области, 2021 г. С.127.

мающихся научно-техническими разработками, а с 2010 года наблюдается стабильность показателя, охватывающего всего 5 учреждений.

Основным индикативным показателем инновационного развития является доля инновационных товаров, работ и услуг в валовом региональном продукте. Однако, как показало исследование, в Согдийской области не ведется учет разрабатываемых инновационных продуктов.

На инновационную деятельность региона влияет множество факторов, наиболее важным из них является показатель численности исследователей на 10 тыс. жителей. К данной категории относятся сотрудники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, а также управлением указанными видами деятельности.

С целью анализа инновационной деятельности на рисунке приведены данные о численности персонала, занятого исследованиями и разработками с 1995 по 2020 гг.

Как видно из рисунка 2, численность научных работников за отчетный год составила 146 чел., что по сравнению с 1995 годом меньше на 13 чел., по сравнению с 2010 годом меньше на единицу, а по сравнению с предыдущим годом – на 32 чел. Из них имеющих учёную степень, то есть докторов наук, – 8 чел. и кандидатов наук – 48 чел. Темпы роста числа докторов и кандидатов наук относительно 2010 года развиваются в сторону увеличения в 2 и 1,9 раза, соответственно, что считается очень хорошим показателем (см. рис. 2)¹.

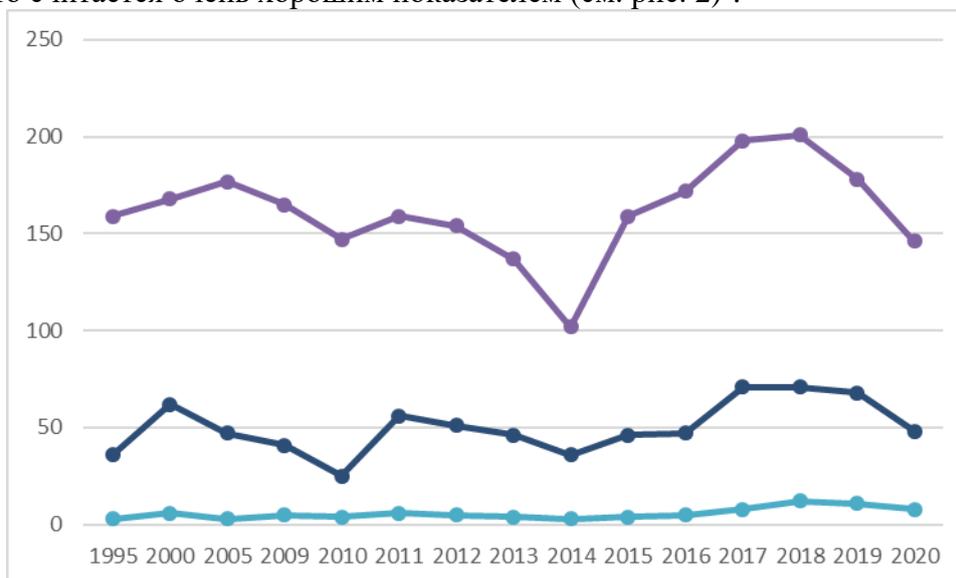

Рис.2. Численность персонала, занятого исследованиями и научными разработками

¹ Статистический ежегодник Согдийской области. Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Главное управление Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан в Согдийской области, 2021 г. С.128.

Подводя итоги, можно сделать такое заключение, что если уровень образованности населения повышается, то и уровень инновации в стране также увеличивается, поскольку между индексом человеческого капитала и индексом инновации наблюдается тесная связь, которая отражена в табл. 1.

Таблица 1

Рейтинг стран мира по индексу инноваций и индексу человеческого развития в 2021 г.

Экономика	Индекс инноваций	Рейтинг стран по инновациям	ИЧР	Рейтинг стран по ИЧР
Швейцария	65,5	1	0,955	2
Швеция	63,1	2	0,945	7
США	61,3	3	0,926	17
Турция	38,3	41	0,820	54
Россия	36,6	45	0,824	52
Узбекистан	27,4	86	0,720	106
Кыргызстан	24,5	98	0,697	120
Таджикистан	23,9	103	0,668	125
Боливия	23,4	104	0,718	107
Анголо	15,0	132	0,955	148

Источник: Гуманитарный портал ISSN 2310-17923. Рейтинг стран мира по индексу инноваций. Международная бизнес-школа INSEAD.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index>

Как видно из данных таблицы 1, Таджикистан находится на 103 месте по индексу инноваций и 125 месте по индексу человеческого развития, отставая, таким образом, от многих стран.

Для того, чтобы определить, как индекс человеческого развития может повлиять на индекс инновации, рассмотрим рисунок 3, используя данные табл. 1.

Как видно из рисунка 3, между уровнем развития человеческого капитала и инновационным развитием стран имеется тесная связь. Республика Таджикистан, как страна с переходной экономикой, на представленных графиках занимает невысокое положение: среди 132 стран по индексу инноваций она занимает 103 место и 125 место среди 174 стран по индексу человеческого развития, – что указывает на необходимость развития человеческого потенциала и его эффективного использования.

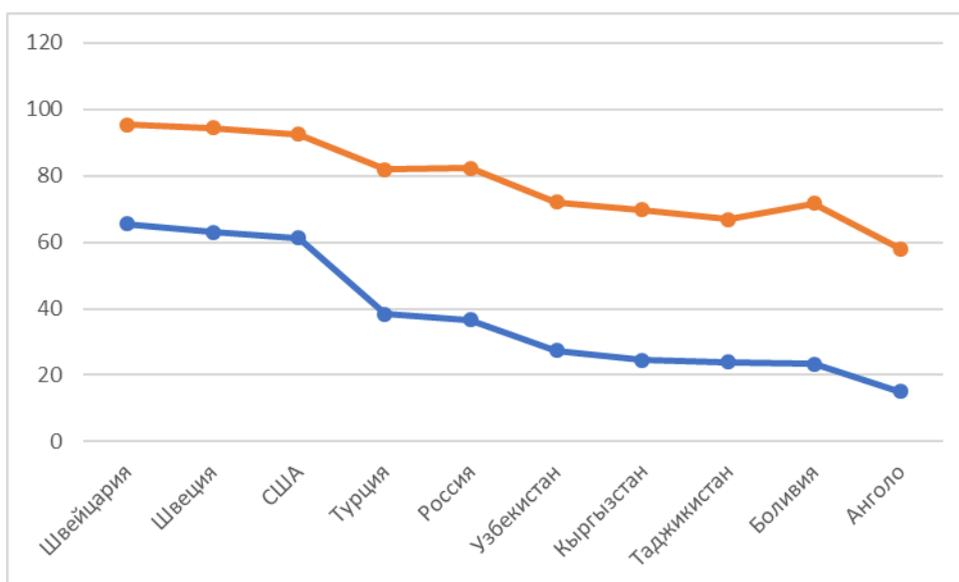

Рис.3. Соотношение индекса инноваций и индекса человеческого развития в странах мира

Зависимость инновационного развития от развития человека объясняет тот факт, что чем выше уровень развития человеческого капитала в стране, тем более она склонна к созданию новых технологий. Данный вывод сделан на основании того, что страны с высоким уровнем человеческого капитала, как правило, создают новые технологии и лидируют на этом рынке, а страны с низким уровнем развития человеческого капитала лишь имитируют их создание, при этом всегда находятся в роли догоняющего. Аналогичную ситуацию можно увидеть и на микроуровне, т.е. на уровне региона. Используя статистические данные по ИЧР и индексу инновации в Согдийской области за 2015-2020 годы¹, можно сделать заключение, что за анализируемые годы ИЧР страны не изменился и его место в мире – 125 позиция. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что если ИЧР высокий, то индекс инновации также высокий.

¹<https://nonews.co.index-human> (дата обращения: 10.08.2022); <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index> (дата обращения: 10.08.2022).

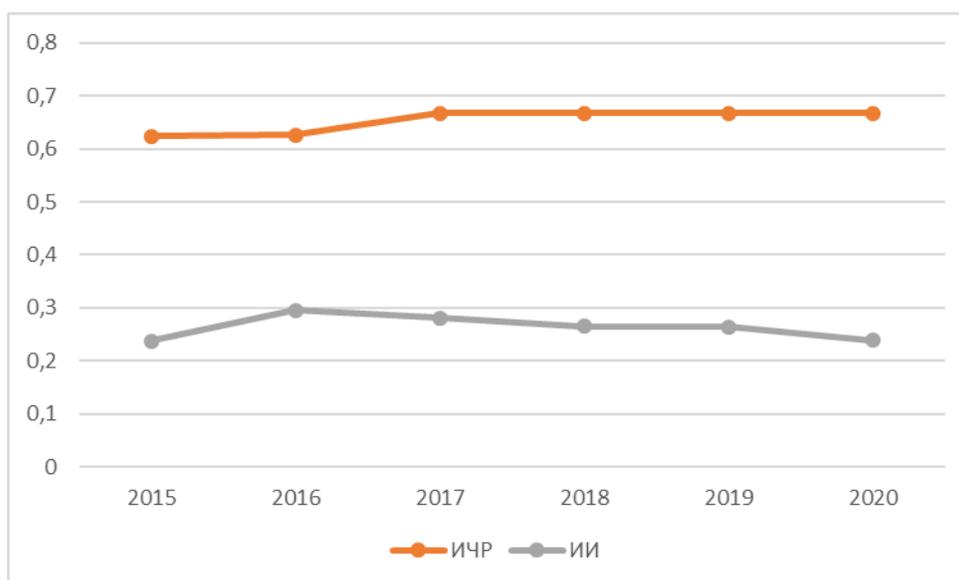

Рис. 4. Зависимость между ИЧР и индексом инновации в Согдийской области в 2015-2020 гг.

Как видно из рисунка 4, зависимость между ИЧР и индексом инновации очень тесная: когда в стране ИЧР с 2017 по 2020 год не менялся, индекс инновации пошел к спаду.

Низкий уровень инновационного развития РТ является причиной отсутствия таджикских компаний в мировом рейтинге. Данный факт может быть связан с тем, что для большинства отечественных компаний проблематично балансировать между одновременным инвестированием в инновационный проект и инвестированием в формирование и развитие человеческого капитала предприятия. Они опасаются рисков, которые могут возникнуть в данном процессе. К таким рискам можно отнести: инертность персонала, выбытие «проинвестированного» персонала и плохая обучаемость собственного персонала.

Промышленная отрасль является важной частью хозяйственного комплекса страны и региона, так как она обеспечивает все отрасли экономики орудиями труда, средствами производства и новыми материалами для производственной деятельности, в связи с чем является активным фактором научно-технического прогресса в целом. На сегодняшний день в структуру нашей промышленности входят 3 комплексные отрасли (обрабатывающая промышленность – 63,6%, добывающая промышленность – 28,5% и производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 7,9%). Важность промышленного комплекса для региональной экономики демонстрируют такие показатели, как удельный вес промышленного производства в валовом региональном продукте, который составляет 15,2%, и удельный вес занятых в промышленном производстве в общей численности занятых – 33,3%.

Несмотря на то, что промышленный комплекс играет важную роль в развитии экономики страны, перед ним стоит множество проблем, связанных с недо-

статочной конкурентоспособностью выпускаемой продукции на внешнем и внутреннем рынках, являющейся следствием ее невысокого качества, высокой себестоимости и небольшого ассортимента. Решение данных проблем заключается в развитии инновационной деятельности составляющих его отраслей.

В добавление к вышеуказанному есть другой вариант, который можно использовать как показатель инновационного развития региона на основе открытия новых предприятий и выпуска новых видов продукции. Статистические данные об открытии новых предприятий дали возможность прийти к заключению, что во всех городах и районах Согдийской области намечается положительная тенденция к увеличению числа новых предприятий, разновидностей товаров, услуг и росту обеспеченности рабочими местами¹. Первое место по обеспеченности рабочими местами (192 места) и по количеству новых предприятий (17), занимает г.Худжанд, второе – г.Пенджикент (4 новых предприятия и 123 рабочих места), третье – г.Канибадам (11 новых предприятий, 90 рабочих мест) и четвертое – Айнинский район (8 новых предприятий, 1839 рабочих мест). Из всех названных территориальных делений региона по обеспеченности рабочими местами превалирует Айнинский район, (1839 рабочих мест). На рис. 5 показано количество новых предприятий и новых рабочих мест по городам и районам Согдийской области.

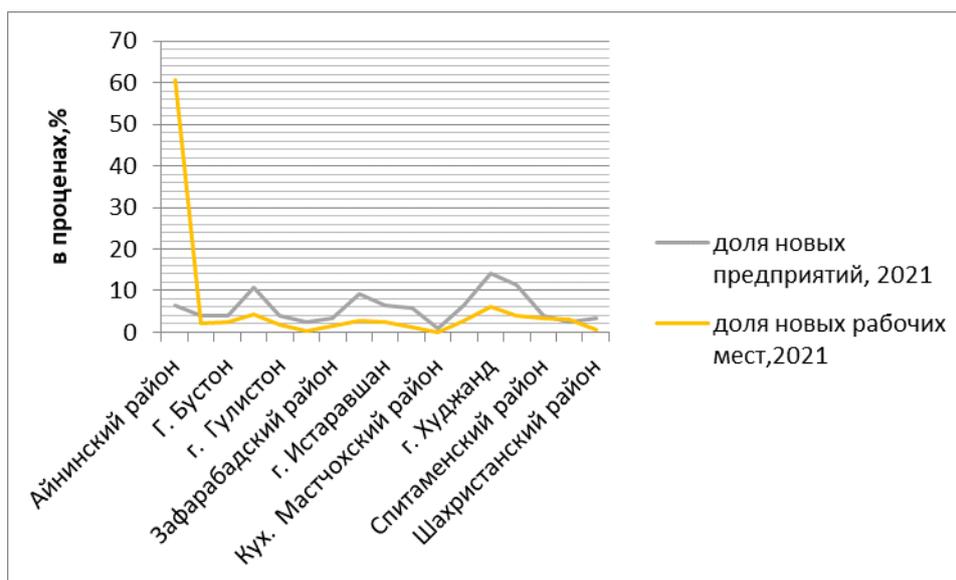

Рис. 5. Количество новых предприятий и новых рабочих мест в регионе Согдийской области

¹ Доклад «О социально-экономическом положении Согдийской области Республики Таджикистан за январь-декабрь 2020-2021 годов». 2022. №1. С.166. 08 янв.

Как видно из рис.5, в 2021 году на г.Худжанд приходится 14%, г.Пенджикент – 11,6%, г.Канибадам – 9,1% и Айнинский район – 6,6% от общего количества новых предприятий в регионе. А по обеспеченности новыми рабочими местами лидирует Айнинский район – 60,7%, г.Худжанд – 6,33%, г.Пенджикент – 4,06%, г.Канибадам – 2,97%.

Увеличение или снижение числа новых предприятий в 2021 году по сравнению с предыдущим годом отражено в нижеследующей таблице.

Таблица 2

Сравнение количества новых предприятий в районах Согдийской области

№	Город, район	2020г.			2021г.	Темп роста, %	
		Количество новых предприятий	Количество новых рабочих мест	Количество новых предприятий	Количество новых рабочих мест	Количество новых предприятий	Количество новых рабочих мест
	Всего по области:	102	1455	121	3029	118,6	208,2
1	Айнинский район	4	30	8	1839	2 раза	6 раза
2	Аштский район	2	18	5	66	2,5 раза	3, 6 раза
3	г.Бустон	5	238	5	76	100	31,9
4	Б.Гафуровский район	12	104	13	131	108,3	125,9
5	г.Гулистон	5	129	5	54	100	41,9
6	Деваштичский район	3	9	3	10	3 раза	111,1
7	Зафарабадский район	0	0	4	45	0	0
8	г.Канибадам	4	28	11	90	2,7 раза	3,2 раза
9	г.Истаравшан	12	91	8	71	66,7	78,0
10	г.Исфара	7	134	7	33	100	24,6
11	Кух. Мастчохский район	3	18	1	2	33,3	11,1
12	Матчинский район	1	6	8	84	8 раза	133,3
13	г.Худжанд	16	215	17	192	106,2	89,3
14	г.Пенджикент	14	69	14	123	100	178,3
15	Спитаменский район	5	111	5	99	100	89,2
16	Дж. Расуловский район	2	203	3	96	1,5 раза	47,2
17	Шахристанский район	2	8	4	18	200	225

Источник: Доклад «О социально-экономическом положении Согдийской области Республики Таджикистан за январь-декабрь 2020-2021г.».

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, что по районам Айни, Ашт, Деваштич, Канибадам, Матча, Дж.Расулов, Шахристан открытие новых предприятий и обеспечение новыми рабочими местами имело тенденцию к росту от 1,5 до 6 раз, что хорошо сказывается на инновационном потенциале региона. Однако в таких районах, как Истаравшан и Кухистанская Матча, тенденция идет к снижению, что непосредственно можно видеть на следующем рисунке.

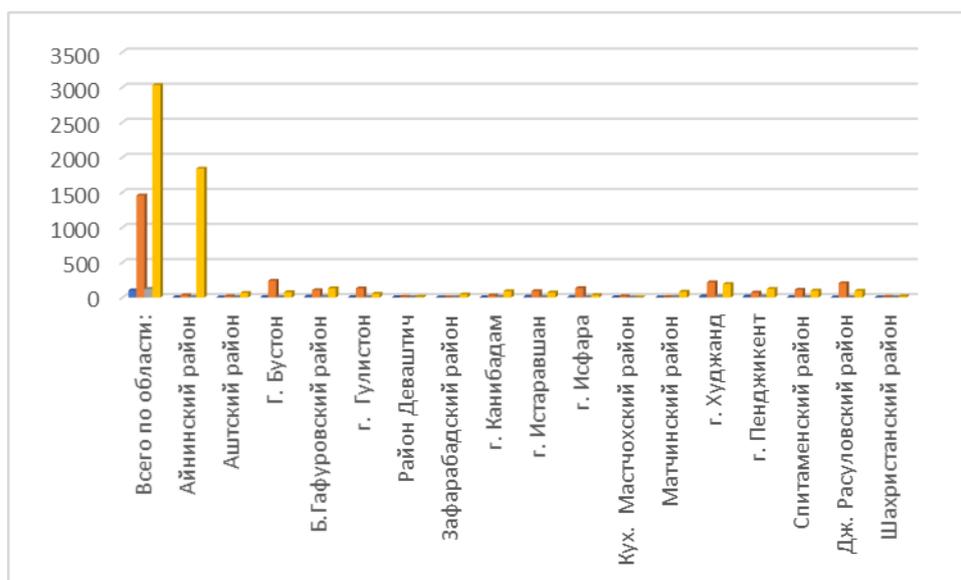

Рис. 6. Количество новых предприятий и рабочих мест по региону

Для того, чтобы определить уровень отраслевой специализации, обратимся к таблице 3.

Таблица 3

Инновационная отраслевая специализация малых городов и районов региона

№	Город, район	Отрасль специализации
1.	Айнинский район	легкая промышленность, добыча полезных ископаемых, пищевая промышленность
2.	Аштский район	пищевая промышленность, сельское хозяйство, легкая промышленность
3	г.Бустон	строительство, легкая промышленность, сельское хозяйство
4	Б.Гафуровский район	легкая промышленность, строительство, пищевая промышленность
5	г.Гулистон	легкая промышленность, пищевая и химическая промышленность
6	Район Деваштич	Строительство
7	Зафарабадский район	пищевая промышленность, сельское хозяйство, строительство
8	г.Канибадам	легкая и пищевая промышленность
9	г.Истаравшан	легкая и пищевая промышленность, химическая промышленность

10	г.Исфара	сельское хозяйство, промышленность
11	Кух. Мастчохский район	лесная промышленность
12	Матчинский район	пищевая и легкая промышленность, строительство и сельское хозяйство
13	г. Худжанд	легкая и пищевая промышленность
14	г. Пенджикент	легкая и пищевая промышленность, строительство
15	Спитаменский район	легкая и пищевая промышленность
16	Дж. Расуловский район	строительство, промышленность
17	Шахристанский район	строительство, сельское хозяйство

Источник: Доклад «О социально-экономическом положении Согдийской области Республики Таджикистан за январь-декабрь 2020-2021 гг.». №1. С.165 от 08.01.2022г.

Согласно данным таблицы 3, в регионе, в основном, открыты новые предприятия в таких отраслях, как легкая и пищевая промышленность, строительство и сельское хозяйство.

Для более детального анализа был составлен вопросник для предприятий, целью которого являлось выявление объема произведенных на предприятии продуктов за последние годы и их реализации.

Порядка 66,7% ответили, что у них нет средств для разработки новых продуктов и что они не выделяют деньги на инновации. Например, такие предприятия, как СП «Джавони», «Ариана Пласт», «Фаровон», «Оби Зулол», выпустили новую продукцию, перечень которой приведен в таблице 4.

Таблица 4

Новая продукция на отечественных предприятий за отчетный год

№	Наименование предприятия	Продукция
1.	СП «Джавони»	Пряжа спандекс
2.	ООО «Ариана Пласт»	Детские игрушки, машины, велосипеды
3.	ООО «Фаровон»	Сода, колбасные изделия, хозмыло
4.	ЗАО «Оби Зулол»	Напиток с содержанием сока вишни, сок виноградный в упаковке Тетра Пак

Источник: на основе опроса предприятий

Из полученных данных можно сделать заключение, что у многих предприятий нет свободных средств для реализации инновационных идей, они выпускают те продукты, которые ранее изготавливались за рубежом.

Кроме того, для оценки инновационного развития региона воспользуемся данными Патентного центра по количеству полученных патентов за новаторство и свидетельств на товарные знаки (см. рис. 7)¹.

¹ <https://kdpt.tj> (дата обращения: 15.08.2022)

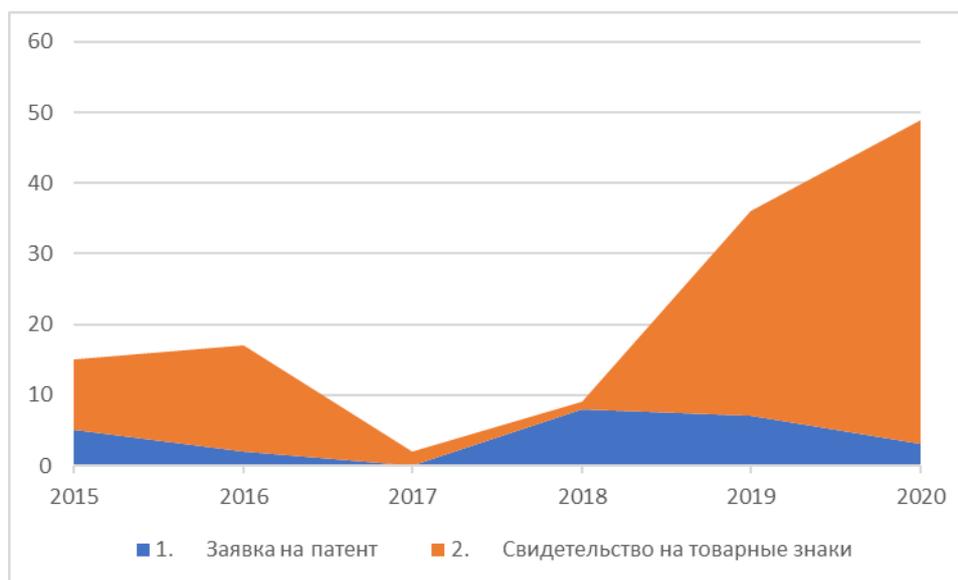

Рис.7. Количество патентов и свидетельств на товарные знаки в регионе

Как видно из рисунка 7, количество заявок на патент со стороны изготовителя подвержено колебаниям. Например, в 2015 г. заявок было на 5 единиц, в 2016 г. их число сократилось и составило 2 единицы (число заявок достигло т.е. 6 единиц). В анализируемом году наблюдается тенденция к росту, и по сравнению с базисным годом их число увеличилось на 20%. Количество свидетельств на товарные знаки в 2021 году составило 37 единиц, что по сравнению с базисным годом больше на 3,7 раз.

Таким образом, хотя Согдийская область обладает низким индексом инновационного развития, наблюдается прогрессивный темп роста данного индекса в анализируемом периоде. Рост индекса инновационного развития в 2020 году по отношению к 2010 году составляет 27%, что свидетельствует о процессе становления и формирования национальной инновационной системы и доказывает правильность направления предпринимаемых мер к достижению параметров инновационной экономики.

Литература

1. Друкер П. Бизнес и инновации / Ф.Питер, П.Друкер – М.: Изд-во «Вильямс», 2007. – 432с.
2. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – 543с.
3. Ларионова Е.И. Состояние и динамика основных показателей сферы исследований и разработок / Е.И.Ларионова, М.А.Мотова, Т.И.Чинаева // Вопросы статистики. – 2009. – №4. – С.44-58.
4. Муминова Ш.Н. Оценка уровня инновационного развития региона // Вестник ПИТТУ имени академика М.С.Осими. – 2018. – №2(142). –С.99-108.
5. Худякова Е.Г. Модель оценки человеческого капитала инновационно-активного предприятия и эффективности его использования // Креативная экономика. – 2018. – Т.12. – №8. – С. 1097-1104.
6. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 401с.

INNOVATIVE ACTIVITY AS AN IMPORTANT FEATURE OF THE EFFICIENCY OF THE USE OF HUMAN CAPITAL IN THE REGIONAL ECONOMY

Nazarov Abdushukur Abdurahimovich

Doctor of Economics,
professor of the chair of engineering economics and management
Polytechnic institute
Tajik technical university of M. Osimi
734042, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, I. Somoni ave., 226
Ph.: (+992) 92 707 49 71 (m.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Nabieva Husnijon Naimovna

Senior lecturer of the chair of engineering economics and management
Polytechnic institute
Tajik technical university of M. Osimi
734042, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, I. Somoni ave., 226
Ph.: (+992) 92 755 61 66 (m.)
nabievax@mail.ru

In the article, the relevance of the problem of formation and development of human capital in the regional economy substantiated. Its characteristic by region and territorial subdivisions is given. It is shown that a person, his knowledge, skills and experience are the basic factor in the development of the sixth technological order. The factors of human capital formation on the basis of public spending on science and education are shown, a system of innovative development is proposed by determining the index of its change in enterprises. Such an important productive feature of the use of human capital as innovation activity is considered. Innovative activity is revealed through such factor elements as the number of new enterprises, especially for the production of import-substituting goods, sectorial speciali-

zation of the territorial divisions of the region for the introduction of new enterprises, as well as the diversity of the range of new products in the production of a particular product. The patent system for the production of new products is revealed.

Keywords: human capital; innovative activity; regional economy; the level of education; human development index; innovation index; patent indicator of the production of new products.

**ФАЪОЛИЯТИ ИННОВАТСИОНӢ ҲАМЧУН ХУСУСИЯТИ МУҲИММИ
САМАРАНОКИИ ИСТИФОДАБАРИИ САРМОЯИ ИНСОНӢ ДАР
ИҚТИСОДИЁТИ МИНТАҚАА**

Назаров Абдушукур Абдурахимович

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи иқтисодиёти муҳандисӣ ва менеҷменти
Донишкадаи политехникии Донишгоҳи
Техникии Тоҷикистон ба номи М.Осимӣ
734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, ш. Хучанд, х. И.Сомонӣ, 226
Тел.: (+992) 92 707 49 71 (м.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Набиева Хусниҷон Наимовна

муаллими калони кафедраи иқтисодиёти муҳандисӣ ва менеҷменти
Донишкадаи политехникии Донишгоҳи
Техникии Тоҷикистон ба номи М.Осимӣ
734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, ш. Хучанд, х. И.Сомони, 226
Тел.: (+992) 92 755 61 66 (м.)
nabievax@mail.ru

Дар мақола мубрамнокии мушкилоти ташаккулёбӣ ва рушди сармоияи инсонӣ дар иқтисодиёти минтақа асоснок карда шудааст. Тавсифи он дар минтақа ва воҳидҳои худудӣ дода шудааст. Нишон дода шудааст, ки инсон, дониш, малака ва таҷрибаи ӯ омилҳои рушди сохтори шашуми технологӣ мебошанд. Омилҳои ташаккулёбии сармоияи инсонӣ дар асоси хароҷоти давлатӣ барои илм ва таҳсилот ташаккул меёбанд, аз ин рӯ низоми рушди инноватсионӣ бо роҳи муайян кардани индекси таъйироти он дар корхонаҳо пешниҳод карда шудааст. Чунин хусусияти сермаҳсули истифодабарии сармоияи инсонӣ, ба монанди фаъолияти инноватсионӣ баррасӣ шудааст. Фаъолияти инноватсионӣ тавассути чунин унсурҳои омилҳои он, ба мисли миқдори корхонаҳои нав, хусусан оид ба истеҳсоли молҳои ивазкунандаи воридот, хусусигардонии соҳавии воҳидҳои худудии минтақа оид ба корфармоии корхонаҳои нав, аз ҷумла гуногунрангии молҳои нави номенклатурӣ зимни истеҳсоли ин ё он нави маҳсулот мавриди таҳлил қарор дода шудааст. Моҳияти низоми патентии истеҳсоли молҳои нав кушода дода шудааст.

Вожаҳои калидӣ: сармоияи инсонӣ; фаъолияти инноватсионӣ; минтақаи иқтисодӣ; дараҷаи таҳсилот; индекси рушди инсонӣ; индекси инноватсия; нишондиҳандаи патентии истеҳсоли молҳои нав.

УДК 331.45

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ РАЗРАБОТКИ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА С УЧЕТОМ МЕСТНОЙ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Махмадали Бахтиёр Наби

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Горно-металлургический институт Таджикистана
735005, Республика Таджикистан, Согдийская область,
Бустон, ул. А.Баротова, 6
Тел.: (+992) 8345 15 06 34
gmit_tajikistan@mail.ru

Основой эффективного управления эколого-экономическим развитием региона является эффективная система стратегического планирования, поскольку эта функция первична среди других и содержит в своей основе целеполагание как основной процесс, определяющий общий вектор движения региональной системы хозяйствования. В статье отмечается, что стратегическое планирование эколого-экономического развития, с одной стороны, является инструментом управления, и с другой – содержит в своей основе совокупность концепций и стратегий по достижению стратегических приоритетов региона. Оно осуществляется обычно как система мер эколого-экономической политики устойчивого развития, реализуемой в регионе.

Ранее система стратегического планирования в большей степени касалась деятельности предприятия, однако с осознанием его значимости и роли в управленческом процессе и в самом процессе пространственно-территориального развития она начала охватывать все больше объектов и распространилась на системы более высокого уровня.

Процесс стратегического планирования в системе управления эколого-экономическим развитием региона должен быть системным, не дискретно и формально, а закономерно и постоянно, учитывая специфику и особенности объекта планирования. Важно отметить, что круг поставленных задач и степень детализации должна быть решена индивидуально в зависимости от характера и масштаба проблемы и особенностей территории.

Ключевые слова: экономика; экология; инвестиция; инвестиционная деятельность; регион; управление; политика; стратегическое планирование; эколого-экономическое развитие.

Управление процессом разработки и реализация экологически ориентированных инвестиционных проектов предполагает использование процессно-ориентированного подхода, который основывается на выявлении инвестиционных ресурсов, оценке их использования, учете влияния экологических факторов на окружающую среду и оценке последствий этого влияния.

Процесс экологически ориентированного инвестирования требует государственного вмешательства и четкого регулирования разработки, реализации и сопровождения инвестиционных проектов, где особую роль играет поддержка таких проектов. Государственное регулирование процессов подготовки и реализации экологически ориентированных инвестиционных проектов предполагает создание сознательно организуемой совокупности условий, приоритетов и ограничений.

В научной литературе государственное регулирование рассматривается в двух плоскостях: как исполнение функций государства, т.е. установление «правил игры» для всех хозяйствующих субъектов, и как функция управления, т.е. вид деятельности, посредством которой создаются и реализуются управляющие действия. Прямое и косвенное государственное регулирование инвестиционной деятельности обеспечивает баланс интересов субъектов экономической деятельности, создание и поддержание инфраструктуры, формирование инвестиционного и инновационного климата.

С позиции регулирования инвестиционной деятельности органы власти устанавливают «правила игры». Формальные правила, определенные различными законодательными и нормативными актами, делятся на два уровня (республиканские, областные).

В настоящее время в управлении природопользованием преобладают абсолютно административные инструменты. Для достижения баланса между целями сохранения природной среды и обеспечения стабильного социально-экономического развития региона необходима переориентация экономики на технологии и виды деятельности, соответствующие современным экологическим требованиям. Требуется внедрение механизмов с использованием экономических инструментов и стимулов на различных уровнях, включающих различные меры по стимулированию социально-экономического развития на экологически устойчивой основе.

Стоит заметить, что государственное регулирование должно предусматривать как положительные стимулы, то есть направленные на поощрение осуществления экологических инвестиций, так и стимулы негативной мотивации, целью которых должно стать сокращение и закрытие предприятий, демонстрирующих пассивность в сфере «зеленого» инвестирования и одновременно осуществляют негативное влияние на окружающую среду.

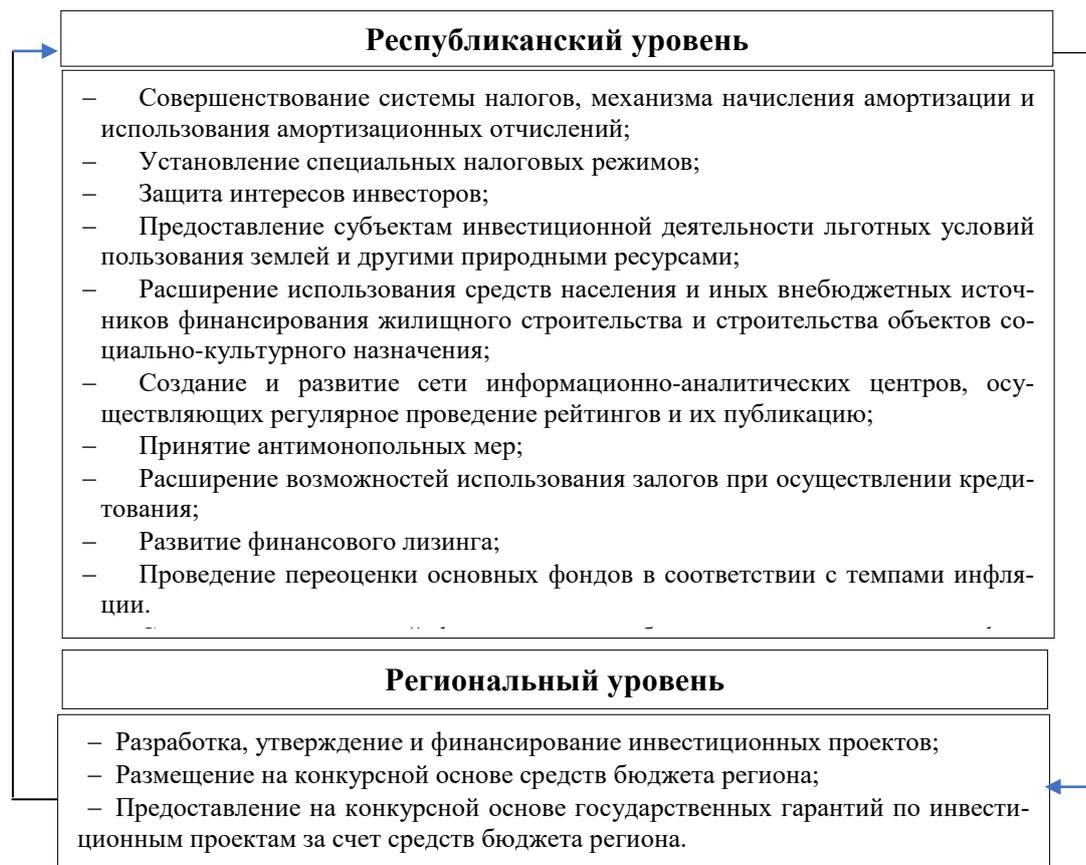

Рис. 1. Формы и методы регулирования инвестиционной деятельности

Сегодня в Республике Таджикистан созданы организационные, финансовые, правовые механизмы поддержки инвесторов различного уровня.

На уровне государства можно выделить следующие блоки механизмов инвестиционной политики государства:

- целевые программы, национальные проекты, инвестиционные программы;
- бюджетное регулирование;
- установление особых правовых режимов регламентации хозяйственной деятельности, осуществляемой на определенных территориях;
- создание территорий опережающего развития, моногородов, промышленных парков.

На региональном уровне можно выделить следующие полномочия органов власти в области поддержки экологически ориентированной инвестиционной деятельности:

- региональная налоговая политика, включающая регулирование процентной ставки налогов, поступающих в бюджет региона, создание особых

экономических зон, имеющих льготные условия для экологически ориентированных инвесторов, установление региональных налогов для «грязных» производств);

- создание страховых и залоговых фондов для экологически ориентированных инвесторов;
- предоставление кредитов и субсидий инвесторам.

Современные реалии таковы, что условия и принципы оказания государственной поддержки экологически ориентированной деятельности должны измениться. Главным является не финансирование инвестиционных проектов государством, а смена условий ведения бизнеса, под которой понимается следующее:

- при отборе проектов для государственной поддержки приветствуется использование проектного подхода;
- финансирование из государственного бюджета должно быть направлено преимущественно на обеспечение базовой инфраструктурой;
- реструктуризация и расширение конкурсных механизмов отбора, для чего необходима разработка измеримых критериев выявления победителей;
- приоритетными инвестиционными проектами должны быть проекты с высоким мультипликативным эффектом для экономики;
- приоритет должен отдаваться проектам государственно-частного партнерства, а также другим долгосрочным инструментам.

Кроме прямого участия государства и инвестиционной политике, важным направлением стимулирования экологически ориентированного поведения инвестора могут стать: компенсация лизинговых платежей, отсрочки налоговых платежей, развитие особых экономических зон, создание государственных фондов.

Первоочередным в формировании организационно-экономического механизма является установление цели, которая в настоящем исследовании сформулирована следующим образом: целью управления экологически ориентированными инвестиционными проектами является формирование и реализация экологически ориентированной модели экономики.

Организационно-экономический механизм управления экологически ориентированными инвестиционными проектами должен соответствовать следующим требованиям: 1) отдельные составляющие организационно-экономического механизма не должны противоречить друг другу и иметь разнонаправленный характер; 2) все меры, создающие предпосылки и стимулы к внедрению экологически ориентированных инвестиционных проектов, должны быть адекватны целям и задачам устойчивого развития государства; 3) ориентация механизма на эколого-экономический результат; 4) согласование механизма с объективно существующей противоречивостью интересов государственных и негосударственных структур; 5) стимулирование достижения максимально возможного результата с привлечением минимального размера инвестиционных ресурсов; 6) использование экономических методов

управления, обеспечивающих экономическую самостоятельность субъектов управления по определению целей, путей и средств достижения целей, а также экономическую и юридическую ответственность за результаты своей деятельности; 7) применение организационных и экономических регуляторов взаимоотношений между всеми участниками экологически ориентированного инвестиционного процесса на всех уровнях управления.

Функциями организационно-экономического механизма управления экологически ориентированными инвестиционными проектами являются планирование, организация, мотивация, регулирование и контроль, информационное и аналитическое обеспечение, при осуществлении которых применяется широкий спектр правовых, административных, организационных, экономических, финансовых (стимулы и санкции) и др. методов.

Организационно-экономический механизм должен объединять в себе как элементы государственного регулирования, так и рыночной саморегуляции. Для эффективного функционирования организационно-экономического механизма управления необходимо законодательно-нормативное обеспечение. При этом требуется гармонизация отечественного законодательства с международным и соблюдения выполнения международных конвенций и соглашений в сфере охраны окружающей природной среды. Также большое значение имеет информационное обеспечение участников экологически ориентированного инвестиционного процесса. Участники должны быть обеспечены экологической и инвестиционной информацией, должны быть созданы банки экологических данных, в первую очередь, с использованием современных информационных технологий.

Система приоритетных направлений финансовой поддержки экологической и природно-антропогенной безопасности не является устойчивой и может изменяться в зависимости от конкретного этапа происходящих трансформационных процессов. Общие подходы к определению приоритетов финансового обеспечения представляют концептуальную схему согласования требований директив, экологических проблем и программ региона, а также доступных и прогнозируемых финансовых потоков.

В этом контексте финансирование экологической и природно-антропогенной безопасности региона должно согласовываться с принципами региональной политики: гармонизации, децентрализации, концентрации, ориентированности на программы, софинансирования из нескольких источников, базироваться на правовых механизмах, но одновременно оставаться гибким. Таким образом, реализация экологической политики в системе обеспечения устойчивого развития региона нуждается в комплексном (межотраслевом) подходе к решению проблем экологической и природно-техногенной безопасности в пространственно-территориальном измерении, что предполагает определение и достижение ее приоритетных направлений в исследуемой сфере. Такой подход теоретически (в идеальном варианте) должен обеспечивать соответствие между стратегическими приоритетами национальной экологической политики,

реализуемыми посредством целевых экологических программ и их соответствующей финансовой поддержки.

Механизмы финансового содействия охране окружающей среды приобретают первостепенное значение в системе природопользования и устойчивого развития. Наиболее популярными среди механизмов признаны организационно-экономические в целом, в частности – плата за природный ресурс. Так, внедрение платы за загрязнение атмосферы приводит к существенному уменьшению природоохранных расходов, поскольку предприятия с низкой стоимостью ликвидации загрязнений стремятся к максимальному их сокращению, а при высокой стоимости природоохранных мер загрязнения хотя и поступают в природную среду, и высокие штрафы за это позволяют государственным органам концентрировать значительные ресурсы для природоохранных целей. С позиции внедрения модернизационных мероприятий эта группа механизмов имеет преимущества, поскольку загрязнитель имеет широкий спектр выбора решений – загрязнять и платить, остановить свое производство, инвестировать в очистное оборудование, внести изменения в производственную технологию, номенклатуру производства, изменить место производства и т.д.

Широко применяется также система налогов и штрафных санкций. Зарубежный опыт предполагает установление налога отдельно за промышленное и коммунально-бытовое использование компонентов биосферы. Система налогообложения всех загрязняющих производств принята в странах ЕС, где расходы на очистные сооружения иногда составляют 50% производственных затрат. Предоставление предприятиям свободы выбора альтернативных решений по плате за загрязнение среды, по мнению американских исследователей, создает определенные предпосылки не только для уменьшения стоимости борьбы с загрязнением, но и уменьшает производственные затраты в целом.

Экономическое стимулирование природоохранной деятельности не ограничивается только принудительными методами: важную роль играет политика предоставления льгот и экономической помощи предприятиям, которые осуществляют борьбу с загрязнением. Развивается рыночный механизм природоохранной деятельности, предусматривающий применение экологических субсидий, займов, налогов, сборов, штрафов, кредитов и квот, связанных с выбросами вредных веществ в атмосферу. Они позволяют распределять финансовые ресурсы и аккумулировать их на государственных счетах или в специальных фондах. Это практикуется в США, где частный промышленный капитал получает разнообразную помощь в области охраны окружающей среды. Особое место в этой помощи занимают государственные субсидии. Наряду с прямым субсидированием промышленности в США широко используется косвенное субсидирование: субсидии, предоставляемые муниципалитетом, используются для строительства очистных сооружений и переработки промышленных отходов. Получение субсидий в определенной степени поощряет дальнейшее инвестирование, ведет к увеличению текущих расходов американских корпораций на охрану окружающей среды.

Экологические субсидии имеют форму инновационных субсидий, покрывающих часть расходов на разработку новых технологий, и ссуд на оборудование природоохранного назначения, на восстановление качества среды или субсидий для покрытия ссуд. Такая политика частично присутствует и в Европе, где, кроме того, существует инвестиционная премия за капитальные вложения, направленные на охрану природы. В Нидерландах за счет государственного финансирования проводятся эффективные меры по уменьшению загрязнения и разработке чистых технологий. Дополнительная скидка на 10-15% по сравнению с обычной налоговой скидкой на инвестиционные расходы применяется для конкретных инвестиций для уменьшения загрязнения окружающей среды. Во многих странах государство субсидирует разработку оборудования, технологий, альтернативных источников энергоснабжения, энергосберегающих мероприятий (Дания, Норвегия, Швеция, Нидерланды, Канада).

Благодаря субсидиям, органы, занимающиеся финансированием, имеют возможность осуществлять функции, подобные лицензированию. С этой целью в большинстве стран, использующих субсидии, действует порядок, согласно которому невыполнение установленных требований влечет за собой прекращение финансовой помощи. К эффективному мировому экономическому механизму модернизации природоохранной деятельности относится и сфера кредитования. В частности, некоторые экономисты считают, что Федеральная резервная система США, объединяющая банковский капитал, должна устанавливать большие проценты на займы, используемые для «загрязнительных» проектов, и предоставлять определенные льготы отраслям и производствам, разрабатывающим экологически безопасную технологию или устанавливающих очистное оборудование на предприятиях.

Источником финансовых средств, направляемых на охрану окружающей среды, могут быть отдельные налоги, сборы и штрафы за несоблюдение норм выбросов загрязняющих веществ. В некоторых случаях ставки штрафов и сборов исчисляются в зависимости от уровня фактического загрязнения. Такой опыт накоплен в Нидерландах, отчасти в Германии, Франции, Польше. В большинстве стран эти денежные средства аккумулируются в специальных фондах экологического назначения и используются только для финансирования природоохранных исследований и разработок, возмещения убытков, подготовки и реализации экологических программ. Важное значение для реализации намеченных природоохранных мер имеют финансово-инвестиционные и бюджетные механизмы управления. Общенациональные экологические расходы США и Франции составляют примерно 3% валового национального продукта, причем 70-90% расходов США и 75% во Франции приходится на частный сектор. Одним из условий совершенного управления природопользованием и охраной окружающей среды в зарубежных странах является умелое сочетание экономических механизмов с плановыми, административными и правовыми.

Стратегия развития региона должна содержать систему взаимосвязанных решений и целевых установок, определяющих общий вектор движения региона в

направлении реализации его миссии, достижение целей, определяющих как конечное, так и текущее состояние в реализации стратегии. Определение путей развития региона и направлений действий с целью их реализации происходит на основе стратегического планирования, предусматривающего обоснование целей, построение их иерархической структуры, оценку внешних условий реализации внутреннего потенциала, а также основные направления действий. Стратегическое планирование должно быть систематическим процессом, с помощью которого создается целостное концептуальное представление ("образ, контур") будущего, промежуточные этапы его достижения на основе баланса ресурсных возможностей и экономических приоритетов. Это, в свою очередь, предполагает: согласование групповых интересов территориального общества; оценку реальных ресурсов, условий, ограничений и т.п.; обоснование реальных целей и задач; формирование программы и плана действий региональных органов управления, местного самоуправления и территориальных общин.

Стратегия развития региона должна разрабатываться и реализовываться совместными усилиями органов регионального управления, местного самоуправления, представителей бизнеса, государственных предприятий, общественных организаций и территориальных общин. Стратегическое планирование должно быть основано на региональном потенциале и выявлении основных факторов, влияющих на его размер, возможности использования и наращивания с учетом интересов и при участии населения.

Государственная политика в инвестиционной сфере должна создавать предпосылки для стимулирования инвестиционной деятельности в областях: стабильное законодательно-нормативное обеспечение, снижение уровня коррумпированности, реформирование отношений собственности в сельском хозяйстве, оптимизация налогового законодательства и т.д. Она должна предусматривать следующие меры:

- оптимизация кадрового обеспечения области;
- финансово-кредитное регулирование и профессионально-консультативная помощь области;
- стимулирование развития научно-исследовательской деятельности.

Разработанный автором инвестиционная политика развития региона с учетом эколого-экономической ситуации представлен на рисунке 6.

По нашему мнению, региональная политика по стимулированию иностранных инвестиций должно формироваться по следующим направлениям:

- увеличение объемов иностранных инвестиций за счет проведения интенсивного маркетинга;
- повышение инвестиционной привлекательности региона путем облегчение доступа инвесторов к объектам инвестирования;
- развитие инфраструктуры и повышение уровня эффективности использования социально-экономических факторов и природных ресурсов;
- стимулирование притока инвестиций в высокотехнологичное производство;
- содействие укреплению научно-технического потенциала региона.

Действенными способами привлечения инвестиций в регион является налаживание процесса сотрудничества местных органов власти с потенциальными инвесторами, активизация рекламно-информационной деятельности и создание надлежащего инфраструктурного обеспечения.

Полноценному использованию инвестиционной привлекательности региона и привлечению новых инвестиций будет способствовать разработка стратегии продвижения региональных ресурсов, продуктов и услуг на внутреннем и внешних рынках. Реализация такой стратегии предполагает формирование системы информационного обеспечения инвестиционной деятельности в регионе и реализации комплекса соответствующих мер:

- обеспечение потенциальных инвесторов необходимой информацией в стадии планирования инвестиционных проектов путем создания и дальнейшего использования инвестиционной карты региона;
- привлечение к составлению бизнес-планов инвестиционных проектов высококвалифицированных специалистов;
- закрепление договорных обязательств региональных управлений
- статистики по предоставлению необходимой для мониторинга инвестиционных проектов информации;
- активизация использования информационно-компьютерных технологий, формирование корпоративных сетей и использование сети Internet для предоставления достоверной и оперативной информации о потенциальных возможностях инвестирования в регион.

Несмотря на нерешенность многих вопросов, на государственном уровне определены основные приоритеты стратегического планирования развития регионов, в том числе: переориентация экономики регионов на инновационную модель развития; развитие человеческого потенциала; повышение инвестиционной привлекательности регионов и активизация инновационной активности в них; развитие производственной и социальной инфраструктуры; стимулирование роста эффективности использования природно-ресурсного, экономического потенциала региона; повышение конкурентоспособности региона.

Особенности развития регионов и их дифференциация по территориально-географическому признаку, параметрам экономической активности населения, наличию и возможностям использования природно-ресурсного потенциала, экономическим условиям, характеристикам и результатам деятельности субъектов хозяйственной деятельности в регионе органов местного самоуправления обязана быть учтена при определении стратегических ценностей эколого-экономического развития.

Несмотря на особенности и специфику развития регионов, существуют специфические проблемы, существуют и общие подходы и способы их решения, которые можно представить посредством взаимосвязанного цикла (алгоритма) последовательных действий стратегического планирования регионального развития:

- разработка концепции регионального развития;
- формулирование миссии развития региона;
- разработка стратегического видения развития региона;
- обоснование системы оперативных целей регионального развития;
- выявление внутреннего потенциала региона для реализации системы поставленных целей;
- использование имеющихся и использование новых возможностей и преимуществ достижения поставленных целей.

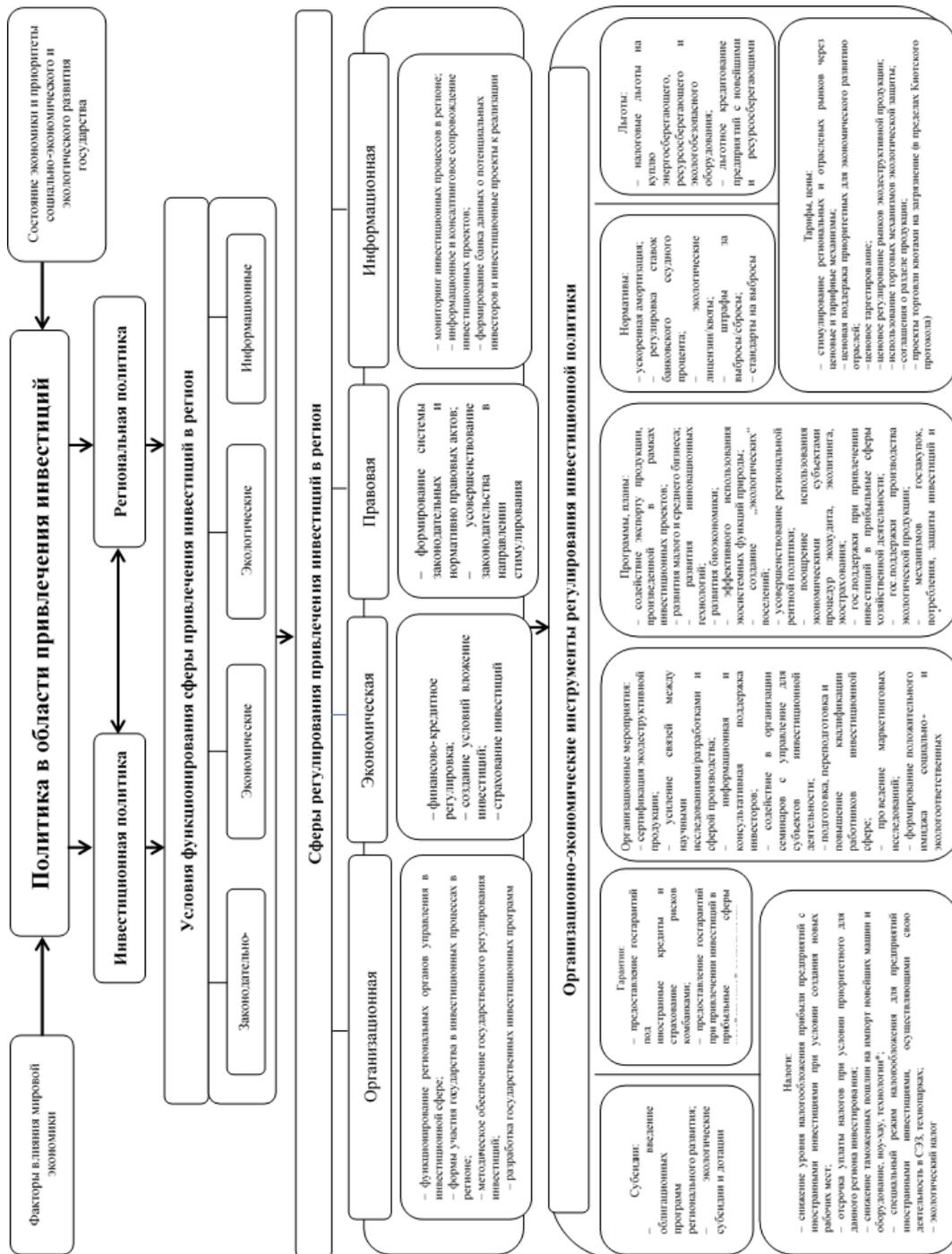

Рис. 2 Инвестиционная политика развития региона с учетом эколого-экономической ситуации

Литература

1. Абалкин Л.И. Современный кризис и перспективы развития советской экономики // Вопросы экономики. – 1991. – №10. – С.3-7.
2. Абдуллаев А.А. Экономико-экологическое развитие и ее влияние на охрану окружающей среды (на примере Республики Таджикистан). – Душанбе, 2006. –266с.
3. Акимова Т.А. Основные критерии экоразвития / Т.А.Акимова, В.В.Батоян, О.В.Моисеенков, В.В.Хаскин. – М.: Российская экономическая академия, 1994. – 56с.
4. Аксенова О.В. Экология. – М.: Знание, 1999. – 254 с.
5. Аналитический отчет по проекту ВАРМАП: эффективность водопользования в орошаемом земледелии в странах Центральной Азии. – Алматы: WUFMAS, 2009. –160с.
6. Аникиев В.В. Экологические ориентиры стратегии экономического развития России. [Электронная версия] // Устойчивое развитие. Наука и Практика. – 2002. – №1. – Режим доступа: http://sky5.uni-duйна.ku/jouknaI/view_puй.php?id=14
7. Айзард В. Потенциальные возможности и проблемы экономико-экологических моделей управлений многорегиональными системами. – М.: Прогресс, 1976. – 365 с.
8. Бабина Ю.В., Варфоломеева Э.А. Экологический менеджмент. – М.: ИД «Социальные отношения», 2002. – 207с.
9. Баренбойм Г.М. Мировой рынок экологических услуг и технологий: анализ состояния рынка, проблемы, перспективы и пути выхода отечественной продукции // Вестник РУДН. –М., 2010. – №3. – С.39-42.
10. Государственная экологическая программа Республики Таджикистан на 2009-2019 гг.: принята Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 февраля 2009 г. №123. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.filial-nic-mkur.tj>
11. Государственная инвестиционная программа на 2016-2020 гг.: принята Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2015г. №772. –С.12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=126062

**MANAGEMENT OF THE PROCESS OF DEVELOPMENT AND
INVESTMENT POLICY OF THE DEVELOPMENT OF THE REGION
SUBJECT TO THE LOCAL ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC
SITUATION**

Mahmadali Bakhtiyor Nabi

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of economics and management
Mining-Metallurgical institute of Tajikistan
735005, Republic of Tajikistan, Sughd region, Buston, st. A. Barotov, 6
Ph.: (+992) 8345 15 06 34
gmit_tajikistan@mail.ru

The basis for effective management of the ecological and economic development of the region is an effective system of strategic planning, since this function is primary among others and contains goal-setting as the main process that determines the general vector of movement of the regional economic system. It is noted that the strategic planning of environmental and economic development, on the one hand, is a management tool, and on the other hand, it contains a set of concepts and strategies to achieve

the strategic priorities of the region. It is usually carried out as a system of measures of the environmental and economic policy of sustainable development implemented in the region.

Previously, the strategic planning system was more concerned with the activities of the enterprise, however, with the realization of its importance and role in the management process and in the very process of spatial and territorial development, it began to cover more and more objects and extended to higher-level systems.

The process of strategic planning in the system of managing the ecological and economic development of the region should be systemic, not discrete and formal, but regular and constant, taking into account the specifics and features of the planning object. It is important to note that the range of tasks and the degree of detail should be solved individually, depending on the nature and scale of the problem and the characteristics of the territory.

Keywords: economics; ecology; investment; investment activities; region; control; politics; strategic planning; ecological and economic development.

ИДОРАКУНИИ РАВАНДИ КОРКАРД ВА СИЁСАТИ САРМОЯГУЗОРӢ ДАР ИНКИШОФИ МИНТАҚА БО ИНОБАТИ ВАЪЪИ МАҲАЛЛИИ ЭКОЛОГӢ-ИҚТИСОДӢ

Маҳмадалӣ Бахтиёр Набӣ

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисод ва идоракунии
Институти кӯҳӣ-металлургии Тоҷикистон
735005, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, ш. Бӯстон, к. А.Баротов, 6
Тел.: (+992) 8345 15 06 34
gmit_tajikistan@mail.ru

Асоси идоракунии самараноки инкишофи экологӣ-иқтисодии минтақаро низоми самараноки банақшагирии стратегӣ мебошад, зеро ин функсия дар байни дигарон аввалиндараҷа буда дар худ мақсадгузорино ҳамаҷун раванди асосии муайянкунандаи самти умумии ҳаракати низоми митақавии хоҷагидорӣ таҷассум мекунад. Дар мақола зикр мегардад, ки банақшагирии стратегӣ инкишофи экологӣ-иқтисодӣ, аз як тараф, асбоби идоракунӣ буда, аз тарафи дигар – дар бунёди худ маҷмуи концепсия ва стратегияҳо оид ба ноилшавии афзалиятҳои стратегӣ минтақа дорад. Чунин банақшагири одатан ҳамаҷун низоми чораҳои сиёсати экологӣ-иқтисодии инкишофи устувор, ки дар минтақа татбиқ мегардад, баромад мекунад.

Қаблан низоми банақшагирии стратегӣ бештар ба фаъолияти корхона дахл дошт, аммо с бо дарки аҳаммият ва нақши он дар раванди идорӣ ва ҳуди раванди инкишофи фазой-худудӣ он торафи объектҳои зиёдтарро дар бар гирифта, ба низомҳои сатҳашон баландтар паҳн шудан гирифт.

Раванди банақшагирии стратегӣ дар низоми идоракунии инкишофи экологӣ-иқтисодии минтақа бояд на дискретӣ шаклӣ, балки бонизом, қонунӣ ва доимӣ бошад ва хусусиятҳои объектҳои банақшагириро ба инобат гирад. Муҳим аст зикр намоем, ки доираи вазифаҳои гузошташуда ва дараҷаи ҷузъигардонӣ бояд ба таври инфиродӣ алоҳида аз хусусият ва андозаи мушкilot ва хусусиятҳои худуд ҳал карда шавад.

Вожаҳои калидӣ: иқтисод; экология; сармоязузорӣ; фаъолияти сармоязузорӣ; минтақа; идоракунӣ; сиёсат; банақшагирии стратегӣ; инкишофи экологӣ-иқтисодӣ.

УДК 64.011.44:631.5

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ
ПРИЕМОВ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ ПШЕНИЦЫ В УСЛОВИЯХ
ТАДЖИКИСТАНА**

Расулзода Бахтиёр Рахмонберди

Кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры агроэкологии и сельскохозяйственной механизации
Дангаринский государственный университет
735320, Республика Таджикистан, Хатлонская область, Дангара,
ул. Маркази, 25
Тел.: (+992) 93 426 03 12 (м.)
b.rasulov@mail.ru

В статье даётся сравнительная оценка экономической эффективности возделывания пшеницы при использовании различных вариантов агротехники на основе полученного урожая и производственных затрат в период с 2006 по 2020 гг. Экспериментальные исследования включают применение различных вариантов агротехники возделывания пшеницы, в том числе разные сроки посева, применение минеральных и биологических удобрений, различных норм высева семян.

Общие затраты на производство пшеницы изменяются в зависимости от применяемых технологий, что составляет в среднем за 2006-2009 гг. – 430-1124 сомони/га, за 2014-2017 гг. – 3946 сомони/га и за 2018-2020 гг. – 2624 сомони/га. Установлено, что уровень рентабельности производства пшеницы за 2014-2017 гг. при проведении яровых и озимых посевов увеличивается до 236,8% у сорта Мохи нав и до 226,9% у сорта Шокири при осеннем посеве в зависимости от урожайности.

Согласно выводу автора, своевременное проведение рекомендуемых приемов агротехники и вложение требуемых средств с целью получения высокого урожая при оптимальных условиях среды приводят к положительному результату о чём свидетельствует сравнительная оценка общих затрат и урожайность зерна пшеницы в разные годы проведения экспериментов. В условиях дефицита минеральных удобрений, а также увеличения их стоимости фермерам рекомендуется использовать альтернативные варианты, в частности совместное применение биологических и минеральных удобрений (50% от общегодовой нормы).

Ключевые слова: экономическая эффективность; урожайность; рентабельность; чистый доход; производственные затраты; себестоимость.

В системе сельского хозяйства, с экономической точки зрения, существуют две противоположные стороны деятельности. Первая, важная и необходимая деятельность, – это возделывание основных продовольственных сельскохозяйственных культур для обеспечения населения продуктами питания, независимо от уровня экономических затрат, куда входит производство пшеницы, ячменя, кукурузы, риса, картофеля и т.д. Вторая – это производство других сельскохо-

зяйственных культур, в том числе овощей, бахчевых, фруктов и т.д., преимущественно для получения экономического дохода.

С этой точки зрения считается, что расчет экономической эффективности возделывания пшеницы имеет значение для сбалансирования рентабельности и обеспечения заинтересованности хозяйств в ней как важной продовольственной культуре. Сами по себе низкие экономические расходы по сравнению с другими культурами, в том числе по трудовым ресурсам, отсутствие междурядной обработки почвы и главная цель – производство зерна обуславливают высокую заинтересованность хозяйств в этом направлении. Но фермеры смогут получить экономическую выгоду от получения оптимального урожая при соблюдении требований агротехники, в том числе использовании высококачественных семян лучших сортов, своевременном применении минеральных удобрений и средств защиты растений и т.д.

Сравнительная оценка эффективности возделывания озимой пшеницы в различных условиях при использовании элементов технологии возделывания позволяет выявить особенность экономической оценки каждого конкретного элемента агротехники на рентабельность и себестоимость урожая. В сельскохозяйственном производстве основными экономическими показателями являются общие затраты, полученная прибыль, чистый доход, себестоимость единицы производимой продукции и др. В свою очередь, эти показатели определяются в зависимости от уровня агротехники возделывания сельскохозяйственных культур, почвенно-климатических условий и других факторов.

В последние годы наблюдается стабильное увеличение удельного веса объема производства продукции сельского и лесного хозяйства по всем категориям хозяйств в объеме валового внутреннего продукта Республики Таджикистан. Согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан этот показатель возрос от 20,8 в 2016 году до 24,1% в 2021 году¹. Объем иностранных инвестиций в 2021 году в выращивание сельскохозяйственных культур составляет 139 352,9 долл. США, что подтверждает увеличение экономических показателей данной приоритетной отрасли.

Исследование и оценка экономической эффективности и урожайности пшеницы всегда связаны с применением различных технологий, в том числе в обработке почвы, применении удобрений и т.д. Так, в опытах Л.Р.Оганян и др. [7, с.30] установлено, что наиболее рентабельным является возделывание озимой пшеницы по предшественнику чистый пар. Внесение минеральных удобрений при этом способствовало снижению себестоимости продукции на 48,5%. Уровень рентабельности в работе авторов зависит также от урожайности сортов.

В.Б.Рыков и др. [8, с.68] так же установили низкую себестоимость производства озимой пшеницы (31-38%) при нулевой технологии, а затраты на средства защиты растений при этой технологии были значительно выше по сравнению с другими вариантами. В опытах А.В.Коваля [2] возделывание пшеницы сорта

¹ Сельское хозяйство Республики Таджикистан. Статистический сборник / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2022. С.15.

Бригада на варианте со вспашкой при внесении средних и высоких доз минеральных удобрений оказалось экономически выгодным, а максимальный чистый доход и высокая рентабельность получена при проведении дискового лущения. Главным принципом высокой эффективности управления сельскохозяйственной экономики на уровне страны и отрасли считается соотношение объема производства, как конечного результата, и прибыли от примененных технологий или ресурсов [5, с.127].

По данным Ф.В.Ерошенко и др., в Северокавказском научном центре улучшение условий минерального питания привело к увеличению качества и, как следствие, к росту прибыли в расчете на 1 га (38,1 тыс. руб.) и уровня рентабельности (170,1%) [1, с.117].

Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства включает в себя комплекс, отображающий влияние различных факторов во времени при различных комбинациях взаимодействия. А.Михалёв считает одним из главных факторов состояние и использование производственных сил, включающих в себя все трудовые ресурсы, средства и предметы труда, применяемые технологии, формы управления и организации производства. Данный фактор, в свою очередь, определяет научно-технический прогресс, результатом которого, по мнению автора, «являются количественные и качественные изменения в условиях производства и его эффективность» [6, с.67].

Эффективность сельскохозяйственного производства во многом зависит от ряда факторов, которые, согласно И.Н.Санникову, можно разделить на три группы: агротехнические и биологические; технические; организационно-экономические. Среди них наиболее важное значение имеет внедрение лучших для каждой зоны сортов растений, соблюдение научно обоснованной системы обработки почвы, борьбы с вредителями и болезнями, использование сельскохозяйственной техники для обработки почвы, уборки урожая и др., государственное регулирование организации труда и материально-технической обеспеченности хозяйств [9, с.75].

Однако нужно подчеркнуть, что в настоящее время, кроме некоторых льготных условий и временного моратория в системе налогообложения, других ощущаемых мер господдержки не наблюдается.

Как известно, наряду с увеличением экономической эффективности сельскохозяйственного производства улучшаются и социальные показатели самих производителей, что по мнению В.И.Лапенкова [4, с.135] создаёт лучшие условия для повышения благосостояния народа. Для этого необходимо также внедрение новых высокоурожайных сортов, увеличение эффективности использования нового оборудования, а также внедрение новых технологических процессов [3].

Целью настоящих исследований являлось установление экономической эффективности возделывания пшеницы при использовании различных вариантов технологии, в том числе применении биологических и минеральных удобрений, норм высева семян и сроков посева.

Расчет экономической эффективности выращивания сортов пшеницы в зависимости от нормы высева семян и нормы использования минеральных удобрений

на экспериментальных участках проводили по стоимости материальных затрат в годы проведения опытов (2006-2020 гг.). Рыночная стоимость 1 ц зерна за этот период значительно возросла: в 2006 году составляла она 150 сомони, а в 2020 году – уже 550 сомони. Рыночная стоимость 1 кг минеральных удобрений в 2006 году составляла 1 сомони, а в 2020 – 5-6 сомони, 1 л ГСМ в 2006 году – 2,3 сомони, а в 2020 году – 8-10 сомони. Расчет рентабельности определяли по формуле $P = \frac{\Pi}{З} * 100$, где Π – прибыль, $З$ – затраты.

Результаты исследований показывают, что в контрольном варианте (без удобрений) при увеличении нормы высева семян от 0,76 до 2,3 ц/га общие затраты на 1 га увеличиваются от 293 до 570 сомони, а себестоимость 1 ц урожая зерна при этом значительно изменяется в зависимости от урожайности (табл. 1).

Таблица 1

Экономическая эффективность возделывания пшеницы при различных нормах высева семян в контрольном варианте (без удобрений) (ср. за 2006-2009 гг.)¹

Сорт	Норма высева семян, ц/га	Урожайность, ц/га	Общие затраты, сомони/га	Себестоимость 1 ц зерна, сомони	Общий доход, сомони/га	Чистый доход, сомони/га	Рентабельность, %
Навруз	0,80	25,43	293	11,5	890	597	204,0
Навруз	1,20	27,34	361	13,2	957	596	164,9
Навруз	1,60	36,54	426	11,7	1279	853	200,2
Навруз	2,00	40,29	498	12,4	1410	912	183,2
Навруз	2,40	36,55	570	15,6	1279	709	124,4
Атои-85	0,80	18,82	293	15,6	659	366	125,0
Атои-85	1,20	19,05	361	19	667	306	84,6
Атои-85	1,60	20,16	426	21,1	706	280	65,6
Атои-85	2,00	25,87	498	19,3	905	407	81,8
Атои-85	2,40	27,93	570	20,4	978	408	71,5

По мере увеличения нормы высева семян наблюдается также возрастание общего экономического дохода, который, в свою очередь, показывает значительное отличие между сортами по уровню их урожайности. При возделывании сорта Навруз чистый экономический доход с 1 га увеличивается по мере увеличения нормы высева семян и урожайности зерна от 0,76 до 1,90 ц/га и составляет, соот-

¹ Составлено автором по результатам экспериментальной работы.

ветственно, от 890,05 до 1410,15 сомони, а при дальнейшем увеличении нормы высева до 2,30 ц/га снижается до 1279,25 сомони/га.

При аналогичных показателях затрат в зависимости от нормы высева семян себестоимость 1 ц урожая зерна у сорта Атои-85 значительно выше, чем у сорта Навруз, что связано с низким уровнем урожайности. В этой связи наблюдается значительно низкий показатель чистого дохода (658,7-977,55 сомони/га). Уровень рентабельности производства пшеницы у сорта Атои-85 также значительно ниже по сравнению с сортом Навруз. Этот показатель в зависимости от полученного урожая при различных нормах высева семян меняется и составляет 124-204% у сорта Навруз и 71-125% у сорта Атои-85 (табл. 1).

Нормы минеральных удобрений в варианте опыта указаны в действующих веществах (д.в.), а в натуре в качестве азотных удобрений использовали карбамид (N46%), фосфорных – двойной суперфосфат (P28%) и калийных – сульфат калия (K60%). При варианте N₁₆₀P₆₀K₈₀ кг/га д.в. норма азота составляет 350 кг карбамида, 200 кг двойного суперфосфата и 130 кг сульфат калия. При стоимости 1 кг минеральных удобрений 1 сомони в 2006-2008 гг. общая сумма минеральных удобрений на 1 га составляет 690 сомони.

Общие затраты для возделывания сортов пшеницы значительно варьируются в зависимости от нормы высева семян и минеральных удобрений, что составляет 988-1265 сомони/га. Себестоимость 1 ц урожая зерна значительно изменяется под влиянием урожайности, снижаясь при её увеличении до 16,3 сомони на 1 ц урожая (табл. 2).

Таблица 2

**Влияние нормы высева семян и минеральных удобрений
(N₁₆₀P₆₀K₈₀ кг/га д.в.) на экономическую эффективность
возделывания сортов пшеницы (ср. за 2006-2009 гг.)¹**

Сорт	Норма высева семян, кг/га	Урожайность, ц/га	Общие затраты, сомони/га	Себестоимость 1 ц зерна, сомони	Общий доход, сомони/га	Чистый доход, сомони/га	Рентабельность, %
Навруз	0,80	51,32	988	19,3	1796	808	181,8
Навруз	1,20	50,25	1056	21,0	1759	703	166,5
Навруз	1,60	68,90	1121	16,3	2412	1291	215,1
Навруз	2,00	59,39	1193	20,1	2079	886	174,2
Навруз	2,40	55,74	1265	22,7	1951	686	154,2
Атои-85	0,80	57,03	988	17,3	1996	1008	202,1
Атои-85	1,20	56,53	1056	18,7	1979	922	187,3
Атои-85	1,60	57,44	1121	19,5	2010	889	179,3

¹ Составлено автором по результатам экспериментальной работы.

Атои-85	2,00	42,68	1193	28,0	1494	301	125,2
Атои-85	2,40	54,18	1265	23,3	1896	631	149,9

Максимальный общий и чистый доход составляет, соответственно, 2412 и 1291 сомони/га при урожайности 68,90 ц/га у сорта Навруз (норма высева семян 1,60 ц/га). У сорта Атои-85 наибольший чистый доход был получен при наименьшей норме высева семян (0,80 ц/га), что связано со снижением производственных затрат по сравнению с другими вариантами. Уровень рентабельности при использовании минеральных удобрений, соответственно, увеличивается по сравнению с вариантом без их применения и составляет 154-215% у сорта Навруз и 125-202,1% у сорта Атои-85.

Результаты анализа экономических показателей производства пшеницы в течение последнего десятилетия (2006-2020 гг.) показывает значительную разницу по всем параметрам. Так, если уровень производственных затрат при использовании минеральных удобрений составлял 988-1265 сомони/га, то в среднем за 2014-2017 гг. этот показатель увеличивается до 3838-4053 сомони/га (табл.3).

Чем меньше производственные затраты, тем меньше урожайность и больше себестоимость урожая. Соответственно, значительно увеличиваются такие показатели, как общий и чистый доход с одного гектара, что, в свою очередь, ведет к увеличению уровня рентабельности до 236,8% у сорта Мохи нав и до 226,9% у сорта Шокири при осеннем посеве. При яровом посеве уровень рентабельности снижается до 140,4 у сорта Мохи нав и до 105,8% у сорта Шокири.

Таблица 3

Экономическая эффективность возделывания озимой и яровой пшеницы (2014-2017 гг.)¹

Варианты опыта	Урожайность, ц/га	Общие затраты, сомони/га	Себестоимость 1 ц зерна, сомони	Общий доход, сомони/га	Чистый доход, сомони/га	Рентабельность, %
Мохи нав (озимой)	54,6	4053	74,2	13650	9597	236,8
Мохи нав (яровой)	36,9	3838	104,0	9225	5387	140,4
Шокири (озимой)	53,0	4053	76,5	13250	9197	226,9
Шокири (яровой)	31,6	3838	121,5	7900	4062	105,8

Сравнительная оценка экономической эффективности возделывания пшеницы в условиях Дангаринского массива за 2018-2020 гг. показывает, что наибольшие производственные затраты (3451 сомони/га) осуществляются при использо-

¹ Составлено автором по результатам экспериментальной работы.

вании рекомендованной нормы минеральных удобрений ($N_{160}P_{60}K_{80}$ кг/га д.в.), в то время как наименьшие затраты (1615 сомони/га) были при использовании биологического удобрения Бигус, что имеет большое значение в современных экономических условиях. При совместном использовании половины годовой нормы минеральных удобрений (50%) и Бигуса ($N_{80}P_{30}K_{40}$ + Бигус) производственные затраты составляли 2808 сомони/га, что на 1193 сомони/га больше чем в первом варианте (Бигус) и на 643 сомони/га меньше, чем у второго варианта ($N_{160}P_{60}K_{80}$) опытов (табл.4).

Себестоимость единицы производимой продукции (1 ц зерна) как важный показатель составляет от 38,6 сомони у сорта Фаньян-01 до 70,0 сомони у сорта Мохи нав. Наибольший чистый экономический доход от применения минеральных удобрений, способствующих увеличению урожайности до 65,0 ц/га, достигает 19 307 сомони/га у сорта Мохи нав, 18 701 сомони/га у сорта Фаньян-01 и 18 266 сомони/га у сорта Крассар. Это способствовало значительному увеличению уровня рентабельности производства пшеницы от 399 до 806,6%. Среди использованных вариантов удобрений наиболее рентабельным оказалось применение биологического удобрения Бигус, что, можно сказать, приемлемо в условиях нехватки минеральных удобрений.

Таблица 4

Экономическая эффективность возделывания пшеницы в зависимости от минеральных и биологических удобрений (2018-2020 гг.)¹

Сорт	Варианты опыта	Урожайность, ц/га	Общие затраты, сомони/га	Себестоимость 1 ц зерна, сомони	Общий доход, сомони/га	Чистый доход, сомони/га	Рентабельность, %
Мохи нав	Бигус	33,4	1615	48,4	11679	10064	623,1
Мохи нав	$N_{160}P_{60}K_{80}$ (контроль)	65,0	3451	53,1	22759	19307	559,4
Мохи нав	$N_{80}P_{30}K_{40}$ + Бигус	40,1	2808	70,0	14035	11227	399,8
Фаньян-01	Бигус	41,8	1615	38,6	14642	13027	806,6
Фаньян-01	$N_{160}P_{60}K_{80}$ (контроль)	63,3	3451	54,5	22152	18701	541,9
Фаньян-01	$N_{80}P_{30}K_{40}$ + Бигус	45,5	2808	61,7	15928	13120	467,2
Крассар	Бигус	36,9	1615	43,8	12905	11290	699,0
Крассар	$N_{160}P_{60}K_{80}$	62,0	3451	55,6	21717	18266	529,3

¹ Составлено автором по результатам экспериментальной работы.

	(контроль)						
Крассар	N ₈₀ P ₃₀ K ₄₀ + Бигус	49,2	2808	57,1	17204	14396	512,7

Таким образом, отличие уровня рентабельности производства пшеницы при различных вариантах применения агротехники и значительное увеличение данного показателя в последние годы обусловлено увеличением урожайности пшеницы и уровня дохода от полученного урожая.

Своевременное проведение агротехнических мероприятий и сознательное вложение средств с целью получения высокого урожая при оптимальных условиях среды всегда могут быть оправданы, о чём свидетельствует сравнительная оценка общих затрат и урожайности зерна пшеницы в разные годы проведения экспериментов (рис. 1).

При одинаковых почвенно-климатических условиях (Гиссарская долина, 2006-2009 гг.) применение минеральных удобрений способствовало увеличению средней урожайности до 55,3 ц/га, хотя производственные затраты также были значительными.

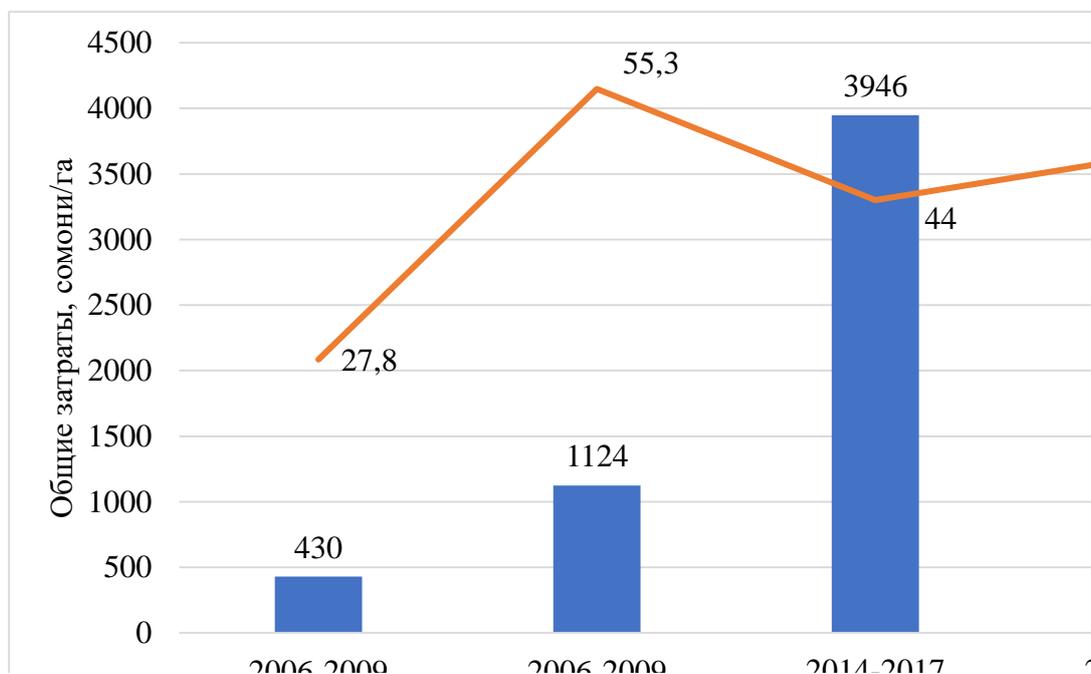

Рис. 1. Динамика увеличения урожайности пшеницы в соответствии с производственными затратами

Снижение урожайности за 2014-2017 гг. в среднем до 44,0 ц/га при наибольших производственных затратах (3946 сомони/га) объясняется сравнительно низкой урожайностью при яровом посеве пшеницы. В целом, сравнительная оценка показывает, что уровень урожайности пшеницы стабильно возрастает по мере увеличения производственных затрат на единицу площади.

В структуре общих затрат для производства пшеницы основной объем составляют расходы на минеральные удобрения, механическую обработку почвы, а также стоимость семенного материала, которая в последние годы заметно возрастала. В современных условиях фермеры не всегда готовы к вложению достаточных финансовых средств в процесс производства, особенно в период посева культур, в частности пшеницы. В этой связи целесообразно расширить механизмы государственной поддержки производства сельхозтоваропроизводителей, особенно важна реализация экономических механизмов поддержки, таких как льготное долгосрочное кредитование и усиление эффективности их использования, снижение налоговой нагрузки, поддержка в своевременном снабжении качественными семенами и семенным материалом, минеральными удобрениями и средствами защиты растений, уменьшение пошлины на импортируемое оборудование и технику.

Литература

1. Ерошенко Ф.В. и др. Экономическая эффективность возделывания новых сортов озимой пшеницы селекции Северокавказского ФНАЦ / Ф.В.Ерошенко, Е.О.Шестакова, Л.Р.Оганян и др. // Достижения науки и техники АПК. – 2018. – Т.32, №9. – С.114-117.
2. Коваль А.В. Экономическая эффективность и урожайность возделывания озимой пшеницы с применением различных агроприемов. [Электронный ресурс] / ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т.Трубилина». – 2021. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/>.
3. Круглов В.Н. Инновационное развитие сектора АПК РФ как залог обеспечения продовольственной национальной безопасности // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – №6. – С.382-389.
4. Лапенков В.И., Сангадиев З.Г. Техничко-экономический анализ деятельности предприятия: учеб. пособие. – Улан-Удэ.: Изд-во ВСГТУ, 2010. – 240 с.
5. Минаков И.А. Экономика сельского хозяйства: учебник / И.А.Минаков, Л.А.Сабетова, Н.И.Куликов. – М.: Колос, 2012. – 328с.
6. Михалёв А. Основы продовольственного благополучия страны (2-я Международная конференция «Зерновая индустрия в 21 веке») // Экономика и управление АПК. – 2010. – №1. – С. 67-74.
7. Оганян Л.Р. Агротехнологическая эффективность возделывания новых сортов озимой пшеницы в условиях Ставропольского края / Л.Р.Оганян, Е.О.Шестакова, Ф.В.Ерошенко // Аграрный научный журнал / Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И.Вавилова. – 2022. – №1. – С.26-31.
8. Рыков В.Б. и др. Экономическая эффективность различных технологий производства зерновых колосовых культур / В.Б.Рыков, С.И.Камбулов, И.А.Камбулов, Н.В.Шевченко, С.Д.Ридный, А.С.Попов // Зерновое хозяйство России. – 2016. – №4. – С.68-71.
9. Санникова И. Н. Комплексный экономический анализ: учеб. пособие / Алтайский государственный университет экономический факультет. – Барнаул, 2010. – 168 с.

ECONOMIC EFFICIENCY OF USE OF VARIOUS METHODS OF WHEAT GROWING IN THE CONDITIONS OF TAJIKISTAN

Rasulzoda Bakhtiyor Rahmonberdi

Candidate of agricultural sciences,
associate professor of the chair of agroecology and agricultural mechanization
Dangara state university
735320, Republic of Tajikistan, Khatlon region, Dangara, st. Markazi, 25
Ph.: (+992) 93 426 03 12 (m.)
b.rasulov@mail.ru

In the article, a comparative assessment of the economic efficiency of wheat cultivation using various options for agricultural technology based on the yield and production costs in the period from 2006 to 2020 is provided. Experimental studies contains the use of various options for agricultural cultivation of wheat, including different sowing dates, the use of mineral and biological fertilizers, and various seeding rates.

The total costs of wheat production vary depending on the used technologies, which average for 2006-2009 – 430-1124 somoni / ha, for 2014-2017 – 3946 somoni / ha and for 2018-2020 – 2624 somoni/ha. It has been established that the level of profitability of wheat production for 2014-2017 during spring and winter sowing increases to 236,8% for the Mohi nav variety and to 226,9% for the Shokiri variety during autumn sowing, depending on the yield.

According to the author's conclusion, the timely implementation of the recommended methods of agricultural technology and the investment of the required funds in order to obtain a high yield under optimal environmental conditions lead to a positive result, as evidenced by a comparative assessment of the total costs and the yield of wheat grain in different years of the experiments. In the context of a shortage of mineral fertilizers, as well as an increase in their cost, farmers are recommended to use alternative options, in particular, the combined use of biological and mineral fertilizers (50% of the total annual rate).

Keywords: economic efficiency; productivity; profitability; net income; production costs; cost price.

САМАРАНОКИИ ИҚТИСОДИИ ИСТИФОДАБАРИИ УСУЛҲОИ ГУНОГУНИ КИШТИ ГАНДУМ ДАР ШАРОИТИ ТОҶИКИСТОН

Расулзода Бахтиёр Раҳмонберди

Номзади илмҳои кишоварзӣ,
дотсенти кафедраи агроэкология ва механикони кишоварзӣ
Донишгоҳи давлатии Данғара
735320, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Хатлон, ш. Данғара,
к. Марказӣ, 25
Тел.: (+992) 93 426 03 12 (м.)
b.rasulov@mail.ru

Дар мақола арзёбии муқоисавии самаранокии иқтисодии кишти гандум ҳангоми истифодабарии вариантҳои гуногуни агротехника дар асоси ҳосили гирифташуда ва хароҷоти истеҳсоли, дар давраи солҳои аз 2006 то 2020 оварда шудааст. Тадқиқоти озмоишӣ истифодабарии вариантҳои гуногуни агротехникаро зимни кишти гандум, аз он ҷумла муҳлатҳои гуногуни кишт, истифодабарии нуриҳои минералӣ ва биологӣ, меъёрҳои гуногуни пошидани тухмиҳо мавриди таҳлил қарор додааст.

Хароҷоти умумӣ барои истеҳсоли гандум вобаста аз технологияҳои ба кор бурдашаванда тағйир меёбанд, ки ин ба ҳисоби миёна дар солҳои 2006-2009 – 430-1124 сомонӣ/га, солҳои 2014-2017 – 3946 сомонӣ/га ва солҳои 2018-2020 ҳамагӣ 2624 сомонӣ/га-ро ташкил дод. Муқаррар карда шудааст, ки сатҳи даромаднокии истеҳсоли гандум дар солҳои 2014-2017 ҳангоми гузарондани кишти баҳорӣ ва тирамоҳӣ то 236,8%, дар навъи “Моҳи нав” то 226,9% ва дар навъи “Шокирӣ”и кишти тирамоҳӣ вобаста аз ҳосилнокиашон зиёд мегардад.

Аз рӯйи хулосаи муаллиф сари вақт гузарондани усулҳои тавсияшавандаи агротехника ва сахмгузории маблағҳои талабшаванда бо мақсади гирифтани ҳосили баланд дар шароити оптималии муҳит натиҷаи дилхоҳ медиҳад, ки аз ин баҳогузории муқоисавии хароҷоти умумӣ ва ҳосилнокии донаи гандум дар солҳои гуногуни гузаронида шудани озмоишҳо шаҳодат медиҳад. Дар шароити норасоии нуриҳои минералӣ, инчунин зиёдшавии арзиши онҳо ба деҳқонон истифода бурдани гунаҳои алтернативӣ, аз ҷумла истифодабарии якҷояи нуриҳои биологӣ ва минералӣ (50% аз меъёри умумии солони) тавсия дода мешавад.

Вожаҳои калидӣ: самаранокии иқтисодӣ; ҳосилнокӣ; даромаднокӣ; даромади тоза; хароҷоти умумии истеҳсоли; арзиши ҳолис.

УДК 339.564

СПЕЦИФИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЫНКОВ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЭКСПОРТА¹

Якушев Николай Олегович

Научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
160014, Россия, Вологда, ул. Горького, д. 56а
Тел.: (+78172) 59 78 10 (доб. 388)
yakushev.n.o@gmail.com

Одним из важнейших условий успешной реструктуризации экономики и эффективного встраивания российских регионов в глобальные технологические рынки является развитие высокотехнологичного экспорта, способного стать источником поступления доходов как в федеральный, так и в региональный бюджет.

Вместе с тем укрепление позиций России на мировом рынке происходит, главным образом за счет расширения экспорта организаций топливно-сырьевого сектора и сектора первичного передела продукции, тогда как большая часть обрабатывающих производств и поставщиков высокотехнологичной продукции обладает невысокой конкурентоспособностью и слабо представлена на международном рынке. Российские регионы участвуют, в основном, в сырьевых поставках на международные рынки.

В исследовании выделяются научные теории, касающиеся вопросов технологического предпринимательства и высокотехнологичного экспорта, позволяющие выделить его основные характеристики и особенности. Автором разработан комплексный подход к развитию высокотехнологичного экспорта и определены возможности технологического предпринимательства в данном направлении, что позволяет установить приоритеты для дальнейшего развития. Проведена систематизация существующей системы поддержки экспортной деятельности (зарубежный опыт) с выделением особенностей в высокотехнологичном секторе.

В заключении предложены положения к разработке единого подхода к развитию российско-го высокотехнологичного экспорта на основе формирования технологического предпринимательства с учетом зарубежного опыта.

Результаты проведенного исследования вносят вклад в теорию экономического развития и мирохозяйственных связей на региональном уровне и могут быть использованы научными работниками, преподавателями высших учебных заведений, сотрудниками предприятий, представителями органов власти, осуществляющими свою деятельность в сфере экспорта.

Ключевые слова: высокотехнологичный сектор; высокотехнологичный экспорт; экспортная деятельность; технологический рынок; развитие; территория.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания №FMGZ-2022-0002. Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции

Согласно данным Всемирного банка, за последние десятилетия в структуре мирового экспорта товаров произошли серьезные изменения, что вызвано трансформацией производственной базы и системой потребления. Эти изменения не могли не повлечь за собой перемены в ассортименте экспортируемых товаров стран. Причем в некоторых развивающихся странах экспорт имеет огромное значение в развитии экономики, в числе которых находится и Российская Федерация [1]. Даже в условиях жесткого экономического давления и усиления санкционной политики ряда стран в 2022 году в отношении России приоритетными и стратегически важными будет оставаться развитие высокотехнологичного экспорта, одним из источников которого является разработка собственных передовых и новых технологий. В настоящее время объём мирового рынка высокотехнологичной продукции оценивается Всемирным банком в 3 трлн. долл. (рынок энергоресурсов – 0,7 трлн. долл.) (SITC)¹. При этом стоит отметить, что одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в экспортной сфере является увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров до 2 процентов к 2020 году (0,9% на конец 2016 г.)².

Сложившая топливно-сырьевая направленность российского экспорта обеспечивает краткосрочные выгоды, которые не способствуют оптимальному развитию экономики России и ее регионов в долгосрочной перспективе [6; 7].

В связи с этим цель данного исследования заключается в определении возможностей технологического предпринимательства для обеспечения развития высокотехнологичного экспорта. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить теоретические аспекты рассматриваемой проблематики, исследовать зарубежные практики оценки высокотехнологичного экспорта, сформулировать направления для развития высокотехнологичного экспорта территорий, что способствовало бы увеличению его вклада в достижение более высокого качества развития экономики территорий.

Вопросы участия стран в международной торговле являются предметом анализа многих экономистов. Как правило, они основываются на общеизвестных теориях международной торговли, рассматриваемых во многих исследованиях по экономическим наукам. Обычно степень участия и достижения отдельных стран в этой области обосновываются наличием факторов производства определенных товаров и наличием конкурентных преимуществ. При этом теория конкурентоспособности государства взаимосвязана с моделью анализа конкурентных преимуществ и цепочки создания стоимости.

Теоретическое обоснование необходимости стимулирования и развития высокотехнологичного экспорта территории представлено в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. В первом случае авторы делали акцент на роли маркетинговых инструментов и их зачимости в достижении целевых показате-

¹Private Sector. The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/topic/private-sector?view=chart>

²Там же.

лей, среди них S.Sharma, D.Dhakal, М.Портера, J.Ahmad, S.Harnhirun, С.Voivodas [6; 12; 18; 20]. Во втором случае в большей степени в научных трудах рассматриваются оценка эффективности применяемых инструментов поддержки экспорта высокотехнологичных товаров и пути его дальнейшего развития. Здесь следует назвать труды S.Estrin, T.Mickiewicz, U.Stephan, M.Wright, С.Helmerts, J.-M.Pasteels [13; 15]. Схожая проблематика, только с учетом аспектов значимости для роста экономики, была отражена в работах Л.И.Абалкина, С.Ю.Глазьева, А.И.Татаркина, А.А.Куклина, Ю.Г.Лаврикова, Е.Л.Андреева, А.В.Ратнера, К.А.Гулина, Н.О.Якушева, Е.А.Мазилова, О.И.Дегтяревой, Т.Н.Полянова, С.В.Саркисова [1-5; 9; 10].

В настоящее время существуют различные подходы к оценке высокотехнологичного экспорта в экономике территории. В работе T.Ghirmay, R.Garbowski, S.Sharma предложена система оценки и критериев определения экспортных возможностей с оценкой влияния на экономику территории [14]. Целью в данном исследовании является выявление перспективных продуктов для включения в экспорт высокотехнологичного сегмента с оценкой потенциала и возможного влияния на развитие экономики. Методология основана на разложении потенциального высокотехнологичного экспорта определенной территории на сектора (первой, второй и третьей сложности товара) и определенный целевой рынок с учетом степени его зрелости и трех факторов: предложение, спрос и легкость торговли с привязкой к показателю ВВП и ВДС. В зависимости от особых потребностей страны, выделяют несколько критериев. Первый критерий – показатель возможностей экспорта (ЕPI) – служит экономическим вектором для страны, которая стремится поддерживать установленные экспортные сектора в увеличении их высокотехнологичного экспорта на существующие и новые рынки. Индекс ЕPI идентифицирует высокотехнологичные продукты, в которых экспортирует страна и уже доказала свою конкурентоспособность на международном уровне и имеет хорошие перспективы и успех в повышении спроса на данном целевом рынке.

Вторым критерием является индикатор диверсификации продукта (PDI) обслуживает страны, которые нацелены на диверсификацию и развитие новых экспортных секторов. Основываясь на идее Р.Хаусмана и С.Идальго о пространстве продукта, PDI идентифицирует продукты, в которых страна-экспортер еще не конкурентоспособна, но которые кажутся осуществимыми с учетом текущей экспортной корзины страны и структуры экспортных поставок аналогичных стран. Индикатор PDI указывает на относительные ряды экспортного продукта и возможности диверсификации на данном целевом рынке. В совокупности критерии отражают степень достижения целей политики, позволяют уточнить выбор перспективных продуктов для экспорта с оценкой его влияния на развитие экономики определенной территории. Результаты оценки со временем становятся стабильными, превращая их в подходящую информационную основу для среднесрочных экспортных стратегий или программ развития конкретной территории.

В исследовании «Анализ развития диверсификации экспорта стран Европейского союза и БРИКС» территориальная диверсификация выражает как можно

больше экспортных направлений с оценкой специализации¹. По мнению автора, этот тип диверсификации очень важен, особенно в экономической перспективе. Высокий уровень зависимости внутреннего экспорта на узком бизнес-сегменте несёт в себе риск будущей нестабильностью на рынке. Аналогичные последствия имеют такой тип диверсификации к оценке экспортного продукта. Развитые экономики добиваются большей территориальной диверсификации экспорта, чем экономики развивающихся стран [20]. Следовательно, страны должны поддерживать и развивать свои экономические отношения, чтобы противостоять внешним потрясениям, которые могут навредить их внутренней экономике.

Мониторинг территориальной и диверсифицированной продукции в исследовании состоит из трех различных аспектов: (а) углубление существующих отношений, (б) создание новых рынков или цепочек продуктов и (с) реальная ценность диверсификации. Первый аспект – углубление существующих отношений связан с изучением интенсивного запаса. Второй канал, создающий новые рынки или цепочки продуктов, наблюдается в отношении обширной маржи. Индекс Хиршмана-Херфиндаля, который измеряет дисперсию стоимости торговли через продукты или направления экспортёра, используется для оценки реальной стоимости диверсификации экспорта. В целом, при рассмотрении экспортной специализации стран Европейского союза и БРИКС, в исследовании используются три разных типа индексов и два типа измерений: классический невзвешенный подход и собственный подход к исследованию взвешенных ценностей. Используемые в исследовании критерии оценки высокотехнологичного экспорта в российской практике регионов применимы в общем виде, но ввиду отсутствия ряда необходимых данных для вычисления нереализуемых в текущем виде статданных.

Японским банком для международного сотрудничества (англ. Japan Bank for International Cooperation, JBIC) при работе с фокус-группами и проведении заказных исследований используется ряд инструментов оценки экспорта, в том числе определение специализации². В целом банк JBIC, полностью государственное учреждение, проводит исследования по отдельным проектам на начальном этапе, а также те, которые ориентированы на конкретные регионы или отрасли. В рамках модели «Ехро» используется стоимость единицы экспорта, полученную от компаний-экспортёров, и этот показатель позволяет анализировать различия в стоимости экспорта по секторам между странами сравнения и Японией. На основе этой модели средневзвешенное значение экспортной единицы стран, осуществляющих поставки на международный рынок, в каждом секторе определяется и сравнивается с соответствующей стоимостью того же сектора в Японии. Разница

¹ Analysis of export diversification development of the European Union and BRICS countries. URL: <http://er-cerei.cz/download/archive/analysis-of-export-diversification-development-of-the-european-union-and-brics-countries.pdf>

² Japan Bank for International Cooperation Annual Report. URL: https://www.jbic.go.jp/en/information/annual-report/pdf/2017E_00_full.pdf

стоимости единицы в конкретном секторе умножается на текущий объем экспорта Японии.

Сопоставление, согласно подходу JVIC, должно выполняться на таком уровне, чтобы в выбранном секторе была возможна технологическая диверсификация, которая достаточно широка в рамках конкретной промышленной области. При этом в исследовании делается акцент на исходном объеме экспорта, который используется в модели по следующим причинам¹:

– политика, ориентированная на изменение структуры инноваций и национальной экономики для более высокой стоимости. Фиксирование тома в основном соответствует вышеупомянутой политике;

– большинство низкотехнологичных отраслей основаны на ресурсах, которые используются в полной или почти полной мере (например, в древесине). Кроме того, ориентация на рост с постоянным физическим объемом является частью экологической политики, поскольку предположение о том, что объем природных ресурсов, связанных с продуктом, коррелирует с его весом, является высоконадежным;

– работа с существующим рынком проще, чем создание нового.

Одновременно с этим в исследовании делаются дополнительные допущения, основанные на оценках:

– потенциал отраслей промышленности, основанных на исчерпаемых ресурсах мира, можно измерить как разницу между добавленной стоимостью на одну единицу ресурсов в Японии и схожими странами или регионами;

– все секторы экономики могут обеспечить возврат «через инновации» независимо от их статистической принадлежности, относящейся к секторам с высокими, средними или низкими технологиями.

В результате, использование эффективных средств оценки для выявления потенциально качественных проектов, как ожидается, приведет к увеличению экспорта материалов и услуг из Японии, а также расширит возможности участия в проектах японских компаний. Использование в России подхода к оценке специализации экспорта, применяемого Японским банком для международного сотрудничества, вполне допустимо в случае успешного старта и динамичной реализации проекта по типу «единое окно» в центрах поддержки экспорта во всех российских регионах.

На сегодня высокотехнологичный экспорт в развитых и развивающихся странах является одной из точек экономического развития территорий и эффективной экспортной политики. Кроме того, развитие экспорта высокотехнологичной продукции является ключевым в формировании глобальных цепочек поставок. В настоящее время объем мирового рынка высокотехнологичной продукции оценивается Всемирным банком в 2 трлн. долларов (рынок энергоресурсов – 0,6 трлн. долл.) [5]. Следовательно, соотношение высокотехнологичного и энерго-сырьевого рынка составляет

¹ Japanese Small and Medium-Sized Enterprises Export Decisions: The Role of Overseas Market Information. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2014-16.pdf>

четыре к одному, а при полном переходе к шестому технологическому укладу это соотношение будет составлять десять к одному [15].

По данным статистики, доля высокотехнологичного мирового экспорта в общемировых объёмах всех поставок составляет 12,1% (2016 год). Между тем доля высокотехнологичного экспорта России равна 0,3%. Для сравнения: Китай – 25,5%, Германия – 9,7%, США – 7,9%, Сингапур – 6,5%, Республика Корея – 6,1%, Франция – 5,3%, Япония – 4,8%, Великобритания – 3,5% и другие страны.

Одновременно с количественной оценкой ключевым является и его качественные характеристики, так изучение зарубежного опыта в стимулировании и поддержке высокотехнологичного экспорта дает достаточно полное, объективное и достоверное представление о применяемых инструментах и прочих стратегически важных аспектах внешнеэкономической деятельности в высокотехнологичном секторе стран-лидеров, обеспечивающих их экономический рост [16; 23].

В значительной мере развивающийся подъем Азии обусловлен увеличением доли Китая в мировом экспорте высокотехнологичных товаров до 25,5% в 2016 году с 14,9% в 2006 году. Высокотехнологичный экспорт – один из наиболее динамичных секторов экономики в Китае, где ядром являются товары информационно-коммуникационных технологии. Так, Китай является вторым по величине рынком ИКТ в мире. По данным Всемирного Банка и Министерства промышленности и информационных технологий Китая (МИИТ), к 2020 году рынок ИКТ Китая достигнет 844 млрд., а экспорт 781 млрд. долл. США [17].

Германия является одной из самых инновационных стран в Европе. В стоимостном выражении Германия является ведущим экспортером высокотехнологичной продукции в ЕС, за ней следуют Нидерланды, Франция и Великобритания. Высокие результаты связаны, среди прочего, с её огромными брутто расходами на исследования и разработки («НИОКР»). Технологические преимущества Германии связаны с автомобильным сектором, электротехнической промышленностью, а также химической промышленностью. Это мировой лидер в экспорте перечисленных высокотехнологичных товаров. Экономика Германии сильна в своих технологических секторах, о чем свидетельствует ее успех в области экспорта автомобилей, техники и химических веществ [18].

С 2006 года правительство Германии разработало национальную стратегию «Стратегия высоких технологий», цель стратегии – способствовать продвижению новых технологий и разработать согласованную инновационную политику по всей стране. Обеспечивающим открытым ресурсом выступает информационный бюллетень, в котором представлена информация о государственных и частных инвестициях в научно-исследовательскую деятельность, сильные стороны технологий и национальную политику в области исследований и инноваций. На государственные расходы приходится около трети общих НИОКР расходов в Германии. На национальном уровне это происходит в первую очередь Федеральное министерство образования и исследований и Федеральное министерство экономики и энергетики по содействию и финансированию

исследований и инновационной деятельности. На долю частного сектора приходится две трети расходов на НИОКР с участием около 32000 компаний, участвующих в различных видах НИОКР [19].

Инновации и предпринимательство являются важными детерминантами долгосрочной экономической конкурентоспособности США и направлены на повышение производительности, доход и рост занятости. Ожидается, что усилия США по стимулированию инноваций и предпринимательства в стратегических отраслях R&T увеличат количество высокотехнологичных рабочих мест, расширят высокотехнологичные и высокооплачиваемые рабочие места и увеличат экспорт. Высокотехнологичные отрасли являются источником высокооплачиваемых рабочих мест и создают значительные возможности для трудоустройства за пределами высокотехнологичного сектора [20; 21].

В целом страны-лидеры по высокотехнологичному экспорту можно разбить на следующие модели поддержки:

Альянс технологий (США, Великобритания, Канада). Общая характеристика: главенствующую роль в практическом содействии высокотехнологичным экспортерам на местном уровне играют мощные специализированные государственные организации центра, находящиеся в тесном взаимодействии с региональными частными и публичными структурами.

Континент отраслей (Германия, Франция, Швейцария). Общая характеристика: значительная организационная и координирующая роль региональных правительств, широкие финансовые полномочия (собственный бюджет); на муниципальном/окружном уровне – существенная роль ТПП, отраслевых ассоциаций и частных институтов поддержки, в том числе финансовых.

Контур высокотеха (Китай, Япония, Южная Корея). Общая характеристика: существенная координирующая и распорядительная роль центральных правительств, распространяющаяся также на регионы, общая тенденция к развитию экспортно-ориентированных специальных зон высокотехнологичной продукции.

Развитие форм, методов и инструментов поддержки экспортно-ориентированных предприятий в вышеизложенных направлениях позволит преодолеть проблемы, препятствующие развитию экспортной деятельности региона, повысить уровень конкурентоспособности и качество выпускаемой ими продукции, а также обеспечить устойчивый рост объемов высокотехнологичного экспорта территорий.

При этом для России возможности технологического предпринимательства для обеспечения развития высокотехнологичного экспорта [2; 10] должны учитываться в следующих направлениях:

1. *Актеры специализированных технологических игроков.* Направление связано с растущей экономикой и технологическими инновациями в регионах, поддерживаемыми международным сотрудничеством в области прорывных разработок. Высокотехнологичные сегменты в экспорте: электромобили с аккумуляторными батареями, и программное обеспечение, что дает технологическим компа-

ниям преимущество в экосистемах данных и операционных системах. Регионы специализируются в конкурентоспособных «технологических альянсах», охватывающих, по крайней мере, одну важную часть цепочки создания стоимости внутри региона.

2. *Острова мобильности высоких технологий.* Направление содержит будущее технологического предпринимательства, отмеченное технологической надстройкой. Экономический рост находится в зачатке, а приоритеты экономического регулирования стимулируют развитие высокотехнологичного сектора, способствуя технологическому прогрессу. Сегменты технологического предпринимательства: производители оригинального оборудования все больше ориентируются на свои внутренние рынки. Местные технологические компании становятся важными движущими силами технологии в регионе. Технологические предприниматели сотрудничают с крупными игроками в сфере высоких технологий и создают международные партнерства для разработки программных решений, платформ для развития совместных проектов в высокотехнологичном экспорте.

3. *Высокотехнологичный пул.* В данном направлении делается акцент на быстрый экономический рост и усиление технологического суверенитета. Формирование национальной технологической экосистемы, когда на региональных рынках производители технологии играют центральную роль в разработке собственного технологического продукта. Они все больше интегрируются в межрегиональную цепочку создания стоимости, разрабатывая собственные технологические системы и инвестируя в платформы для создания высокотехнологичного продукта. Сегменты высокотехнологичного сектора: собственные цифровые технологии и разработки, способствующие развитию собственных платформ для создания высокотехнологичного продукта.

4. *Технологический масштаб.* Направление связано с ростом высокотехнологичного экспортного сектора в регионах. Сотрудничество в области высокотехнологичных разработок способствует технологическим инновациям и повышению конкурентоспособности экспорта. В экспорте технологии и высокотехнологичном продукте будут достигнуты значительные успехи. Сегменты высокотехнологичного экспорта: производители оригинального оборудования объединяются вокруг технологических стандартизированных архитектур, становясь новыми лидерами в области высокотехнологичного экспорта. Собственная высокотехнологичная экспансия создает дополнительную конкуренцию региональным технологическим игрокам, что будет способствовать сотрудничеству и технологической независимости страны.

Отсюда возникает потребность разработки четкого алгоритма органами власти и управления на региональном уровне с выводом на внешние рынки конкретных высокотехнологичных товаров (линеек товаров). Конечный продукт отработанного алгоритма – стратегия и программа выхода на зарубежные рынки. Для этого необходимо учитывать весь массив максимально конкретной информации по продукции предприятия в регионах: приоритетные рынки, конкуренты, цены, условия выхода на рынок, промоушен. И главное – нужна пошаговая реа-

лизация алгоритма для того, чтобы продавать товар и устойчиво обеспечить послепродажное обслуживание.

Литература

1. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 228 с.
2. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир., 2016. – 640 с
3. Гулин К.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта / К.А.Гулин, Н.О.Якушев, Е.А.Мазилев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 57-70.
4. Дегтярева О.И. Внешнеэкономическая деятельность / О.И. Дегтярева, Т.Н.Полянова, С.В.Саркисов. – М.: Дело, 2008. – 424 с.
5. Лаврикова Ю.Г. Влияние внешнеэкономической деятельности на региональное развитие: компаративный анализ российского и зарубежного опыта / Ю.Г.Лаврикова, Е.Л.Андреева, А.В.Ратнер // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 6. – С.54-67.
6. Проблемы экономического роста территории / Т.В.Ускова, Е.В.Лукин, Т.В.Воронцова, Т.Г.Смирнова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. –170 с.
7. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. – М., 2016. – 947 с.
8. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / кол. авт.; под науч. рук. В.А.Ильина [и др.]. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 386 с.
9. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. – 2012. – № 2. – С. 25-39.
10. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. – 2017. – № 3 (89). – С. 62–77.
11. Abdulai A., Jacquet P. Exports and Economic growth: Cointegration and Causality evidence for Cote d' Ivoire // African Development Review. – 2002. – №14(1). – P.1-17.
12. Ahmad J., Harnhirun S. Cointegration and causality between exports and economic growth: evidence from the ASEAN countries // Canadian Journal of Economics. – 1996. – № 29. – P.413-416.
13. Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U., Wright M. Entrepreneurship in emerging markets // The Oxford Handbook of Management in Emerging Markets. – Oxford: Oxford university press, 2019. –№4. –P.457-494.
14. Ghirmay T., Garbowski R., Sharma S. Exports, Investment Efficiency and Economic Growth in LDC: an Empirical Investigation // Applied Economics. – 2001. –№33. –P.689-700.
15. Helmers C., Pasteels J.-M. Assessing Bilateral Trade Potential at the Commodity Level: An Operational Approach. –Geneva: International Trade Center, 2006. –P.69-88.
16. Hatemi-J. A. Export Performance and Economic Growth Nexus in Japan: a Bootstrap Approach // Japan and the World Economy. – 2002. –№14(1). –P.25-33.
17. Ramos F. Exports, Imports and Economic Growth in Portugal: evidence from Causality and Cointegration Analysis // Economic Modelling. – 2001. –№18(4). –P.613-623.
18. Sharma S.C. and Dhakal D. Causal Analysis Between Exports and Economic Growth in Developing Countries // Applied Economics. – 1994. –№26. –P.1145-1157.
19. Shan J. and Tian G. Causality Between Exports and Economic Growth: The Empirical Evidence From Shanghai // Australian Economic Papers. – 1998. –№37 (2). –P.195-202.
20. Voivodas C. Exports, Foreign Capital Inflow and Economic Growth // Journal of International Economics. – 1973. –№3. –P.337-349.
21. Werenheimer M. Cointegration and Causality in Exports-GDP nexus: the Post-War Evidence for Canada // Empirical Economics. – 2000. –№1. –P.111-125.

22. Yagmaian B. An Empirical Investigation of Exports, Development and Growth in Developing Countries: Challenging the Neo-Classical Theory of Exportled Growth, World Development. – 1994. –№22. –P.1977-1995.
23. Yakushev N.O. Improving the tools for assessing and managing export activities of SMEs in the region // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2020. – Vol. 13, №3. –P.143-157.

SPECIFICITY OF TECHNOLOGICAL MARKETS IN DEVELOPMENT OF REGIONAL HIGH-TECH EXPORT

Yakushev Nikolai Olegovich

Researcher

Federal state budgetary institution of science

"Vologda Scientific Center of the Russian Academy of sciences"

160014, Russia, Vologda, st. Gorky, b. 56a

Ph.: (+78172) 59 78 10 (ext. 388)

yakushev.n.o@gmail.com

One of the most important conditions for successful economic restructuring and effective integration of Russian regions into global technology markets is the development of high-tech exports that can become a source of income for both the federal and regional budgets.

At the same time, the strengthening of Russia's position in the world market occurs mainly due to the expansion of exports of organizations in the fuel and raw materials sector and the sector of primary processing of products, while most of the manufacturing industries and suppliers of high-tech products have low competitiveness and are poorly represented on the international market. Russian regions are involved mainly in the supply of raw materials to international markets.

The study highlights scientific theories relating to the issues of technological entrepreneurship and high-tech exports, allowing to highlight its main characteristics and features. The author has developed an integrated approach to the development of high-tech exports and identified the possibilities of technological entrepreneurship in this direction, which allows setting priorities for further development. The systematization of the existing system of support for export activities (foreign experience) was carried out, highlighting the features in the high-tech sector.

In conclusion, provisions are proposed for the development of a unified approach to the development of Russian high-tech exports based on the formation of technological entrepreneurship, taking into account foreign experience.

The results of the study contribute to the theory of economic development and world economic relations at the regional level and can be used by scientists, teachers of higher educational institutions, employees of enterprises, and representatives of authorities operating in the field of export.

Keywords: high-tech sector; high-tech export; export activity; technological market; development; territory.

МАХСУСИЯТИ БОЗОРҲОИ ТЕХНОЛОҒИ ДАР ИНКИШОФИ СОДИРОТИ МИТАҚАВИИ ТЕХНОЛОГИЯИ СОДИРОТИ ҲУДУДҲО

Якушев Николай Олегович

Корманди илмии
Муассисаи Федералии давлатии бучавии илмӣ
“Маркази илмии Академияи илмҳои Росси дар ш. Вологда»
160014, Россия, Вологда, к. Горкий, х. 56а
Тел.: (+78172) 59 78 10 (доб. 388)
yakushev.n.o@gmail.com

Яке аз шартҳои муҳими аз нав тармимсозии бомуваффақияти иқтисодиёт ва воридшавии самараноки минтақаҳои Россия ба бозорҳои ҷаҳонии технологӣ инкишофи содироти технологияи баланд мебошад, ки метавонад ба манбаи воридшавии даромадҳо ҳам ба бучети федералӣ, ҳам митақавӣ гардад.

Дар баробари ин, мустақкамсозии мавқеи Россия дар бозори ҷаҳонӣ асосан аз ҳисоби вусъат ёфтани ташкили содироти гармидиҳӣ ва маҳсулоти хом ва бахши дигаргунсозии аввалияи маҳсулот мебошад, ҳол он ки қисми зиёди истеҳсолоти коркардшаванда ва таҳвилгарони маҳсулоти технологияи баланд рақобатпазирии баланд надорад ва дар бозори байналхалқӣ хуб муаррифӣ нашудааст. Минтақаҳои Россия асосан дар таҳвили маҳсулоти хом ба бозорҳои байналхалқӣ иштирок мекунанд.

Дар тадқиқи мазкурназарияҳои илмие ҷудо карда мешаванд, ки ба масъалаҳои соҳибкории технологӣ ва содироти технологияи баланд марбутанд, ки барои ҷудо кардани тавсифу хусусиятҳои асосии он иимконият медиҳанд. Муаллиф муносибати маҷмуиро нисбат ба инкишофи содироти технологияи баланд коркард намуда, имконоти соҳибкории технологӣ дар ин самт муайян карда шудаанд. Ин дар навбати худ имконият медиҳад, ки афзалиятҳои инкишофи минбаъда муқаррар карда шаванд. Банизомдарории низоми мавҷудаи дастгирии фаъолияти содиротӣ (таҷрибаи хоричӣ) бо ҷудо кардани хусусиятҳои бахши технологияҳои баланд анҷом дода шудааст.

Дар хулосаи мақола нуктаҳои коркарди муносибати ягона ба инкишофи содироти технологияи баланди Россия дар асоси ташаккулёбии соҳибкории технологӣ бо инобати таҷрибаи хоричӣ баён гардидаанд.

Натиҷаҳои тадқиқи гузаронидашуда ба назарияи инкишофи иқтисодӣ ва алоқаҳои хоҷагидорӣ ҷаҳонӣ дар сатҳи митақавӣ таъя карда, метавонанд аз тарафи кормандони илмӣ, муаллимони мактабҳои олий, кормандони корхонаҳо, намояндагони мақомоти ҳукуматӣ, ки фаъолияти худро дар соҳаи содирот амалӣ месозанд, истифода бурда шаванд.

Вожаҳои калидӣ: бахши технологияи баланд; содироти технологияи баланд; фаъолияти содиротӣ; бозори технологӣ; инкишоф; ҳудуд.

УДК 631.16+336:63

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КРЕДИТОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Исмаилова Шахноз Шавкатовна

Соискатель кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский Славянский университет
734001, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 105
Тел.: + 992 (37) 221 70 81, (+992 44) 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

В статье приведены основные институциональные и общеэкономические вехи исторического развития сельскохозяйственного кредитования в Таджикистане. В частности, отмечено, что в советский период банковский кредит фактически превратился в форму государственного финансирования сельского хозяйства. В нашей стране при недавних реформах были приняты не совсем удачные методы финансирования сельскохозяйственного производства.

Отмечается, что, согласно мировой практике, для финансирования сельскохозяйственной деятельности используются банковские кредиты, государственная поддержка и бюджетные ресурсы, финансовая помощь международных и иностранных организаций, внутренние и внешние частные инвестиции, в том числе посредством биржевой торговли, страховых компаний, инвестиционных и пенсионных фондов и пр. В статье предпринята попытка определить эффективность каждого из указанных источников сельскохозяйственного кредитования.

Ключевые слова: сельскохозяйственный кредит; банк; иная кредитная организация; государственная поддержка; помощь партнеров по развитию; кредитные риски; основные проблемы.

Как известно, в дорыночный период в общесоюзном разделении Таджикистан специализировался на производстве сельскохозяйственной продукции (прежде всего, хлопка), при этом в основном потребительский спрос населения и нужды предприятий обеспечивались за счет завоза из других союзных республик. Из-за слабости внутреннего промышленного производства ежегодно до 40% расходов республиканского бюджета дотировалось из средств союзного бюджета. Кроме того, инвестирование для создания новых крупных предприятий энергетики, промышленности, строительства железных дорог и пр. осуществлялись за счет союзного бюджета, а произведенная продукция предназначалась для удовлетворения потребностей не только Таджикистана, а всех республик региона. Предприятия промышленности (легкая и пищевая промышленность) осуществляли первичную переработку сельскохозяйственной продукции (хлопок-волокно, хлопковая и шелковая нить, табак, гераниевое масло, овощные и фруктовые консервы и пр.) в другие регионы бывшего СССР [4, с.395-406].

Для финансирования сельскохозяйственной деятельности весьма успешно действовали два канала предварительного авансирования производства сельхозпродукции, принадлежащие государству и потребительским союзам. Эти каналы достаточно полно удовлетворяли потребности производителей сельхозпродукции в финансовых средствах.

До 1986 г. банковская система СССР включала 4 компонента – Госбанк, Стройбанк, Внешторгбанк и Гострудсберкассы и их подразделения на местах. Однако их деятельность в сфере кредитования не соответствовала банковской (в современном понимании этого слова), поскольку они в основном осуществляли расчетно-кассовые функции. Кредитование не рассматривалось государственными банками как источник процентного дохода банков. Отсюда следует, что в советский период кредит превратился в форму финансирования, требования закона стоимости и общественно необходимых затрат труда не учитывались не только банковской системой, но и другими системами экономики.

Во исполнение новой экономической политики осуществлено совершенствование государственной банковской системы – на их базе были созданы (1987): Государственный банк СССР (Госбанк СССР); Банк внешнеэкономической деятельности СССР (Внешэкономбанк СССР); Промышленно-строительный банк СССР (Промстройбанк СССР); Агропромышленный банк СССР (Агропромбанк СССР); Банк жилищно-коммунального и социального развития СССР (Жилсоцбанк СССР); Банк трудовых сбережений и кредитования населения СССР (Сберегательный банк СССР). Задачи и функции банков были изменены. В частности, при кредитовании промышленных, сельскохозяйственных, торговых и снабженческо-сбытовых предприятий и организаций была расширена самостоятельность заемщиков и учреждений банка в организации кредитных отношений, упрощен механизм кредитования, сокращены затраты труда экономического и бухгалтерского аппарата предприятий, организаций и банковских учреждений.

Республиканские подразделения указанных банков в последующем создали основу для банковской системы независимого Таджикистана.

Одновременно Законом СССР “О кооперации в СССР” (26.05.1988 г.) были созданы правовые условия для создания частных кооперативов, в том числе хозяйственных кооперативных банков, предназначенных для мобилизации свободных денежных средств кооперативов, других организаций, граждан и займа их у специализированных банков СССР. Это решение ускорило процесс формирования рыночных отношений, сильнее обозначило несоответствие банковской системы ходу экономических преобразований. В государственных и кооперативных организациях у населения образовался огромный дефицит наличных денег, хотя на их счетах были накоплены значительные денежные средства, которые было очень трудно обналичить.

Еще одна попытка улучшить состояние экономики, включая банковскую систему, была основана на переводе их на полный хозяйственный расчет и самофинансирование (1989). Новый механизм основывался на прибыли (доходе) как главном источнике банковского развития. Банки должны были не только контро-

лизовать деятельность хозяйствующих субъектов, но и кредитными методами помогать им рационально вести свое хозяйство.

Развал экономики СССР, переход Таджикистана к независимости и рыночным отношениям в 1990-х гг. ознаменовались глубочайшим кризисом экономики, связанным с политической и экономической трансформацией, разрывом хозяйственных связей и гражданской войной, развалом единой финансово-кредитной и денежной систем, разрушением ресурсной базы сельского хозяйства и сокращением производства, высоким уровнем инфляции, размер которой только в 1993 г. превысил 1000%. Таджикистан потерял к 1996 г. 67% от ВВП и более половины бюджетных доходов в процентах от ВВП [9, с.1].

В Таджикистане до этого не было создано ни одного собственного негосударственного банка. Известно, что в г. Душанбе открылись филиалы московского АКБ "Авиабанк" (1992) и иранского банка «Тиджорат» (1995). Были выданы лицензии Совместному инвестиционному Центрально-Азиатскому банку (1994), ЗАО «Ист-Кредит Банк» (1997), Совместному Таджикско-Бахрейнскому «Инвестбанку» (2003) [2, с.91].

В Таджикистане финансирование сельскохозяйственной деятельности осуществлялось в основном Таджикагропромбанком (который после всех преобразований стал называться Акционерный коммерческий Агропромышленный Инвестиционный банк (АК АПИБ "Агроинвестбанк").

Сельскохозяйственные предприятия для финансирования своей деятельности старались получить безвозмездную иностранную помощь, кредиты в банках (которые, как правило, воспринимались как государственное финансирование и не возвращались), либо, при отсутствии источников финансирования и должного государственного контроля, распродавали свое имущество (в том числе сельскохозяйственную технику). В результате таких действий уменьшались собственные финансовые средства хозяйств, снижалась их производственно-техническая база, сокращались объемы производства и урожайность сельскохозяйственных культур, прежде всего хлопка, росли размеры задолженности этих хозяйств.

В определенной степени это было связано с неэффективностью ряда принятых в Республике Таджикистан (далее – РТ) решений в сфере сельскохозяйственного кредитования, в частности, сохранением директивного управления производством хлопка (поскольку хлопок и алюминий являются основными источниками валютных поступлений в страну), созданием такого института развития, как государственное учреждение по материально-техническому обеспечению выращивания и сбыта хлопка (Главхлопкопром) (до 1998 г.), распространением механизма фьючерских сделок, массово применявшимся до 2008 г. для кредитования производства хлопка.

Так, для привлечения внешних и внутренних финансовых ресурсов был установлен механизм фьючерских сделок между производителями хлопка и инвесторами по производству и реализации сельскохозяйственной продукции (1994). Инвестор вкладывал финансовые и материальные средства в процесс выращивания и сбора хлопка (по сути, товарный кредит), а хлопкопроизводитель эквивалентно возмещал ему полученные средства натуральной продукцией.

Начиная с 1996 г. большинство хлопкосеющих хозяйств страны по указанию местных органов власти работали по фьючерсным контрактам. Эти меры позволили в тот период снизить темпы спада производства хлопка в Таджикистане [11, с.20-21].

При этом производство хлопка натолкнулось на крутое изменение выплаты за неё, когда конечные расчеты с производителями осуществлялись лишь после отгрузки хлопка-волокна на борт кораблей или грузовых поездов в конечных портах или станциях СНГ. Это означало, что временной лаг в выплате дехканам за продукцию составлял от 6 до 10 месяцев [12, с.10].

Следует отметить, что в организационном плане в последующем ОАО "Агроинвестбанк" было реструктуризировано (2004), из банка выделилась его часть (осуществляющая предэкспортное кредитование хлопкосеющих хозяйств за счет иностранных инвестиций) и была создана самостоятельная небанковская финансовая организация ЗАО "Кредит-Инвест".

Однако из-за несовершенства самих контрактов, несоблюдения сторонами условий контрактов, низкого правового уровня знаний руководителей хозяйств и местных органов власти, занижения закупочных цен на хлопок, завышения цен на поставляемые хозяйствам товарно-материальные ресурсы, отсутствия должного контроля над исполнением контрактов, падения цен на хлопок на мировых биржах, несоблюдения технологий производства хлопка из-за перераспределения выделенных ресурсов для выращивания иных культур финансовое положение хлопкосеющих хозяйств резко ухудшилось.

Большинство хлопкосеющих хозяйств оказались не в состоянии своевременно рассчитаться с инвесторами за полученные кредиты, вместе с тем они не имели возможности отказаться от новых кредитов под будущий урожай хлопка. Более того, производители хлопка-сырца оказались не в состоянии даже компенсировать свои производственные затраты.

Провальность такого метода финансирования в долгосрочной перспективе можно было предугадать, основываясь на концепции Д.Норта: «Соглашения могут основываться на принуждении со стороны третьего лица (социальные санкции или принуждение со стороны государства), со стороны контрагента (возможность осуществить возмездие), или они формируются просто под воздействием общепризнанных стандартов поведения. Насколько эффективно составлены соглашения, насколько хорошо они выполняются, от этого зависит вся экономическая ситуация» [6].

К 2007 г. долги хлопкосеющих хозяйств перед фьючерсными компаниями превысили \$550 млн. (почти половина государственного бюджета страны на 2007 г.) [13, с.36]. В целях решения проблем хлопкосеющих хозяйств правительство РТ приняло решение о бюджетном погашении этих долгов перед инвесторами (на 31.12.2007 г.). Для финансирования сельскохозяйственных работ предложен механизм банковского кредитования (в том числе на основе бюджетных средств).

Сельское хозяйство может развиваться только тогда, когда у него есть доступ к недорогим заемным финансовым ресурсам. В связи с этим государство

совместно с донорскими организациями пытается определить действенные институциональные механизмы для облегчения возможности получения сельскохозяйственными производителями доступных кредитных ресурсов. Из-за нехватки собственных средств производители сельскохозяйственной продукции не всегда соблюдают агротехнические правила, например, не используется необходимый объем удобрений, что ведет к снижению урожайности.

В условиях современной экономики РТ кредитные отношения приобрели новые особенности. Это, прежде всего, связано с сокращением удельного веса банковского и бюджетного кредитования экономики в целом и сельского хозяйства в частности (в связи с сокращением бюджетного и банковского потенциала), переливом ссудного капитала в основном в сферу обращения (в первую очередь, из-за повышения кредитных ставок), резким снижением доли средне- и долгосрочного кредитования сельскохозяйственного производства (в основном, из-за повышенных ставок ссудного процента и высокой степени риска кредитования). В результате сельскохозяйственный кредит не реализует в полной мере свои потенциальные возможности как один из факторов обеспечения экономического роста сельского хозяйства.

По предварительным расчетам, для осуществления экономических реформ, в том числе в сфере сельского хозяйства и кредитования, в рамках Национальной стратегии развития РТ на период до 2030 г. объем предполагаемой потребности в финансировании на 2016-2030 гг. крайне велика и составляет 118,1 млрд. долл. США, из них на частный сектор приходится 54,7 млрд. долл. США (46,3%), бюджетные средства 56,1 млрд. долл. США (47,5%) и вклад Партнёров по развитию 7,3 млрд. долл. США (6,2%).

В Стратегии предусмотрено, в том числе, повысить размеры валовых внутренних сбережений (с 18% в 2015 г. до 28% в 2030 г.), частных инвестиций в ВВП (с 5% в 2015 г. до 25% в 2030 г.), степень монетизации экономики (с 23% в 2015 г. до 56% в 2030 г.) [5, с.82]. Считаем, что данные показатели являются несколько амбициозными, достичь их в указанный период будет сложно, если в экономике страны в указанный период не будут осуществлены коренные экономические и институциональные изменения, в том числе в направлении усиления мобилизации финансовых средств.

Согласно мировой практике, кроме банковских кредитов, для финансирования сельскохозяйственной деятельности используются государственная поддержка и бюджетные ресурсы, финансовая помощь международных и иностранных организаций, внутренние и внешние частные инвестиции, в том числе посредством биржевой торговли, страховых компаний, инвестиционных и пенсионных фондов и пр.

В частности, для государственной поддержки сельхозпроизводителям в Налоговом кодексе РТ (2021): установлен единый сельскохозяйственный налог (взамен налога на добавленную стоимость, подоходного налога и земельного налога), установлена фиксированная ставка социального налога для членов ДФХ без образования юридического лица, упрощена процедура уплаты установленных налогов, предусмотрен безналоговый ввоз производственного оборудования;

действует упрощенный режим налогообложения птицеводческой и рыбководческой деятельности, производства комбинированных кормов для птиц и животных (с освобождением от налога на доходы юридических лиц, налога на добавленную стоимость, налога на недвижимое имущество, земельный налог); для субъектов инновационно-технологической деятельности (с освобождением от всех налогов, кроме подоходного и социального налогов); во исполнение Закона РТ «О финансовой аренде (лизинге)» (2003) установлены налоговые льготы в отношении лизинговых операций (освобождение от налога на добавленную стоимость) по приобретению машин и оборудования.

Законом РТ «О государственной поддержке отраслей агропромышленного комплекса» (2007) предусматривается финансирование лиц, осуществляющих деятельность в сфере сельского хозяйства из государственного бюджета и привлечения иностранных инвестиций и грантов. В частности, в расходную часть Государственного бюджета РТ на 2022 г. для финансирования отраслей сельского хозяйства, рыболовства и охоты предусмотрены денежные средства в размере свыше 1 млрд. сомони.

Бюджет Министерства сельского хозяйства РТ значительно увеличился с 2000 г., однако выделенные средства составляют менее 2% от общих расходов госбюджета, которых недостаточно на реализацию Программы защиты сельскохозяйственных культур и животных от болезней. Менее 1% бюджета министерства используются на субсидии хозяйствам. В госбюджете также предусматриваются отдельно незначительные расходы на ирригацию и программы сельскохозяйственного кредитования хозяйств. В сфере страхования, активы которой незначительны, функционируют 2 государственных и 14 частных компаний. До 75% страхового рынка страны охвачено обязательным страхованием, осуществляемым государственными компаниями (у которых изымается в бюджет 70% дохода). Интерес страховых компаний в сельскохозяйственном страховании незначителен [13, с.35-36].

Для снижения бедности, прежде всего сельской бедности, международными организациями реализуется за счет грантов и льготных кредитов почти 50% государственных инвестиционных программ в Таджикистане. Наша страна стала крупным получателем грантов и льготных кредитов от сообщества доноров. Официальная помощь развитию нашей стране, оказываемая международными организациями, ежегодно являясь основным источником финансирования бюджетного дефицита.

В значительной степени стимулирование общественного производства (в т.ч. сельскохозяйственного производства) в нашей стране и социальная поддержка населения осуществляется за счет денежных средств, перечисляемых трудовыми мигрантами (6,4% от ВВП в 2002 г., 41,7% от ВВП в 2014 г. и 38% от ВВП в 2017 г.). *Таджикистан* является одним из крупных получателей денежных переводов в мире. Однако такая зависимость не является целесообразной: в случаях внешних потрясениях объем перечисляемых мигрантами средств резко сокращается, что негативно отражается на потребительском рынке и темпах роста национальной экономики [9, с.22]. Более того, крупные размеры притока денежных средств

извне, возобновляемого ежегодно, в большинстве своем не привлеченные к инвестированию, могут стать причиной экономических и социальных проблем, подобных последствиям «голландской болезни».

Приток прямых иностранных инвестиций в Таджикистан не демонстрирует тенденции к росту. Основные инвестиции осуществляются в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность, в первую очередь из Китая. Недостаточное финансирование сельского хозяйства, сокращение объемов инвестиций в основной капитал сельскохозяйственных субъектов привело к снижению использования существующих и ввода в действие новых производственных мощностей [8, с.60-71].

В институциональном аспекте, для развития кредитования в частности, к настоящему времени приняты законы РТ «О Национальном банке Таджикистана» (в ред.1996 и 2011 гг.), «О банковской деятельности» (в ред.1998 и 2009 гг.), «О микрофинансовых организациях» (в ред.2004 и 2012 гг.), «О страховании сбережений физических лиц» (в ред.2003 и 2011 гг.), «О ликвидации кредитных организаций» (2011), «О кредитных историях» (2009 г.), «Об исламской банковской деятельности» (2014 г.), «О ломбардах» (2013 г.), «О платежных услугах и платежной системе» (2017 г.).

В Таджикистане по состоянию на 31 марта 2022 года по данным Национального банка Таджикистана (далее – НБТ) функционируют 62 кредитные финансовые организации, в том числе 13 традиционных банков, 1 исламский банк, 19 микрокредитных депозитных организаций, 3 микрокредитные организации и 26 микрокредитных фондов. Кроме того, функционируют представительство АКОО “Сельскохозяйственный банк Китая” (3-го во величине банка мира с активами свыше \$ 4,5 трлн.), а также 2 бюро кредитных историй.

Однако ОАО «Агроинвестбанк» – специализированный банк сельскохозяйственного кредитования, наряду с ОАО «Содиротбанк», входившим совместно в первую тройку крупнейших банков и в перечень структурообразующих банков страны, по данным НБТ, уже почти 5 лет находятся на стадии ликвидации по основаниям банкротства. По этим же основаниям в настоящее время находятся на стадии ликвидации еще 2 банка и 16 микрофинансовых организаций (далее – МФО). В дополнение к этому 10 МФО находятся на стадии ликвидации (как определено «не по основаниям банкротства»), а 16 кредитных организаций, включая ЗАО «Дочерний банк НБП в Таджикистане» находятся на стадии добровольной ликвидации.

Деятельность кредитных кооперативов создаваемых на основе Закона РТ «О кооперативах» (2013), порядок деятельности которых определяется законодательством о банковской деятельности, судя по всему, не входит в сферу правового регулирования НБТ. Также вне сферы регулирования НБТ остаются кредитные союзы, создаваемые согласно закону (2013). Определено, что кредитные союзы создаются для достижения следующих целей: объединения денежных средств; взаимного кредитование; оказания финансовых услуг; привлечения участников кредитного союза к участию в управлении его деятельностью. Хотя в отношении деятельности ломбардов (лицензируемых Министерством финансов)

разработана специальная инструкция НБТ, однако их деятельность регулятором не отслеживается. Исходя из этого, можно сделать вывод о нерешенных проблемах в использовании этих альтернативных банкам институциональных форм кредитования в экономике Таджикистана, в том числе в его сельском хозяйстве.

Для сравнения: согласно опубликованным на сайте центрального банка Кыргызстана данным, указанные и иные кредитные организации подконтрольны этому регулятору. В 2021 г. в этой стране функционировало 23 коммерческих банка, 9 микрофинансовых компаний, 86 микрокредитных компаний, 37 микрокредитных агентств, 89 кредитных союзов, 367 обменных бюро, 2 кредитных бюро, 1 гарантийный фонд и 1 жилищно-сберегательная кредитная компания.

Совокупные показатели банковской системы Таджикистана, приведенные НБТ, в сравнении с другими странами также не являются впечатляющими. Так, по состоянию на 31 декабря 2021 года показатель монетизации экономики составил 28,7%, общие активы кредитных финансовых организаций составили 22 414,7 млн. сомони, что составляет 22,7% от ВВП. Общий остаток кредитного портфеля кредитных финансовых организаций за отчетный период составил 11 970,4 млн. сомони, что составляет 12,1% от ВВП. Общие депозиты кредитных организаций за этот период составили 10 159,3 млн. сомони, что равняется 10,3% ВВП. В банковскую систему входят 2 банка со 100-процентным государственным участием, удельный вес активов которых к ВВП составил 5,1% (2021).

Для сравнения, в России, экономика которой уже много лет находится под постоянным давлением иностранных санкций, показатель монетизации экономики (M2/ВВП) составил 47%, общие активы банков по отношению к ВВП в 2021 г. достигли 90%, общий объем кредитов к ВВП составил 46%, совокупный объем депозитов к ВВП составил 45% [1, с.22].

За 30 лет после объявления независимости, исходя из складывающейся экономической ситуации, регулятором изменялась банковская ставка (по данным НБТ) (см. табл. 1).

Таблица 1

Средняя банковская ставка

Год	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Средняя банковская ставка НБТ, в % (по итогам года)	188,41	20,49	9,12	8,05	8,00	11,65	13,5*

После достижения определенной финансовой стабилизации национальной экономики, по данным НБТ, несколько снизились кредитные ставки коммерческих банков (табл. 2).

Таблица 2

Средневзвешенные ставки по срочным кредитам в национальной валюте, выданным банками, в % (за январь соответствующего года)

Год	2002	2005	2010	2015	2020
до 1 месяца	31,64	27,50	19,96	28,33	16,52
свыше 1 месяца до 3 месяцев	12,60	25,78	24,12	31,55	21,90
свыше 3 месяцев до 6 месяцев	29,51	28,57	11,40	35,45	25,09
свыше 6 месяцев до 1 года	31,21	26,09	27,52	28,28	27,43
свыше 1 года	38,83	24,60	29,49	26,34	24,34

Однако принятые НБТ в последние годы институциональные ограничительные меры, в частности, запрет на осуществление обменных операций небанковскими субъектами (2014 г.), установление НБТ платы за обналичивание денежных средств (2015 г.), запрет на выдачу клиентам мигрантских переводов в российских рублях (только в сомони по курсу) (2016 г.), введение в действие Национального процессингового центра по денежным переводам, признание НБТ расчетным банком данного центра и осложнение деятельности для операторов переводных операций (2019 г.), по нашему мнению, укрепляя финансовые и контрольные возможности НБТ, снизили степень свободы деятельности кредитных организаций, ограничили возможности мигрантов – отправителей денежных переводов в Таджикистан, сократили возможности по обмену валютной наличности, лишили права граждан РТ на получение переводов от мигрантов в российской валюте.

В Рекомендациях НБТ (2009) по кредитованию субъектов сельского хозяйства в качестве кредиторов определены банки, небанковские финансовые организации (микрофинансовые организации, ломбарды) и другие юридические лица, финансирующие сельскохозяйственную деятельность на основе фьючерских договоров (закупка будущего урожая). Установлено, что выдача кредитов осуществляется на условиях возвратности, срочности, платности, обеспеченности и целевого использования. В качестве обеспечения исполнения обязательств предусмотрен залог (ценных бумаг, права пользования земельным участком, движимого и недвижимого имущества, будущего урожая заемщиков, купленного за счет средств кредита крупного рогатого и мелкого скота, предназначенного для выращивания, откорма и воспроизводства), а также другие виды обеспечения.

Как отмечалось, из-за низкого материально-финансового потенциала большинства сельскохозяйственных субъектов у этих хозяйств не осталось никакого имущества, кроме недорогих строений и прав землепользования. Поэтому приведенные в рекомендуемом перечне залога ценные бумаги и движимое имущество

заемщиков в качестве залога при кредитовании не используются, а процедуры залога права землепользования нормативными правовыми актами не определены. Поэтому, как правило, в качестве залога по кредиту на практике используется только будущий урожай, выращиваемый скот, а также строения в удаленных сельских районах, обладающие незначительной стоимостью.

В Рекомендациях предусматривается кредитование на срок 6 месяцев – 3 года (обычно на пополнение оборотных средств, либо некапиталоемких инвестиций (для развития птицеводства, рыбоводства, пчеловодства и др.)), либо на свыше 15 лет для реализации крупных инвестиционных проектов. Установлено, что соотношение собственных и заемных средств заемщика должно составлять коэффициент 0,3 и 0,7 соответственно.

Согласно данным НБТ, по состоянию на конец ноября 2020 г. сельскохозяйственные кредиты банков и небанковских кредитных организаций составили только 10,5% от общей суммы выданных банковских кредитов и 20,4% от общей суммы микрокредитов, что не может считаться удовлетворительным, в том числе из-за высокой ставки по кредитам (в среднем 22,9%). Всего сумма выданных кредитов всеми банками и небанковскими организациями составляет 12,86% от ВВП.

Согласно данным Всемирного банка, до недавних пор ОАО «Агроинвестбанк» больше всего предоставлял сельскохозяйственные кредиты, однако их сумма составляет не более 2,5% кредитного портфеля всех кредитных организаций. Размер процентов по кредитам микрофинансовых организаций может достигать до 50% [13, с.80].

По данным банковской статистики и проведенных исследований [3, с.13-15] можно сделать вывод о том, что в настоящее время активность кредитных организаций стагнирует, растет доля безнадежных кредитов (25,3% всех выданных кредитов отнесены к безнадежным кредитам), что свидетельствует о низком качестве кредитного портфеля и общей неустойчивости национальной банковской системы. Общее состояние банковской системы страны после почти одновременного банкротства двух самых крупных банков (ОАО «Агроинвестбанк» и ОАО «Таджиксодиротбанк»), воздействия кризисных явлений последних лет (санкций против России в связи с Крымом, пандемии Ковид-2019, международных санкций в связи с войной между Россией и Украиной, а также сохраняющихся угроз для РТ со стороны Афганистана), низких размеров страховых выплат населению по депозитам в банках - банкротах, резких колебаний курса национальной валюты и пр. не способствует повышению уровню доверия населения к банкам. «Угроза потери репутации особенно разрушительна, поскольку природа банковского бизнеса требует поддержания кредиторов, вкладчиков и рынка в целом» [10, с.14].

Кроме банковских кредитов и собственных средств хлопкосеющие хозяйства могут воспользоваться альтернативными источниками финансирования – ссудами предприятий, которые занимаются переработкой хлопка. Эти предприятия не требуют выплачивать им проценты каждый месяц. После сбора урожая дехкане сдают им хлопок и таким образом рассчитываются за

полученные кредиты и проценты по ним. В случае если урожай не задался, срок договора продлевается на следующий год, однако проценты при этом не начисляются. Поэтому сотрудничество хозяйств с хлопкоперерабатывающими предприятиями считается дехканами более благоприятным, чем с банками. Производители иной сельскохозяйственной продукции финансируются по другой, не такой благоприятной, схеме.

Опираясь на проведенные исследования и иные источники, определим основные проблемы финансового сектора, в том числе касающиеся сельскохозяйственного производства, в частности: диспаритет между продукцией промышленности и сельского хозяйства; не развитость механизма мобилизации внутренних сбережений, привлечению внутренних и внешних инвестиций; высокая стоимость кредитов и оказываемых услуг, невысокое качество услуг, в том числе ограниченное использование информационных технологий; низкий уровень капитализации действующих финансовых институтов (банки, МФО, страховые компании и т.д.); не использование механизма фондового (пенсионный фонд, фонды страховых компаний) и биржевого инвестирования в капитал сельскохозяйственных предприятий и финансовых организаций; высокий уровень долларизации финансового сектора, высокая степень использования наличных средств в денежном обороте; высокая чувствительность к колебаниям курса мировых валют, воздействию внешних кризисных ситуаций; излишне жесткое регулирование банковского сектора в 2010-2022 гг., в т.ч. приведшее к сокращению поддержки регулятором банковского сектора, банкротству двух структурообразующих банков (Агроинвестбанк и Содиротбанк), платности наличных денежных средств в сравнении с безналичными, осложнению переводов для трудовых мигрантов, запрету обменных операций небанковскими структурами, росту дефицита валютных средств; недостаточный уровень поддержки со стороны правительства и регулятора в отношении создаваемых кредитных кооперативов и кредитных союзов; региональная неравномерность в доступности финансовых услуг; высокий уровень цен на финансовые услуги, включая кредиты; необходимость существенных инвестиций в восстановление и развитие инфраструктуры в сельских регионах и решение экологических проблем.

К примеру, в развитых странах биржевые торги акциями предприятий, обеспечивающие движение инвестиций, достигают значительных величин по отношению к ВВП: США – 250%, Швейцария – 220%, Великобритания – 180%, Южная Корея – 150% [1, с.20].

Как отмечается, в настоящее время пандемия КОВИД-19 оказала крайне неблагоприятное воздействие на экономику РТ. Рост реального ВВП замедлился до 4,5% в 2020 году в сравнении с 7,5% в 2019 году. Пандемия также отрицательно сказалась на и без того низких прямых иностранных инвестициях (ПИИ), которые упали более чем на 70%, или 1,8% ВВП, в первой половине 2020 г. [7, с.2].

Недостатки текущей модели сельскохозяйственного кредитования требуют перехода к более устойчивому, эластичному и инклюзивному курсу. Такая модернизация подразумевает перевод нестабильного финансирования сельского хозяйства с высокими транзакционными издержками к модели, характеризую-

щейся частными инвестициями и экспортоориентированным ростом сельскохозяйственного производства, поддерживаемым государственными ресурсами и институтами.

Литература

1. Господарик Е., Ковалев М. Анализ финансовых систем стран ЕАЭС и их влияния на экономический рост // Исследования денежно-кредитной системы и финансовых рынков. – 2021. – №61, июнь. – С.18-25.
2. Давлатов И.Х. О последствиях проникновения иностранного капитала в банковский сектор Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2015. – № 2 (2). – С.91-96.
3. Икромов Н.К. Антикризисное регулирование банковской деятельности в Республике Таджикистан: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.10 / Икромов Нуриддин Киёмович. – Душанбе, 2021. – 32 с.
4. Исмаилов Ш.М., Исмаилов С.Ш. Правовая среда предпринимательства в аграрном секторе экономики (сравнение реформ Таджикистана и Китая) // Семейный Бизнес и качество правовой среды – М.: Изд-во «Проспект», 2021. – С.395-406.
5. Национальная стратегии развития РТ на период до 2030 года. – 88 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncl.tj/file/национальная-стратегия-развития-республики-таджикистан-на-период-до-2030-годаpdf-0>
6. Норт Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutional.boom.ru/North/Ponimanie-tranzitologia.htm>
7. Обзор агропродовольственной отрасли и государственных расходов на сельское хозяйство Таджикистана. – Вашингтон: Всемирный банк, 2021. – 112 с.
8. Пирназаров Ш.М. Повышение конкурентоспособности производства продукции сельского хозяйства (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Пирназаров Шоназар Махтовович. – Душанбе, 2019. – 137 с.
9. Содействие диверсификации экспорта и роста. Страновое диагностическое исследование – Манила: АБР, 2016. – 181 с.
10. Султонов З. Вопросы оценки и управления банковскими рисками // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №1(69). – С. 9-16.
11. Таджикибаев Ш.А. Содержание и порядок заключения фьючерсного договора // Вестник Таджикского госуниверситета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2014. – №2 (58). – С.20-21.
12. Умаров Х. Сельскохозяйственная политика в производстве хлопка и диверсификация агропромышленного комплекса в Таджикистане – Берлин: Институт агропромышленного развития переходных стран Лейбница, 2016. – 44 с.
13. Tajikistan: Agricultural sector risk assessment // World Bank Group Report. – 2016. – 134p.

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF LENDING TO AGRICULTURAL
PRODUCTION IN TAJIKISTAN**

Ismailova Shakhnoz Shavkatovna

Competitor for a degree of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734001, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 105
Ph.: + 992 (37) 221 70 81, (+992 44) 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

In the article, the main institutional and general economic milestones in the historical development of agricultural lending in Tajikistan are presented. In particular, it is noted that during the Soviet period, a bank loan actually turned into a form of state financing of agriculture. In our country, with recent reforms, not entirely successful methods of financing agricultural production have been adopted.

It is noted that according to world practice, bank loans, state support and budgetary resources, financial assistance from international and foreign organizations, domestic and foreign private investments, including through exchange trading, insurance companies, investment and pension funds are used to finance agricultural activities and so on. The article attempts to determine the effectiveness of each of these sources of agricultural lending.

Key words: agricultural credit; bank; other credit organization; governmental support; assistance from development partners; credit risks; main problems.

**МУШКИЛОТИ ИНКИШОФИ ҚАРЗДИҲИИ ИСТЕҲСОЛОТИ
КИШОВАРЗӢ ДАР ТОҶИКИСТОН**

Исмоилова Шаҳноз Шавкатовна

Унвонҷӯи кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734001, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, х. Рӯдакӣ, 105
Тел.: + 992 (37) 221 70 81, (+992 44) 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

Дар мақола марҳилаҳои асосии институтсионалӣ ва умумиқисодии инкишофи таърихии қарздиҳии кишоварзӣ дар Тоҷикистон оварда шудаанд. Аз ҷумла, қайд карда шудааст, ки дар давраи шӯравӣ қарзи бонкӣ амалан ба шакли маблағгузории давлатии хоҷагии деҳот табдил ёфта буд. Дар кишвари мо ҳангоми ислоҳоти ба наздикӣ шудагузашта усулҳои наҷандон бобарори маблағгузории истеҳсолоти кишоварзӣ татбиқ гардиданд.

Зикр мегардад, ки мувофиқи амалияи ҷаҳонӣ, барои маблағгузории фаъолияти кишоварзӣ қарзҳои бонкӣ, дастгирии давлатӣ ва захираҳои бучет, ёрии молиявии ташкилоти байналхалқӣ ва хориҷӣ, сармоягузориҳои дохилӣ ва берунӣ, аз ҷумла тавассути савдо дар биржа, ширкатҳои суғуртавӣ, фондҳои маблағгузор ва нафақаҳои ва ғ. ҷалб карда мешаванд. Дар мақола барои муайян кардани самаранокии ҳар яке аз манбаҳои нишон додашудаи қарздиҳии кишоварзӣ кӯшиш ба ҳарч дода шудааст.

Вожаҳои калидӣ: қарзи кишоварзӣ; бонк; ташкилоти дигари қарзӣ; дастгирии давлатӣ; ёрии ҳамшарикон оид ба инкишоф; хатарҳои қарзӣ; мушкилоти асосӣ.

УДК 005.96:005.591.6 (575.3)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Сорокин Сергей Витальевич

Аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 915 00 66 63 (м.)
torosso-lider@mail.ru

В статье рассматриваются сущность человеческого капитала и его роль в инновационном развитии и преобразованиях в Республике Таджикистан. Показано, что человеческий капитал служит главным фактором инновационных преобразований, основной частью фундамента пост-индустриальной экономики. Представлены различные теоретические подходы к пониманию сущности и содержания категории «человеческий капитал», определены ключевые факторы, которые влияют на производительность человеческого капитала. Анализируя современное состояние человеческого капитала в Республике Таджикистан, автор выявляет различные барьеры, мешающие развитию и эффективному использованию человеческого капитала в Таджикистане. Среди сдерживающих факторов, по мнению автора статьи, следует выделить недостаточное финансирование, коррупцию и неэффективное использование выделяемых государством денежных средств на научные исследования, разработки и в целом на образование.

Приведены данные по индексу человеческого капитала (ИЧК) РТ в сравнении с отдельными странами СНГ и Европы. Показана динамика расходов государственного бюджета на образование в РТ; определены факторы, способные повысить эффективность человеческого капитала, его инновационность.

Ключевые слова: человеческий капитал; инновационное развитие; инновационные преобразования; цифровая экономика; индекс человеческого капитала; человеческий фактор; цифровая трансформация.

В инновационных преобразованиях важнейшую роль играют интеллектуальные человеческие способности нестандартно мыслить и решать различные возникающие проблемы. Для решения экономических, научных, социальных, технических, художественных и других проблем необходимы глубокие знания, подготовленная система информации, творческое взаимодействие участников инновационных процессов. Современный цифровой век требует от человека креативного мышления, ускоренной приспособляемости к внедряемым инновационным идеям и технологиям, творческих решений возникающих перед ним проблем. Во многих сферах деятельности доля умственного труда с каждым годом всё больше увеличивается. Развитие интеллектуальных и творческих способно-

стей становится основополагающей задачей в воспитании человека современного цифрового общества.

Решающую роль в век цифровых технологий играет эффективное использование природных ресурсов для ускорения инновационного развития экономики. Период производства, в котором преобладало использование дешёвой, неквалифицированной рабочей силы, постепенно заканчивается. Главным ресурсом становится человек, его интеллект, его способность к нестандартным, творческим ходам, осуществлению и восприятию новых идей, новшеств, инновационных преобразований.

Прежде всего, переход к цифровой экономике связан с масштабными инвестициями в человеческий капитал. Необходимым условием прогресса современного цифрового общества является развитие человека. Поэтому именно развитие человека, улучшение его здоровья, увеличение уровня его интеллектуальных и творческих способностей должно стать национальным приоритетом Республики Таджикистан. Инновации немыслимы без квалифицированных кадров. Цифровая, инновационная экономика не в состоянии развиваться сама, без необходимых производственных фондов, технологий, а главное – без высококвалифицированных специалистов.

Существенный вклад в исследование человеческого капитала и его инвестирования внесли такие зарубежные ученые, как: Т.Шульц, Ф.Махлуп, Г.Беккер, Дж.С.Уолш, С.Кузнец, Дж.Кендрик, И.Фишер, М.Фридмен, М.Спенс, Н.Барр, Дж.Вейзи, Б.Вейсброд, В.МакМэгон, Э.Дэнисон, Р.Бакс, Дж.Минцер, Л.Туроу, У.Боуен, И.Бэн-Порет, С.Боулс, К.Эрроу, а также ряд российских ученых-экономистов: Р.И.Капелюшников, М.М.Критский, Ю.А.Корчагин, Л.Г.Симкина, С.А.Курганский, Д.В.Нестерова, Е.Д.Цыренова, И.А.Никитина, Алпатов, И.В.Бушмарин, Е.А.Вильховенко, А.И.Добрынин, Б.М.Генкин, В.А.Гойло, С.А.Дятлов, И.В.Ильинский, В.С.Пригарин, Т.О.Разумова, С.Ю.Роцин, К.З.Сабириянова, Е.В.Бобкова, Н.А.Майорова, В.М.Цветаев и др.

Среди ученых Таджикистана, занимающихся научными исследованиями в данной области, следует выделить работы М.Нурмахмадова, С.Дж.Комилова, М.М.Холматова, Х.У.Умарова, Т.Б.Ганиева, Д.Б.Кадырова, Т.Дж.Усмановой, И.Хоркашева и др.

Впервые ввел и исследовал категорию «живые действующие силы человека» У.Петти [5]. Он полагал, что «живые действующие силы человека» являются важнейшим фактором роста богатства страны, составной его частью. Преобладающую роль человеческого фактора в производственном процессе одним из первых отметил А.Смит. В «Исследованиях о природе и причинах богатства народов» он отводит решающую роль навыкам и способностям работника в создании богатства [6]. Понятие «человеческий капитал» полностью сформировалось во второй половине XX века благодаря работам ученых-экономистов Теодора Шульца, Гэри Беккера и Саймона Кузнеца. Словосочетание «человеческий капитал» впервые использовал американец Теодор Шульц в 1961 году. Нобелевская премия по экономике за создание основ теории человеческого капитала была присуждена С.Кузнецу в 1971 г., Т.Шульцу в 1979 г., Г.Беккеру в 1992 г. Су-

ществленный вклад в признание теории человеческого капитала в научных кругах на первоначальном этапе её становления принадлежит Теодору Шульцу. Он считал, что человеческий капитал – это основной двигатель и фундамент индустриальной и постиндустриальной экономик [12].

Исследователи-экономисты приводят множество различных определений и подходов к понятию «человеческий капитал», которые далее мы рассмотрим в следующей таблице.

Таблица 1

Подходы к определению понятия «человеческий капитал» [8, с.19]

Подход	Представители	Определение понятия «человеческий капитал»
Человеческий капитал как запас способностей, знаний, навыков, используемых в деятельности	Дж.С.Уолш, Л.С.Тороу, Т.Е.Дрок, Ю.П.Бойко, У.Боуэн, В.Н.Костюк	«Капиталом является не сам человек, а унаследованные и приобретенные им способности к труду, а также образование и квалификация» (Дж.С. Уолш).
Человеческий капитал как запас способностей, знаний и других характеристик, позволяющих получать более высокие доходы в будущем	Г.Беккер, Т.У.Шульц, Ф.Махлуп, Е.В.Бобкова, Н.А.Майорова, С.М.Климов, И.Фишер	«Капиталом является все то, что представляет собой источник будущих удовлетворений, заработков, любой актив – физический или человеческий, обладающий способностью генерировать поток будущих доходов» (Т.У.Шульц)
Человеческий капитал как сформированный в результате инвестиций запас способностей, знаний и других характеристик, позволяющий получать более высокий доход в будущем	В.Т.Смирнов, И.В.Скоблякова, И.Т.Корогодин, А.Н.Добрынин, С.А.Дятлов, Е.Д.Цыренова, Р.И.Капелюшников	«Человеческий капитал – это экономическая категория, представляющая совокупность содержательных способностей, личных качеств, накапливаемых за счет инвестиций, используемых в национальном хозяйстве в течение определенного периода времени с целью получения доходов в будущем» (Е.Д.Цыренова)
Человеческий капитал как всеобщеконкретная форма человеческой жизнедеятельности	Л.Г.Симкина, М.М.Критский	«Человеческий капитал – основанное на экономии времени обогащение жизнедеятельности, которое является основным отношением со-

		временной инновационной системы» (Л.Г.Симкина)
--	--	--

В монографии «Теория инновационного развития» С.Дж.Комилов, рассматривая современные ключевые научно-методологические проблемы инновационного развития и важнейшую роль человеческого капитала в процессе развития инновационной экономики, отмечает, что «человеческий капитал – это целостная совокупность общественных отношений развития и самореализации личностей в общественно значимой (востребованной) деятельности. Его характеризует запас знаний, умений, навыков, жизненного и трудового опыта, информации, мотивации, которые направлены на активизацию возможностей мыслительной, творческой деятельности человека. Таким образом, под человеческим капиталом следует понимать совокупность врождённых, приобретённых способностей, таланта, умений, навыков, опыта, направленных на развитие мыслительной, творческой деятельности человека в целях извлечения дохода (материальных и духовных выгод) в конкретных социально-экономических условиях» [2, с.113].

В свою очередь, Ю.А.Корчагин указывает, что «человеческий капитал – это интенсивный, синтетический и сложный производительный фактор развития экономики и общества, включающий креативные трудовые ресурсы, инновационную систему, высокопроизводительные накопленные знания, системы обеспечения профессиональной информацией, инструменты интеллектуального и организационного труда, качество жизни, среду обитания и интеллектуальной деятельности» [3, с.7].

Суммируя существующие определения человеческого капитала, можно утверждать, что это накопленная в результате инвестиций совокупность знаний, умений, навыков, способностей, личных качеств, ценностных ориентаций человека, главная движущая сила инновационных преобразований и основа формирования инновационной культуры общества.

Человеческий капитал определяет качество экономического роста. Только он может обеспечить коммерциализацию инновационных идей. Ведущие страны мира давно уже это поняли, вкладывая в развитие человеческого капитала основную долю своих материальных и финансовых ресурсов. Большую часть инвестиций в человеческий капитал в развитых странах мира осуществляет государство. В части государственного регулирования экономики ключевой функцией страны является существенный объём инвестиций в развитие человеческого капитала.

В литературе выделяют следующие ключевые факторы, которые влияют на производительность человеческого капитала:

- образование;
- здравоохранение;
- развитие различных способностей человека и его потенциал;
- экономическая свобода;
- отсутствие коррупции;
- личная безопасность.

Среди прочих хотелось бы выделить показатель «отсутствие коррупции». Он не является самым значимым, однако, на наш взгляд, является фундаментальным. Что же происходит с человеческим капиталом в коррумпированном обществе? В этом случае человеческий капитал не оказывает никакого положительного воздействия на национальную экономику. В таком обществе человеческий капитал не пытается создавать инновации, а действует только в интересах собственной выгоды. Коррупция является одной из проблем первостепенной важности в развитии человеческого капитала, поскольку невозможно строить экономическую политику на «гнилом фундаменте».

Именно коррупция является основным сдерживающим фактором для роста человеческого капитала и развития инновационного сектора в Республике Таджикистан. Из-за высокого уровня коррупции в стране большая часть инвестиций в человеческий капитал используется неэффективно, расходуется не по назначению или просто расхищается. Таджикистан поменял свои позиции в индексе восприятия коррупции, составляемом ежегодно неправительственной международной организацией по борьбе с коррупцией Transparency International. В рейтинге восприятия коррупции за 2021 год Таджикистан опустился на одну строчку – с 149 на 150 место, набрав 25 баллов из 100 возможных. Из стран Центральной Азии самая высокая позиция у Казахстана – 102-е место. Узбекистан занял 140 место, Кыргызстан – 144 место, Туркменистан – 169 место. Ведущими странами рейтинга являются Дания, Финляндия и Новая Зеландия (по 88 баллов), далее следуют Норвегия, Сингапур и Швеция (по 85 баллов). Замыкает рейтинг Южный Судан с 11 баллами.

Помимо коррупции, ещё одним сдерживающим фактором развития человеческого капитала и инновационной экономики в Республике Таджикистан является недостаточное финансирование и неэффективное использование выделяемых государством денежных средств на научные исследования, разработки, образование. В настоящее время Республика Таджикистан выделяет на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы всего лишь 0,12% от валового внутреннего продукта страны. Для того, чтобы наука в государстве хоть как-то развивалась, на неё необходимо выделять не менее 2% от валового внутреннего продукта. К тому же большая часть из этих 0,12% от ВВП финансовых средств из расходной части государственного бюджета идёт не на развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и инновационных разработок, а на содержание самих государственных исследовательских учреждений, которые слабо связаны как с системой подготовки кадров, так и с инновационным предпринимательством. Рассмотрим далее расходы государственного бюджета Республики Таджикистан на образование за последние годы.

Таблица 2

**Расходы государственного бюджета на образование
в Республике Таджикистан**

	2010	2012	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Расходы государственного бюджета на образование, в миллионах сомони	990,0	1540,6	2353,9	2539,3	3140,0	3572,7	3702,6	4338,6	4311,4	5375,7
В процентах к валовому внутреннему продукту	4,0	4,3	5,1	5,2	5,8	5,5	5,2	5,5	5,2	5,4
В процентах к расходам государственного бюджета	14,7	16,9	17,8	15,6	17,0	16,0	15,3	18,2	17,4	18,3

Источник: Образование в Республике Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2022. URL: www.stat.tj.

З.П.Шаймарданова и Ф.Х.Шаймарданов в своей статье выделяют важнейшую роль образования в развитии человеческого капитала: «В Таджикистане образование остаётся стратегически значимым направлением. Переосмысливается роль управления талантами, критически важным становится такое понятие, как эмоциональный интеллект, способности коммуникации, адаптивность в обществе и, соответственно, выполнение собственной социальной роли» [11, с.124].

Республика Таджикистан постепенно увеличивает свои инвестиции в образование начиная с 2003 года. В 2016 году правительство инвестировало в образование 5,8% ВВП по сравнению с 4,10% в 2008 году и 2,77% в 2003 году. Но, к сожалению, в последние годы, как видно из таблицы 2, инвестиции в образование замедлились на уровне 5,2-5,5% от ВВП. Несмотря на то, что Республика Таджикистан уже более 30 лет является независимым государством, до сих пор не удаётся даже приблизиться к уровню государственных расходов на образование 1991 года (8,9% ВВП), когда страна ещё входила в состав СССР.

Для того, чтобы ускорить развитие человеческого капитала в Республике Таджикистан, государству, в первую очередь, необходимо модернизировать целый ряд современных секторов капитализации человеческого потенциала страны – науку, образование, здравоохранение, культуру. Инновационные, экономические, социальные преобразования, происходящие в Таджикистане, не могли не затронуть сферу формирования и использования интеллектуальных способностей людей. Сегодня в тренде общемировых тенденций экономика Таджикистана пытается на рыночной основе создать условия для воспроизводства национального человеческого капитала, которые содействовали бы ускорению перехода на цифровую, инновационную стадию развития страны.

В стране осуществляется структурная социально-экономическая трансформация хозяйственной системы. М.М.Холматов считает, что «в условиях перехода к цифровой экономике человеческий капитал становится главным фактором инновационного экономического роста. В цифровой экономике человеческий капитал имеет информационное содержание [1], приобретает новые информационно-

сетевые свойства, функции и компетенции. При этом перед экономической наукой и хозяйственной практикой ставится задача выбора оптимальных подходов к управлению развитием национальной экономики и формирования человеческого капитала страны» [9].

В последние годы естественный среднегодовой прирост населения в Республике Таджикистан составлял 2-2,2%. В начале 2020 года население страны превысило отметку в 9,3 млн человек. В 2025 году, согласно прогнозам, численность населения страны составит 10,6 млн человек. Ожидается, что численность населения в трудоспособном возрасте с 2020 г. по 2025 гг. увеличится на 10,6%, или на 628,5 тысяч человек, а населения старше трудоспособного возраста – в 1,5 раза, или на 166,8 тысяч человек. Среди стран СНГ Таджикистан является лидером по естественному приросту населения. Быстрый рост населения Таджикистана будет значительно влиять в дальнейшем на экономический рост страны. Ведь растущему населению будет необходимо всё больше общественных товаров, услуг, продуктов питания и рабочих мест. Только при наличии грамотной макроэкономической политики демографический рост, происходящий в стране, может оказать положительное влияние на экономику в будущем.

В своём докладе об экономике представители Всемирного банка указывают, что «на ежегодном собрании Группы Всемирного банка, которое проходило в 2018 г. на Бали, был представлен Индекс человеческого капитала (ИЧК) – один из ключевых столпов Проекта «Человеческий капитал». Данный индекс представляет собой простой для понимания ответ на вопрос: «Сколько человеческого капитала приобретет ребенок, родившийся сегодня, к 18 годам, учитывая риски, связанные со здравоохранением и образованием, которые преобладают в стране, где он родился?». Общий ИЧК в Республике Таджикистан в настоящее время составляет 0,53, и это указывает на то, что отдельные лица и страна в целом утрачивают почти половину своего будущего экономического потенциала. Страна по своим показателям незначительно отстает от других стран постсоветского пространства, таких как Армения (0,57) и Кыргызстан (0,58), тогда как разрыв между Казахстаном (0,75) и средними показателями по Европе и Центральной Азии (0,63) является гораздо более выраженным» [7, с.22].

Таблица 3
Сравнение ИЧК некоторых стран СНГ, Центральной Азии и Европы
[7, с.25-26]

Компоненты ИЧК	Таджикистан	Кыргызстан	Армения	Казахстан	Средний показатель по Европе и Центральной Азии ¹
Общий показатель по ИЧК	0.53	0.58	0.57	0.75	0.63
Вероятность выживаемости до 5-летнего возраста	0.97	0.98	0.99	0.99	0.987
Ожидаемая продолжительность обучения в школе	10.8	12.6	11.1	13.3	12.4
Общие показатели успеваемости	444	420	443	537	410
Продолжительность обучения в школе за вычетом фактического объёма приобретённых знаний	7.7	8.4	7.9	11.5	7.4
Доля детей в возрасте до 5 лет, не имеющих задержек роста	0.83	0.87	0.91	0.92	0.762
Коэффициент выживаемости взрослых	0.87	0.82	0.88	0.80	0.835

Невзирая на достигнутые в годы независимости достижения в области развития и совершенствования человеческого капитала в РТ, страна, согласно докладу Международного экономического форума, занимает 65-е место в мире. Таджикистан с индексом 67,24 балла среди стран-членов СНГ по показателям человеческого капитала расположен на последнем месте. Ведущими странами рейтинга в мире признаны такие страны, как Финляндия, Норвегия и Швейцария, а аутсайдерами в нём являются Йемен, Чад и Мавритания².

¹ В этот показатель не включаются развитые страны с высоким уровнем дохода, такие как Италия, Германия, Испания, Великобритания, Португалия и т.д.

² Таджикистан занимает 65-е место в мире в рейтинге человеческого капитала. URL: www.asiaplustj.info

Разнообразные препятствия сдерживают развитие и эффективное использование человеческого капитала в Республике Таджикистан. М.М.Холматов считает, что «для преодоления этих барьеров необходимо провести реформу доходов населения, связанную с повышением оплаты труда хотя бы до уровня прожиточного минимума у всех слоёв населения; целесообразно рассмотреть возможность ввести прогрессивную шкалу налогообложения в Таджикистане; необходимо значительно увеличить инвестиции в такие сферы, как образование, здравоохранение, в развитие инновационных площадок, в сетевые образовательные проекты; необходимо создание и поддержание уже существующих добровольных организаций граждан, способных взаимодействовать для решения проблем общества, для сосредоточения, выражения и донесения социальных проблем, социальных интересов в органы власти, в том числе через социальные сети» [10, с.108].

Авторы статьи «Инновации и человеческий капитал: принципы и подходы к управлению трудовыми ресурсами» считают, что «на основе инновационного технологического развития необходимо способствовать структурной диверсификации экономики; закрепить и расширить конкурентные преимущества в традиционных отраслях экономики Таджикистана (аграрный сектор, переработка сельскохозяйственных продуктов, природные ресурсы-энергетика и т.д.); увеличить внешнеэкономические связи, активизировать участие в мировом разделении труда; перейти к новой модели пространственной экономики» [4, с.174].

В указанной работе выделены следующие факторы, способные повысить эффективность человеческого капитала, его инновационность: обеспечение занятости населения рабочими местами; содействие в профессиональной подготовке; внедрение правовых знаний, связанных с трудовой деятельностью; решение вопросов социальной защиты безработных и др. Авторы считают, что повышение эффективности человеческого капитала должно стать одним из главных приоритетов государственной социально-экономической политики страны.

Человеческий капитал является основным фактором инновационного развития, главной движущей силой инновационных преобразований. Он выступает устойчивым и долгосрочным источником экономического роста. Поэтому первоочередной задачей государства и частного бизнеса является инвестирование в его развитие, в повышение его качества. Таджикистану в условиях перехода к цифровой экономике крайне важно изменить свою модель развития, перейти на такие принципы стратегического планирования, в основе которых лежали бы высокие качество, стоимость, эффективность национального человеческого капитала, а также высокое качество жизни всего общества. Только при наличии высококвалифицированных профессионалов в разных сферах деятельности может эффективно функционировать национальная инновационная система. Эти специалисты являются основной движущей силой новой цифровой экономики, определяют преимущества лидирующих стран мира по инновационным преобразованиям. Качество человеческого капитала играет решающую роль в способности государства в условиях жёсткой, современной мировой конкуренции создавать и развивать инновационные процессы. Для того, чтобы Таджикистан всё время не

оставался сырьевым придатком других стран мира, необходимо существенно увеличить инвестиции в развитие человеческого капитала, усилить меры по развитию институционального потенциала в направлении повышения конкурентоспособности, эффективности и диверсификации национальной экономики. Необходимо не всё больше увеличивающееся количество разнообразных стратегий развития человеческого капитала на бумаге или компьютере, а конкретные и зримые дела со стороны государства и частного бизнеса ежедневно в каждом кишлаке, области, районе, городе по созданию новых рабочих мест и повышению квалификации, переквалификации кадров; улучшению качества дорожного покрытия и строительству новых дорог; повышению качества воды и водоснабжения; благоустройству и совершенствованию детских садиков, школ, университетов; обеспечению поликлиник, больниц необходимыми лекарственными препаратами и современным медицинским оборудованием; развитию цифровой инфраструктуры, обеспечению широкополосным доступом к интернету для всех слоёв общества и т.д. Без обеспечения достойного уровня жизни и соблюдения прав всех граждан страны без исключения, без создания новых предприятий, производственных секторов, новых рабочих мест и должных инвестиций в развитие человеческого капитала переход к новой постиндустриальной цифровой экономике невозможен.

Литература

1. Дятлов С.А. Информационные основы экономических отношений // Гуманитарные науки. – 1998. – №2. – С.25-34.
2. Комилов С.Дж. Теория инновационного развития / монография. – Душанбе: Шарки озод, 2019. – 264 с.
3. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал как фактор роста и развития или стагнации, рецессии и деградации: монография. – Воронеж: ЦИРЭ, 2016. – 51 с.
4. Кошонова М.Р. Инновации и человеческий капитал: принципы и подходы к управлению трудовыми ресурсами / М.Р.Кошонова, И.С.Хоркашов, П.С.Кошонов // Экономика Таджикистана. – Душанбе, 2020. – №1. – С.169-175.
5. Петти В. Экономические и статистические работы. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 492 с.
7. Таджикистан: Рогунская ГЭС – потенциальный ресурс для наращивания человеческого капитала: Доклад об экономике Всемирного банка. Осенний выпуск. – 2018. – 29 с.
8. Устинова К.А. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография / К.А.Устинова, Е.С.Губанова, Г.В.Леонидова. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – 195 с.
9. Холматов М.М. Особенности развития цифровой экономики при переходе к инновационному развитию экономики Таджикистана // Экономика Таджикистана. – Душанбе, 2017. – №3. – С.119-136.
10. Холматов М. М. Цифровая экономика Таджикистана в оценке человеческого капитала // Экономика Таджикистана. – Душанбе, 2020. – №1. – С.104-111.
11. Шаймарданова З. П., Шаймарданов Ф. Х. Консолидация ресурсов государственных институтов, власти, общества и бизнеса в сфере развития человеческого капитала как неотъемлемое условие развития инновационных продуктов экономики // Вестник университета

(Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №3 (67). – С.119-130.

12. Schultz, Theodor W. Investment in human capital: the role of education and research. – N.Y., 1971. – 78 p.

HUMAN CAPITAL AS A DRIVING FORCE OF INNOVATIVE TRANSFORMATIONS

Sorokin Sergey Vitalievich

Postgraduate of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 915 00 66 63 (m.)
tororosso-lider@mail.ru

The article deals with the essence of human capital and its role in innovative development and transformations in the Republic of Tajikistan. It is shown that human capital is the main factor in innovative transformations, the main part of the foundation of the post-industrial economy. Various theoretical approaches to understanding the essence and content of the category "human capital" are presented; key factors that affect the productivity of human capital are identified. Analyzing the current state of human capital in the Republic of Tajikistan, the author identifies various barriers that hinder the development and effective use of human capital in Tajikistan. Among the constraining factors, according to the author of the article, one should single out insufficient funding, corruption and inefficient use of funds allocated by the state for research, development and education.

The data on the human capital index (HCI) of the Republic of Tajikistan are presented in comparison with individual countries of the CIS and Europe. The dynamics of state budget expenditures on education in the Republic of Tajikistan is shown; factors that can improve the efficiency of human capital and its innovativeness are identified.

Keywords: human capital; innovative development; innovative transformations; digital economy; human capital index; human factor; digital transformation.

САРМОЯИ ИНСОНИ ҲАМЧУН ҚУВВАИ ҲАРАКАТДИҲАНДАИ ТАБАДДУЛОТИ ИННОВАТСИОНИ

Сорокин Сергей Виталевич

Аспиранти кафедраи назарияи иқтисод ва иқтисоди ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 915 00 66 63 (м.)
tororosso-lider@mail.ru

Дар мақола моҳияти сармояи инсонӣ ва нақши он дар рушди инноватсионӣ ва табаддулоти Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Нишон дода мешавад, ки сармояи инсонӣ ҳамчун омилҳои асосии табаддулоти инноватсионӣ, қисми асосии таҳкурсии иқтисоди баъдисаноатӣ хизмат мекунад. Муносибатҳои гуногуни назариявӣ нисбат ба фаҳмиши моҳият ва мазмуни категорияи «сармояи инсонӣ» муаррифӣ шуда, омилҳои калидӣ, ки ба маҳсулнокии сармояи инсонӣ таъсир мерасонанд, муайян гардидаанд. Вазъи муосири сармояи инсониро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳлил намуда, муаллиф монеаҳои гуногунро, ки ба рушд ва истифодабарии самаранокии сармояи инсонӣ дар Тоҷикистон халал ворид мекунанд, ошкор сохтааст. Дар байни омилҳои боздоранда, ба ақидаи муаллифи мақола, бояд маблағгузориҳои нокифоя, ришваситонӣ ва истифодабарии бесамари маблағҳои пулии аз тарафи давлат барои тадқиқот ва коркардҳо дар соҳаи таҳсилот ҷудошавандаро номбар кард.

Доир ба индекси сармояи инсонӣ (ИСИ) ҚТ дар муқоиса бо кишварҳои алоҳидаи ИДМ ва Аврупо маълумот оварда шудааст. Таҳарруки хароҷоти бучети давлатӣ барои таҳсилот дар ҚТ, инчунин омилҳои, ки кодиранд самаранокии сармояи инсонӣ ва инноватсиянокиро баланд бардоранд, нишон дода шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: сармояи инсонӣ; рушди инноватсионӣ; табаддулоти инноватсионӣ; иқтисоди рақамӣ; индекси сармояи инсонӣ; омилҳои инсонӣ; табаддулоти рақамӣ.

УДК 81-25:81'246.3

ПРОБЛЕМА ВНУТРИСТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Шамбезода Хусрав Джамшедович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
Shambezade56@mail.ru

В эпоху всеобщей глобализации, расширения миграционных процессов, политической интеграции особое внимание следует уделять языкам, находящимся в опасной зоне ассимиляции. В статье рассматривается проблема внутривидового развития бесписьменных языков малых народностей в условиях аксиоматического многоязычия. В результате длительного периода двуязычия и многоязычия памирских народностей с функционально развитыми письменными таджикским и русским языками произошли существенные изменения во внутривидовом развитии миноритарных языков. Основное внимание уделяется теоретическим вопросам взаимовлияния контактирующих языков на лексическом уровне. Поскольку именно словарный состав языка чутко реагирует на социально-экономические изменения в жизни народа, наибольшей проницаемостью при взаимодействии обладает лексический ярус. Фонетические и морфологические особенности проникают в язык только вместе с лексикой. Именно поэтому рассмотрение процессов взаимодействия языков начинается обычно с лексико-семантического уровня.

Ключевые слова: аксиоматическое двуязычие; взаимодействие языков; бесписьменные языки; миноритарные языки; заимствование; лексическая система; эквивалентная; безэквивалентная и псевдоэквивалентная лексика.

Все нарастающие темпы глобализации, интеграции, урбанизации и массовой миграции заставляют лингвистов задуматься о судьбах языков, в особенности о судьбах языков малых народностей. Сохраняется комплекс нерешенных проблем, связанных с сохранением, а в некоторых случаях даже с фиксацией языков, находящихся «в красной зоне» несмотря на то, что в отдельных странах предпринимаются попытки замедлить ассимиляционные процессы и выработать языковую политику, направленную на сохранение исчезающих языков. «В эпоху всеобщей глобализации необходимость исследования языковых процессов в регионе с большим числом бесписьменных языков обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств, регулирующих их сохранение и развитие» [1, с.28]. Вместе с языком утрачивается одна из важнейших его функций – моделирование специфической для данного языка картины мира. По М.Крауссу (1992), в XXI

веке исчезнет половина существующих языков, что, по разным подсчетам составит 2,5-3 тысячи языков. «Если бы все усилия ученых были бы направлены на изучение не доминирующих языков, а малочисленных, то через 5 лет мы получили бы информацию обо всех существующих языках» [10, с.231]. Советский период функционирования бесписьменных языков был ориентирован на постепенный добровольный отказ от языков малых народностей и переход на языки титульных наций, большего объема функциональных ролей. Создавалась атмосфера безразличного отношения к процессам отмирания языков, к чему психологически подготавливались его носители.

Каждый язык на протяжении своей истории в той или иной степени подвергается иноязычным влияниям, так как народ, носитель языка, в разные периоды своего развития вступает в различные по характеру и по интенсивности экономические, политические и культурные связи, которые оставляют определенные следы в языке. Несмотря на ряд общих, типологических признаков языковых контактов, на наш взгляд, необходимо различать взаимодействие двух типов языков: 1) контакты функционально развитых, имеющих богатую письменную традицию языков и 2) контакты языков малочисленных народов с функционально активными языками, которые обуславливают одностороннее заимствование. Различие данных типов языковых контактов проявляется прежде всего в интенсивности процесса заимствования, который в бесписьменных языках протекает в условиях отсутствия нормализаторской деятельности общества и аксиоматического двуязычия. «Необходимость фиксации и исследования лексики бесписьменных языков обуславливается и процессами вытеснения их более престижными языками, интенсивным влиянием этих языков на их структуру и словарный состав, что приводит к невозможной утрате исконного лексического фонда этих языков. Эта задача актуализируется в контексте понимания мировым сообществом языков как ценных единиц общей мировой культуры, которые необходимо изучать, оберегать и сохранять независимо от количества их носителей» [1, с.34].

Ираноязычные народы, в том числе и шугнанцы, на протяжении длительного исторического периода проживали компактно, что служило одним из основных причин взаимопроникновения лексической системы контактирующих языков. Широкое развитие таджикско-шугнанского двуязычия со вторым таджикским языком характеризуется как прогрессивный процесс его углубленного изучения и активного использования. «Как важнейший фактор, лежащий в основе формирования идентичности этноса, язык занимает особое место в социокультурном и этнополитическом развитии. Признание этого фактора обуславливает необходимость глубокого изучения взаимосвязи языковой и этнической идентичностей через призму трансформационных процессов современности» [1, с.28]. Свидетельством длительных интенсивных связей и непосредственных языковых контактов, продолжающихся до сих пор, с тюркоязычными народами служит большой пласт тюркизмов в иранских языках и, наоборот, наличие большого пласта иранских по происхождению слов в тюркских языках. Арабское завоевание и принятие ислама стало основой пополнения тюркских и иранских языков слова-

ми арабского происхождения. Общность исторической судьбы этих народов, а также испокон веков сложившиеся традиционные сходные приемы хозяйства вели к постоянному общению народов, к обмену опытом, установлению родственных связей, развитию общих интересов. Все это способствовало взаимообогащению не только материальных культур, но и языков, в результате чего увеличилось взаимопроникновение языковых фактов.

Советский период сосуществования языков в едином государстве, когда по ряду объективных причин русский язык использовался как основной язык государства, характеризуется проникновением во все языки народов СССР русизмов и через посредство русского языка слов из европейских языков. Распад государства и период становления новых постсоветских государств на раннем этапе сопровождались пуристическими настроениями.

На основе обозримого исторического периода (вторая половина XIX века и по настоящее время) контактов шугнанцев с другими народами нами предпринята попытка анализа развития лексической системы шугнанского языка в условиях его интенсивных контактов с другими языками.

Языковые контакты в рассматриваемом регионе наблюдаются в разных формах, а именно: взаимодействие и взаимопроникновение языков на основе территориальной близости; существование длительного периода многоязычия народа; наличие общего литературного языка и языка межнационального общения.

Естественный язык является системой, в которой различные части влияют друг на друга и поэтому соподчинены целому. Одним из существенных достижений современной лингвистики является формирование отношения к естественному языку как к адаптивной системе. Язык изменяется с целью выполнения своих функций, в первую очередь основной, коммуникативной. Языковая система обладает механизмами саморегулирующего и самоорганизующего контроля, которые изменяют язык в направлении оптимально устойчивого состояния и оптимальной адаптации к его окружению. На основе системно-функционального подхода к лингвистике, таким образом, удастся объяснить неслучайность свойств языка и процессов языкового развития. Следовательно, для выявления механизмов и тенденций развития языковой системы важно наблюдать языковые процессы, происходящие в периоды наиболее интенсивного изменения языкового окружения, в частности, социальных, политических, культурных перемен. Наблюдения за изменениями в языковой системе позволяют сделать выводы об общеязыковых тенденциях.

Наиболее интенсивно изменения происходят на лексическом уровне, так как именно лексика является наиболее подвижной подсистемой, непосредственно реагирующей на изменения языкового окружения.

Связь языка и культуры, языка и общества предопределяется тезисом об адаптации языковой системы к языковому окружению [3, с.487-505; 18, с.173-194]. Время общественного перелома и "перестройки" в обществе является одновременно и временем перестройки языковой системы. На некоторых уровнях языка – фонетическом, грамматическом – общественные изменения отражаются опосредованно, в течение долгого времени. Лексический уровень языка, наибо-

лее мобильный и подверженный изменениям, с одной стороны, и четко структурированный – с другой, в эксплицитной форме отражает происходящие в социальной жизни изменения [16; 20]. Лексика является "барометром" общественных изменений [15; 17]. В лексике отражается общественное сознание, в то же время, лексика и язык в целом оказывают влияние на формирование общественного сознания. Именно поэтому столь важно для лингвистов проследить тенденции языковых и, в первую очередь, лексических изменений в переломные моменты истории языкового коллектива.

Процессы экономических, политических и культурных контактов шугнанцев с другими народами в ходе исторического развития находят отражение в процессах взаимодействия языков, под которым мы понимаем «все возможные разновидности взаимовлияния, взаимопроникновения двух и более языков и их диалектов, заимствования каким-нибудь одним языком различных фактов из других языков, а также результаты взаимодействия языков в разные периоды» [6, с.14].

Можно выделить два основных фактора, которые определяли результаты взаимодействия шугнанского, таджикского и русского языков:

1. Обусловленность функционального развития шугнанского языка культурно-историческими условиями. На территории Таджикистана вообще и Горно-Бадахшанской автономной области в частности на разных исторических этапах общественные функции шугнанского, таджикского и русского языков были различными, что непосредственно отражалось на процессе взаимодействия этих языков;

2. Обусловленность развития лексики бесписьменного языка функциональной активностью языка. Взаимодействие языков ведет к обогащению всех контактирующих языковых систем. Но языки с большим объемом общественных функций, с более развитой лексико-семантической системой, литературными традициями (таджикский и русский языки) вносят большой вклад в развитие бесписьменного (шугнанского) языка, имеющего ограниченные общественные функции, чем получают от него. Влияние шугнанского языка на таджикский и русский языки практически нулевое, если не учитывать язык русских, русскоязычных носителей и таджиков непосредственно на территории Шугнанского района. Различная степень близости шугнанского и таджикского языков, с одной стороны, и шугнанского и русского языков – с другой, предопределяет различную степень влияния, так как «структурная и генетическая близость языков, взаимодействующих при двуязычии, при прочих равных условиях способствует взаимодействию этих языков; наоборот, их структурная и генетическая отдаленность препятствует этому процессу».

3. Обусловленность количественного и качественного пополнения словарного состава бесписьменных языков длительностью и интенсивностью языковых контактов [4, с.17]. Наиболее длительные контакты шугнанского и таджикского языков обусловлены общей историко-культурной судьбой, что повлекло за собой значительные внутривидовые изменения в шугнанском языке, особенно в лексической системе. Интенсификация языковых контактов шугнанского и русского языков, особенно развитие биполярного двуязычия оказали влияние на ин-

тенсивность проникновения языковых единиц непосредственно из русского языка или посредством таджикского языка.

Процессы взаимодействия языков влияют на их внутривидовое развитие, однако степень проницаемости различных уровней при этом не является одинаковой, что обуславливается характером организации каждого языкового уровня. Поскольку именно словарный состав языка чутко реагирует на социально-экономические изменения в жизни народа, наибольшей проницаемостью при взаимодействии обладает лексический ярус. Фонетические и морфологические особенности проникают в язык только вместе с лексикой. Именно поэтому рассмотрение процессов взаимодействия языков начинается обычно с лексико-семантического уровня.

Среди причин заимствования традиционно выделяют экстралингвистические и собственно языковые факторы. К экстралингвистическим относятся следующие:

- культурное влияние одного языка на другой;
- наличие устных или письменных контактов стран с разными языками;
- повышение интереса к изучению определенного языка;
- авторитетность языка-источника (что приводит к заимствованию многими языками из одного и появлению интернационализмов);
- исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны;
- условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово.

Среди языковых факторов выделим следующие:

- отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия (основная причина заимствования);
- тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота;
- стремление к устранению омонимии и полисемии в родном языке;
- потребность в детализации соответствующего значения; невозможность образования производных от исконных терминов [2, с.108; 11, с.108; 23, с.86-87; 22, с.181] и др.

М.И.Задорожный, рассматривая мотивы лексического заимствования в трудах Л.В.Щербы и У.Вайнрайха, отмечает, что «в основе «беспричинного» лексического заимствования лежат 8 причин:

- 1) стремление к экономии умственных усилий (заимствование облегчает ход мысли);
- 2) стремление к точности передачи мысли;
- 3) недостаточно глубокое владение родным языком;
- 4) психологическая инертность;
- 5) стремление к удовлетворению чувства прекрасного, к эстетико-стилистической выразительности, эффектности, красоте;
- 6) стремление избежать неприятных ассоциаций;
- 7) социальная непристижность поставляющего языка;

8) необходимость в обозначении новых понятий» [9, с.179].

Все эти причины лексического заимствования М.И.Задорожный делит на внутрилингвистические и внелингвистические, а последние – на социальные и психологические. К социальным мотивам он относит 3, 7 и 8, к психологическим мотивам – 1 и 4, а 2 и 5 относит к внутрилингвистическим.

Пути проникновения иноязычных слов «в язык-рецептор может происходить различными путями:

- 1) речевая коммуникация проживающих по соседству народов;
- 2) дистантные контакты вследствие обмена культурными ценностями, импорта иностранных товаров;
- 3) через книги и переводы» [5, с.12]. Однако, на наш взгляд, важнейшим каналом проникновения иноязычных элементов является язык-посредник.

Среди процессов, связанных с пополнением словаря шугнанского языка, определенное место занимает заимствование иноязычной лексики как один из способов номинации новых явлений, а также замены существующих наименований. Заимствование является одним из важнейших факторов развития языков. Оно увеличивает лексическое богатство, служит источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов. Проблема языкового заимствования была предметом исследования многих ученых, занимавшихся проблемами взаимодействия языков, особенно в советский период, когда взаимодействие русского и национальных языков достигло своего пика. При анализе этих работ можно обнаружить противоречия, связанные с традиционным пониманием заимствования и с новым представлением о языковых процессах и структуре языка.

Традиционное понимание заимствования как перехода элементов из одного языка в другой было достаточно полно представлено в работах Л.П.Крысина и других исследователей проблемы (в своей работе мы придерживаемся именно этой трактовки процесса заимствования). Традиционному пониманию заимствования противостоит его объяснение как создания собственными средствами языка своих элементов посредством творческой имитации, приблизительного копирования или структурного моделирования по аналогии с иноязычными образцами. Этот подход обнаруживается в ареальной лингвистике еще на раннем этапе ее развития. Заимствование рассматривалось как любое языковое изменение, распространяющееся в языке посредством творческой имитации. Трактовки лексического заимствования как “копирования иноязычных моделей” и как “имитационного моделирования (моделирования по аналогии) иноязычных образцов” даны в работах Ю.А.Жлуктенко, Л.А.Ильина и других.

На наш взгляд, возникшие под иноязычным влиянием, но созданные средствами воспринимающего языка слова нелогично определять как заимствования. Трактовка лексического заимствования как имитации или копирования фонетической, словообразовательной, лексико-семантической структуры иноязычной лексики логично ведет к объяснению заимствованных слов и всех видов лексических калек как разновидностей лексического заимствования.

Обогащение лексики шугнанского языка происходит в основном тремя путями:

- 1) образованием лексических неологизмов на базе собственных лексических и словообразовательных элементов шугнанского языка;
- 2) заимствованием иноязычной лексики;
- 3) путем создания семантических неологизмов, т.е. семантических изменений заимствованной и исконной лексики.

Поскольку в бесписьменных языках отсутствует нормализующее влияние общества на употребление слов, постольку пополнение лексической системы этих языков носит в целом стихийный характер, причем среди новых слов преобладают заимствования. Основная причина заимствования – отсутствие соответствующего наименования в языке-рецепторе. Лексика языка-источника включает некоторые значения, которые не имеют стилистически корректного, “удобного” эквивалента в языке-рецепторе. И тогда наиболее рациональным способом передать эти значения представляется просто заимствование единиц из языка-источника. В ряде случаев эти заимствования используются только для обозначения иноязычных реалий, а в ряде случаев языковое заимствование происходит одновременно с заимствованием соответствующей реалии.

Всю лексику можно условно разделить на эквивалентную, безэквивалентную и псевдоэквивалентную.

Первая группа отражает некоторые универсальные когнитивные свойства. Хотя полной эквивалентности между единицами (не только словами, но и отдельными значениями) двух языков практически не существует, можно говорить об условной эквивалентности единиц нескольких языковых кодов, обозначающих сходные (или одни и те же) денотаты.

Вторая группа содержит значения, которые не имеют эквивалента в языке-рецепторе. Единственным способом передать эти значения является заимствование единиц из языка-источника. В ряде случаев эти заимствования используются только для обозначения иноязычных реалий, а в ряде случаев языковое заимствование происходит одновременно с заимствованием соответствующей реалии (предмета, понятия или действия).

Третья группа, как и эквивалентная лексика, имеет соответствия, однако эквивалентность в данных случаях является лишь внешней. На самом деле соответствующие единицы языка-источника и языка-рецептора обладают денотативными и, как следствие, семантическими различиями. Семантический сдвиг приводит к тому, что возникает потребность в заимствовании. Заимствованное наименование занимает ранее пустовавшую семантическую нишу и, следовательно, легко осваивается лексической системой.

В целом могут быть выделены следующие причины языковых заимствований:

- отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора;
- отсутствие соответствующего наименования (или его “проигрыш” в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе;

- обеспечение стилистического (эмфатического эффекта);
- установление позитивных (негативных) коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе.

Мы можем говорить как о сугубо языковых причинах, так и о причинах экстралингвистического характера. К числу первых можно отнести:

1. Ограниченность лексического запаса и его неадекватность в процессах обозначения новых предметов;
2. Потребность в синонимах, связанную с тенденцией аффективных слов терять свою выразительность;
3. Недостаточную дифференцированность семантических полей тех или иных лексических единиц.

Языковая ситуация также влияет на мотивы и характер лексической интерференции. Если носитель только одного языка пользуется только исконным лексическим материалом и заимствованиями, которые были переданы ему предшественниками, то в ситуации билингвизма двуязычный индивид использует в качестве источника лексических инноваций еще один язык. Кроме того, в условиях ситуации билингвизма лексическая интерференция может быть обусловлена социокультурными причинами.

Говоря о последних, следует упомянуть социальную значимость языка-источника, когда заимствование происходит по мотивам престижа, и прямо противоположные цели, когда другой язык связан с неблагоприятными ассоциациями.

Наконец, может иметь место заимствование слов другого языка под влиянием аффекта, когда внимание говорящего отвлекается от формы и содержания сообщения.

Роль вышеперечисленных факторов легко прослеживается в лексических заимствованиях, благодаря которым словарь шугнанского языка пополнялся за счет стандартного русского и таджикского языков. Итак, экстралингвистическими причинами лексических заимствований в шугнанском языке являются:

1. Социальный престиж владения русским и таджикским языками;
2. Ограниченные социальные функции бесписьменного шугнанского языка;
3. Традиционные исторические связи таджикского и русского народов.

Заимствования могут также использоваться для обозначения понятий, новых для языка-рецептора, но не присутствующих в языке-источнике, например, русское слово *мощный* в шугнанском языке получило значение *красивый*, которого нет в русском языке.

Под заимствованием мы, вслед за Л.П.Крысиным, понимаем «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных ярусов языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики» [11, с.108].

Основной единицей языка является слово. Перемещение слов из одного языка в другой находится в прямой зависимости от уровня развития лексико-семантической системы заимствующего языка, от наличия/отсутствия в нем слов и их значений для обозначения новых предметов и явлений. Несмотря на «бога-

тейшие внутренние возможности номинации, которыми располагает каждый язык, заимствование обычно предпочитается словообразованию, и иноязычное слово, вызывающее представление о называемой им новой вещи, используется для создания недостающей в языке лексической единицы» [8, с.18] Если в приложении к литературным языкам данный тезис может вызвать возражения, в бесписьменных языках действительно заимствование, как правило, предпочитается словообразованию.

На осмысление лексического заимствования как внутриязыкового создания большое влияние оказал вывод А.И.Смирницкого, который утверждал, что при заимствовании “слово порывает с системой того языка, в котором оно существовало ранее, и включается в систему другого языка”, осмысливается в нем как основа и “оформляется по правилам и средствами этого языка” [19, с.234-235].

Лингвисты по-разному определяют критерии заимствованности слова. В литературе встречаются от 2 [7, с.17] до 8 и более признаков ассимилированности заимствованного слова и вхождения его в лексическую систему заимствующего языка. Л.П.Крысин условия вхождения иноязычных слов в систему заимствующего языка делит на необходимые и факультативные. К первым он относит:

«1) передачу иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка;

2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка;

3) семантическое освоение иноязычного слова;

4) регулярную употребляемость в речи.

Факультативными он считает:

1) фонетическое освоение заимствования;

2) грамматическое освоение слова;

3) словообразовательную активность слова» [11, с.35-38].

Мы будем считать заимствованной лексику, если:

1) слово передано фонетическими средствами шугнанского языка (графические средства опускаются из-за отсутствия письменности);

2) заимствованное слово соотносится с грамматическими классами и категориями шугнанского языка;

3) наблюдается семантическое освоение иноязычного слова;

4) отмечается регулярная употребляемость заимствованного слова в речи;

5) фонетическое освоение заимствований;

6) грамматическое освоение слова.

Как отмечалось выше, в бесписьменных языках заимствование предпочитается словообразованию и поэтому словообразовательную активность слова мы не включаем в условия вхождения иноязычного слова в лексическую систему шугнанского языка.

Трудной для лингвистического исследования темой представляется взаимовлияние близкородственных языков, так как «многие факты и явления контактирующих языков могут иметь одинаковую или сходную историю развития, и было бы неверным в подобных случаях объяснять явления одного языка влиянием

другого. Однако отделить феномены такого рода от результатов иноязычного влияния бывает не всегда просто, и тут на помощь лингвисту должны быть призваны данные культурного, исторического, социального, этнографического и т.п. порядка» [12, с.167]. Поэтому проследить как хронологию, а также определить количество в шугнанском языке дореволюционных заимствований из таджикского языка представляется весьма сложным. Отсутствие письменности у шугнанцев вынуждает исследователей опираться именно на экстралингвистические факторы, так как пополнение лексики шугнанского языка таджикизмами началось с давних времен.

Рамки хронологической отнесенности исконной лексики шугнанского языка, равно как и других языков шугнано-рушанской группы, по мнению лингвистов, «восходят к разным уровням древности. Часть лексем беспрепятственно возводятся к индоевропейскому уровню. Другая часть может восходить к общеарийскому (индоиранскому) уровню, когда от индоевропейских корней были образованы новые для того периода слова. Часть слов восходит к общеиранскому уровню или более поздним уровням – общевостоочноиранскому, общесевернопамирскому, и, наконец, ряд лексем имеет более позднее образование при том, что все они строятся из исконного материала» [24, с.64-65]. К исконной лексике можно отнести такие пласты лексики, как термины родства, названия частей тела, растений, а также местоимения, числительные до десяти (далее используются числительные таджикского языка), большинство глаголов.

Выделение собственно таджикизмов в лексике шугнанского языка представляется весьма сложным ввиду тесного генетического родства шугнанского и таджикского языков, а также отсутствия письменной фиксации заимствований в момент перехода из одного языка в другой, когда «новизна» слова еще ощущалась. Еще сложнее сделать это теперь, когда заимствованная лексика уже подчинена фонетическим и грамматическим законам шугнанского языка, а некоторые слова более широко употребляются в шугнанском языке, чем в таджикском и его диалектах, тем более, что в таких случаях и «исследователь вряд ли может руководствоваться принятыми раз и навсегда принципами» [20, с.11].

Таким образом, сохранение языков малочисленных языков тесно связано с его языковым окружением и процессами, происходящими в языке под влиянием окружающих языков. Освещение вопросов и указание путей сохранения бесписьменных языков малых народностей, по крайней мере их фиксации, представляется значимым аспектом таджикского языкознания, поскольку страна является живой социолингвистической лабораторией. Миграционные и интеграционные процессы, ставшие необратимым процессом жизни современного общества, негативно влияют на функционирование языков и ставят под сомнение «долгую жизнь» даже в отношении многих письменных языков. Вопрос о взаимовлиянии и исчезновении языков становится всеобщей проблемой. В данной ситуации сложно говорить о сохранении через создание письменности для бесписьменных языков, требующих материальных и интеллектуальных затрат, вопрос лишь в их фиксации.

Литература

1. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Прогнозирование сценариев развития бесписьменных дагестанских языков в многоязычном регионе // Социолингвистика. – 2021. – №3 (7). – С.26-40.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. –М., 2001. – 438с.
3. Блумфильд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. – Киев, 1979. –263 с.
5. Володарская Э.Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. –2001. –№1. –С.11-27.
6. Дешериев Ю.Д. Проблемы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. –М., 1987. –С.7-31.
7. Еремина К.Н. К проблеме языковых контактов (европеизмы в современном персидском языке). –М., 1980. –76с.
8. Ефремов А.П. Сущность лексического заимствования // Вестник АН СССР. – М., 1959. – №5. – С.17-29
9. Задорожный М.И. Языковая лояльность и ее истоки: Л.В.Щерба и У.Вайнрайх о мотивах лексического заимствования // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы международной научной конференции. – М., 1996. –С.178-182.
10. Краусс М. Языки мира в кризисе. – М., 1992.
11. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968. – 208 с.
12. Крысин Л.П. Об украинизмах в современном русском языке // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. – М., 1987. – С.167-173.
13. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – 181 с.
14. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня // Е.Д.Поливанов и его идеи в современном освещении: сб. научных статей Международного научного семинара, посвященного 110-й годовщине со дня рождения Е.Д.Поливанова (г.Смоленск, 27-28 февраля 2001г.). – Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2001. – 348 с.
15. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376с.
16. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / под ред. Е.А.Земской. – М.: Наука, 1996. – 473с.
17. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. – М.: Работник просвещения, 1928. – 248с.
18. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.
19. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
20. Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. – М.,1982. – 168 с.
21. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. – Воронеж; – Пермь: ЗУУНЦ, 1998. – 75 с.
22. Фомина М.И. Современный русский язык, Лексикология. – М.: Высшая школа, 1990. – 250 с.
23. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
24. Эдельман Д.И. К лексическому составу севернопамирских языков // Вопросы памирской филологии. – Душанбе, 1985. – №3. –С.64-72.

THE PROBLEM OF INTRASTRUCTURAL DEVELOPMENT OF UNWRITTEN LANGUAGES UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

Shambezoda Khusrav Jamshedovich

Doctor of Philology,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
Shambezade56@mail.ru

In the era of globalization, expansion of migration processes, political integration a special attention should be paid to languages that are in the danger zone of assimilation. In the article, the problem of intrastructural development of unwritten languages of small nationalities in the conditions of axiomatic multilingualism is considered. As a result of a long period of bilingualism and multilingualism of the Pamir peoples with functionally developed written Tajik and Russian languages, there have been significant changes in the intrastructural development of minority languages. The main attention is paid to theoretical issues of mutual influence of contacting languages at the lexical level. Since it is the vocabulary of the language that is sensitive to socio-economic changes in the life of the people, the lexical tier has the greatest permeability during interaction. Phonetic and morphological features penetrate into the language only together with vocabulary. That is why consideration of the processes of interaction between languages usually begins with the lexico-semantic level.

Keywords: axiomatic bilingualism; interaction of languages; unwritten languages; minority languages; borrowing; lexical system; equivalent; non-equivalent and pseudo-equivalent vocabulary.

МУШКИЛОТИ РУШДИ ДОХИЛИСОХТОРИИ ЗАБОНҲОИ БЕХАТ ДАР ШАРОИТИ БИСЁРЗАБОНӢ

Шамбезода Хусрав Ҷамшедович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
Shambezade56@mail.ru

Дар давраи ҷаҳонишавии умумӣ, вусъати равандҳои муҳочирӣ, ҳамгирии сиёсӣ ба забонҳое, ки дар минтақаи хавфноки ассимилятсия қарор доранд, таваҷҷуҳи махсус додан лозим аст. Дар мақола мушкилоти дохилисохтории рушди забонҳои беҳати халқиятҳои хурд дар шароити бисёрзабонии аксиоматикӣ баррасӣ шудааст. Дар натиҷаи давраи дарозмуддати дузабонӣ ва

бисёрзабони халқиятҳои помирӣ бо забонҳои аз ҷиҳати вазифавӣ хуб инкишофёфтаи тоҷикӣ ва русӣ дар рушди дохилисохтории забонҳои миноритарӣ тағйироти назаррас ба амал омад. Таваҷҷуҳи махсус ба масъалаҳои назариявии таъсири мутақобилаи забонҳо дар сатҳи луғавӣ дода мешавад. Азбаски маҳз таркиби луғавӣ-фарҳангии забон тағйироти иҷтимоиву иқтисодии ҳаёти халқро махсусан зуд эҳсос мекунад, дар рафти таъсири мутақобила сатҳи луғавӣ дорони қобилияти гузаронандагии баланд мебошад. Хусусиятҳои фонетикӣ ва морфологӣ ба забон танҳо бо луғат ворид мешаванд. Маҳз аз ҳамин сабаб баррасии равандҳои таъсири мутақобилаи забон одатан аз сатҳи луғавӣ-маъноӣ оғоз мегардад.

Вожаҳои калидӣ: дузабони аксиоматикӣ; таъсири мутақобилаи забон; забонҳои бехат; забонҳои миноритарӣ; иқтибосот; низоми луғавӣ; эквивалентӣ; луғати безқивалентӣ ва эквивалентии қалбакӣ.

УДК 811.161.1'367.625.43:811.222.8'367.625.43

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Джабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Статья посвящена вопросу переходности слов из одной части речи в другую на примере анализа данного явления в системе причастий русского и таджикского языков. Отмечается, что, относясь к числу языковых универсалий, субстантивация в сопоставляемых языках имеет свои особенности. Субстантивированные причастия обладают свойствами изменяться в лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом планах. Показаны специфические признаки причастий, обусловивших их способность к переходности в процессе функционирования в русском и таджикском языках. Выделены общие и частные закономерности частеречной переходности причастий в этих языках.

По мнению автора, при анализе процесса перехода причастий в разряд имён существительных необходимо учитывать два аспекта субстантивации: морфологический и синтаксический. Результаты исследования показали, что оба аспекта субстантивации реализуются в сопоставляемых языках по-разному. В русском языке данное явление влечет за собой редукцию парадигмы, связанную с изменением по родам, утратой кратких форм и степеней сравнения. В таджикском языке морфологический аспект субстантивации проявляется в способности принимать грамматические признаки имён существительных. Синтаксический план субстантивации причастия сводится к тому, что в таджикском языке причастие выступает в роли определяемого в изафетной конструкции и выполняет функции подлежащего и дополнения, а в русском языке изафетной конструкции соответствует сочетание с согласованным определением.

В целом, склонность причастия, которое представляет собой гибридное глагольно-именное образование, к функциональной переходности и синкретизму обусловлено его лексико-грамматической природой.

Ключевые слова: таджикский язык; русский язык; субстантивация; причастие; морфологический аспект; синтаксический аспект; синкретизм.

Переходность в языке представляет собой процесс постепенного перехода одной части речи в другую, в новую категорию. Слово при этом явлении утрачивает свое основное лексическое значение и присущие морфологические признаки, меняет свои синтаксические функции, в результате чего приобретает черты другой части речи. Нельзя не согласиться с В.В.Бабайцевой, согласно которой, переходность – это эволюционный процесс преобразования одних частей речи в

другие, при котором отражается синхронная связь между противопоставленными явлениями [3, с.15].

Предпосылки перехода слова из одной части речи в другую заложены в его особом синкретичном характере и в соответствующем контекстуальном окружении, т.е. в совмещении в слове одной части речи категорий другой части речи [9, с.82]. В результате возникают различные типы частеречных переходов, как субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербиализация, предикативация, модалация и др.

Переходности и переходным языковым явлениям посвящено множество научных работ в области морфологии, синтаксиса, фразеологии и стилистики, поскольку понятие переходности в системе частей речи русского и таджикского языков до сих пор не имеет однозначного истолкования и представляет собой сложную и не до конца разработанную проблему. Следует констатировать, что решение вопросов, связанных с переходными явлениями в языках осложнены тем, что несмотря на работы известных лингвистов об исследуемых явлениях, нет единого подхода к рассмотрению процесса взаимодействия частей речи; многие вопросы, касающиеся данной проблемы, всё ещё не стали предметом отдельного исследования, в частности, вопрос об особенностях семантической переходности и в наши дни остается открытым.

В современном русском языке и в современном литературном таджикском языке вопрос о переходности и ее проблемах рассматривается чаще всего в грамматике - в морфологии и синтаксисе. В нашем исследовании мы рассмотрим специфику явления субстантивации причастий в сравниваемых русском и таджикском языках.

В частеречной системе сопоставляемых языков причастия, занимая своеобразное положение, зачастую отрываются от глагольной парадигмы и переходят в разряд других частей речи. Наиболее актуальным для языков процессами этого рода является субстантивация, которая является весьма продуктивным в истории развития русистики и таджиковедения. Субстантивация как явление переходности – живой и активный языковой процесс, источник обогащения словарного фонда языка, на что обращали внимание многие лингвисты.

Как показывает сопоставление, в рассматриваемых языках широко представлен такой тип конверсии, как субстантивация определенных основ (прилагательных, причастий, порядковых числительных), т.е. переход этих слов в разряд имен существительных. Субстантивация – морфолого-синтаксический способ словообразования имен существительных – включает в себя два аспекта: морфологический и синтаксический. Данная позиция принадлежит известному языковеду Ю.С.Маслову. Согласно его точке зрения, субстантивируемое слово, с одной стороны, приобретает парадигму имени существительного, а, с другой, начинает выполнять синтаксические функции имени существительного, приобретая при этом соответствующие сочетаемостные свойства» [10, с.743]. Однако А.А.Шахматов морфологический аспект не включает в понятие субстантивации. Вот что он пишет по этому поводу: «Как мы знаем уже, понятие о существительном не есть понятие морфологическое, а синтаксическое; вследствие этого вхо-

дящие в эту часть речи слова могут и не представлять во внешней своей форме тех особенностей строения и изменения, которые характерны для большинства существительных. Определив же существительное как выражение независимого представления, понятно, что в число существительных придется включить не одни названия лиц и предметов, но также названия явлений, действий – состояний, качеств-свойств, насколько соответствующие им представления являются независимыми, самостоятельными представлениями» [16, с.454-455].

На наш взгляд, при анализе процесса перехода причастий в разряд имен существительных необходимо учитывать два аспекта субстантивации – морфологический и синтаксический.

Результаты исследования показали, что в сопоставляемых языках оба аспекта субстантивации реализуются по-разному. В русском языке субстантивация прилагательных (причастий) влечет за собой редукцию парадигмы, связанную с изменением по родам, утратой кратких форм и степеней сравнения. В таджикском языке морфологический аспект субстантивации проявляется в том, что слово приобретает способность принимать грамматические признаки имен существительных. К примеру, причастия настоящего времени *нависанда (пишущий)* и *ичрокунанда (исполнитель)* способны образовать формы множественного числа с помощью суффикса *-хо*: *нависандахо (писатели)*, *ичрокунандахо (исполнители)*.

Что касается синтаксического плана, то в таджикском языке, например, причастия выступают в роли определяемого слова в изафетной конструкции и выполняют функции подлежащего и дополнения. Приведем примеры: *Хонандаи беҳтарин* чойи аввалро ишғол намуд. – *Лучший ученик занял первое место.* *Пулод ба духтар гуфтаниҳо хотирмон дошт.* – *Пулат хотел сказать девушке забываемые слова.* В первом предложении субстантивированное слово *хонанда (ученик)* выполняет функцию подлежащего, во втором – субстантиват *гуфтаниҳо (слова)*, сочетаясь с изафетом *-и*, выполняет функцию дополнения. В русском языке изафетной конструкции соответствует сочетание с согласованным определением.

Субстантивация причастий обладает рядом специфических признаков, отличающих ее от субстантивации прилагательных. Объясняется это тем, что причастия являются адъективной репрезентацией глагола, т.е. при переходе в имена существительные они лишаются более широкого круга категориальных признаков, чем прилагательные.

Помимо словоизменительного рода и возможных кратких форм (в русском языке), причастия при субстантивации утрачивают и глагольные категории времени и залога (в обоих языках).

Утрата глагольных признаков способствует тому, что причастные формы приобретают значение предметности в широком смысле слова, т.е. признаки имен существительных.

Во-первых, как в русском, так и в таджикском языках у них появляется способность определяться именами прилагательными: *счастливое будущее* – *ояндаи хушбахттарин*, *хӯрдани бозмаза* – *вкусная еда*, *хонандагони боинтизом* – *прилежные учащиеся*; причастиями: *приведенные данные*, *расстрелянные арестованные*, *барандаи хонда истода* –

читающий ведущий, *нависандаи омадагӣ* – *пришедший* писатель; местоимениями: *каждый* учащийся, *наша* заведующая, *гуфтаҳои шумо* – *ваши* слова, *шунавандагони мо* – *наши* слушатели. Во-вторых, они могут изменяться по числам: *нависандагон* – писатели, *шунавандагон* – слушатели, *гуфтаҳо* – слова. В русском языке субстантивация причастий сопряжена с фиксированием формы рода (*управляющий*, *слагаемое*), а для таджикского языка она невозможна в связи с отсутствием категории рода.

Субстантивированные причастия в исследуемых русском и таджикском языках выполняют следующие синтаксические функции имен существительных:

1. подлежащего:

Яке аз бадхоҳони ӯ воқеан ҳам ба қаротегиниҳо хабар кашид, ки кушандаи хеши мир ҳамин Шакар мебошад ва писари ӯ Восеъ ба андозчиён барои бо дигарон гурехтан кӯмак расонд (Улуғзода, Восеъ, 34). – *Один из его злопыхателей сообщил каратегинцам, что убийцей родственника мира является Шакар, а сын его Восеъ помог сборщикам налогов убежать со всеми.*

Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише (Гоголь, Невский проспект, 14).

2. дополнения:

Раис бо коркардаистодагиҳо саволу ҷавоб карда гузашта рафт (Улуғзода, Восеъ, 44). – *Председатель поговорил на ходу с работавшими.*

Аким вышел к работающим (Толстой, Хаджи Мурат, 444).

3. сказуемого:

Онҳо хонандагони мактаби нав мебошанд. – *Они – учащиеся* новой школы.

В лингвистической литературе существуют два мнения относительно субстантивации причастий. Согласно традиционной точке зрения, для субстантивации необходима предварительная адъективация, которая находит свое продолжение в субстантивации. Эта точка зрения высказана, в частности, С.И.Абакумовым [1, с.80]. Говоря о субстантивации причастных форм русского языка, Л.А.Булаховский писал: «Беднея относительно управления, причастие перерождается в простое прилагательное и далее в имя существительное [5, с.278]. Анализируя переходы причастий в другие части речи, учёный замечает: «Надо предположить, что все субстантивированные причастия прошли степень адъективации» [5, с.279].

Аналогичная мысль о субстантивации причастий прослеживается и в исследованиях по таджикскому языку, в частности, в работе Д.Таджиева «Причастия в современном таджикском литературном языке» [15, с.34].

Вторая точка зрения противоположна первой: субстантивируются причастия не только адъективированные, но и причастные формы, не прошедшие адъективации. Придерживающийся этого мнения А.А.Потебня выделяет два типа субстантивированных слов. С одной стороны, субстантивированное слово образуется тогда, когда существительное при определяемом слове опускается, передавая ему свое значение (так называемая «эллиптическая субстантивация») Но встречаются случаи, когда причастие выполняет функцию существительного [11, с.35]. Этот момент достаточно обстоятельно рассмотрен в русском языке, где

различают непосредственную (причастие-существительное) и опосредованную (причастие-прилагательное-существительное) субстантивацию.

Наиболее продуктивный и распространенный способ – непосредственная субстантивация, когда причастие прямо переходит в класс имен существительных.

В результате сопоставления было определено, что в таджикском языке непосредственная субстантивация еще более частотна, чем в русском.

Наиболее убедительным доказательством непосредственной субстантивации причастий является отсутствие соответствующих отпричастных прилагательных. Существует достаточно обширный круг субстантивированных причастий, не имеющих омонимичных адъективированных причастий. Подобное явление характерно и для русского и для таджикского языков: *провожающий, отдыхающий, бофанда* – ткач, *ташкилкунанда* – организатор, *дида* – глаза.

Субстантивированные причастия в сопоставляемых языках характеризуются гораздо более однородным семантическим составом, чем субстантивированные имена прилагательные.

В академической Грамматике русского языка-80 выделено двенадцать словообразовательных типов субстантивированных прилагательных и причастий, однако причастия представлены лишь в четырех из них [13, с.239-241].

В русском языке субстантивированные причастия мужского и женского рода, а также множественного числа имеют, как правило, значение лица; «субстантивированные причастия называют лицо по какому-либо действию или результату действия, принадлежащему самому обозначенному лицу или другому субъекту» [14, с.28]. Это же подтверждает и формулировка А.А.Потебни: «Всякое прилагательное и причастие, становясь собственным личным, вместе становится и существительным» [11, с.35]. К таким словам относятся: *заведующий, приглашенный, учащийся, служащий* и др.

В таджикском языке субстантивированные причастия также могут обозначать лицо (деятеля). В этот класс причастий входят, главным образом, субстантивированные причастия настоящего времени: *хонанда, шунаванда, бофанда, созанда*. Однако в таджикском языке встречаются также причастия, полностью перешедшие в класс имен существительных и обозначающие живые существа: *парранда* – птица, *дарранда* – хищник.

Причастия среднего рода в русском языке обозначают, в основном, отвлеченные, обобщенные понятия: *желаемое, минувшее, содержимое, слагаемое, прожитое*.

В таджикском языке также встречаются субстантивированные причастия с аналогичным значением: *оянда* – будущее, *гузашта* – прошедшее, *гуфта* – слово.

По степени завершенности процесса субстантивации причастных форм как в русском, так и в таджикском можно различать три степени.

Первую группу субстантивированных причастий составляют слова, полностью перешедшие в разряд имен существительных: *приданое, возжатый* (в эту группу можно отнести и имена прилагательные, которые являются уже именами

существительными: *вселенная, запятая, набережная, кладовая, пирожное*); *пар-ранда* – птица, *дида* – глаза, *муайянкунанда* – определение.

Во вторую группу входят причастные формы, которые употребляются и как имя существительное, и как причастие: *мороженое, управляющий, ученый; мурда* – мертвец, умерший, *хӯрданӣ* – съестное, еда, *оянда* – идущий, будущее и др.

Третью группу составляют слова, имеющие переходный характер, когда причастная форма употребляется в значении имени существительного только в конкретном контексте.

Следует заметить, что контекстуальная субстантивация в сопоставляемых языках распространена довольно широко. Приведем примеры:

Дар байни ярадоршудагон падари Дима ҳам буд (Ниёзӣ, Вафо, 274). – Среди раненых был и Димин отец.

У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих (Чехов, Письма, 84).

В отличие от русского языка, таджикское причастие при субстантивации приобретает специфические для имени существительного морфологические показатели – суффиксы множественного числа, послелог *-ро*, указывающий на объектное значение, артикль *-е*, местоименные энклитики и способность сочетаться с предлогами:

Аз фронт омадагиҳо ҳар кадомаш аллакай соҳиби идора шуд, раис шуд-ку! (Улуғзода, Навобод, 21). – *Ведь каждый из возвратившихся с фронта стал руководителем учреждения, председателем!*

Ёдгор шунидаҳояшро ягон-ягон ба Гулнор нақл кард (Айнӣ, Ёддоштҳо, 106). – Ёдгор услышанное одно за другим пересказывал Гулнор.

В лингвистической литературе по грамматике таджикского языка бытует мнение, согласно которому причастные формы способны выполнять различные синтаксические функции в предложении и принимают все признаки имен существительных постольку, поскольку они имеют номинативные признаки в самой своей природе. Данная концепция принадлежит В.С.Расторгуевой [12] и М.Акрамову [2].

Мы полагаем, что это мнение нуждается в некоторой корректировке, так как причастные формы, как было изложено выше, приобретая признаки имен существительных, выполняют различные синтаксические функции только в случае субстантивации, т.е. когда переходят в разряд имен существительных.

Исследуя этот аспект, Д.Таджиев пишет: «Выступая в качестве существительного, субстантивированные причастия могут получать все грамматические признаки, свойственные именам прилагательным» [15, с.13].

Более подробная разработка и обоснование этой точки зрения имеются в работах Ш.Рустамова [14]. Все это позволяет утверждать, что субстантивация причастий в таджикском языке носит более последовательный морфологический характер, чем в русском. В исследованиях по русскому языку высказывалась точка зрения, что «субстантивированных образований в русском языке больше, чем в любом другом языке». Это мнение представляется не вполне обоснованным, т.к. говорить о чрезвычайно широком распространении субстантивированных обра-

зований можно лишь в том случае, если безоговорочно относить к ним окказиональные субстантиваты.

Многие причастия, употребляемые в русском языке в позиции имени существительного, в полном объеме сохраняют семантику глагольных морфологических категорий. Наиболее ярко это чувствуется, на наш взгляд, в действительных причастиях прошедшего времени, выступающих в значении наименований лица. В таких причастиях сохраняется семантика прошедшего времени, что проявляется в возможности трансформации причастной конструкции в местоименно-соотносительную конструкцию с личной формой глагола прошедшего времени (*пришедшие – те, кто пришел; говоривший – тот, кто говорил*). Поэтому во многих случаях уместнее говорить не о субстантивации, а об эллипсисе определяемого личного существительного (*говоривший – говоривший человек*).

Несмотря на то, что среди русских субстантивированных причастий встречаются все разряды причастий, тем не менее ни для одного из них не характерна массовая полная субстантивация. Чаще других субстантивируются действительные причастия настоящего времени и страдательные причастия прошедшего времени: *трудящиеся, отдыхающие, управляющий, заведующий, командующий, раненый, арестованный*. При этом причастные формы при субстантивации приобретают, как правило, значение лица.

Что касается таджикского языка, то в нем, подобно русскому, субстантивации в той или иной степени подвергаются все разряды причастий. Вместе с тем, среди таджикских причастий есть разряд, подверженный массовой субстантивации. Речь идет о причастиях настоящего времени на *-анда*. Это явление было отмечено, в частности, В.С.Расторгуевой. Она отмечает: «Причастия на *-анда* обнаруживают явно выраженную тенденцию к субстантивации. Многие из них уже полностью превратились в имена существительные» [12, с.207]. На массовый характер субстантивации причастий настоящего времени на *-анда* указывает и Ш.Рустамов, который замечает также, что данные формы чаще воспринимаются как существительные, нежели как причастия.

Причастная форма на *-анда*, субстантивируясь, расширяет свое значение. Причину перехода подавляющего количества причастий данного типа в существительные Ш.Рустамов видит в том, что они, имея в основном активное значение, обозначают действующее лицо, имя деятеля [14, с.22-23]. Д.Таджиев замечает также, что «целый ряд причастий настоящего времени на *-анда* употребляется почти исключительно в значении существительных» [15, с.15]. Большинство этих форм подверглось полной субстантивации: *ташкилкунанда* – организатор, *хонанда* – тещ, ученик, *нависанда* – писатель, *бофанда* – ткач. Многие причастные формы данного типа приобрели терминологическое значение: *муайянкунанда* – определение, *туркунанда* – дополнение, *муайянишаванда* – определяемое.

Нередко субстантивируются причастия прошедшего времени на *-а* (*мурда, ақибмонда*) и причастия будущего времени (*хӯрданӣ, мурданӣ*). Остальные типы причастий субстантивируются сравнительно редко, только по контексту можно определить переход этих форм в имена существительные. Кроме того, в отличие от русского языка в таджикском есть причастные формы, которые вообще не

субстантивируются. К таким причастиям относятся причастия прошедшего времени на – *гӣ* (типа *хондагӣ*) и настоящего определенного времени (типа *хонда истода*).

Специфические особенности процесса субстантивации причастий в сопоставляемых русском и таджикском языках обнаруживаются при анализе способов передачи русских субстантивированных причастий на таджикский язык в практике перевода.

Литература

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. – М.: Сов.наука, 1942. – 183 с.
2. Акрамов М. Адъективные словосочетания в современном литературном языке. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 74 с.
3. Бабайцева В.В. и др. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2-х ч. Ч.2. Морфология. Синтаксис. – М.: Академия, 2014. – 624 с.
4. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
5. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – 5-е изд. – Киев: Рад.школа, 1958. – Т.1. – 446 с.
6. Ван Ян. Субстантивация и универбация: сходство и различие // Фундаментальные исследования. – М.: Моск. гос. пед ун-т, 2015. – №2-21. – С.4814-4818.
7. Джабборова М.Т. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности (на примере русского и таджикского языков) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020 – №1(69). – С.109-115.
8. Джабборова М.Т. Адъективация как универсальное свойство причастий в русском и таджикском языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №1(73). – С.130-137.
9. Карпов А.К. Морфология современного русского языка: учеб. пособие 3-е изд. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – 202с.
10. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. – М.: Изд. Языки славянск. культуры, 2004. – 840с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. – М.: Просвещение, 1968. – 530 с.
12. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291с.
13. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т.1. – 783 с.
14. Рустамов Ш. Мушкилоти синтаксис. – Душанбе: Маориф, 1988. – 340с.
15. Таджиев Д.Т. Причастия в современном таджикском литературном языке. – Сталинабад: Изд.-во АН Тадж. ССР, 1954. – 56с.
16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 3-е изд. стер. – М.: Флинта, 2020. – 714с.

SUBSTANTIVIZATION OF PARTICIPLES IN THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES: A COMPARATIVE ASPECT

Jabborova Marhabo Tukhtasunovna

Doctor of Philology,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (m.)

The article is devoted to the issue of the transition of words from one part of speech to another one on the example of the analysis of this phenomenon in the participle system of the Russian and Tajik languages. It is noted that, being one of the linguistic universals, substantivization in the compared languages has its own characteristics. Substantiated participles have the properties to change in the lexico-semantic, morphological and syntactic plans. The specific signs of participles are shown, which determined their ability to be transitive in the process of functioning in the Russian and Tajik languages. The general and particular patterns of part-of-speech transitivity of participles in these languages are singled out.

According to the author, when analyzing the process of transition of participles into the category of nouns, it is necessary to take into account two aspects of substantiation - morphological and syntactic. The results of the study showed that both aspects of substantiation are implemented differently in the compared languages. In Russian, this phenomenon entails a reduction of the paradigm associated with a change in gender, the loss of short forms and degrees of comparison. In the Tajik language, the morphological aspect of substantivization manifests itself in accepting the grammatical features of nouns. The syntactic plan of substantivization of the participle comes down to the fact that in the Tajik language the participle acts as a definitive in the izafet construction and performs the functions of the subject and object, and in the Russian language the izafet construction corresponds to a combination with an agreed definition.

In general, the tendency of the participle, which is a hybrid verb-nominal formation, to functional transitivity and syncretism is due to its lexical and grammatical nature.

Keywords: Tajik language; Russian language; substantiation; participle; morphological aspect; syntactic aspect; syncretism.

ИСМШАВИИ СИФАТҲОИ ФЕЪЛИ ДАР ЗАБОНҲОИ РУСИ ВА ТОЧИКӢ: ҶАНБАИ МУҚОИСАВИ

Ҷабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Мақола ба масъалаи гузарандагии калимаҳо аз як ҳиссаи нутқ ба дигар дар мисоли таҳлили ходисаи мазкур дар низоми сифатҳои феълии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ бахшида шудааст. Зикр мегардад, ба таркиби универсалияҳои забонӣ мансубият дошта, исмшавӣ дар забонҳои муқоисашаванда дорои хусусиятҳои махсус мебошад. Сифатҳои феълии исмшуда дорои хусусияти ивазшавии лексикӣ-маъноӣ, сарфию наҳвӣ ҳастанд. Нишонаҳои махсуси сифатҳои феълӣ, ки қобилияти онҳоро барои гузарандагӣ дар раванди амалкардашон дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ таҷассум мегардонанд, нишон дода шудаанд. Қонуниятҳои умумӣ ва инфиродии гузарандагии ҳиссаи нутқии сифатҳои феълӣ дар ин забонҳо ҷудо карда шудаанд.

Бино ба ақидаи муаллифи мақола, зимни таҳлили раванди гузариши сифатҳои феълӣ ба ҳайати исмҳо ду ҷанбаи исмшавӣ – сарфию наҳвӣ онро бояд ба назар гирифт. Натиҷаҳои тадқиқ нишон доданд, ки ҳар ду ҷанбаи исмшавӣ дар забонҳои муқоисашаванда ҳар хел амалӣ мешаванд. Дар забони русӣ ходисаи мазкур бо редуксияи парадигма, ки бо ивазшавии ҷинсият, аз байн рафтани шаклҳои кӯтоҳ ва дараҷаҳои муқоиса марбут аст, анҷом меёбад. Дар забони тоҷикӣ ҷанбаи сарфии исмшавӣ бо қабули нишонаҳои грамматикӣ исмҳо зоҳир мегардад. Ҷиҳати наҳвӣ исмшавии сифатҳои феълӣ дар он аст, ки дар забони тоҷикӣ сифати феълӣ ад нақши муайяншаванда дар сохтори изофӣ баромад карда, вазифаҳои мубтадо ва пурқунандаро иҷро мекунад, дар забони русӣ бошад, ба сохтори изофӣ ҳамбастагӣ бо муайянқунанда ҳос аст.

Дар маҷмӯъ, майли сифатҳои феълиро ба амсилаи гибридии феълию номӣ, ба гузарандагии функционалӣ ва синкретизм табиии лексикӣ-грамматикӣ онҳо ташкил медиҳад.

Вожаҳои калидӣ: забони тоҷикӣ; забони русӣ; асоснок кардан; ҳисса; ҷанбаи морфологӣ; ҷанбаи синтаксисӣ; синкретизм.

УДК 394.21(=22):811.222.8

АНАЛИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ТРАДИЦИОННОГО ПРАЗДНИКА «НАВРУЗ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
davlatmirova.manizha@mail.ru

В работе рассматриваются аксиологические доминанты праздника «Навруз», выявляются специфические характеристики данных ценностей. Праздник Навруз – древнейший праздник персоязычных народов, его следы теряются в глубине тысячелетий. Известные поэты и мыслители Абуабдулло Рудаки, Адурайхон Беруни, Омар Хайям при объяснении происхождения Навруза прибегали к языку мифологии и религиозных преданий.

В статье представлено ценностно ориентированное описание лексических единиц, выражающих аксиологические доминанты данного праздника в дискурсе прецедентных текстов. Представлена классификация оценок, содержащихся в семантической структуре лексем, объективирующих аксиологические доминанты (добро, совесть, честь, мир, нравственность, радость, счастье). Автор считает, что Навруз коррелирует с такими нравственными ценностями, как добродетель, великодушие, радость, благое предзнаменование, мир и любовь. Таким образом, морально-нравственные, этические категории являются аксиологическими ориентирами, объективирующими гуманистическое мировосприятие народа.

Ключевые слова: аксиология; ценностные доминанты; прецедентный текст; культурный код; символика; праздник; лингвокультурология; ценности культуры; «Наврузнома» Омар Хайяма.

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направления, в которых язык рассматривается как культурный код нации. Важными проблемами современного языкознания, формирующегося в рамках антропоцентрической парадигмы, являются выявление специфики национальной лингвокультуры на материале исследования аксиологических установок и ценностных доминант, а также исследование их культурной семантики.

Термин «ценность» первоначально означал стоимость чего-либо, главным образом в экономическом смысле. Широкое распространение значения *ценности* на более широкие области философских интересов произошло в XIX веке под влиянием взглядов различных мыслителей и школ: неокантианцев Рудольфа Германа Лотце и Альбрехта Ричля, Фридриха Ницше (автор теории переоценки всех ценностей), Алексиса Мейнонга и Кристиана фон Эренфельса, Эдуарда

фон Хартманна, Уилбура Маршалла Урбана, чья книга «Оценка, ее природа и законы» (1909 г.) была первым трактатом по этой теме на английском языке. Книгу Ральфа Бартона Перри «Общая теория стоимости» (1926) [9] называют выдающимся произведением нового подхода. Он предположил, что ценность – это «любой объект, представляющий какой-либо интерес». Позже он исследовал восемь «сфер» ценностей: мораль, религию, искусство, науку, экономику, политику, право и обычаи.

Поскольку «факт» символизирует объективность, а «ценность» предполагает субъективность, отношение *ценности* к факту имеет фундаментальное значение для разработки любой теории объективности ценности и оценочных суждений. Такие описательные науки, как социология, психология, антропология, сравнительное религиоведение, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, аксиология, – все пытаются дать фактическое описание того, что действительно оценивается, а также причинно-следственные объяснения сходств и различий между оценками.

Универсальные ценности являются значимыми фрагментами картины мира. Каждая лингвокультура характеризуется специфической системой ценностей. Именно в сфере ценностных ориентаций культуры следует искать составляющие словарь культуры понятия-концепты. Важнейшую часть словаря культуры составляют ее ценностные доминанты и особенности менталитета.

Обычно исследователи отмечают, что ключевые слова культуры обладают высокой степенью эмоциональности, отличаются насыщенностью ассоциативного поля.

Ценности культуры в качестве ценностных ориентаций этноса включаются в этническую картину мира, для которой характерно повышенное внимание к национальной специфике. Как отмечает В.А.Буряковская, «...в этническую картину мира также входят основные *ценностные ориентации этноса*, которые на уровне культуры и языка выражаются в основных концептах данной лингвокультурной общности» [3, с.6].

В каждой лингвокультуре отражаются ценности, которые содержат лексикон культуры.

Одной из ключевых констант аксиологического, культурного сознания является традиционный праздник «Навруз».

Для исследования художественного и фольклорного материала целесообразно использовать лингвокогнитивный и лингвокультурологический и корпусный анализ.

Ценности, отражающиеся в фольклорных и художественных жанрах, явились фактором формирования традиционных формул. Многие ученые также используют термин *фольклорные концепты*. Как указывает Е.Б.Артеменко, «специализированным средством выражения традиционных фольклорных концептов явились устно-поэтические формулы – устойчивые языковые и речевые образования» [2, с.64].

Мировидение каждого народа складывается в картину мира: «Каждая цивилизация, социальная система характеризуются своим особым способом восприя-

тия мира» [4, с.17]. «Менталитет любого лингвокультурного сообщества, – утверждает В.А.Маслова, – обусловлен в значительной степени его картиной мира, в которой репрезентированы мировидение и миропонимание ее членов» [7, с.86]. Концептуальные картины мира у разных народов различные, что может зависеть от эпохи и разных социальных, возрастных групп данной нации.

Всякая культура стремится выработать свою систему идентифицирующих признаков, позволяющих отличать «своих» от «чужих». Одним из таких признаков является знание или незнание определенных текстов, которые получили название прецедентных. «Прецедентный текст – это реминисценция от одного слова до текста. К прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений, но и мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты». Прецедентные тексты играют чрезвычайно важную роль в культуре общества и, в частности, в создаваемых этим обществом литературных произведениях» [5, с.215].

Следует отметить, что трактат Омара Хайяма «Наврӯзнама» считается прецедентным текстом, где нашли отражение традиции, обряды, а также лексикон празднования традиционного Нового года. Политическая нестабильность, социальное неравенство, а также трагические события, происходившие в XI веке, значительно повлияли на научную и творческую деятельность мыслителей того времени. Среди них был и Омар Хайям, который создавал свою книгу, посвященную обычаям царей Аджамы с целью сохранения моральных и культурных ценностей, а также поддержки представителей науки и культуры персоязычных народов.

Материалом исследования в данной работе послужили трактат Омара Хайяма «Наврӯзнама»¹, а также стихотворение Гулрухсор Сафиевой «Наврӯз»².

Произведение начинается с описания церемонии встречи Нового года при дворе древних царей Ирана и Турана и предваряется наставлением: «*Расми ниёкон дар ҳиммати баланду некукориву варзиши дору розӣ нигоҳ дор*» (Соблюдай обычай предков с великодушием и добродетелью...), ... *нешат ҳунариву доно гиромиву дирамхор* (Пусть талантливый и ученый человек ценится у тебя и получает жалованье)).

«Наврӯз» считается ценностной доминантой народов Востока. Согласно прецедентным текстам, в которых описывается праздник Наврӯз, легендарный иранский царь Каюмарс, которого считали Первопредком всего человеческого рода, «решил дать названия дням года и месяца и установить летоисчисление, чтобы в дальнейшем люди придерживались этих установлений. Определив день и момент (утро), когда Солнце входит в созвездие Овна, он приказал «мубадам Ирана» (жрецам господствующей религии) начать летоисчисление с этого момента. Позднее его правнук Джамшед «устроил праздник в упомянутый день, дал ему название Наврӯз и приказал людям праздновать каждый год появление нового *фарвардина*, считая этот день началом года».

¹ Умари Хайём. Наврӯзнама. Душанбе: Адиб, 2012. 352 с.

² Гулрухсор Сафиева Зодрузи дард: Шеърҳои нав. Манзума. М.: Нашриёти " Semetey", 1994. 128с.

Фарвардин – ключевая ценностная номинация праздника Навруз, этимология лексемы восходит к персидскому *фарвардин* – فروردین мохи якуми соли шамсй, ки ба 21 март 20 апрел рост меояд, мохи аввали баҳор (первый месяц иранского календаря, состоит из 31 дня. В **григорианском календаре** соответствует **21 марта – 20 апреля**) (Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ) [8].

Последними группами метафизических существ, связанных с этимологией *Фарвардина*, являются *Фареваши* или *Форухары*, ангелы-хранители, созданные *Ахура Маздой* для защиты живых существ после того, как был создан материальный мир (Гити), защитники людей от рождения до смерти, что, примерно, переводится как *защитники* (ангелы- хранители).

Фарвардин стало синонимом слова *Фаришта* (*фериште*), в современном персидском языке – это сходжение *Фареваши* на землю, чтобы явиться и помочь людям – своим земным аналогам. Это также означает «*Farr e Din*», понятие религиозного значения.

Самый изящный обряд празднования усопших душ был трансформирован в празднование прихода ангелов-хранителей на землю перед началом Нового года. *Фарвардеган* – это Джашни Фареваши (Чашни Фаривашй), и зороастрийцы отмечают его до сих пор. «День» (*дадар*) означает создатель (*афаридегар*). Целый месяц был посвящен *Ахура Мазде*. Первый день этого месяца отмечался как «Хорам Руз» (Хуррам Рӯз) – праздник *благодарности*, от людей ожидалось, что они будут заниматься *благодарностью* и *помогать другим*.

Следующий ценностный компонент празднования Навруза – *Хуррамӣ “Радость”*. Вот как он представлен у Омара Хайяма: «... Ва бар подшоҳон вочиб аст оину расми мулук ба чой овардан аз *бахри муборакӣ ва баҳри таърих ва хуррамӣ кардан* ба аввали сол. Ҷар кӣ рӯзи Наврӯз чашн кунад ва ба *хуррамӣ пайвандад*, то Наврӯзи дигар умр дар *шодиву хуррамӣ* гузорад. Ва ин таҷрибаи ҳукамо аз барои подшоҳон бошад» (У царей имеется обычай – в начале года им необходимо произвести определенные церемонии для благословения, установления даты и наслаждения).

Лексемы *муборакӣ, хуррамӣ, шодӣ, шодиву хуррамӣ* в таджикской лингвокультуре отражают понятие «Радость» и являются основными ценностными компонентами национального праздника Навруз.

Иранцы и таджики и считают *Навруз* самым большим праздником года. Перед Новым годом они начинают убирать свои дома (в персидском *Хаане Текаани*, в таджикском *Хона Барорӣ*, в шугнанском языке *chidir dēdow*) и покупают новую одежду. Но основная часть новогодних ритуалов – это приготовление «*Хафт син*» и «*Хафт шин*» с семью конкретными вещами. В древности каждый из предметов соответствовал одному из семи *творений и семи охраняющих их святых бессмертных*. Сегодня они изменены и видоизменены, но некоторые сохранили свою символику. Все семь предметов начинаются с буквы «С» и «Ш». В древние времена такого порядка не было.

Эти семь вещей обычно в персидской и таджикской лингвокультурах обозначаются следующими лексемами: *себ* (яблоко), *сабзӣ* (зеленая трава), *сирко*

(винный уксус), *суманак* (мука из пшеницы), *синчит* (особый вид ягод), *сикке* (монета) и *сир* (чеснок).

Люди поздравляют друг друга, используя разные выражения с добрыми пожеланиями и намерениями.

Например, в таджикском языке это *Наврӯз Муборак*, в персидском *No-Rooz Mobarak*; *Иди Шумо муборак*, в персидском *Eid-eh Shoma Mobarak*. *Наврӯз нуруз* (*No-Rooz Pirooz*); *Сад сол ба ин солҳо* (*Sad Saal be in Saal-ha*).

Также используется изречение *Сурхии ту аз ман* (*Sorkhi-e to az man*) // *Зардии ман аз ту* (*Zardi-e man az to*) в значении «пожелание здоровья своим близким и родным».

В основе празднования Навруза лежит стремление к *радости, чистоте и непорочности, миру и спокойствию, веселью, толерантности, прощению и любви*.

Ценностные доминанты праздника Навруз ярко отражаются в прецедентных текстах, произведениях известных мыслителей Востока, а также в творчестве современных писателей и поэтов.

Например, известная таджикская поэтесса Гулрухсор Сафиева подчеркивает духовную ценность древнего праздника в стихотворении «Навруз», написанном в ответ на стихотворение известного афганского поэта Халилуллоха Халили «Наврӯзи оврагон». Поэтесса говорит о том, что народ с нетерпением ждет наступления Навруза:

Гӯед ба *Наврӯз*...

Гӯед ба *Наврӯз*, ки нав нест *гами мо*,

Аз ҳасрати *хунинкафанон чашми нами* мо.

Аз *вахшати оқипадарон пушти хами* мо,

Гӯед ба *Наврӯз*, ки ҳар рӯз биёяд!

Ҳаррӯз биёяд, дари *гамхона кушояд*.

(Скажите Наврузу...

Скажите Наврузу, что наше горе не новое.

Наши глаза мокры от скорби по погибшим

От страха быть отвергнутыми отцами,

Скажите Наврузу, чтобы приходил каждый день!

Он должен приходиться каждый день и открывать дверь горести).

Навруз – это праздник мира и добра. А вот война приносит *горе и несчастье*, погибают люди, выжившие покидают страну. Психологическая и моральная усталость народа от тягот гражданской войны отражается в этом стихотворении Гулрухсор Сафиевой.

Автор стихотворения говорит о *печали, кровопролитии, жестокости, страдании* народа в следующих образных выражениях: *гами мо* (*наша печаль*), *ҳасрати хунинкафанон* (*горе умерших*), *чашми нами мо* (*наши глаза полные слёз*), *вахшати оқипадарон* (*от страха быть отвергнутым отцами*), *пушти хам* (*сгорбившиеся*), *дари гамхона* (*дверь горести*), *занги чароҳат* (*ржавчина раны*),

алами миллати бечора (печаль бедного народа), аламсӯз (утешающие), гамзадагон (опечаленные, огорчённые), гӯри шаҳидон (могила павших), гули гам (цветок печали), нолаи мургони гирифтор (горькие рыдания печальных), кушитани гулгунча баҳор (жестокое убийство молодых), мазори дили зор (могила умерших), "Хун медамад аз хоки шаҳидони Ватан, вой!" (Кровью погибших облита земля!).

*З-ойинаи дил занги чароҳат бизудояд,
Булбул алами миллати бечора сарояд,
Гӯед ба Наврӯз аламсӯз биёяд!
Гӯед ба Наврӯз, ки масрур биёяд,*

Только праздник Навруз сможет исцелить раны скорбящих сердец, а соловей сможет спеть о горе, печали страдающего народа. Пусть Навруз заберет скорбь и грусть и наполнит сердца радостью. Народ с нетерпением ждет благородного, счастливого праздника Навруз.

*Бедахшату беҳасрату мағрур биёяд,
Бар чашму дили гамзадагон нур биёяд,
Гӯед ба Наврӯз фаромӯз биёяд!
Дилхоху дилогоху дилафрӯз биёяд,*

Даҳшат (страх), *ҳасрат* (печаль, скорбь) являются основными компонентами *несчастья* (бадбахтӣ). Война и нестабильность в обществе приводят к разрушению и разобщенности народа. Психологическое воздействие путем давления и угрозы разрушает жизнь народа, лишает его будущего. Обращаясь к этому светлому празднику, автор подчеркивает, что в новом году мы ждем *счастливого (масрур), радостного (фаромӯз), светлого и яркого (дилафрӯз)* Навруза, который бы мог осветить охваченные горем души скорбящих матерей и жен, отцов и сыновей.

*Аз сангари мардони шараф дида биёяд,
Аз гӯри шаҳидон гули гам чида биёяд,
Гӯед ба Наврӯз, ки гулдӯз биёяд!
Дар гӯш расад нолаи мургони гирифтор,
Гулпӯш кунад марқади ёрони вафодор.
Човид кунад умри фари барқи шарарбор,
Гӯед ба Наврӯз шабафрӯз биёяд!*

Выражение *сангари мардони шараф* используется в значении «*достоинные, настоящие мужчины, которые охраняют свою Родину*». Многие защитники Родины отдали жизнь за неё, и земля отцовская покрыта кровью павших за справедливость, словно маковое поле. Они остаются навсегда в наших сердцах.

То меҳани мо пойгаҳи мири шикор аст,

Дар гулшани мо куштани гулгунча баҳор аст.
Ҷар пушта мазор аст, мазори дили зор аст,
Гӯед ба Наврӯз, ки пирӯз биёяд!

Надеемся, что этот благородный и бесценный древний праздник, в силах восстановить мир и спокойствие, единство народа, возрождение и стабильность родной страны.

Ошиқ накунад ёди гулафшони чаман, вой,
Шоир нарасад бар дари илҳоми сухан, вой,
«Хун медамад аз хоки шаҳидони Ватан, вой!»
Эй вой чаман, вой сухан, вой Ватан, Вой!

Кровополютие и война в конечном итоге приводят к разобщению народа и к миграции населения в другие страны. Страну покидают ученые, известные деятели, врачи, педагог, которые не в силах терпеть страх и разрушение. Жаль Родину – богатую и прекрасную!

Анализ представленного материала позволил констатировать тот факт, что «Благое предзнаменование» является основой знаменательного праздника, это надежда на жизнь, на счастье для обитателей нашей родины.

В разных регионах Таджикистана Навруз имеет, исходя из традиции, свои культурно-специфические особенности. Как указывает Л.Н.Додхудоева, «магическим способом привлечения сил добра и благодати считалось воспроизведение определенных изображений внутри дома. В Хатлоне на стенах рисовали цветок, рог барана или ветку кипариса, на Памире женщины оставляли отпечаток ладони правой руки, обмазанной бобовой мукой, на центральном главном столбе, который олицетворял собой бога-творца Муртазо-Али, и произносили новогоднее приветствие, уповая на Божий промысел» [6, с.6].

Аксиологические доминанты традиционного праздника «Навруз» передавались из поколения в поколение и это способствовало возрождению и репрезентации ценностей древнеиранской лингвокультуры. Благодаря богатой культурной и духовной семантике, данный праздник вошел в *золотой фонд абсолютов и святынь человечества*. В сентябре 2009 г. он был включен в список нематериального (духовного) культурного наследия человечества ЮНЕСКО, а 19 февраля 2010 г. 64-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию о «Международном дне Навруз» (21 марта).

Анализ исторических, этнокультурных и художественных источников позволил выявить особенности языковой объективации ценностного компонента в лингвокультурном содержании выделенных лексических единиц, что открывает широкие возможности для описания аксиологических доминант в таджикской лексической системе с особой культурной значимостью для языковой картины носителей языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах языка и речи «Проблемы структурной лингвистики». – М.: Наука, 1984. – С.5-23.
2. Артеменко Е.Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. II. – Воронеж, 2003. – С. 63-73.
3. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Буряковская Валерия Анатольевна. – Волгоград, 2000. – 25 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. –350 с.
5. Давлатмирова М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис...д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. –Душанбе, 2019. – 388 с.
6. Додхудоева Л.Н. Навруз и социокультурные ориентации таджикского общества // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Исторические науки и археология» – Душанбе, 2017. – № 3. –С. 5-9.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 8-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 296 с.
8. Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораи аз ду ҷилд ҷилди 2) О Я Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода, А.Сангинов, Р.Ҳошим, Ҳ.Рауфзода. – Душанбе, 2010 – 950 с.
9. Perry R.V. Realms of Value. The Critique of the Human civilization. – Harward; – Cambridge, 1954. – 124 p.

ANALYSIS OF THE AXIOLOGICAL DOMINANTS OF THE TRADITIONAL HOLIDAY “NAVRUZ” IN THE TAJIK LANGUAGE

Davlatmirova Manizha Borakovna

Doctor of Philology,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 98 35 53 (m.)
davlatmirova.manizha@mail.ru

The article deals with the axiological dominants of the holiday "Navruz", the specific characteristics of these values are revealed. Navruz holiday is the most ancient holiday of the Persian-speaking peoples, its traces are lost in the depths of millennia. Famous poets and thinkers Abuabdullo Rudaki, Aduraikhon Beruni, Omar Khayyam, when explaining the origin of Navruz, resorted to the language of mythology and religious legends.

In the article, a value-oriented description of lexical units that express the axiological dominants of this holiday in the discourse of precedent texts is presented. The classification of assessments is given, contained in the semantic structure of lexemes that objectify axiological dominants (goodness, conscience, honor, peace, morality, joy, happiness). The author believes that Navruz correlates with such

value dominants as virtue, generosity, joy, good omen, peace and love. Thus, moral, ethical, ethical categories are axiological guidelines that objectify the basic values of the people.

Keywords: axiology; value dominants; precedent text; cultural code; symbolism; holiday; linguoculturology; cultural values; "Navruzнома" by Omar Khayyam.

ТАҲЛИЛИ ДОМИНАНТАҲОИ АКСИОЛОГИИ ЧАШНИ АНЪАНАВИИ “НАВРҮЗ” ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
davlatmirova.manizha@mail.ru

Дар кори мазкур доминантаҳои аксиологии ҷашни анъанавии «Наврӯз» баррасӣ гардида, тавсифҳои махсуси ин арзиши милли таҳлил карда шудаанд. Ҷашни Наврӯз иди қадимтарини халқҳои форсиабон аст, нишонаҳои аввалини он ба умқи ҳазорсолаҳо рафта мерасанд. Шоирону мутафаккирони бузург Абуабдуллои Рӯдакӣ, Абурайҳони Берунӣ, Умари Хайём зимни маънидод кардани пайдоиши Наврӯза ба забони асотирҳо ва ривоятҳои қадима мурочиат мекарданд.

Дар мақола самтгирии арзишӣ ва тавсифи воҳидҳои луғавӣ пешкаш гардидааст, ки ифодакунандаи доминантаҳои аксиологии ҷашни мазкур дар дискурси матнҳои намунавӣ манзур гардидааст. Ин таснифоти арзёбихоест, ки дар сохтори маъноии вожаҳои объективикунандаи доминантаҳои аксиологӣ (некӣ, инсоф, ҷавонмардӣ, сулҳ, ахлоқ, хурсандӣ, бахт) ба назар мерасад. Муаллиф бар он ақида аст, ки Наврӯз бо чунин доминантаҳои арзишӣ, ба мисли наҷӯкорӣ, олиҳимматӣ, хушнудӣ, фоли нек, сулҳ, муҳаббат тавъам мебошад. Ҳамин тариқ, категорияҳои маънавий-ахлоқӣ самтгириҳои аксиологие мебошанд, ки арзишҳои пойгоҳии халқро объективӣ мегардонанд.

Вожаҳои калидӣ: аксиология; доминантаҳои арзишӣ; матни мувозӣ; рамзи фарҳангӣ; рамзҳо; ҷашн; фарҳангшиносии забонӣ; арзишҳои фарҳангӣ; «Наврӯзнама»-и Умари Хайём.

УДК 821.222.8-93'06

ТАДЖИКСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

Аминов Азим Садыкович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 919 72 15 50 (м.)

Статья посвящена основным тенденциям развития таджикской детской литературы периода независимости страны в аспекте их взаимодействия и взаимообусловленности социально-культурным контекстом. Отмечается, что во многом развитие литературы для детей на современном этапе имеет свои специфические черты, однако общие законы эволюции национального литературного процесса в целом сходны, что позволило выделить три периода поступательного движения детской литературы: первые годы независимости, гражданская война, достижение мира и согласия в таджикском обществе. Прослеживается эволюция данной сферы литературного творчества, изменения её стилового пространства, жанровых и тематических предпочтений.

По мнению автора, в таджикской детской литературе наблюдается ослабление традиционной дидактической функции, присущей ей на протяжении всего многовекового развития, благодаря которому был накоплен уникальный опыт преемственности духовных ценностей таджикского народа. Более того, современные детские писатели создают новые типы героев (так называемых «нетипичных» детей, с трудом адаптирующихся к жестким рамкам поведенческих нормативов). Выделяя наиболее интересные произведения, автор подчеркивает стремление писателей и поэтов к обновлению привычных жанров, расширению повествовательных рамок, осмыслению частных судеб на фоне определенных социальных явлений. При этом ориентиром все же становятся не факты и явления, а нравственные ценности.

Ключевые слова: таджикская детская литература; проза; поэзия; драматургия; новые имена; малые жанры прозы; гражданская война; символы и аллегории.

Государственная независимость создала благоприятные условия не только для развития социально-экономической жизни, но и для динамичного развития и совершенствования литературы и искусства – одной из важнейших основ национальной культуры. Благодаря государственному суверенитету произошли серьёзные изменения в духовном наполнении, идее и содержании современной таджикской литературы, обусловившие её вступление в совершенно новый период эволюции.

Тридцать последних лет в истории таджикской литературы, в том числе в прозе и поэзии для детей, отмечены смелыми поисками, открытиями, имеющими принципиальный характер. В литературно-публицистических выступлениях этого периода особенно много размышлений на тему «таджикская детская проза и

поэзия в контексте меняющихся нравственных ценностей». Акцентируя свое внимание на этой проблеме, академик Мухаммаджон Шакури отмечал, что «...в настоящее время различные явления западной культуры, имеющие также разрушительный характер, с большой скоростью толкают процесс формирования сознания подрастающего поколения на негативные пути. Наши дети и подростки в большей степени берут из Интернет-кафе не столько полезные, сколько вредоносные знания. В Интернет-кафе компьютерные игры и видеодиски стали настолько популярными, что их, без преувеличения, можно отнести к основным факторам формирования личности молодежи. Дети не читают книг, семья и школа не имеют прежней воспитательной силы» [5, с.87].

Эта проблема в её сложных и многообразных опосредствованиях наложила отпечаток на творчество многих таджикских детских писателей.

Если говорить о тридцати годах развития таджикской детской литературы в условиях государственной независимости, общую тенденцию процесса можно охарактеризовать как постепенное приближение писателя к реальной действительности, к освещению подлинных социальных и общечеловеческих проблем, в том числе проблем самого ребенка, раскрытию проблем во всей их сложности, со всеми их болевыми точками, постановке вопросов, которым, как считалось прежде, вообще не место на страницах книг для детей. Речь идет, в частности, о проблемах и трудностях в семейной жизни (повесть «Когда не стало отца» А.Самадова), о сложных понятиях человеческой природы и взаимоотношений между людьми (повесть «В грезах об отце» Кароматулло Мирзоева), о постановке детской литературой вопросов, связанных с любовью (повесть «Муки любви» Кароматулло Мирзоева), с гражданской войной (стихотворение Гулчехры Сулеймановой «Асад», 1993; авторская сказка «Сказка Тиллонур» Латофат Кенджаевой, либретто «Будь созидателем, но не поджигателем» Наримона Бакозаде, 1995; пьеса для театра кукол «Размышление о войне и мире» А.Аминова и З.Джавадова, 1998), об отклонениях в жизни общества в целом [см. 3; 4].

Отмечая принципиально новое, что прослеживается в таджикской детской литературе периода независимости, следует сказать о росте гражданского, общественного потенциала прозы и поэзии, обусловленном, независимо от их темы, внутренней публицистичностью, социально-нравственной заостренностью каждого образа, углублением в те стороны и грани характера героя, где наиболее явно прослеживаются связи индивидуальной психики и психологии общества в целом.

Изменения в тематике детской и подростковой поэзии эпохи Независимости Таджикистана оказали влияние на манеру и стиль изложения, содействовали эволюции художественных аспектов поэзии и прозы. Тематические и стилиевые изменения обусловили появление присущих детской поэзии и прозе символов и аллегорий [1, с.52].

Исходя из сказанного, таджикскую детскую литературу рассматриваемого периода можно условно разделить на три этапа: литературу первых лет независимости (1991-1992 гг.), периода гражданской войны (1992-1997 гг.) и

литературу периода достижения мира и согласия в таджикском обществе. У каждого из этих периодов были свои характерные черты, проявившиеся в таджикской детской литературе – как в поэзии, так и в прозе.

В идейно-содержательной эволюции детской литературы первого периода и укреплении её интеллектуально-идеологических основ чрезвычайно большую роль сыграла национальная и культурная политика, проводимая руководством Республики Таджикистан.

В литературе этого этапа приобрели первостепенное значение вопросы отражения исторической памяти народа, национальной самобытности, патриотизма, проявления уважения к национальным святыням и другие проблемы, связанные с национальным самосознанием.

Необходимо отметить, что в эти годы для детей и подростков был опубликован цикл сборников стихов для детей и подростков известных таджикских поэтов Бобо Ходжи, Али Бободжона, Наримона Бакозаде, Бозора Собира, Гулназара, Низома Косыма, Мухаммада Гоиба, Камола Насрулло, Джуры Хошими, Латофат Кенджаевой, Шахрии Адхамзод и других литераторов, укрепляющих чувство патриотизма, национальной гордости, почитания национальных святынь и ценностей. В этих сборниках размещены многочисленные стихотворения на темы воспевания родины, единства, родного языка, национальных святынь, государственных символов и других ценностей, воспитывающих читателей в духе высоких идей, укрепляющих историческую память, национальный дух и чувство патриотизма. Ибо воспитание детей и подростков – будущих строителей Родины, хранителей духовных и нравственных достижений предков и современников – является одной из основных целей таджикской детской поэзии в новой исторической эпохе.

Одновременно общепринятой была точка зрения, согласно которой произведения для детей следует писать на благозвучном, доступном языке, соразмеряя богатство последнего с особенностями выбранной возрастной группы; а стихи для детей обязательно должны быть ритмизованными и рифмованными, как это приличествует поэзии вообще, а тем более поэзии для юного читателя. Таким образом детям косвенно должны были прививаться нормы лингвистического и литературного «хорошего воспитания».

В качестве примера можно сослаться на небольшое стихотворение детского поэта Юсуфджона Ахмадзода «Подол матери» («Домани модар»):

Подол матери

*Первый шаг, шаг второй,
За ним третий и другой, –
Делает за шагом шаг
По террасе братик мой.*

*Он не падает теперь,
Он не спотыкается,
Братик крепко за подол
Матери хватается. (Подстрочный перевод наш – А.А.)*

Второй этап развития таджикской детской литературы после обретения независимости пришелся на годы гражданской войны, в связи с чем этот временной отрезок детской литературы можно назвать периодом затишья. За исключением нескольких произведений в прозе и поэзии, пять лет войны дети фактически были лишены чтения книг, не получали ни ожидаемых хороших стихов, ни прозаических произведений.

Последние 20 лет, 2000-2021 годы, можно назвать периодом второго возрождения и развития таджикской детской литературы. И это правильно, ведь только за пять последних лет для детей было издано столько хороших произведений, коих дети не получали за прежние 25 лет.

В этот период в таджикской детской литературе (поэзии и прозе) наблюдается также появление новых жанров, так называемых информационно-познавательных рассказов и стихов (это такие книги, как «Аромат гор» Али Бободжона, в которой поэт знакомит детей с различными горными растениями, цветами и травами, повадками зверей и птиц; «Чигелахҳо» («Перевертыши») Джурри Хошими, «Говорящее зеркало» Гулназара и небольшие, порой в пол или одну страницу, рассказы писателя Азизи Азиза, ставшие явлением в таджикской детской литературе) [2, с.13].

Примечательно, что в данный период таджикские школьники получили новый роман Сафии Носир «Александрова стена». В этом произведении писатель изображает удивительное путешествие мальчика Орзубахша вместе с дедом в город Самарканд. Надо отметить, что, прочитав этот роман, дети заметно пополняют свои географические и исторические знания.

Размышляя о состоянии детской прозы периода независимости, считаем важным подчеркнуть, что большинство повестей, рассказов, сказок и притч детских писателей в основном были опубликованы в первые десять лет нынешнего века (2000-2010). В этот период наблюдается интенсивное развитие таджикской детской прозы, о чем свидетельствуют произведения писателей Сафии Носир «Танури осмон» (2001), Гулназара «Что говорит жираф?» (2003), Абдумалика Бахори «Всезнающий Мини» (2003), Латофат «Сказка Тиллонур» (2003), Равшана Ёрмухаммада «Котенок умывается» (2009), Абдурахмона Расули «Бинокль» (2009), отмеченные глубоким содержанием, хорошим языком и обилием средств художественного изображения.

Анализ вышеназванных произведений позволяет прийти к выводу, что в детской прозе этого периода наблюдается снижение авторитета взрослых. Взрослый – и автор во многих прозаических произведениях для детей – уже не предстает таким всеведающим персонажем, способным в полной уверенности в себе поучать детей и подростков и внушать им «правильный» взгляд на окружающий мир, мнение взрослого перестает быть определяющим и единственно верным для восприятия действительности.

Так постепенно размывается и слабеет традиционная дидактическая функция таджикской детской прозы. Таджикские детские прозаики (*к сожалению, все без исключения достигшие возраста 70 и старше лет. Самому молодому из них –*

Азизи Азизу 60 лет – курсив наш – А.А.) принимают новую воспитательную концепцию, гласящую, что воспитание — это раскрытие правды жизни, даже если она тяжела, это предоставление ребенку орудий и инструментов, с помощью которых он может найти решения возникающих проблем, свой путь в самореализации. Таковыми являются произведения Абдумалика Бахори, Равшана Ёрмухаммада, Насима Раджаба, Юсуфджона Ахмадзода, Гани Джуразода, Азиза Азиза, Махбубы Негматзода и ряда других таджикских детских прозаиков.

Более того, хотя каждый ребенок есть – сам по себе сложная личность, существуют и «нетипичные» дети, неспособные адаптироваться к жестким рамкам, и детская литература рассматриваемого периода даёт им возможность выразить свои чувства, а «обычным» детям понять «нетипичных», не пытаясь изменить личность последних или навязать им единые, желательные для общества в целом, поведенческие нормативы.

Взять, к примеру, очень интересную по содержанию и стилю книгу Гулназара «Что говорит жираф?»).

Гулназар, продолжая добрые традиции предшествовавших таджикских детских писателей, некоторыми нововведениями обновил нашу таджикскую детскую прозу. Говоря о новаторстве писателя, мы имеем в виду его обращение к жанру короткого рассказа, бытующего в лучших образцах русской детской литературы. Стараниями Гулназара и еще нескольких наших писателей таджикская детская проза в годы независимости поднялась на новую ступень развития, стала современной. Маленькие по объему, но глубокие по содержанию и мысли рассказы Гулназара свидетельствуют о том, что сегодня поиски таджикских детских писателей не ограничиваются формальными инновациями в способах изображения действительности и раскрытия важных проблем. Их размышления в большей степени охватывают каждодневные истории жизни детей, раскрывают их связь с духовной и нравственной действительностью, с окружающей средой, природой, растительным миром, с жизнью животных и пернатых. Все эти особенности, в той или иной степени, нашли своё отображение в сборнике рассказов Гулназара «Что говорит жираф?». Отличительной особенностью этого произведения является то, что мы в нем не находим и намека на наставление и поучение детей. «Наставление и поучение» как бы вырастают из поступков и речи самих детей, их размышлений.

Писатель как бы становится старшим товарищем, раскрывая взгляды ребенка на окружающий мир, не давая ему позитивных или негативных оценок, он помогает юному читателю понять жизнь и себя в ней и в первую очередь лучше выразить собственные чувства и проблемы.

Рассказ «Что говорит жираф?» начинается с того, что два товарища, гуляя по зоопарку, увидели удивительное животное с очень длинной шеей.

Животное, высоко подняв голову, посмотрело на детей и стало «раскачивать голову на длинной шее в разные стороны».

- Что он хочет? – спросил у Кадыра Абубакр.

Не знаю, сейчас спрошу у него самого, - ответил Кадыр. В это время Абубакр, подняв с земли камень, бросил в сторону жирафа, который угодил прямо в

лоб бедному животному. Животное от этого удара отбежало чуть в сторону и, глядя на детей, продолжало раскачивать голову.

- Что он говорит? – вновь обратился к Кадыру Абубакр.

Недовольный этим поступком товарища, Кадыр сказал:

- Жираф говорит, что Абубакр, оказывается неграмотный». Тут можно было бы поставить точку, но Гулназар, используя тонкий юмор, вновь возвращается к этой теме:

- Это почему? – злобно сказал Абубакр.

- Он говорит, что если он Абубакр даже пойдет в школу и тогда не сможет читать буквы.

- Враки! – вскипел Абубакр – откуда он знает, что я не могу читать?

Кадыр взял Абубакра за руку, подвел к табличке на ограждении и прочитал: «Не обижайте жирафа, не бросайте в него камнями, не беспокойте его».

Рассказ завершается следующими словами Кадыра и тем, что его слова помогли Абубакру сделать правильный вывод:

- Видишь, - обратился Кадыр к Абубакру. – Жираф говорит, что если бы твой товарищ был грамотным, прочитал бы эту табличку и не бросал в меня камень.

Абубакр, низко опустив голову, отошел от вольера.

Умение поставить точку вовремя и в нужном месте является важной и отличительной особенностью детских рассказов Гулназара.

Еще дальше в этом направлении идет Абдулхамид Самадов, один из замечательных таджикских писателей, создавший для детей ряд интереснейших произведений в жанрах повести и рассказа, таких как «Заботливый», «Дедушкин конь», «Урок», «Плач медведя», «Цветок Навруза», «Сердце ребенка», «Хватит, Ёдгор!» Героями этих произведений в основном являются дети и подростки. Абдулхамид Самадов – писатель, глубоко понимающий душу ребенка и старающийся смотреть на мир его глазами, избегающий прямых нравов учений.

Из детских писателей самым плодовитым является Азизи Азиз: за два десятилетия он издал более 27 книг, вызвав, тем самым, интерес к созданию коротких детских рассказов и информационных произведений для детей младшего школьного возраста. Новые лаконичные рассказы Азизи Азиза «Обман», «Путешествие, которого я не ожидала», «Алиса и Аниса» «Два дня в холодильнике», «Кошелек», «Рассказы времени летних каникул» в какой-то мере заполнили пустое пространство таджикской детской литературы после произведений Пулода Толиса «Лето» и Амиджона Шукухи «Откуда течет вода?»

В произведениях Азизи Азиза мы наблюдаем совершенно иной подход к изображению мировосприятия ребенка. В одном из его рассказов «Очки» внук набирается смелости учить деда, как использовать очки в свою пользу:

Муроду дали горсть конфет. Он радостно побежал к деду.

- Дедушка, дайте мне свои очки, - попросил он.

- Что ты будешь делать с ними? – спросил дедушка.

- Буду есть конфеты, - ответил Мурод.

Дед был немало удивлен:

- Разве конфеты кушают очками?

- Так Вы же сами говорили, что очки все предметы показывают увеличенными, - ответил Мурод (подстрочный перевод наш – А.А.).

Разумеется, эта небольшая вступительная статья к Антологии таджикской детской литературы периода независимости даёт читателю лишь очень ограниченное представление обо всем богатстве таджикской литературы для детей. Вместе с тем, мы надеемся, что литературная подборка в переводе на русский язык откроет путь к познанию таджикской детской литературы русским читателем.

Литература

1. Абдурарахмони Абдуманнон. Он был высоким и гордым // Сияние лиц: сб.статей. – Душанбе: Адиб, 2015. – 212 с. (на тадж.яз.).
2. Аминов А. Государственная независимость и таджикская детская литература // Адабиёт ва санъат. – 2007. – 22 февр. – С.13 (на тадж.яз.)
3. Зулфиев Г.Н. Идеино-нравственные и художественные особенности романа Кароматулло Мирзоева “В грезах об отце”: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Зулфиев Гадолат Нурмадович. – Душанбе, 2018. – 152 с.
4. Турсунова М.Х. Жанр рассказа в таджикской детской и подростковой литературе второй половины XX столетия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Турсунова Мохира Хашимовна. – Душанбе, 2018. – 25 с.
5. Мухаммаджон Шакури Бухорои. Хорасан – здесь. – Душанбе: Дониш, 2009. – 218 с.

TAJIK CHILDREN'S LITERATURE OF THE INDEPENDENCE PERIOD

Aminov Azim Sadykovich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of world literature

Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 72 15 50 (m.)

The article is devoted to the main trends in the development of Tajik children's literature during the country's independence in terms of their interaction and interdependence in the socio-cultural context. It is noted that in many respects the development of literature for children at the present stage has its own specific features, however, the general laws of the evolution of the national literary process are generally similar, which made it possible to distinguish three periods of the progressive movement of children's literature: the first years of independence, the civil war, the achievement of peace and harmony in Tajik society. The evolution of this sphere of literary creativity, changes in its stylistic space, genre and thematic preferences are traced.

According to the author, in the Tajik children's literature, there is a weakening of the traditional didactic function inherent in it throughout the centuries-old development, thanks to which a unique experience of the continuity of the spiritual values of the Tajik people has been gained. Moreover, modern children's writers create new types of characters (the so-called "atypical" children who have difficulty

adapting to the strict framework of behavioral standards). Highlighting the most interesting works, the author emphasizes the desire of writers and poets to update the usual genres, expand the narrative framework, comprehend private destinies against the backdrop of certain social phenomena. At the same time, not facts and phenomena, but moral values, become the guideline.

Key words: Tajik children's literature; prose; poetry; dramaturgy; new names; small genres of prose; Civil War; symbols and allegories.

АДАБИЁТИ БАЧАГОНАИ ТОЧИК ДАР ДАВРАИ ИСТИҚЛОЛИЯТ

Аминов Азимчон Содиқович

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи адабиёти ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 919 72 15 50 (м.)

Мақола ба тамоюлоти асосии инкишофи адабиёти бачагонаи тоҷик дар давраи истиқлолияти кишвар дар ҷанбаи таъсири мутақобилаи онҳо дар ҳошиаи иҷтимоӣ-фарҳангӣ бахшида шудааст. Зикр мегардад, ки аз бисёр ҷиҳат инкишофи адабиёти бачагона дар марҳилаи муосир дорои хусусиятҳои махсуси худ мебошад, аммо қонунҳои умумии таҳаввулот дар раванди миллии адабӣ дар маҷмӯъ шабеҳи ҳамдигар ҳастанд, ки ин барои ҷудо кардани се давраи ҳаракати мунтазами адабиёти бачагона имконият дод: солҳои аввали истиқлолият, ҷанги шаҳрвандӣ, ноилшавии сулҳу субот дар ҷомеаи тоҷик. Таҳаввулоти соҳаи мазкурӣ эҷодиёти адабӣ, ивазшавии фазои услубии он, афзалиятҳои жанрию мавзӯӣ ошкор намуд.

Бино ба ақидаи муаллифи мақола, дар адабиёти бачагонаи тоҷик суҷули функсияи анъанавии дидактикӣ, ки ба он дар давоми тамоми инкишофи ҷаҳонаш хос буд, дида мешавад. Ба шарофати он таҷрибаи нодири меросдорӣ арзишҳои маънавии халқи тоҷик ҳосил карда шудааст. Бештар аз он, нависандагони муосири бачагона типҳои нави қаҳрамонро (ба ном кӯдакони «ғайритипӣ»-ро, ки ба ҷорҷӯбаи қатъии меъёрҳои рафтор бо мушкили мутобик мешаванд) эҷод намуданд. Асарҳои шавқовартаринро аз ин нуқтаи назар ҷудо карда, муаллиф кӯшиши шоиру нависандагонро ба навсозии жанрҳои одатшуда, васеъ намудани доираи нақл, дарксозии сарнавиштҳои алоҳидаро дар ҳошиаи ҳодисаҳои алоҳидаи иҷтимоӣ тазаккур медиҳад. Дар ин маврид ба ҳар ҳол, на далелу ҳодисаҳо ба асос гирифта мешаванд, балки арзишҳои маънавӣ.

Вожаҳои калидӣ: адабиёти бачагонаи тоҷик; наср; назм; драматургия; номҳои нави жанрҳои насрӣ; ҷанги граждани; рамзу маҷоз.

УДК 81'373.21=222.8

**О СЕМАНТИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИХ
ОСОБЕННОСТЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМОВ ТАДЖИКИСТАНА)**

Нуридинзода Махбуба Сироджидин

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 09
mnuritdinova@mail.ru

В статье рассматриваются семантические особенности топонимов Таджикистана, которые содержат в себе богатую историко-культурную информацию. Отмечено, что топонимы Таджикистана не являются семантически пустыми, а обладают своеобразным значением, несут определенное понятийное содержание. Формирование и развитие топонимической системы не может происходить без опосредования сознанием, топонимы сохраняют и накапливают когнитивные знания, индивидуализируют называемый объект. Рассматривается процесс апеллиативации имен собственных, который осуществляется при насыщении его интеллектуальной информацией. Этот процесс может быть полным и неполным и развиваться различными путями. Автор исследует взаимодействие лингвистических, исторических и географических факторов, влияющих на формирование топонимов, связь географического названия с объектом, отношение говорящего к объекту, основанное на ассоциациях, что следует рассматривать как частный метод исследования семантики топонимов, называемый ассоциативным экспериментом. В статье рассматриваются значения наименований топонимов, несущих в себе положительную оценку, показано использование в этих целях культурных компонентов, которые могут быть обусловлены явлениями экстралингвистической действительности. Отмечается эмоционально-оценочный и постоянный характер топонимов, что обусловлено выделением в них важных для человека особенностей, структуры местности, рельефа территории, его ландшафтных зон, видов полезных ископаемых, разновидностей флоры и фауны. Указывается, что топонимы образуются в антропоцентрическом измерении, т.е. могут сохранить не только имя конкретного исторического деятеля, но происходить от названия племени, проживающего на его территории.

Ключевые слова: топонимы; Таджикистан; географические топонимы; апеллиативы; семантика топонимов; культурные компоненты; антропоцентричность, историко-культурная информация.

При своем возникновении каждое географическое название имеет определенное содержание. Это содержание образуется под воздействием действительности. «Топонимы позволяют воссоздать картину мира этноса, отношение его

членов к миру, соотносить прошлое народа с его настоящим, обнаружить лингвистические и культурологические особенности взаимодействия народа» [14].

Топонимы представляют собой обязательный элемент развития общества и человечества в целом; современную цивилизацию едва ли возможно представить без топонимов. Каждое знакомство со страной, городом, селом или природным объектом начинается с географического названия: топоним создает первоначальную картину, первоначальное представление об объекте изучения и исследования. Это своего рода визитная карточка объекта. Естественной представляется необходимость осмыслить топонимы, выяснить, как они появляются, развиваются, изменяются, что способствует этому процессу и, конечно, что они означают [3, с.212].

Семантика топонимов и их особенности, заключаются в первую очередь в том, что они выделяются в отдельный класс имен собственных. В связи с этим Е.Л.Березович отметил, что семантика топонима – это понятие о географическом объекте, информация о виде объекта и его местонахождении [1, с.75]. В.В.Молчановский семантику топонимов раскрывает шире и отмечает, что они являются вместилищем знаний о стране, хранителем и трансформатором историко-культурной информации об этносе. Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций [10, с.115].

Имена собственные в отличие от нарицательных обладают слабо выраженной понятийностью, что подталкивает, как отмечает Т.С.Доржиева, на поиск частных методов исследования их семантики. Одним из таких методов следует признать так называемый «ассоциативный эксперимент» [4, с.112]. Вся семантическая система топонимов образовывается через ассоциацию, которую составляет информация о географическом объекте: рельеф территории, его ландшафтные зоны, особенности климатических условий, флора и фауна и т.п. Например, топоним Дахана (тадж. *Даҳана*) означает *горловина, устье реки, ущелье, горный проход*. Это название ассоциируется с таджикским словом «даҳон/дахан» – *рот, пасть, отверстие*. Название села Дилнишин ассоциируется с благодатным местом, село Бустон (тадж. *Бӯстон*) представляется как красивое место и означает *цветник, сад*. Название села Анбарин ассоциируется с ароматическим веществом амброй.

В связи с этим А.В.Суперанская подчеркивает, что речевая информация, содержащаяся в топонимах, обеспечивает связь географического названия с объектом и способна выявить отношение говорящего к объекту, что основано на его ассоциациях [12, с.259].

В процессе номинации объекта человек выделяет в нем самые важные, на его взгляд, особенности. Например, название села Боги боло (тадж. *Боги боло*) отражает местоположение объекта и указывает, что село, где имеются сады фруктовых деревьев, расположено в верхней части указанной территории. В названии села Боги калон (тадж. *Боги калон*) содержится информация, что в селе имеется большой фруктовый сад. Аналогичны названия сел Мугулони боло (тадж. *Муғулони боло*) и Мугулони поен (тадж. *Муғулони поён*). Село Мугулони боло означа-

ет монголы из верхнего села, т.е село, расположенное выше, а Мугулони поен – монголы из нижнего села, т.е. село, расположенное ниже. Название села Джарбулоки боло (тадж. *Чарбулоқи боло*) обозначает *верхний родник у пропасти*, то же самое Джарбулоки поён (тадж. *Чарбулоқи поён*) – *нижний родник у пропасти*, Джарбулоки миёна (тадж. *Чарбулоқи миена*) – *средний родник у пропасти*, то есть отражают метоположение села с учетом его особенностей. Частое использование форманта «боло» и «поен» в названиях географических объектов на территории Таджикистана связано с его горным рельефом. Село Бегар (тадж. *Безар*), расположенное в горной части региона, означает *равнина* или, дословно, *место, где нет гор*, а название села Лаби джар (тадж. *Лаби чар*) означает, что *село расположено у обрыва*, Халкаджар (тадж. *Халқачар*) – село находится у *обрыва округлой формы*.

Противопоставление таких формантов, как большой – малый, верхний – нижний, стоящих в оппозиции друг к другу, часто встречается в топонимике края, что связано с расположением объектов, его качественными сторонами. Если в предыдущих примерах были представлены названия сел, обозначающие расположение объекта, в названии сел Кичиколчали (тадж. *Кичиколчали*) и Каттаолчали (тадж. *Каттаолчали*) указывается на размер вишни, растущей в селениях. Кичиколчали – это маленькая вишня, Каттаолчали – крупная вишня.

Было бы справедливо так же отметить, что топонимика обогащается за счет культурной и социально-исторической информации, связанной с денотатом, и чем более известен денотат, тем больше его фон культурной информации. Интересен тот факт, что если основу топонима составляет имя нарицательное, которое впоследствии подверглось онимизации, то семантика исходного имени соединяется с семантикой топонима [13, с.5].

К топонимам с культурной и социально-исторической информацией относятся названия района Вахдат (тадж. *Ваҳдат*) и сельской общины Вахдати милли (тадж. *Ваҳдати милли*), которые названы в честь Дня национального единства Таджикистана¹. Название города Истиклол (тадж. *Истиқлол*) означает независимость. Город назван в честь Дня государственной независимости страны². Села Зафар и Зафаробод означают *победа*, т.е. процветающий благодаря победе. Они названы в честь Победы в Великой Отечественной войне. Район Темурмалик до 2004 года назывался Советский, т.е. относящийся к государственной власти Советов, принадлежащий стране Советов. Село Сохилоб (тадж. *Соҳилоб*) до 2018 года называлось Социализм.

¹ Эта праздничная дата была установлена после продолжительной гражданской войны, которая после двусторонних мирных переговоров конфликтующих сторон – между Правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией завершилась подписанием заключительного документа «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане» 27 июня 2007 года в городе Москве.

² Главный национальный праздник Республики Таджикистан, который отмечается ежегодно 9 сентября. 9 сентября 1991 года на сессии Шурои Оли Республики Таджикистан (Верховного Совета Республики Таджикистан) было принято Постановление и Заявление «О государственной независимости Республики Таджикистан».

Топонимическая система, как и всякая система языка, существует не только в системоцентрическом, но и антропоцентрическом измерении. Мы живем в мире названий. Названия окружают нас и служат надежным указателем мест, где что-то находится или что-то случилось. С помощью названий фиксируется вся жизнь человека, начиная с указания места его рождения. Поэтому географические названия не связаны с географическим объектом напрямую, между ними стоит человек как субъект восприятия объективной реальности [4, с.111].

В связи с этим следует отметить, что в топонимике края встречается много названий, отражающих взаимоотношения людей, например: Вахдат (тадж. *Vахдат*) – означает *единение*, Дусти (тадж. *Дустӣ*) – *дружба*, Мехробод (тадж. *Мехробод*) – *обустроенный любовью*, Ёри (тадж. *Ёрӣ*) – *помощь*.

Ряд названий появились в связи с проживанием в этой местности представителей различных ремесел. Топонимы, образованные от названий, связанных с ремесленной деятельностью, отражают языковую специфику региона. Название сёл Кишоварзон (*земледельцы*), Косатарошон (*мастера по изготовлению деревянных чаш*), Кулолгарон (*мастера гончарного ремесла*), Заргарон (*золотых дел мастера, ювелиры*), Камонгарон (*мастера, изготавливающие луки*), Чуянгарон (тадж. *Чуянгарон*) и т.п. образованы от апеллятивов, содержащих значение ремесел, и форманта со значением принадлежности «-он». К этой группе примыкают топонимы Гулакандоз со значением *лучник*, Пахтакор – *хлопкороб*.

Как известно, топонимы сохраняют и накапливают когнитивные знания, они индивидуализируют называемый объект. Топонимы передают наиболее значимую информацию об объекте. Эта информация может быть исторической, культурной, экстралингвистической и т.п. Кроме того, они отражают значимый признак для данной территории, для данного населенного пункта.

В силу своей массовости, речевая информация весьма неконкретна, объем ее может меняться от одного говорящего к другому в зависимости от черт их характера и экстралингвистических условий речевой ситуации. Непременным условием введения имени в речь является наличие знакомства с объектом, т.е. предполагается, что первоначальное знакомство с объектом уже произошло [12, с.259].

Названия объектам давались, исходя из деятельности человека, его интереса к территории, её растительного мира, полезных ископаемых. Примером могут служить топонимы, отражающие важную информацию о расположении объекта, его структуре, растительности и других особенностях. К примеру, село Кухсор (тадж. *Кӯҳсор*) означает *горная местность*, Кумсой (тадж. *Кумсой*) – *песчаный овраг*, Дар-дар – от согдийского *нижнее село*, Ободдара – *цветущее ущелье*, Чорукдайрон (тадж. *Чоруқдаррон*) – *скалистая местность, где быстро изнашиваются, рвутся чоруки* (вид обуви из сыромятной кожи без подметки и каблуков), Чимкурбан (тадж. *Чимқӯрбан*) – от тюркского *зеленая возвышенность*. Семантика этих географических названий является прозрачной. Главная функция таких топонимов ориентировочная. Как отмечал А.К.Матвеев, успешному функционированию древних топонимов способствует их прозрачная семантика, их прочная связь с нарицательными именами [8, с.6].

Следует отметить, что, в основном, все топонимы имеют положительное значение. Отрицательные значения в процессе номинации встречаются редко. Для наименований, несущих в себе положительную оценку географических объектов, используется такой компонент, как «зар», означающий *золото*, являющийся символом богатства и благополучия. Название топонима Зарнисор означает *осыпающийся золотом*. Ранее назывался Алтын-топкан, который переводится с тюркского *нашедший золото*, так как на территории этого объекта было найдено небольшое золоторудное месторождение. Другие топонимы с компонентом «зар-» являются образными, т.е. на их территориях не обнаружены золоторудные месторождения, например: Зарзамин означает *золотоносная земля*, Заркон – *рудник золота*, Заркух (тадж. *Заркӯҳ*) – *золотые горы*, Зароб – *золотоносная река*, Зархалол (тадж. *Зарҳалол*) – *золото, приобретенное честным трудом*, Зархок – *плодородная земля* и Заркорон – *золотых дел мастера*. Компонент «зар» также ассоциируется с солнцем как источником жизни. К значению солнца примыкают названия города Гиссар (тадж. *Ҳисор*), районов Хуросон, Ховалинг, сел Офтобру (тадж. *Офтобрӯ*), Нуробод, Нурафшон. Название топонима Гиссар означает *обжитое место на солнечной стороне*, Хуросон – *место, где встает солнце*, Ховалинг – *солнечный край*, Офтобру – *солнечное место*, Нуробод – *облагороженный лучами солнца*, Нурафшон – *испускающий сияние*. Эти названия относятся не к естественным онимическим номинациям, а к искусственным, так как в основном естественные названия получали те объекты, на которые была направлена деятельность человека и которые представляли для него прагматичный интерес. В искусственных названиях не учитывается связь географического объекта с человеком. В них используется духовно-нравственная, культурная лексика. К таким номинациям относятся также слова с компонентом «гул».

Компонент «гул» – *цветок*, как символ природы, ее совершенства, олицетворяет красоту, невинность, благоухание, весну, молодость, в связи с чем в настоящее время многие топонимы тюркского происхождения переименовываются в названия с компонентом «гул» или названия, включающие в свою семантику значение *цветущий*, придающее топониму эмоционально-образный оттенок, например: Гулистон означает *цветник*, Гули сурх – *красный цветок*, Гулрез – *осытающий цветами*, Гулшан – *цветник, розарий*, Лохур (тадж. *Лохур*) – *цветущий край*, Хуррамзамин – *цветущая земля*, Бустон (тадж. *Бӯстон*) – *цветник, благоухающее место*, Бахор (тадж. *Баҳор*) в значении *цветущая весна*.

Как известно, вода – это один из самых важных источников жизни на Земле, поэтому люди селились у рек или недалеко от ручьев и водопадов. В связи с этим в названиях своих поселений использовали слово «об» - *вода*. Названия местностей Оби зулол – *прозрачная вода*, Оби шифо – *лечебная вода*, Оби гарм и Гармчашма – *горячая вода, источник горячей воды*, Обшорон и Чашмасор – *места, изобилующие источниками*, характеризуют объект как источник жизни через ее связь с водой, с природными источниками.

Некоторые наименования мест поселения людей привязаны к названиям рек, озер, родников. К ним относятся названия районов: Вахш, Пяндж (тадж. *Панҷ*), Варзоб, Джайхун (тадж. *Чайхун*)¹, Мурғоб (тадж. *Мурғоб*) и прежнее название района Вахдат (тадж. *Ваҳдат*) – Кофарниҳон (тадж. *Кофарниҳон*); названия сел: Сангчашма, Сафедчашма, Симигандж (тадж. *Симиғанҷ*), Такоб, Ширинбулок (тадж. *Ширинбулоқ*) и т.п. Особый характер этих топонимов заключается в том, что они содержат в себе культурный компонент, который может быть обусловлен явлениями экстралингвистической действительности. Поэтому ряд топонимов, как было отмечено выше, дают не только природную характеристику географических объектов, но и эмоционально-оценочную характеристику [7, с.135].

К особой группе географических названий относятся антропотопонимы. С установлением независимости в стране стало популярно называть географические объекты личными именами. Например: город Гурсунзаде назван в честь народного поэта Таджикистана, район Мир Саид Али Хамадони (тадж. *Мир Сайид Али Хамадонӣ*) назван в честь поэта, видного мусульманского ученого-теолога, район Абдурахмана Джамии (тадж. *Абдурахмони Чомӣ*) – в честь персидско-таджикского поэта, философа и гуманиста, район Темурмалик – в честь военачальника, национального героя таджиков в борьбе с монгольскими захватчиками, район Спитамен – в честь согдийского военачальника, стоявшего во главе восстания в Согдиане и Бактрии против Александра Македонского, район Деваштич – в честь согдийского афшина², одного из последних правителей Согда и Пенджикента и т.п.

Топонимы могут сохранять не только имена знаменитых людей, но и происходить от названия народностей, племен.

Топонимы являются важной частью культурно-философского восприятия жизни любого этноса, поскольку в них закрепляется общественно-исторический опыт – общечеловеческий и национальный, хранится и транслируется культурная информация. В целом топонимы играют значительную роль в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе ее становления.

Ранее народы, племена и роды проживали в изоляции друг от друга в составе своей группы. Кочевники и полукочевники заселялись по родоплеменному принципу [см.11]. Учитывая, что топонимы чаще всего носят не случайный набор географических названий, а их наименование связано с историческими явлениями, которые формируются под воздействием исторических фактов, мы имеем законсервированную информацию, сохраняющуюся на долгое время. Название села Кипчак (тадж. *Қипчоқ*) связано с тюркоязычным народом, занимавшимся преимущественно кочевым скотоводством и ремеслами. В древнерусских летописях кипчаки – половцы. Образованное ими государство в 630 году было уничтожено китайцами и уйгурами. Остатки племени разошлись по разным территориям. Ныне это село переименовано на Шодмонкала (тадж. *Шодмонқалъа*). А название села Гончи (тадж. *Ғонҷӣ*) считается названием

¹ Джайхун – персидское название Амударьи.

² Афшин – традиционный титул правителей Уструшаны (согдийцев).

одноименного тюркского племени. Село Карахони (тадж. *Қарахонӣ*), которое переименовано в Гули сурх, было названо так по заселявшему его территорию узбекскому этносу карахони. Топоним Чагат (тадж. *Чагат*) информирует об этнической принадлежности населения данного села к тюрко-монгольскому народу (Чагат от Чагатай). Название связано с именем сына Чингизхана¹ Чагатаем. Потомки Чагатая правили в Средней Азии в XIII-XIV веках. У тюркоязычных народов было принято называть роды и родовые подразделения по имени родоначальника или предводителя, поэтому сподвижники и придворные Чагатайхана стали причислять себя к роду чагатай. Чагатаями именовали все тюркское население Мавераннахра². Сегодня это село называется Гулшан.

Село Яхтан носит название одного из древних тюркских племен. Название села Каттаган (тадж. *Каттаган*) получило свое название по этнониму, образованному от группы узбеков из племени катаган дештикипчакского происхождения «асил каттаган» т.е. «истинные каттаганцы», которые в XIII веке в результате междоусобных войн оказались оторванными от своего удела, расположенного на севере Афганистана. Ныне село переименовано в Зарзамин. Этнический состав села Тугалан (тадж. *Тӯғалан*) указывает на племя узбеков, проживавших на территории села.

Название села Мангит (тадж. *Мангит*) отражает название тюрко-монгольского племени, упоминаемое, начиная с XV века, как узбекское, а названия сел Арабон, Киргизон (тадж. *Қирғизон*), Мугулон (тадж. *Муғулон*), Сугдиён (тадж. *Сугдиён*) несут в себе соответствующую этническую информацию. Следует отметить, что этот принцип наименования постепенно начинает исчезать в силу неактуальности этих названий.

Названия многих топонимов в Таджикистане, в том числе топонимов, указывающих на этнический состав местности, переименованы на названия, содержащие в себе эмоционально-оценочную окраску. Например, Каттаган переименован в Зарзамин, Мангит (тадж. *Мангит*) в Зароб, Мугулон (тадж. *Муғулон*) в Сафобахш, Арабкишлак (тадж. *Арабқишлоқ*) в Яккачинор, Кыргызкишлак (тадж. *Қырғизқишлоқ*) в Хушобод. Эти новые названия не связаны семантически с особенностями местности. При переименовании этих географических объектов не учитывались фоновые значения указанной территории.

При переименовании другой группы объектов, где первоначально при назывании топонимов информация отбиралась не случайным образом, в основу наименования ложится наиболее значимый для данного населенного пункта при-

¹ Чингизхан – основатель и первый великий хан (каган) Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские и тюркские племена: полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу. Основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи.

² Мавераннахр – название Средней Азии во время арабского завоевания в VII-VIII веках и первоначально означало бескрайние территории по правому берегу Джейхуна (ныне Амударья). Позднее под Мавераннахром понимался регион строго между реками Джейхун и Сейхун (ныне Сырдарья).

знак. В названиях этих географических объектов используется топонимическое калькирование. Село Тошбулок (тадж. *Тошбулоқ*) переименовано в Сангчашма со значением *каменный родник*, Шакарбулок (тадж. *Шакарбулоқ*) в Шакарчашма, означающее *сахарный родник*, Тол в Яккабед, т.е. *одинокая ива*. Название села Терак, переименованное в Сафедорон, означает *тополь*, но к нему присоединен топоформант «–он» со значением принадлежности, при переименовании села Яккатерак в Сафедорак сохранен топоформант «–ак», указывающий на небольшой размер села. Тутбулок и Тутчашма, Тутли и Тутзор соответственно означают *родник у тутовника* и *место, где растет много тутовых деревьев*, а название села Олма, преобразованное в Себистон, получило в состав калькированного топонима топоформант «–истон» со значением *место проживания*.

Близкие значения при переименовании встречаются в следующих объектах, например: Бешбулок (тадж. *Бешибулоқ*) со значением *пять родников* переименован в Обшорон, т.е. *местность с водопадом, место, изобилующее водой*, Оқарик (тадж. *Оқарик*) – *арык с белой водой* в Мусаффо, т.е. *чистая и прозрачная вода*, Карабог (тадж. *Қаробог*) со значением *черный сад* в Чорбог (тадж. *Чорбог*), т.е. *четыре сада* в значении *несколько садов*, Чаманбулок (тадж. *Чаманбулоқ*), означающий *родник у цветущего луга*, – в Чаманзор, т.е. *цветущий луг*. Село Тутбулоки сари санг (тадж. *Тутбулоқи сари санг*), означающий *родник у тутовника, где много камней*, переименовано в Тутчашма, т.е. *родник у тутовника*. Село Нурафшон со значением *испускающий сияние, сверкающий, лучезарный* ранее называлось Кизилнур (тадж. *Қизилнур*), что означало *красные лучи*.

Еще одна интересная деталь при переименовании географических объектов Таджикистана – это антонимический перевод, например: Уткансой (тадж. *Ўткансой*), означающий *высохший ручей*, переименован в название с противоположным значением Чашмасор, т.е. *место, изобилующее ручьями*, а Куруксой (тадж. *Қуրқсой*) со значением *высохший овраг, русло* в одном случае в Чаманистон, в другом – Обшорон, т.е. соответственно со значением *цветник* и *место, изобилующее родниками*. В этих переименованиях использовался принцип положительной семантики. Топонимы с отрицательной семантикой встречаются очень редко.

Топонимы со значением цвета не являются исключением для топонимики Таджикистана. Учитывая, что Таджикистан является восточной страной, в наименовании ее объектов преобладают яркие цвета, преимущественно красный цвет. К цветовым топонимам относятся названия сел Гули сурх, Рашт, Сурх, Кизил пиллол (тадж. *Қизил пиллол*), Кизилнур (тадж. *Қизилнур*), Сурхчашма. С красным цветом связаны названия рек Сурхоб, Кызылсу (тадж. *Қизилсу*). При описании водоемов важное значение имеет и белый цвет, который символизирует чистоту, прозрачность, например: Оксу (тадж. *Оқсу*), Окбулок (тадж. *Оқбулоқ*). В противоположность ему выступает черный цвет. Каракул (тадж. *Қароқул*), Карочангал (тадж. *Қарочангал*). Понятия «белый» и «черный» являются оппозиционными во многих культурах, и это распространяется на широкий круг номинаций.

Белый и черный цвета изначально связаны с понятиями добра и зла, жизни и смерти, молодости и старости [15, с.339].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что имена собственные не являются семантически пустыми, а обладают своеобразным значением, «несут, как утверждает антропонимист З.Р.Загирова, понятийное содержание, микрокомпоненты которого складываются под воздействием действительности» [5, с.20]. Данное утверждение указывает на то, что семантика топонимов является гибкой и может менять свое содержание в зависимости от существующей реальности.

Кроме того, необходимо отметить особые свойства топонимов, которые заключаются в том, что каждый топоним является словом и может быть многозначным. Топонимы также могут быть противопоставлены лексике других пластов, т.е. имя собственное – имени нарицательному, аппелятиву, от которого они образованы. Отсюда следует, что взаимодействие топонимов и нарицательных существительных способствует онимизации. Так образуются названия большинства географических объектов. Но так же встречаются случаи перехода топонимов в нарицательные имена при насыщении их интеллектуальной информацией. Однако этот процесс не совсем соответствует топонимике Таджикистана.

Анализируя номинативную деятельность человека в области географических объектов, необходимо выделить основные принципы номинации топонимов. Весьма популярна у исследователей типологическая схема, предложенная Н.Б.Ковалевой [6, с.135]. В соответствии с этой схемой выделяются три принципа номинации: 1) номинация по связи объекта с человеком; 2) номинация объекта по отношению его к окружающим объектам; 3) номинация объекта по его собственным свойствам и качествам. Эту классификацию можно применять, когда географический объект осмысливается в связи с его реальными параметрами [2, с.131]. Однако номинативная деятельность знает многочисленные примеры номинаций, не мотивированных свойствами объекта.

Функционируя как единицы языковой системы, топонимы идентифицируют объект, реализуя инвариантное значение. В то же время, топонимы способны накапливать и сохранять комплекс сведений о человеческой деятельности, которые закрепляются в его внутренней форме, коннотативной семантике или тезаурусной информации.

Литература

1. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике: сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С.75-90.
2. Березович Е.Л. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М.Э.Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – Вып.2. – С.29-148.
3. Гатауллин Р.Г., Фатыхова Л.А. «Цветные» топонимы и их особенности // Вестник Башкирского ун-та. – 2018. – Т.23. – №1. – С.211-220.

4. Доржиева Т.С. Структура топонимической семантики: ассоциативный компонент // Вестник БГУ. Сер. «Филология». – 2010. – Вып.10. – С.111-116.
5. Загирова З.Р. К вопросу о семантической нагрузке имени собственного // Имя. Социум. Культура: материалы Междунар. II Байкальской ономаст. конф. – Улан-Уде: Изд-во БГУ, 2008. – С.19-21.
6. Ковалева Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале топонимики бассейна р.Ини) // Вопросы топониматики. – Свердловск, 1971. – Вып.5. – С.133-136.
7. Кондакова И.А. Оценочный потенциал топонима // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. – С.134-138.
8. Матвеев А.К. Топонимические древности // Вопросы ономастики. –Свердловск, 1987. – Вып.18: Формирование и развитие топонимии. – С.4-28.
9. Мерзлякова А.В. Семантические особенности французских мотивированных топонимов (на примере ойконимов) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И.Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С.426-429.
10. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Молчановский Виктор Васильевич. – М., 1984. – 201 с.
11. Нуридinzода М.С. О структурно-словообразовательных моделях топонимов Таджикистана // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). –Душанбе: РТСУ, 2021. – №2(74). – С.121-129.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – 2-е, испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.
13. Суперанская А.В. Эволюция теории имени собственного в Европе // Вопросы филологии. – 2002. – №3. – С.5-18.
14. Фаткулина Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1, ч.1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126>
15. Хамуркопаран Дж. Семантика цвета в тюркской топонимике // Преподаватель XXI века. – 2013. – №3. –С.338-344.

ON THE SEMANTICS OF GEOGRAPHICAL NAMES AND THEIR FEATURES (ON THE EXAMPLE OF TOPONIMES OF TAJIKISTAN)

Nuridinzoda Mahbuba Sirojiddin

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 44) 620 42 09
mnuritdinova@mail.ru

The article deals with the semantic features of the toponyms of Tajikistan, which contain rich historical and cultural information. It is noted that the toponyms of Tajikistan are not semantically empty, but have a peculiar meaning, carry a certain conceptual content. The formation and development of a toponymic system cannot occur without mediation by consciousness, toponyms preserve and accumulate cognitive knowledge, individualize the called object. The process of appellation of proper names, which

is carried out when it is saturated with intellectual information, is considered. This process can be complete or incomplete and develop in different ways. The author studies the interaction of linguistic, historical and geographical factors influencing the formation of toponyms, the connection of a geographical name with an object, the attitude of the speaker to the object based on associations, which should be considered as a particular method for studying the semantics of toponyms, called an associative experiment. In the article, the meanings of the names of toponyms are considered, that carry a positive assessment, the use of cultural components for these purposes are shown, which may be due to the phenomena of extralinguistic reality. The emotional-evaluative and permanent nature of toponyms is noted, which is due to the allocation of important features for a person, the structure of the area, the relief of the territory, its landscape zones, types of minerals, varieties of flora and fauna. It is also pointed out that toponyms are formed in the anthropocentric dimension, i.e. can preserve not only the name of a specific historical figure, but also come from the name of a tribe living on its territory.

Keywords: toponyms; Tajikistan; geographical toponyms; appellatives; semantics of toponyms; cultural components; anthropocentrism, historical and cultural information.

ОИД БА МАЪНОИ НОМҶОИ ҶУҒРОФӢ ВА ХУСУСИЯТҶОИ ОНҶО (ДАР МИСОЛИ ТОПОНИМҶОИ ТОҶИКИСТОН)

Нуридинзода Махбуба Сирочидин

Номзади илмҶои педагогӢ,
дотсенти кафедраи забоншиносии назариявӢ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 09
mnuritdinova@mail.ru

Дар мақола хусусиятҶои маъноии топонимҶои Тоҷикистон, ки дорои иттилои ғании таърихӣ-фарҳангӣ ҳастанд, баррасӣ шудаанд. Зикр мегардад, ки топонимҶои Тоҷикистон аз ҷиҳати маъноиашон ҳолӣ набуда, балки дорои маънои махсус ҳастанд ва мазмуни муайяни мафҳумӣ мебошанд. Ташаккулёбӣ ва инкишофи низоми топонимӣ наметавонад бе тавассути шуур сурат гирад, топонимҶо донишҶои когнитивӣ (шинохтӣ)-ро ҷамъоварӣ намуда, объектҳои номгузоришавандаро мушаххас мегардонанд. Дар мақола раванди апеллятиватсияи исмҶо баррасӣ шудааст, ки ҳангоми пуршавии он бо иттилооти зехнӣ амалӣ мегардад. Ин раванд метавонад пурра ё нопурра бошад ва бо роҳҳои гуногун инкишоф ёбад. Муаллиф таъсири мутақобилаи омилҳои забоншиносӣ, таърихӣ ва ҷуғрофиро, ки ба ташаккулёбии топонимҶо таъсир мерасонанд, алоқаи номҶои ҷуғрофиро бо объект, муносибати гуяндаро ба объект, ки ба ассотсиатсияҳо таъя мекунад, ба риштаи тадқиқ қашидааст. Ин амалро бояд ҳамчун усули хусусии тадқиқи маъноии топонимҶо баррасӣ кард, ки он таҷрибаи ассотсиативӣ номида мешавад. Дар мақола инчунин маъноҳои номгузории топонимҶо, ки дорои мазмуни мусбат ҳастанд, баррасӣ шудаанд. Бо ин мақсад истифода бурда шудани ҷузъҳои фарҳангӣ, ки метавонанд бо ҳодисаҳои воқеияти экстразабонӣ тақозо дошта бошанд, нишон дода шудааст. Хусусияти эҳсосӣ-баҳодиханда ва доимии топонимҶо зикр карда шудааст, ки онро ҷудо кардани хусусиятҶои барои инсон муҳимми сохтори маҳал, рельефи ҳудуд, минтақаҳои ландшафтӣ он, намудҳои канданиҳои фойданок, гуногунрангии олами набототу ҳайвонот тавсиф медиҳад. Бар он ишора карда мешавад, ки топонимҶо дар ҷенаки антропомаказӣ арзёбӣ мешаванд, яъне

метавонанд на танҳо номи арбоби мушаххаси таърихро ифода намоянд, балки инчунин аз номи қабилаи дар он ҳудуд маскунбуда сарчашма гиранд.

Вожаҳои калидӣ: топонимҳо; Тоҷикистон; топонимҳои ҷуғрофӣ; апеллятивҳо; маъноӣ топонимҳо; ҷузъҳои фарҳангӣ; антропомарказӣ, иттилооти таърихӣ-фарҳангӣ.

УДК 811.222.8'373.2:63

**К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА
(на материале словаря «Тухфат-ул-ахбоб»)**

Саъдиева Гулистон Фатоевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 000 22 21 38 (м.)
guliston1973@mail.ru

Статья посвящена лексикографическому описанию сельскохозяйственных терминов таджикского языка в словаре «Тухфат-ул-ахбоб», составленном в конце XV начале XVI века. В данном источнике, известном также как «Фарханги Хофизи Убахи», истолковано более 2600 персидско-таджикских слов, в том числе более 250 лексических единиц, связанных с отраслью сельского хозяйства. Отмечается, что особенности развития системы таджикской терминологии невозможно выявить без глубокого и всестороннего анализа древних лексикографических трудов. Словари сыграли большую роль в развитии и обогащении лексического запаса таджикского языка. Сельскохозяйственные термины как составная часть номинации объектов окружающего мира представляют собой один из наиболее древних и развитых лексических пластов. Они характеризуются не только как лексические единицы, но и как культурно значимые понятия, раскрывающие концептуальное значение сельскохозяйственной лексики. Автор рассматривает принципы номинации сельскохозяйственных терминов в «Тухфат-ул-ахбоб», раскрывает их номинативные и деривационные возможности.

Согласно выводу автора, изучение лексикографических трудов весьма существенно для лингвистической науки, так как они создавались на различных этапах развития таджикского литературного языка и сыграли весомую роль в сохранении, унификации и кодификации постоянно пополняющегося запаса терминологической лексики.

Ключевые слова: сельскохозяйственная терминология; словообразование; лексика; семантика; языкознание; лексикография; «Тухфат-ул-ахбоб»; Фарханги Хофизи Убахи.

Словообразование таджикского языка как самостоятельный раздел языкознания – сравнительно новая область научных изысканий. До настоящего времени мы не располагаем его обобщающим, целостным историографическим описанием. Самые ранние сведения о словообразовании таджикского языка содержатся в классических толковых словарях.

Наряду с лингвистическими заметками и комментариями, в них приводятся сведения о функционировании различных словообразовательных суффиксальных

морфем, даются этимологические характеристики слов, что способствует правильному определению их внутреннего морфемного строя.

В «Краткой грамматике новоперсидского языка» (К.Г.Залеман и В.А.Жуковский) образование слов при помощи суффиксов называется словообразованием, при этом суффиксы подразделяются на старые и новые: «Старые суффиксы сгладились и окаменели. Новые суффиксы вначале были самостоятельными словами, и то, что теперь считается словообразованием, первоначально было словосоставлением» [1, с.73].

В 40-50-х гг. XX в. в таджикском языкознании большое внимание уделялось изучению вопросов словообразования. В 1954 г. вышел «Таджикско-русский словарь», к которому дается приложение «Краткий очерк грамматики таджикского языка». Автор приложения В.С.Расторгуева рассматривает суффиксы не по частям речи, а выделяет их в самостоятельный раздел словообразования. В.С.Расторгуева объединяет прилагательные и существительные в общую группу имен на основе того, что прилагательные не отличаются от существительных особыми флективными показателями, как в русском языке [3, с.538].

В теории словообразования таджикского языка огромную роль сыграли работы Ш.Рустамова. В докторской диссертации ученого «Имя существительное в современном таджикском литературном языке» подведен итог исследований словообразования таджикского языка. Автор отмечает: «Традиционные и школьные грамматики таджикского языка ограничиваются, как правило, описанием механизма только морфологического словообразования – аффиксации (суффиксации и префиксации) и словосложения. В последние годы сделаны попытки более полно представить действующие процессы словообразования. Можно выделить для имен существительных следующие способы: 1. Морфологический: а) суффиксальный; б) префиксальный; в) префиксально-суффиксальный; 2. Синтаксико-морфологический (словосложение): а) «чистое» сложение; б) сложноаффиксальный; 3. Сращение (лексикализация и словосочетаний); 4. Аббревиация; 5. Переход слова (или отдельных словоформ) и одного грамматического класса в другой (некоторые исследователи именуют этот способ «морфологосинтаксическим») [5, с.63-64]. Ш.Рустамов обращает внимание на то, что «за пределами собственно грамматических процессов словообразования лежит образование нового слова в результате расщепления полисемантической лексемы (появление омонимов). В последние годы обозначилась тенденция к включению этого средства словообразования (калимасозии луғавӣ-семантикӣ) в состав грамматических, однако достаточных оснований для этого отыскать не удастся» [5, с.63].

Ш.Рустамов исследует явления многозначности, омонимии словообразовательных морфем, семантические и грамматические взаимоотношения компонентов слова. Он впервые научно обосновал способы словообразования, взаимоотношения основы и аффиксов и многие другие проблемы, связанные с данным явлением в языке.

В наше время процесс внедрения научно-технических достижений во все сферы общества способствовал тому, что словарный состав таджикского языка

постоянно пополняется новыми терминами, в то же время из него исчезают многие древние терминологические единицы. Однако особенности развития системы таджикского языка можно выявить, уточнить, изучить при глубоком анализе языковых явлений прошлых веков.

И в этом плане важное значение приобретают словари, особенно толковые, т.е. труды ранней таджикско-персидской лексикографии. Их изучение весьма существенно для таджикско-персидского языкознания, так как они создавались на различных этапах формирования и эволюции таджикского литературного языка. Как отмечает один из ведущих специалистов в области отечественной лексикографии Х.Раупов, «старые таджикско-персидские толковые словари в некотором отношении имеют энциклопедический характер. В них подробно раскрыты не только историческое развитие лексики таджикского языка, но и история, литература и другие явления. Создание терминологических словарей различных отраслей науки в целях систематизации научной терминологии является первостепенной задачей сегодняшнего дня. Для современной практической лексикографии эти словари, наряду с уникальными и бесценными источниками, занимают особое место и имеют высокую ценность [4, с.6].

Богатый словарный фонд таджикского языка обязан, можно сказать, своим существованием непрерывному процессу лексикографического творчества в связи с необходимостью хранения, унификации и кодификации постоянно пополняющегося лексического запаса.

К числу наиболее социально значимых терминологий можно отнести сельскохозяйственную терминологическую систему, которая всегда представляла одну из самых значимых наук и областей практической деятельности человека. Сельскохозяйственные термины как составная часть номинации окружающей действительности, безусловно, являются одним из наиболее древних и развитых лексических пластов любого языка. Они отражают естественно-географическую среду обитания человека. Материальный состав сельскохозяйственных терминов характеризуется своеобразием функционирующих в нем различных терминов, которые охватывают более двадцати терминологических групп, таких как поле агрономии, флорофаунистическое поле, земледелие, животноводство, почвоведение и др. Отбор лексического материала, который чрезвычайно обилен и сам по себе, и по числу отраслей сельскохозяйственной сферы, производился нами из словаря «Тухфатул-ахбоб», известного также под названием «Фарханги Хофизи Убахи». Это один из известных лексикографических источников, который, наряду с «Гиёс-ул-лугот», охватывает древнюю лексику таджикского языка. Словарь составлен в конце XV и начале XVI века в Средней Азии. В данном источнике истолковано более 2600 персидско-таджикских слов, подкрепленных примерами. Большая часть лексики этого словаря взята из упомянутого нами словаря «Лугати фурс» Асади Туси.

Следует подчеркнуть, что сельскохозяйственные термины характеризуются не только как лексические единицы, но и как культурно значимые понятия, поскольку раскрывают их концептуальное значение. Их смысловой потенциал

определяется национально-культурной спецификой языка. Таким образом, названия сельскохозяйственных явлений в рассматриваемом лексикографическом источнике можно интерпретировать как культурно значимые понятия, отражающие богатство народных представлений об окружающем мире.

Кроме того, толкования, зафиксированные в словаре, позволяют восстановить систему значений лексических единиц и получить представление о состоянии лексической системы языка того времени.

В вышеуказанном источнике, в ходе анализа нами было выявлено более 250 слов и терминов, которые связаны с отраслью сельского хозяйства. Среди них встречаются однокорневые, или однокорневые, поликорневые, или поликорневые термины и терминосочетания. Однокорневые термины, в свою очередь, по словообразовательной структуре подразделяются на:

а) простые, б) производные и в) сложные:

Рассмотрим некоторые лексические единицы, сельскохозяйственной отрасли, которые составляют основу лексической структуры языка в словаре

«Тухфат ул-ахбоб»¹.

а) простые: «шилк»-гиле *сиёхранг* (черная глина); «бур//бӯр» (с.40) «ҳарун» (виды лошадей); «мунҷ» -занбӯри асал (пчела) (с.141); «чазд» «тиҳу» «чукук» «чирк» «залзал» «сихул» «таши» (виды птиц); «ғунча»-шукуфаи гул (бутон); «ғӯза» (нераскрытая коробочка); «чаман» (поляна); «чарх» (колесо); «чуст» (проворный) «хошок» (сухая трава); «хурӯш» (бурный рост), «гарм» (тепло), «шудгор» (пашня), «шӯр» (солёный), «дашт» (поле), «дос» (серп), «мӯсича» (горлинка), «лой» (грязь, глина), «мурги марҷон» (индюк), «маска» (сливочное масло) и др. (с.9).

б) производные:

Словообразовательная модель N+a: пушта (холм), шоҳона (шахский) (с.9).

суффикс -а, являясь одним из продуктивных, образует из различных частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, основ настоящего времени глагола, основ прошедшего времени глагола) новые имена существительные.

Словообразовательная модель N+й: *сатторӣ* (с.9).

Суффикс –й является самым продуктивным в словообразовании имён существительных и выполняет следующие функции: а) образование из имени существительного нового существительного, означающего предназначение, отношение, принадлежность.

в) сложные термины. Сложная форма терминов сельского хозяйства строится в результате соединения между собой существительных и существительных, существительных и прилагательных, а также прилагательных и существительных.

Модель N+N: «сангхор», «зандарон», «шихнишор», «сутранг», «озархон», (название цветков) хинкбед (дерево с шипами) (с.145);

¹ Здесь и далее ссылки даются по следующему изданию: Хофизи Убахи. Тухфат-ул-ахбоб. Душанбе: Адиб, 1392. 287с.

ЛТГ — это совокупность слов, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Основанием для выделения ЛТГ является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединенных по определенному признаку и выраженных различными словами, что в лингвистике определяется терминами гипероним и гипоним. Например, хайвоноти хонагй (домашние животные) объединяют слова, барзагов, бука, (бык) гов, (корова) тайлоқ (годовалая телка).

В сельскохозяйственной лексике таджикского языка нами выделены следующие ЛТГ сельскохозяйственных наименований, отобранных из словаря «Тухфат-ул-аҳбоб».

1) названия кустов и деревьев:

бесплодные и плодородные деревья: *ханчак, челон, шалер, адад, богинч, тўж, шелон, шалер, арар, соруна*; названия цветов: *шубўй, озарюн, озаргун*; названия растений: *тарточ, хаядес, гурушна*; *бошанг* – гроздь сушеного винограда на лозе и еще большой огурец, который сохраняют для получения семян огурцов; *богинч* – спелый виноград; *баргаст* – растение, которое дают в качестве корма крупному рогатому скоту, растение с желтыми цветами (с.28) *бард* – дерево (с.28); *борвар* – дерево (с.37), которое плодоносит, *возич* – место, где растет виноград (с.45), *воқвоқ* – дерево в Индии, которое чудесным образом расцветает утром и увядает ночью; (с.46); *дарточ* – растение, произрастающее там, где есть солнце, его родина – Ирак (с.55); *жож* – безвкусное растение (с.63).

Название растения *жож* в переносном смысле имеет значение «пустословие».

Жож дорй туву ҳастанд бaсе жоҷхўрон,

В – ин ачаб нест, ки тозанд сўи жоҷ харон.

У тебя есть пустословие (жож), и есть много его потребителей,
И это неудивительно, ведь к этому растению бегут ослы.

(досл.пер.)

В пустыне жож является основной пищей ослов и верблюдов.

Озаргун – желтый цветок (с.130); *заранг* – дерево, его ствол очень твердый, растет в горах, это символ бесплодных деревьев. Если оно сгорает в огне, то след сохраняется всего в течение 10-15 дней (с.65); *кум* – сухое растение (с.91); *зарир* – растение с желтыми цветами (с.65); *истаранг* – дерево, похожее на человека, растет в Китае. Говорят, что если кто-то сорвет, его, то умрет (с.72); *пада* – неплодоносное дерево (с.136); *фараж* – лекарственное растение, очень горькое, лечит боль в животе, его родиной является Турция (с.185); *кажак* – ветки дерева (с.74); *кабаст* – ядовитое растение (с.72); *лиф* – растение (с.98), *ар-ар* – тополь; *бажан* – черная глина, грязь из канавы, бассейна или колодца (с.27) *ток* – виноградная лоза или дерево (с.178); *нукс* – виноград (с.125); *обй* – айва (с.128); *сапариг* – виноградные плодоносные гроздья, которые меньше, чем зерно (с.159); *сабатчин* – виноград или фрукты, которые оставляют на виноградных лозах или деревьях (с.156); *боштин* – плоды, упавшие с дерева (с.37); *говдум* – небольшой

предмет, по форме напоминающий бычий хвост, издает специфический звук (с.45).

*Сафедда бизад нок рӯина хум,
Хуруши омад аз нолаи говдум.*

(Фирдавси)

*Когда наступило утро,
были слышны удары молота.*

(досл.пер.)

2) Названия животных:

бараши ва буши (название лошадей) [с.28]; *карон ва куран* – две масти лошади, цвет которых между желтым и серым [с.80]; *вазаг* – животное, которое обитает в воде [с.41]; *фасила* – стадо лошадей и овец; *бӯр* – лошадь красного цвета [с.40]; *кавдан* – старая лошадь; *кунча* – осел с опухшим ртом; *капӣ* – обезьяна [с.79]; *каркадан* – животное, крупнее чем индийский слон (имеется в виду бегемот) [с.80]; *сила* – стадо лошадей, коров и оленей [с.163]; *сиранг ва ситог* – масти лошадей; *полоза / полода* – лошадь; *товал* – корова; *варроз*, *гуроз* – кабан-самец [с.52]; *гавазн* – олень; *пушак* – кошка; *рамак* – стадо; *саманд* – желтая лошадь; *ёла* – рога животных [с.468]; *гов* – телец, знак зодиака; *кос* – кабан [с.88]; *лабиши* – намордник для лошадей, который надевают во время подковки; *сагур ва сигур* – сурок – животное, похожее на щенка (имеется в виду сурок) (с.162); *сугола* – навоз собак (с.163); *пишк*, *пишкил* – навоз овец (с.145).

3) Слова, обозначающие виды птиц:

Гузар ва гандара – птицы, сидящие на воде, их также называют *тайху* (с.50); *дад* – фазан (с.52); *залзал* – птица, черно-белая, с короткими ногами, всегда летает в облаках, как только сядет на землю, не может встать походя на ласточку; *зог* – птица с красным клювом; *заган-ход* – птица, употребляющая мясо; *кудара / кавдара* – синяя водяная птица (с.89); *курк* – курица-наседка, *курок* – черно-белая птица с длинным хвостом, сидит у воды и вертит хвостом (с.93); *марки / гунчишк* – воробей; *мусича* – белая птица, похожая на горлинку; *мокиён* – домашняя птица; *сӯх* – лук; *такас / тагас* – виноградные косточки (с.172); *тамгуз ва табгуз* – клюв птиц (с.173); *парастук* – ласточка; *сариха* – птица-пеликан; *саркас* – сладкоголосый соловей; *саторӣ* – черная птица, похожая на попугая (с.161); *фаргӯй* – птица, похожая на сокола (с.189); *сангхор* – птица, похожая на перепёлку; *садохиро* – название птицы; *пехол* – навоз птицы; *ванч* – воробей; *варког* – птицы, которые едят нечистый корм; *тазарв* – разноцветная птица; *тарту / тету* – водяная птица; *мог* – черная птица, похожая, на домашнюю курицу, водяная птица [с.110].

*Ба ҳар сӯ яке обдон чун кулоб,
Шиновар шуда моғ ба рӯи об.*

(Асади)

*Везде – одно хранилище воды (озеро),
и там плавают водяная птица моғ.*

(досл.пер.).

Зандабоф – птица с тысячью крыльев.

*Фазояндашон хуби аз чехру лоф,
Сарояндашон аз гулу зандабоф.*

(Унсури)

*Преумножали их внешние достоинства,
Воспевали цветы и зандабоф*

(досл.пер.).

Гужор – зоб (у птиц) – хавсалаи мурғ (с.50); *камро* –загон для скота (с.77) – хазираи гўсфандон бувад; *карнаш* – хищник, похож на змею с коротким туловищем (с.80); *касима* – шип (с.81)

4) Названия бахчевых культур:

Кови, кулур – дыня (с.86); *кола* – спелая дыня (с.87); *сафча* – спелая дыня; *лави/лўш* – дыня (с.161); *полиз/полез* – дынное поле (с.146);

5) Названия обрабатываемых участков земли и типов почвы:

Зирь – посевная часть земли, *зарь* – посев (с.68)

*Зирьу зарь аз баҳор шуд чу биҳишт,
Зарь кишт асту зирь-гўшаи кишт.*

(Рудаки)

*Все посевы весна превратила в рай,
Зарь – пахотная земля, а зирь – её уголок.*

(досл.пер.).

Зароган – твёрдая песочная земля (с.66); *бурубашк* – глина, земля (с.39).

б) Слова и термины, связанные с местами пребывания животных и птиц:

Лона – углублённое отверстие и место раположения кур, змей и мышей (с.99); *кобуқ* – курятник, так же называют клетку (с.85); *ошиёна* – гнездо птиц, змей и мышей (с.134); *огил* –сарай для овец (с.134); *хабак* – сарай для овец, без крыши, загон; *варда* – гнездо голубей.

Надо сказать, что в ранние периоды становления и развития таджикского языка его терминология пополнялась, преимущественно, за счет однословной терминологии разных видов, призванной удовлетворять нужды в наименовании элементарных предметов науки. В более поздние периода отмечается проникновение в состав сельскохозяйственного терминологического аппарата полилексемных терминологических единиц.

Как уже отмечалось, особенности эволюции системы таджикской терминологии можно выявить при глубоком и всестороннем анализе письменных памятников, так как они создавались на различных этапах развития таджикского литературного языка.

“Начиная со средних веков, составление словарей, являясь одним из основных способов репрезентации результатов изучения и исследования лексики и семантических особенностей словарного состава, оказывало существенное влияние на формирование и развитие таджикского языкознания. Таджикский

язык богат словарями. Количество дошедших до наших дней словарей приближается к 300” [2].

Исследование структурно-семантических особенностей словарных единиц, вошедших в лексикографический труд Хофизи Убахи “Тухфат-ул-ахбоб” подтверждает, что данный источник может плодотворно привлекаться к воссозданию истории формирования и развития таджикско-персидской сельскохозяйственной терминологии и в целом лексической системы таджикско-персидского языка.

Литература

1. Залеман К.Г., Жуковский В.А. Краткая грамматика новоперсидского языка. – М., 1890. – 100 с.
2. Кенджаева М.С. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц в словаре «Гияс-ул-лугот» Мухаммада Ромпури»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Кенджаева Манучехра Солехбаевна. – Душанбе, 2015. – 175 с.
3. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. – М., 1954. – С.530-570.
4. Раупов Х. Фарханги Чахонгири как источник таджикско-персидской лексикографии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 211 с.
5. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Рустамов Шарофиддин. – Душанбе, 1972. – 86 с.
6. Современный таджикский литературный язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 450 с. (на тадж.яз.).

TO THE QUESTION OF STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF AGRICULTURAL TERMINOLOGY IN THE TAJIK LANGUAGE (on the material of the dictionary "Tuhfat-ul-ahbob")

Sadieva Guliston Fatoevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of English Philology
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 000 22 21 38 (m.)
guliston1973@mail.ru

The article is devoted to the lexicographic description of the agricultural terms of the Tajik language in the dictionary "Tuhfat-ul-ahbob", compiled at the end of the 15th – beginning of the 16th century. In this source, also known as "Farkhangi Khofizi Ubahi", more than 2600 Persian-Tajik words are interpreted, including more than 250 lexical units related to the agricultural sector. It is noted that the features of the development of the system of Tajik terminology cannot be identified without a deep and comprehensive analysis of lexicographic works. Dictionaries have played a big role in the development and enrichment of the vocabulary of the Tajik language. Agricultural terms as an integral part of the nomination of objects of the surrounding world are one of the most ancient and developed lexical layers. The author examines the principles of the nomination of agricultural terms "Tuhfat-ul-ahbob", reveals their nominative and derivational possibilities.

Agricultural terminology is characterized not only as lexical units, but also as culturally significant concepts that reveal the conceptual meaning of agricultural vocabulary. According to the author's conclusion, the study of lexicographic works is very important for linguistic science, since they were created at various stages of the development of the Tajik literary language and played a significant role in the preservation, unification and codification of the constantly growing stock of terminological vocabulary.

Keywords: agricultural terminology; word formation; vocabulary; semantics; linguistics; lexicography; "Tuhfat-ul-ahbob"; Farhangi Khofizi Ubahi.

**РОЦЕЪ БА МАСЪАЛАИ ХУСУСИЯТҲОИ СОҲТОРӢ-МАЪНОИИ
ИСТИЛОҲОТИ КИШОВАРӢ ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ
(дар асоси маводи луғати «Тухфат-ул-аҳбоб»)**

Саъдиева Гулистон Фатоевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи филологияи англисӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 000 22 21 38 (м.)
guliston1973@mail.ru

Мақола ба тавсифи луғатнигории истилоҳоти кишоварзии забони тоҷикӣ дар мисоли луғати «Тухфат-ул-аҳбоб», ки дар охири қарни XV аввали асри XVI тартиб дода шудааст, бахшида шудааст. Дар ин сарчашма, ки инчунин таҳти унвони «Фарҳанги Ҳофизи Убаҳӣ» машҳур гардидааст, зиёда аз 2600 калимаи форсӣ тоҷикӣ, аз он ҷумла бештар аз 250 воҳиди луғавии марбут ба кишоварзӣ тафсир карда шудааст. Зикр мегардад, ки хусусияти рушди низоми истилоҳшиносии тоҷикро ба таҳлили амиқу ҳаматарафаи асарҳои луғатнигорӣ ошкор кардан номумкин аст. Луғату фарҳангномаҳо дар рушду ғанигардонии захираи луғавии забони тоҷикӣ нақши бориз бозиданд. Истилоҳоти соҳаи кишоварзӣ ҳамчун қисми таркибии номгузории объектҳои олами атроф яке аз қадимтарин ва инкишофёфтатарин қабатҳои луғавӣ дониста мешаванд. Муаллиф принсипҳои номгузории истилоҳоти соҳаи кишоварзӣ «Тухфат-ул-аҳбоб»-ро баррасӣ карда, имконоти номгузорӣ ва дериватсионии онҳоро кушода додааст.

Истилоҳоти соҳаи кишоварзӣ на танҳо ҳамчун воҳидҳои луғавӣ, балки ҳамчун мафҳумҳои аз ҷиҳати фарҳангӣ аҳамиятдор, ки маънои мафҳумии луғати кишоварзиро равшан месозанд, тавсиф дода шудаанд. Мувофиқи ҳулосаи муаллиф, омӯзиши асарҳои луғатнигорӣ барои илми забоншиносӣ хеле муҳим аст, онҳо дар марҳилаҳои гуногуни рушди забони адабии тоҷикӣ ташаккул ёфта, дар нигоҳдорӣ, яқлуктсозӣ ва рамзгузории захираи доим пуршавандаи луғати истилоҳӣ иштирок кардаанд.

Вожаҳои калидӣ: истилоҳоти кишоварзӣ; калимасозӣ; луғат; маъно; забоншиносӣ; луғатнигорӣ; «Тухфат-ул-аҳбоб»; Фарҳанги Ҳофизи Убаҳӣ.

УДК 811.222.8'373

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДОБ»
(ВЕЖЛИВОСТЬ) В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале лексикографических источников и
Национального корпуса таджикского языка)**

Худоёров Хусейн Ёдгорович

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 05

В статье предпринимается попытка выстроить лингвокогнитивную модель концепта “одоб” (вежливость) в лексической системе таджикского языка с тем, чтобы определить общие и национально-специфические особенности категории вежливости в таджикском языковом сознании. Актуальность темы определяется усилением интереса к этническим особенностям этикета и вежливого поведения представителей различных культур. Исследованы словарные дефиниции номинанта концепта, изучена специфика образных лексических единиц с точки зрения особенностей их семантики, функционально-прагматических параметров, участия в процессах категоризации внеязыковой действительности. Определена структура ассоциативного-вербального поля “одоб” с опорой на тематическую классификацию ассоциатов, полученных в ходе проведенного лингвистического эксперимента. Анализ семантического поля концепта, толкования значения лексемы “одоб” позволили выявить его содержательные компоненты – воспитанность, владение, хорошие манеры, знание норм этики, образованность, умение вести себя.

В этикетном аспекте выделена такая специфика концепта “одоб”, как обязательное наличие местоимения «шумо» (Вы), подчеркивающее вежливое обращение к адресату.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей и Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ).

Ключевые слова: концепт; объективация концепта; одоб (вежливость); таджикский язык; ключевое слово концепта.

В последние годы лингвисты активно используют термин «концепт», означающий название понятий, в которых классифицируется мир. В рамках нашего исследования мы придерживаемся определения З.Д.Поповой: «Концепт – это средство изучения и описания языка и мышления», способ мышления и обучения, хранения и обработки информации. Концепт как категория мышления соответствует понятию, представляющему собой совокупность усвоенных существенных и необходимых признаков» [5, с.52].

Как известно, концепт является единицей коллективного сознания, имеет языковое выражение и обладает этнокультурной спецификой [1, с.51].

Концептосфера каждого народа имеет свои особенности. По определению Ю.С.Степанова, «концепты представляют собой основную ячейку культуры в ментальном мире человека, что делает особенно важным их изучение при рассмотрении вопросов межкультурной коммуникации» [6, с.40].

Понятие *концепт* имеет в научной литературе разное толкование, и под ним часто понимается разное содержание. Различают когнитивный, психолингвистический и лингвокультурный концепты. «Для лингвокультурологических исследований наиболее предпочтительным представляется лингвокультурный концепт, под которым понимается условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [3, с.50].

Менталитет и духовная жизнь представителей различных общностей, будучи отражением определенных условий социальной сферы, играют активную роль в историческом и общественном процессе.

Таким образом, изучение национальных лингвокультур представляет несомненный интерес для правильного понимания различных аспектов этнолингвокультуры, своеобразия поведения представителей конкретных этнических общностей. Изучение особенностей национального менталитета и языкового сознания имеет также важное значение для развития связей между народами, их взаимопонимания и сотрудничества.

В настоящее время повысился интерес к такому этническому феномену, как вежливость, как к одному из важных компонентов формирования процесса межкультурной коммуникации.

Цель данной статьи – выявить значимость поля вежливости для таджикской лингвокультуры, определить его универсальные и дифференцированные характеристики.

В качестве фактологической основы исследования материалом для анализа послужили данные из словарей таджикского языка – «*Фарҳанги забони тоҷикӣ*», «*Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ*», а также материалы лексикографических источников.

В толковом словаре таджикского языка «*Фарҳанги забони тоҷикӣ*» (далее ФЗТ) *одоб* трактуется следующим образом:

одоби муошарат (*этикет*) – он қоидаҳои одоб, ки дар муомила ва рафтор бо мардумон бояд риоя шавад (*правила поведения, которых необходимо придерживаться в общении с людьми*) [ФЗТ, 1969];

одоби саворӣ (*этикет верховой езды*) – тартибу қоидаи саворагӣ (*правила и нормы верховой езды*) [ФЗТ, 1969].

Силоҳ ва одоби саворӣ биёмӯхтӣ.

Изучите оружие и правила верховой езды (Маҷмаъ-ул-ансоб);

одоби фозила (*вежливые манеры*) – хислатҳои писандида; одоби ҳарб – қоидаву қонуни ҷанг (*одобряемые манеры; военный этикет – правила и законы войны*) [ФЗТ, 1969].

Ман онам, ки дар шеваи таъну зарб

Ба Рустам дарӯмузам одоби ҳарб.

Я тот, кто на поле боя

Обучаю Рустама военному этикету (Саади);

одобдон (знаток этики) – қоидадон, қонуншинос, донандаи тартибу таому, таомулшинос (знаток норм этикета, правовед, знаток правил поведения при трапезе, этнолог) [ФЗТ, 1969].

Мусиё, одобдонон дигаранд,

Сӯхта қону равонон дигаранд.

Господи, знатоки этики – это одни,

А горячие души и умы – другие (Руми)

В словаре «Фарҳанги забони тоҷикӣ» одоб даётася тажже в значении адаб:

1. Хулқи нек ва писандида, тавр ва равиши қобили таваччӯх, хушхулқӣ, мулоимат (*хорошее и приемлемое поведение, интересные манеры и подход, добродушие, доброта*)

Ақл ва адаб пеш гир ва лаҳву лааб бигзор, ки чун неъмат сипари шавад, сахтӣ барӣ ва пушаймонӣ хӯрӣ (Используйте мудрость и порядочность, и если не будете придерживаться этого, то вам будет тяжело, и вы пожалеете об этом) (Саади).

2. Шарм, хаё; накӯтабиатӣ покизагии табиат (*стыд, смущение; добрый и чистый от природы*).

Зан, ки худояш адаби нафс дод,

Сар диҳаду тан надихад дар фасод.

Женщина, которая от природы целомудренна,

Голову отдаст на отсечение, но не тело свое (Хусрав Дехлави)

3. Илм, дониш; ҳунар (*наука, знание; ремесло*)

Ҳазор гуна адаб қон зи ишқ омӯзад,

Ки он адаб натавон ёфта ба мактабҳо.

Можно научиться нравственности у жизни,

Но нельзя научиться воспитанности в школах (Шамси Табрези)

4. Таълим, таъдиб, танбеҳ гирифта, ҷазо ёфта. (*воспитание, дисциплина, выговор, наказание.*)

Хусрав надида буд адаби рӯзгор ҳеч,

Инак зи ходисоти замонаш адаб расид.

Хусрав никогда не учился вежливости в повседневной жизни.

А получил воспитание у времени своего (Хусрав Дехлави)

адаб кардан (*учить этикету*)

а) таълим ва тарбия намудан (*обучать и воспитывать*).

Ҳар кӣ дар хурдияш адаб нақунанд,

Дар бузургӣ фалоҳ аз ӯ бархост.

Кто не научился вежливости в юном возрасте,

Тот никогда не научится во взрослой жизни (Саади)

б) таъдиб кардан, танбеҳ додан (*дисциплина, порицание*)

Асои Калим ар ба дастам будӣ,

Ба чӯбаш адабро адаб кардаме.

Ты всегда был как трость в моих руках (Асои Калим),

Которой я старался выпрямить тебя (Хакани);

адаб нигоҳ доштан (соблюдать этикет) – риюя кардани одоб, эҳтиром намудан (соблюдать вежливость, проявлять уважение).

Дор адаби дарси муаллим нигоҳ,

То нашавӣ таблаки таълимгоҳ.

Веди себя на занятиях подобающе

Или превратишься в игрушку в чьих-то руках (Джами)

адаб омӯхтан (учиться вежливости) таҳсили одоб кардан, тарбия гирифтган ва хулқи неку писандида касб кардан (учиться манерам, быть образованным и придерживаться хорошего и вежливого поведения).

Адаб омӯзу илм ҳосил кун,

То шавӣ дар ҷаҳон ту бигзида.

Изучай манеры и приумножай знания.

Чтобы чего-то достичь в этом мире.

М.Мухаммадиев в словаре «Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ» («Краткий словарь синонимов таджикского языка») показал, что слово «одоб» не имеет синонимов, но, вместе с тем, он приводит лексему «ахлоқ», в синонимический ряд которой входят слова *хислат, одоб, характер, хулқ, кирдор, интизом, рафтор*.

В другом словаре – «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (далее ФТЗТ) (Толковый словарь таджикского языка) слово *одоб* приводится в следующих значениях: – 1. *адаб*. 2. рафтор ва кирдори неку писандида дар зиндагӣ, муомилаи эҳтиромкорона, боназокат ва аз рӯи одоб (добрые и одобряемые поступки и поведение, вежливое обращение); *шарти одоб* тақозои рафтори эҳтиромкорона ва боназокат дар муомила бо одамон (вести себя тактично и согласно правилам приличия, правила приличия), *одоби муошират* тарзи муомилаи неку дар муносибат бо одамон (соблюдение хорошего поведения в отношениях с людьми) [ФТЗТ:2008:20].

В НКТЯ мы нашли следующие данные:

1. Слово «одоб» имеет 330 вхождений, 403 предложения найдено примерно в 196 документах. Приведем несколько примеров и контекстов употребления:

«Эшонбобо медонист, ки занаш ба номҳо иловаҳо мекунад, зуд дарёфт, ки зан Шарифа аст, вале мақсади таширфаширо намедонист ва пурсидан ҳам аз рӯи одоб нест, зеро рӯзгори онҳо чунин одобро талаб мекунад». [Сорбон. Куллиёт. Ҷ.6. Зарафшон (роман). К.2. Туграл, 2009].

«Эшон-бобо знал, что жена его добавляет к именам (прозвища), и сразу понял, что эта женщина – Шарифа, но не знал цели ее визита, и спрашивать было невежливо, поскольку их семейный уклад требует такой воспитанности (правил приличия.)

«Вай ҳамчун марди хирадманд ва соҳибтаҷриба ҷавонони соҳибистеъдодро тарбия мекард, хусни одоб, ахлоқ ва маҳорати шоирӣ меомӯхт» [Сайфуллоев А. Паямбари ишқ, 2008].

«Как мудрый и опытный человек, он воспитывал талантливую молодежь, обучал её этике, нравственности и поэтическому мастерству.

В данных примерах слово *одоб* имеет значения вежливости, приличия, этики.

В следующем примере *одоб* перечисляется в ряду важнейших нравственных и культурных ценностей общества:

«Натиҷаи аз ҳама ногувор ва ҳатто хатарноки раванди ҷаҳонишавӣ коҳии ёфтани ахлоқ, маънавиёт, одоб, суннат, фарҳанг ва унсурҳои дигари иҷтимоист, ки бе онҳо ҳастии ҳақиқии инсон амалан ғайриимкон аст».

[Бист соли пуршараф, 2011]

«Самый неприятный и даже опасный фактор глобализации – это снижение уровня воспитанности, духовности, вежливости, традиций, культуры и других социальных норм, без которых невозможно истинное существование человека».

Следующий пример наглядно иллюстрирует связь этических ценностей (*одоб*, *оин*, *расму русум*) с поведением (*рафтор*):

«Одоб, оин, расму русуми кӯҳнаро хуб медонад ва ҳамчу қасони замони нав рафтор мекунад» [Сорбон. Куллиёт. Ҷ.10. Кадевар (роман). 2009].

«Хорошо знает правила приличия, обычаи, старые традиции, но ведет себя как современные люди».

А в данном примере *одоб* демонстрирует внешнее проявление вежливости:

«... пирамард, даст ба рӯи кашид ва боз дастон ба пеш бароварда одоб кард: – Хуш омаданд!» [Сорбон. Куллиёт. Ҷ. 5. Зарафшон (роман). К.1. Ниёзкончи, 2009].

«...старик провел руками по лицу и протянул их в знак почтения: – Добро пожаловать!»

Используя данные НКТЯ, мы попытались очертить структуру-ассоциативно-вербального поля концепта «*одоб*» с опорой на ключевые слова, выявленные в процессе проведения ассоциативного эксперимента среди таджикских студентов:

Одоб – ахлоқ

(Вежливость – поведение)

«Одоб оинаи ахлоқ ва зухуроти ботинии одам аст» [Салом зиннати инсон аст. Фараж. 2018]. *«Вежливость – зеркало воспитания и проявление внутреннего содержания человека».*

Одоб – хурмат

(Вежливость – уважение)

«Ҳақимҷон дид, ки намешавад, маҷбур шуду хилофи хурмат ва одоб худаш зуд ба пеш гузашту қариб давида аз роҳрав ба ҳавлӣ ва пас ба меҳмонхонаи калон рафта даромад» [Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро. Икромӣ Ҷ. 1969].

«Увидев, что это невозможно, Хакимджон был вынужден побежать вперед, нарушив правила уважения и вежливости, чуть было не вбежал с улицы во двор, а затем вошел в большую гостиную».

Одоб – хуб

(Вежливость – добро/благодетель)

«– Аз омаданат, пешакӣ, хабар меододӣ, хуб буд – аз рӯи одоб». [Вақте ки бо-лои шаҳр борон мерехт (варианты электрон) Рабизод Р.]. *«Было бы хорошо, если бы ты предупредил о своём приезде – было бы вежливо».*

Одоб – маданият

(Вежливость – культура)

«Таъкид намуд, ки ӯ набояд ба манзарае, ки таърихи бечонро инъикос менамояд, табдил ёбад, балки собит намояд, ки ислом дини ҳаёт, зоҳиркунандаи оинаи тамоилҳои илму маърифати бузург, одоб ва ахлоқ, маданият ва маърифат ва инсонпарварию олии аст» [Корҳои хайр барои осоиштагии халқ ва ояндаи дурахшон замина ба вучуд меорад. Овози тоҷик 2018]

«Он подчеркнул, что это не должно стать похожим на сцену, отражающую безжизненную историю, а доказать, что ислам – это религия жизни, отражение великих направлений науки и просвещения, этики и нравственности, культуры, образованности и гуманизма».

Одоб – ақл

(Вежливость – благоразумие)

1 вхождение, 1 предложение найдено в 1 документе.

«Ӯ донад, ки ба Ромиз ақл шудани ӯ аз рӯи инсоф ҳам не, аз рӯи одоб ҳам, ба рои ҳамин ором гардад; худаи ягон фикр доштагист гӯяд». [Куллиёт. Ҷ. 4. Актёр (роман); Лоикнома. Сорбон. 2009]

«Ему следует понять, что считать себя умнее Рамиза не только не – справедливо, но и невежливо, так что пусть успокоится; пусть говорит, что думает».

В таджикской языковой культуре рафтору гуфтор (поведение и манера речи) тесно связаны с воспитанностью и вежливостью, что хорошо проиллюстрировано следующими примерами из НКТЯ:

Одоб – рафтор

(Вежливость – поведение)

«Шояд ин аз рӯи одоб набошад, лекин ман дигар хел рафтор карда наметавонам». [Паёме ба узвҳо (Силсила манолог) Ozodi 2010].

«Может быть, это невежливо, но по-другому вести себя я не могу».

Одоб – гуфтор

(Вежливость – речь)

«Хоксорӣ, ахлоқу одоб, рафтору гуфтор, меҳнатдӯстӣ ва бисёр хислатҳои тоҷикӣ писанди ман аст». [Сайфуллоев А. Шаби беҳобӣ, 2003].

«Мне нравится Ваша скромность, поведение, речевой этикет, трудолюбие и многие другие Ваши качества».

Одоб – салом додан

(Вежливость – приветствие)

«Аз рӯи одоб даст неши бар аз назди онҳо мегузаистему ҳаргиз густохона барои салом даст дароз намекардем» [Ғаффоров У. Абдулаҳад Қаҳҳоров, 2008].

«Мы проходили мимо них, как этого требует правила вежливости, прикладывая руку к груди, и никогда бесцеремонно не протягивали руки для приветствия».

Одоб – тарбия

(Вежливость – воспитание)

«Дар боло гуфтам, ки тарбия ва одоб аз гузар» [Маруфи Б. Дилу чонам, Самарқанд. Хотираҳо ва мақолаҳо, 2019].

«Как я отметил выше, воспитание и вежливость зависят от окружения.

Одоб – эҳтиром

(Вежливость – уважение)

У наших реципиентов нередко в качестве реакции на слово – стимул одоб (вежливость) выступало слово эҳтиром (уважение). Мы нашли подтверждение этому и в примерах из НКТЯ:

«Одоб ва ахлоқи исломӣ тақозо мекунад, ки дар вақти орогани сафҳо афроди ҷавон калонсолон ва нафарони солхӯрдари эҳтиром намуда, дар сафи пеш чой диҳанд». [Дин ва чома, 2019].

«В исламе вежливость и мораль требуют, чтобы молодые люди уважали взрослых и людей преклонного возраста и пропускали их вперед».

Одоб – хислат

(Вежливость – характер (привычка))

«Муносибатҳои гарму сард, бепарвоёна ва бархӯрдҳои эшон боиси тазоҳуроти хӯву хислат, ахлоқу одоб ва психологияи ҳар кадоме аз персонажҳо мегарданд» [Сайфуллоев А.Ойнаи барқади сухан. 2013].

«Тёплые или недоброжелательные взаимоотношения, равнодушные или столкновения становятся причиной конфликта характеров, несоответствии нормам нравственности в поведении каждого из персонажей».

Одоб – ҳусн

(Вежливость – красота)

«Одамро одоб, рафтори ҳамидаву тавозуъ ва гуфтори нек ҳусн мебахшад. [Салом зиннати инсон аст. Фараж 2018].

«Человека украшают вежливость, достойное и учтивое поведение».

Одоб – одам

(Вежливость – человек)

«Маълум аст, ки илмҳои табиӣ ва дақиқ дониш медиҳанд, вале барои инсон дониш кам аст, балки пеш аз ҳама маънавияту одамият, фарҳанг ва ахлоқу одоб даркор аст, ки инҳо аз улуми инсонӣ, аз адабиёту санъат ҳосил мегардад [Шакурӣ М.Б. Хуросон аст ин чо, 1999].

«Известно, что естественные и точные науки дают знания, но человеку недостаточно только знаний, ему, прежде всего, необходимы духовность и гуманизм, культура и этика, которые являются результатом воздействия гуманитарных наук, литературы и искусства.

«Одоб оинаи ахлоқ ва зухуроти ботинии одам аст» [Салом зиннати инсон аст Фараж. 2018].

«Вежливость – проявление нравственности и внутреннего содержания человека».

Одоб – шахс

(Вежливость – личность)

«Одоб, – қайд мекунад вай, – ин хусусияти шахс мебошад...» [Бозоров Х. Нек дарёбу бад макун зинҳор 2016]

«Вежливость, – отмечает он, – характерная черта личности.

Одоб – шумо

(Вежливость – уважительное обращение на Вы)

Несомненно, вежливое обращение предполагает местоимение Вы:

– Салом бар шумо! – одоб кард Оронтобат [Сорбон. Куллиёт. Ч. 7. Достони писари худо (роман). К.1–2 2009 г.]

– Приветствую Вас! – показал почтение Оронтобат.

Одоб – чомеа

(Вежливость–общество)

Вежливость тесно связана с обществом и его устоями, что находит подтверждение в ответах респондентов и в материалах корпуса:

«Онҳо бо масъалаҳои сиёсӣю иҷтимоӣ мамлакат ва зисту зиндагонии халқ робитаи мустақкам доранд, аёти маиш, ахлоқу одоб, меҳру муҳаббат, нуқсонҳои чомеа ва афроди ҷудогонаро дар бар гирифтаанд» [Сайфуллоев А. Паямбари ишқ, 2008 г.]

«Они имеют тесную связь с политическими и социальными проблемами страны и жизнью народа, охватывая реалии быта, этику и мораль, любовь и уважение, пороки общества и отдельных людей.

Воспитание начинается с семьи и родителей:

Одоб – оила

(вежливость – семья)

«Одоб аз оила ва гузар сар мешавад» [Маруфи Б. Дилу чонам, Самарқанд / Хотираҳо ва мақолаҳо 2019 г.]

«Воспитание начинается в семье».

Одоб – падар

(Вежливость – отец)

«Падар ба фарзанд аз одоб беҳтар чиз набахшидааст» [журнал Дин ва чомеа, Душанбе, июнь 2018 коллектив 2018]

«Лучшее, что может дать отец своему ребенку, – это воспитание».

Одоб – модар

(Вежливость – мама)

«Модар ба духтарак Куръон меомӯхт ва падар қуръон ба писар ёд меод, то ин ки эшон қуръон ҳифз карданд ва хату ҳисоб ва дигар фанҳо ва одоб аз падару модар биёмуҳтанд ва ба омӯзгор ҳоҷат надоишанд» [журнал Дин ва чомеа, Душанбе, сентябрь 2019 коллектив 2019].

«Мать учила дочь Корану, и отец обучал сына Корану, чтобы они выучили его, они обучились арифметике и другим предметам, а также правилам поведения от своих родителей, не нуждаясь в педагоге».

Таким образом, анализ материалов в НКТЯ показал, что данные корпуса коррелируют с результатами эксперимента и верифицируют моделирование поля вежливости в таджикской языковой культуре.

№	Слова	Вхождение	Предложения	Документы
1.	Одоб	330	403	196
2.	<i>одоб – ахлоқ</i>	16	16	16
3.	<i>одоб – салом додан</i>	8	8	5
4.	<i>одоб – тарбия</i>	8	8	7
5.	<i>одоб – чомеа</i>	8	8	4
6.	<i>одоб – шумо</i>	7	6	6
7.	<i>одоб – эҳтиром</i>	6	6	5
8.	<i>одоб – инсон</i>	6	6	5
9.	<i>одоб – хуб</i>	4	4	4
10.	<i>одоб – рафтор</i>	4	4	4
11.	<i>одоб – падар</i>	4	4	4
12.	<i>одоб – адаб</i>	4	4	3
13.	<i>одоб – одам</i>	3	3	3
14.	<i>одоб – модар</i>	3	3	2
15.	<i>одоб – шахс</i>	2	2	2
16.	<i>одоб – хурмат</i>	1	1	1
17.	<i>одоб – мадиният</i>	1	1	1
18.	<i>одоб – ақл</i>	1	1	1
19.	<i>одоб – гуфтор</i>	1	1	1
20.	<i>одоб – муошират</i>	1	1	1
21.	<i>одоб – хислат</i>	1	1	1
22.	<i>одоб – хусн</i>	1	1	1
23.	<i>одоб – оила</i>	1	1	1

Приведенная таблица показывает количество употреблений в Национальном корпусе таджикского языка, представленных в порядке убывания, и их вхождений.

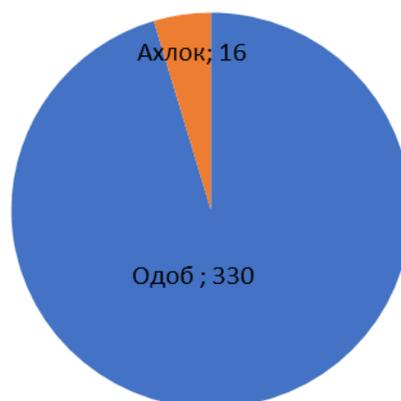

Рис.1. Диаграмма ядра и приядерной зоны по данным НКТЯ

Таким образом, в ядерной зоне по числу вхождений выделяется ключевая лексема *одоб*. Также выявлена лексема, находящаяся в приядерной зоне, – *ахлок* (16)

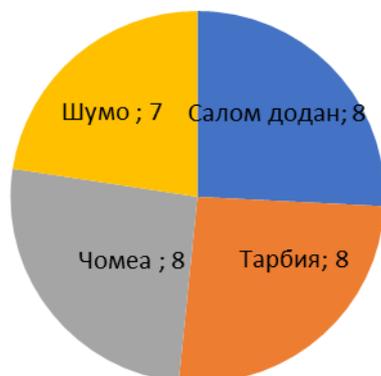

Рис.2. Диаграмма ближней периферии по данным НКТЯ

В ближней периферии: *салом додан* – приветствовать, *тарбия* – воспитание, *чомеа* – общество, *шумо* – Вы.

На дальней периферии находятся: *эҳтиром*, *инсон*, *хуб*, *рафтор*, *падар*, *адаб*, *одам*, *модар*, *шахс*.

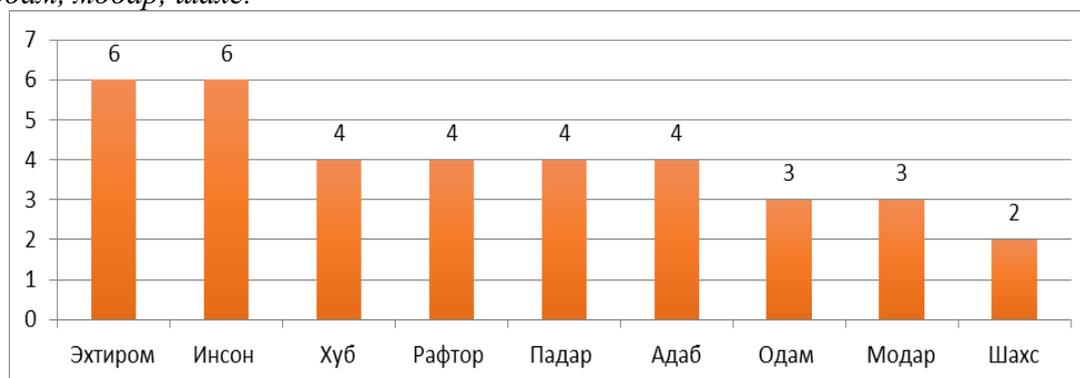
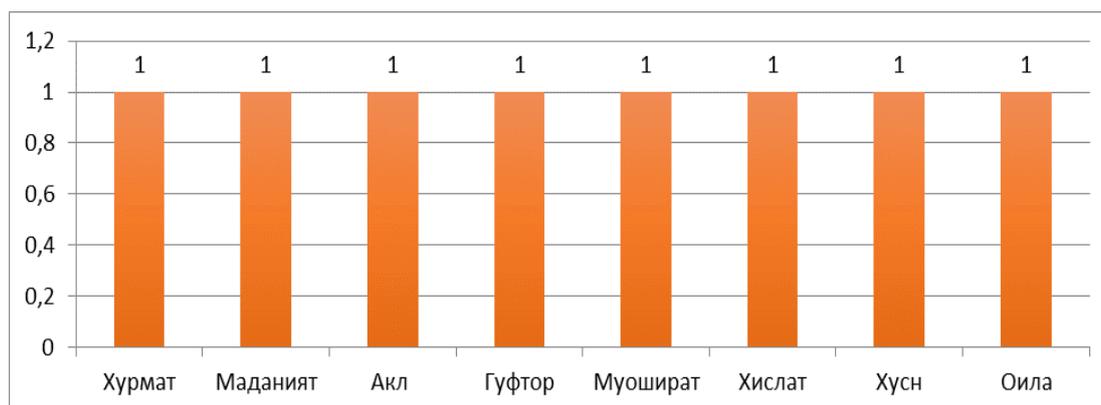

Рис.3. Диаграмма дальней периферии по данным НКТЯ

К крайней периферии относятся следующие лексеммы: *ҳурмат*, *маданият*, *ақл*, *гуфтор*, *муошират*, *хислат*, *ҳусн*, *оила*.

Из вышеперечисленных определений мы можем сделать вывод, что вежливость в сознании носителей таджикского языка – это соблюдение правил приличия в речи и в поступках, проявление воспитанности, это основа этикетного поведения, неотъемлемый признак любого коммуникативного акта.

Дальнейшее исследование концепта «одоб» на материале таджикских и шугнано-рушанских художественных произведений и прецедентных текстов позволит углубить и расширить представления о его когнитивных признаках, нашедших объективацию в языке.

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
2. Искандарова Д.М. Индикаторы социального статуса в таджикском языке // Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство: материалы Межд. науч.-теор. конф., посв. 100-летию со дня рождения акад. Д.С.Лихачева. – Самарканд, 2006. – С.132-135.
3. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Академия, 1997. – 206 с.
4. Национальный корпус таджикского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tajik-corpus.org/>
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – Изд.1.1997. Изд. 3-е – М.: Академический Проект, 2004. – 824с.
7. Толковый словарь таджикского языка (X начало XX века) / под ред. М.Ш.Шукурова, В.А.Капранова, Р.Хошима, Н.А.Маъсуми. –М., 1969. – Т.1-2. – 950 с. (на тадж.яз.).
8. Толковый словарь таджикского языка: в 2 т. – Душанбе, 2008. (на тадж.яз.)

**LEXICAL OBJECTIVATION OF THE CONCEPT "ODOB"
(POLITENESS) IN THE TAJIK LANGUAGE
(on the material of lexicographical sources and the National corpus
of the Tajik language)**

Khudoyorov Khusein Yodgorovich

Candidate of philological sciences,
Senior lecturer of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 05

In the article, an attempt is made to build a linguo-cognitive model of the concept "odob" (politeness) in the lexical system of the Tajik language in order to determine the general and national-specific features of the category of politeness in the Tajik linguistic consciousness.

The relevance of the topic is determined by the increased interest in ethnic features of etiquette and polite behavior of representatives of different cultures. Dictionary definitions of the concept nominee are studied, the specificity of figurative lexical units is studied from the point of view of their semantics, functional and pragmatic parameters, participation in the processes of categorization of extralinguistic reality. The structure of the associative-verbal field "odob" is determined based on the thematic classification of associates obtained in the course of the linguistic experiment. The analysis of the semantic field of the concept, the interpretation of the meaning of the lexeme "odob" has made it possible to identify its content components - good breeding, good manners, knowledge of ethics, education and the ability to behave.

In the etiquette aspect, such a specificity of the concept "odob" is highlighted as the obligatory presence of the pronoun "shumo" (you), emphasizing a polite address to the addressee.

The material of the study was the data of explanatory dictionaries and the national corpus of the Tajik language (NCTL).

Keywords: concept; concept objectivation; odob; Tajik; concept keyword.

**ОБЪЕКТИВИКУНОНИИ ЛУҒАВИИ МАФҲУМИ «ОДОБ»
ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ
(дар асоси маводи сарчашмаҳои луғатнигорӣ ва
Пайкараи миллии забони тоҷикӣ)**

Худоёров Хусейн Ёдгорович

Номзади илмҳои филологӣ,
муаллими калони кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 05

Дар мақола барои сохтани амсилаи забонӣ-шинохтии мафҳуми “одоб” дар низоми луғавии забони тоҷикӣ барои муайян кардани хусусиятҳои умумӣ ва махсуси миллий, инчунин категорияи одоб дар тафаккури забонии забони тоҷикӣ кӯшиш ба харҷ дода шудааст.

Мубрамнокии мавзӯ бо қувват ёфтани тавачҷуҳ нисбат ба хусусиятҳои мардумии одоб ва рафтори муаддабонаи намояндагони фарҳангҳои гуногун фаҳмонида мешавад. Дефинитсияҳои луғату фарҳангии номинанти мафҳум тадқиқ шуда, махсусияти воҳидҳои луғавӣ аз нуқтаи назари хусусиятҳои маъноии онҳо, андозаҳои функционалӣ-прагматикии онҳо, иштирок дар равандҳои категориякунонии воқеияти берун аз забонқарордошта омӯхта шудааст. Сохтори майдони ассотиативӣ-вербалии “одоб” бо таъя ба таснифоти мавзуии таассуротгирандагон, ки дар рафти таҷрибаи гузаронидашудаи забонӣ ҳосил шудаанд, муайян карда шудааст. Таҳлили майдони семантикии мафҳум, шарҳу эзоҳи лексемаи “одоб” барои ошкор намудани чӯзъҳои мазмунии он – хушрафторӣ ва доштани одоби нек, дониستاني меъёрҳои ахлоқ, дараҷаи маълумотнокӣ, қобилияти дар чома рафтор кардан анҷом дода шудаанд.

Дар чихати одобу рафторӣ чунин мафҳуми махсуси “одоб”, ба мисли ҳатман хузур доштани чонишини «шумо», ки мурочиати баодобонаро нисбат ба суроғадор дар назар дорад, таъкид карда мешавад.

Ба ҳайси маводи тадқиқ маълумоти аз луғату фарҳангномаҳои тафсирий ва Пайкараи миллии забони тоҷикӣ (ПМЗТ) гирифташуда хизмат кардаанд.

Вожаҳои калидӣ: мафҳум; объективикунонии мафҳум; одоб; забони тоҷикӣ; калидвожаи мафҳум.

УДК 811.161.1'373

**ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ
«ВЕРНОСТЬ» И «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Курбонова Хафиза Халимовна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

Статья посвящена исследованию лингвокультурных концептов «верность» и «предательство» в русском языке на материале лексикографических источников и Национального корпуса русского языка. Показано, что понятия *верность* и *предательство* по своей природе субъективны, так как характеризуют семиосферу внутреннего мира человека. Этические концепты «верность» и «предательство» рассматриваются по принципу «плюс» – «минус» и, как правило, используются в контексте определённых эмоциональных состояний человека.

В целом, исследуемые концепты носят универсальный характер, имеют бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительных и негативных характеристик.

Ключевые слова: этические концепты; верность; предательство; семиосфера внутреннего мира; сознание; семантика; когнитивная лингвистика; ядро.

В рамках данной статьи лингвокультурные концепты «верность» и «предательство» рассматриваются с точки зрения философии, этнопсихологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Концепты «верность» и «предательство» относятся к морально-этическим понятиям. Н.Д.Арутюнова связывает их с удовлетворением нравственного чувства и относит к «ядру духовного начала человека». Концепты, относящиеся к морально-этическим по своей природе, являются абстрактными понятиями [1, с.76].

С.И.Ожегов определяет понятие «верность» как стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга. Верность – это также преданность кому-либо или чему-либо. Верность связана со стойкостью, ответственностью, честностью, смелостью, жертвенностью, надёжностью, твёрдостью, истинностью, справедливостью, искренностью, уверенностью и т.д. [6, с.74].

Ю.С.Степанов относит понятие «верность» к духовным концептам, константам культуры, присутствующим в культуре любого народа, однако в каждое ис-

торическое время оно понимается по-разному, что отражает особенности менталитета народа и специфичность той картины мира, которая существует в его сознании. По мнению учёного, духовные концепты служат регулятором поведения людей и определяют социальные нормы [9, с.250]. Одним из таких понятий является концепт «верность», являющийся предметом нашего исследования.

В Сверхкратком философском словаре под редакцией А.С.Акулова категория «верность» рассматривается в связи с определением понятия «fides» (вера), что подтверждает идею об ассоциативной связанности данных понятий друг с другом. Верность – это уверенность в выполнении своих обязанностей, в держании обещаний. В данном словаре рассматриваются формы верности: *первая форма* – верность самому себе, своим задачам, своему долгу; *вторая форма* – верность в отношении другого человека – это постоянство в привязанности¹.

Цицерон выделяет такие признаки верности, как «постоянство» и «стойкость»: «Верность является основой для стойкости и постоянства, так как неверное не может быть стойким»². Но для Цицерона верность к Родине превыше всего.

Вслед за Ю.С.Степановым, И.С.Кон выделяет такие признаки верности, как *постоянство, стойкость, взаимопомощь, выполнение обязательств, поддержка, дружба, испытание, взаимная привязанность, долг* и др., составляющие основную часть константы культуры [см.9].

В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений под редакцией Н.Абрамова насчитывается 12 лексем, составляющих понятийную сторону концепта «верность»:

–*постоянство* – 1. неизменность в каком-нибудь отношении каких-нибудь свойств, качеств, элементов, 2. отсутствие изменчивости, верность, твердость в чём-нибудь;

–*выдержка* – 1. самообладание, умение не поддаваться минутным настроениям, 2. упорство в выполнении чего-нибудь;

–*неизменность* – 1. обычный для кого-нибудь, 2. преданный, верный;

–*твердость* – 1. перен.: непоколебимость, стойкость, лишенность сомнений, свобода от изменчивости, 2. отчетливость, ясность, безошибочность, 3. устойчивость, нешаткость, уверенность;

–*непоколебимость* – крепость, твердость, стойкость;

–*рачение* – старание, прилежание, внимание, усердие;

–*рачительность* (устар.) – старательность, усердность в исполнении чего-нибудь;

–*честность* – 1. добросовестность, проникнутость искренностью и прямо-той, 2. устар.: целомудренный;

–*точность* – 1. соответствие с действительностью, 2. порядочность, аккуратность, отчетливость;

¹ <https://terme.ru/slovari/filosofskii-slovar.html>

² Там же.

–*исправность* – 1. отсутствие повреждения, дефектов, 2. щепетильность, точность, аккуратность в исполнении чего-нибудь;

–*добросовестность* – 1. честное выполнение своих обязательств, 2. основательность, старательность;

–*аккуратность* – 1. исполнительность, соблюдение порядка во всем, 2. точность [2, с.250].

Американские философы (Дж.Ройс, Р.П.Волфф, Ф.Петит и др.) исследуют понятие «верность» с точки зрения морали и философской мысли 20 века. Они рассматривали верность в формировании патриотизма в современном американском обществе.

Слова, составляющие понятийную сторону концепта «верность» в русском языке, были разделены на следующие лексико-семантические поля:

I. Преданность чему-нибудь или кому-нибудь: *постоянство*: в любви, во взглядах и др., *неизменность*, *исправность*, *аккуратность*.

II. Забота: *рачение* (устар.), *рачительность*,

III. Твёрдость в поведении: *непоколебимость*, *твёрдость*, *точность*, *выдержка*.

IV. Истинное отношение к кому или чему-либо: *честность*, *добросовестность* и др.

Итак, на основе лексикографического анализа установлено, что ядром концепта «верность» является лексема «верность», а понятийное поле образуют следующие слова:

С целью выявления дополнительных признаков концепта «верность» были использованы материалы из Национального корпуса русского языка, где лексема

верность имеет 8549 вхождений¹. Примеры, приведённые в нём, были классифицированы на нижеследующие тематические группы.

Группа 1. Верность родине: *Он уничтожал перебежчиков, без которых не мог бы победить, ибо «кто не пощадил родину, не сохранит верность и мне»*

Группа 2. Верность друга: *Разнообразны формы дружбы, многообразно её содержание, но есть одна неизблемая основа дружбы – это вера в неизменность друга, это верность другу.*

Группа 3. Верность должна вознаграждаться: *Но неужели моя верность не заслуживает такой скромной награды, как признание её перед нашим светом! И не понимаю, как верность и преданность могут ждать какой-либо награды?*

Группа 4. Элементы внешности человека, содержащие признаки верности:

а) цвет глаз: *голубые глаза с поволокой означают верность, покорность и кротость;*

б) верный глаз (о способности точно оценить человека о верности истине): *Машины он не угонял. У меня глаз верный. Как погляжу, сразу чувствую, что за человек. Ведь я раньше у наркома в помощниках работал.*

Группа 5. Верность как высшая форма духовности: *Отец Иоанн, протоиерей Александр Беляев и диакон Василий Сутокский в дальнейшем стали новомучениками, кровью засвидетельствовав свою верность Христу; И, наконец, касательно добродетели послушания – она остается перед нами как призыв следовать Христу в Его послушании Богу Отцу, сохранять верность святоотеческому преданию, воспитание доверия Промыслу Божию о нас в нашей повседневной жизни.*

Группа 6. Верность как одна из ценностей культуры: *Именно они и разглядели в юноше талант, его исполнительскую самобытность, трудолюбие и верность народным традициям;*

Группа 7. Мужчины не сохраняют верность: *Она пела про то, что лучшие друзья девушек – это бриллианты, поскольку на верность мужчин надеяться смешно.*

Далее приведём данные лексико-статистического анализа синонимов концепта «верность» на материале Национального корпуса русского языка:

Слова	Частотность употребления	Примеры
<i>Точность</i>	14420	<i>Количество состояний определяется желаемой точностью оценок и доступным объёмом выборки.</i>
<i>Твердость</i>	5507	<i>Елена не ожидала от Василисы такой твёрдости.</i>
<i>Честность</i>	4378	<i>Затем брала её рубаху и трясла ею, чтобы все видели свидетельство её честности.</i>

¹ <https://ruscorpora.ru>

<i>Выдержка</i>	4262	<i>Проблема, которая кажется неразрешимой, исчезнет сама, если ты проявишь выдержку и сохранишь спокойствие.</i>
<i>Постоянство</i>	1947	<i>Мы уже привыкли к постоянству жалоб: денег нет, зарплату не выдают.</i>
<i>Аккуратность</i>	1263	<i>Поэтому руку надо вывернуть, что требует аккуратности и сноровки.</i>
<i>Исправность</i>	1 243	<i>Он служил с волевой исправностью, которая всегда была свойственна его работе, за что бы он ни брался.</i>
<i>Добросовестность</i>	1125	<i>Гетманов похваливал добросовестность, с которой рылись землянки, укрытия для танков и орудий.</i>
<i>Неизменность</i>	709	<i>Он умер, то есть его жизнь вошла в фазу совершенной неизменности.</i>
<i>Рачение</i>	288	<i>Ведь все своим трудом, своим хребтом, своим рачением!</i>
<i>Непоколебимость</i>	184	<i>По легенде девять дубов – символ непоколебимости и долговечности народа.</i>
<i>Рачительность</i>	84	<i>От собственной рачительности, от умения уложиться в заранее назначенную сумму.</i>

Таким образом, ядром концепта «верность» в русском языке являются лексемы *точность, верность, твёрдость, честность, выдержка*; ближнюю периферию составляют *постоянство, аккуратность, исправность, добросовестность, неизменность*, а дальнюю периферию образуют такие слова, как *рачение, непоколебимость, рачительность*.

Согласно Словарю сочетаемости слов русского языка под редакцией П.Н.Денисова и В.В.Морковкина [8], лексема *верность* представлена следующими вариантами (прилагательными) сочетаемости, которые составляют образную сторону данного понятия:

1. *Преданный*, надёжный, постоянный в своих взглядах и чувствах.

Верен кому-чему: (о человеке) – жене, другу, хозяину, народу, Родине, партии, какому-либо делу, идеалам, какой-либо политике, клятве, присяге, курсу, своему характеру, убеждениям, принципам, долгу, своему слову, обещанию, обязательству, своим привычкам.

Предан кому-чему (о человеке): командиру, директору, мне, ему, ей, нам, Анне, родине, народу, партии, делу чего-либо: идеалам, революции.

2. *Правильный*, точный; такой, который соответствует истине, действительности.

Таким образом, проведенный анализ даёт возможность говорить о богатом семантическом поле концепта «верность» в русском языке.

Далее проанализируем семантическую структуру концепта «предательство» на материале словарей русского языка.

С точки зрения философии, *предательство* рассматривается как нарушение верности общему делу, измена национальным интересам, переход на сторону врага, выдача государственной или военной тайны, умышленное совершение соответствующих действий и т.д. Предательство расценивается как злодеяние.

В Толковом словаре В.Даля *предательство* определяется через набор его синонимических понятий, таких как *измена, вероломство, крамола, лукавство, душепродавство* [4, с.59].

В словаре С.И.Ожегова о предательстве говорится как о низком поступке, нарушении верности, которое не должно прощаться: предательство не прощается [6, с.579].

В ходе лексикографического анализа слова «предательство» в русском языке, по данным Словаря синонимов русского языка под редакцией Н.Абрамова были выделены лексико-семантические группы, включающие субстантивные, адъективные и глагольные формы [2].

Лексико-семантические группы объединяются в субполя:

I. Предательство – двуличие:

Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих характеристики предательского поведения: *иезуитство* (книжн.) – лицемерие, двуличие, беспринципность в выборе средств для достижения своих целей: Такого иезуитства от него никто не ожидал; *макиавеллизм* (книжн.) – политика, основанная на подлых умыслах и злых поступках, тщательно скрываемая за внешне благодушным поведением, прикрываемая показным доброжелательством; *коварство* – злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством; *вероломство* – нарушение обязательства, клятвы, вероломное поведение; *вероломность* – коварность, действие путём обмана, измены; *итрейкбрехер* – человек, который работает во время забастовки, предавая интересы забастовщиков.

II. Предательство – неверие:

Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих *супружеское неверие*: *адюльтер* (франц.) – супружеская измена; *прелюбодеяние* (устар.) – нарушение супружеской верности; *неверность* – измена в любви, нарушение супружеской верности, измена дружбе; измена.

Лексико-семантическая группа существительных, характеризующих безверие: *неверие* – отсутствие веры, уверенности в чем-либо, отрицание чего-либо, безбожие, маловерие, колебание и сомнение в делах веры; *христопродавец* (устар.) – вероотступник, отщепенец, иуда, Искарот (книжн.) – Иуда, сын Симона, один из двенадцати, бывший в прошлом вором, в конце предавший Господа первосвященникам за 30 серебряников;

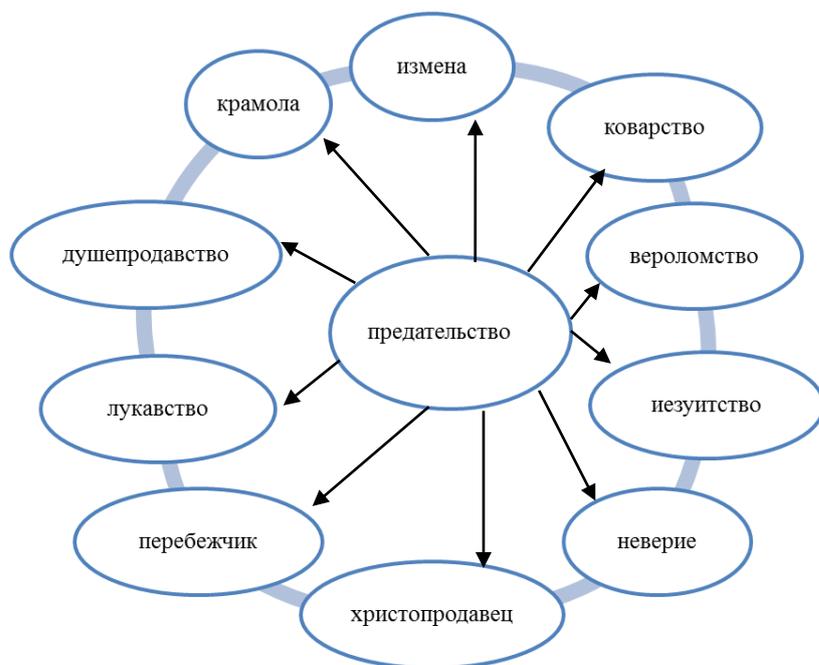
III. Предательство Родины:

Лексико-семантическая группа существительных, выражающих государственную измену: *перебежчик*, *перемётчик* (устар.) – тот, кто предал своих, перешёл в расположение войск противника и сдался ему; *измена*: 1. Предательство интересов родины, переход на сторону врага (измена долгу); 2. Нарушение верности кому-чему-нибудь: (измена другу; супружеская измена); клятвопреступник; дезертир, *рenegат* – человек, изменивший своим убеждениям и перешедший на сторону противников, отступник.

Лексико-семантическая группа прилагательных, содержащих характеристики предательства: изменнический, вероломный, клятвопреступный, предательский, коварный, неверный, хитрый.

Лексико-семантическая группа глаголов: предавать, вверять, изменять, проклинать, выдавать, вероломствовать, подводить, обманывать, доносить, покидать, отступаться, выдать, продать.

Таким образом, в результате анализа лексемы «предательство» по данным словарям русского языка ядром исследуемого концепта является слово «предательство», а понятийное поле образуют следующие слова:

Следующим этапом нашего исследования является выявление дополнительных признаков концепта «предательство» на материале Национального корпуса русского языка.

Лексема *предательство* в Национальном корпусе русского языка встречается 4440 раз [https://ruscorpora.ru]. Все примеры, отражающие предательство, были классифицированы на следующие группы:

Группа 1. Предательство Родины: *То, что сегодня делают коммунисты, могут назвать только одним словом – предательство...*

Группа 2. Супружеская неверность: *Не прошло и полгода после разрыва с женой, а на Сергея навалилась ещё одна напасть. Он старался забыть предательство жены... А как?*

Группа 3. Предательство, с которым сталкиваешься в жизни: *Повзрослев, они неизбежно столкнутся со смертью, предательством, несправедливостью.*

Группа 4. Предательство друга: *И старший брат говорит тебе, что это будет не дружба, а предательство, а потом начинает хохотать и рассказывает аналогичный случай из своей практики.*

Группа 5. Предательство близких людей: *И сестра. И мать тоже там, она еще жива, – кивает Гаврила. – Я не упомянул об этом в анкете, так как нам неизвестен их адрес. Когда семья уезжала из страны, а мы остались, они, к сожалению, восприняли это как предательство и прервали с нами все контакты.*

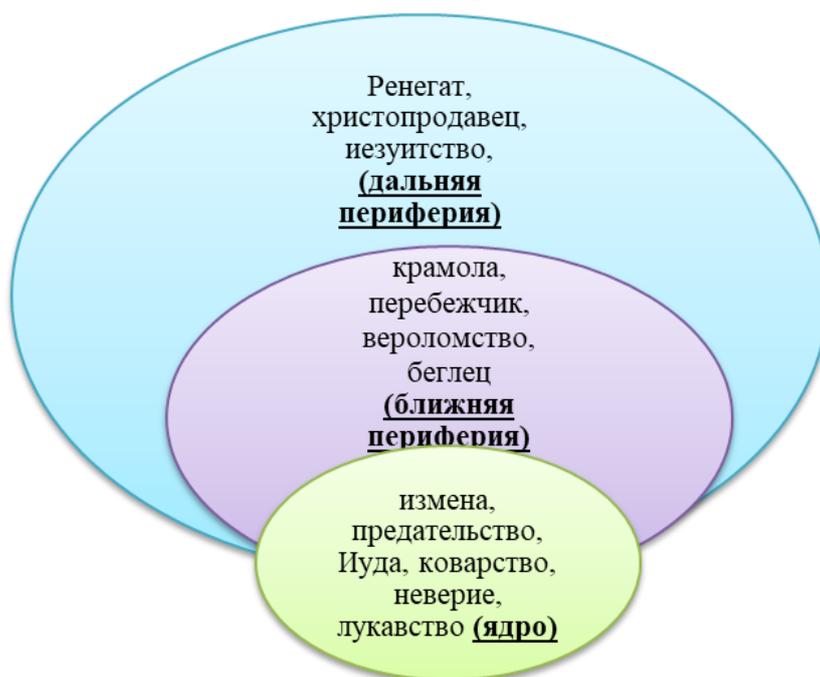
Далее проводится лексико-статистический анализ слов, образующих понятийную и образную стороны концепта «предательство» в русском языке, на материале Национального корпуса русского языка.

Слова	Частотность употребления	Примеры
Измена	7499	Жёлтый нарцисс – к измене, красная роза – к страстной любви, незабудка – верность до гроба
Иуда	2207	Так вот, завтра каждый Иуда будет получать свои серебряники за третий квартал этого года
Коварство	2037	Всё ещё опьянённый своим чтением и самой картиной потрясающего коварства, я его не понял
Неверие	1877	Она основана на неверии в способность России к модернизации
Лукавство	1540	Что стоит за этим: выверт, лукавство «отбывание номера»?
Крамола	1007	Здесь же даже помыслы о ней – крамола, за которую неизбежна расплата
Перебежчик	854	Так вот, очевидно, такой перебежчик и находился сейчас перед Зыбиным
Вероломство	697	Весь той вскричал от такого вероломства и посыпался по лестнице следом, отталкивая Пенкину в сторону...
Беглец	485	А прав беглец или не прав, собаку не интересуется
Христопродавец	173	Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы!
Ренегат	110	Дети счастливы, и никогда не узнают,

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

		что их отец-рenegат, подонок и ублюдок, – говорит он
Иезуитство	67	Сашкино «иезуитство» – впрочем, мало в чем проявляемое – Евстигней Ипатыча коробило
Душепродавство	0	-

По итогам лексико-статистического анализа можно представить полевую модель концепта «предательство» на материале Национального корпуса русского языка следующим образом:

Таким образом, обращение к лексикографическим источникам позволило нам уточнить представление о верности и предательстве и определить их значимость в русской языковой картине мира. Выявленные тематические группы расширяют семантическую структуру этических концептов «верность» и «предательство», увеличивают объём их культурно-национального содержания.

Литература

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. – М.: Акад. пед. и соц. Наук РФ; – Краснодар: Кубан 2003. – 337 с.
2. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: АСТ, 2008. – 672 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ГИС, 1955. – 669с.
5. Дмитриева Н.М. Этическая концептосфера русской языковой картины мира: диахронический аспект: дис...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Наталья Михайловна Дмитриева. – М., 2017. – 438 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – 4-е изд., доп. – М., 2010. – 874 с.
7. Саварцева Н.В. Этические концепты «верность» и «предательство» в английском языковом сознании: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Саварцева Наталья Владимировна. – Иркутск, 2008. – 206 с.
8. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. Д.Денисова и В.В.Морковкина. – М.: Астрель: Аст, 2002. – 811с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
10. Шимко Е.А. Понятийное описание ядерных дефиниций концепта «верность» в русском языке / Е.А.Шимко, Т.Ю.Савватеева // Вестник ОГУ. – 2021. – №4. – С.196-200.

LINGUISTIC OBJECTIVATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPTS "LOYALTY" AND "BETRAYAL" IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Qurbanova Khafiza Khalimovna

Senior lecturer of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 44) 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

The article is devoted to the study of linguocultural concepts "loyalty" and "betrayal" in the Russian language on the basis of lexicographic sources and the National Corpus of the Russian language. It is shown that loyalty and betrayal are subjective in nature, as they characterize the semiosphere of a person's inner world. The ethical concepts of "loyalty" and "betrayal" are considered on the basis of the "plus" - "minus" principle and are used, as a rule, in the context of certain emotional states of a person.

In general, the concepts under study are universal in nature, have a binary evaluative nature, expressed in an indivisible dyad of positive and negative characteristics.

Keywords: ethical concepts; loyalty; betrayal; semiosphere of the inner world; semantics; cognitive linguistics; concept core.

ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗАБОНИЮ ФАРҶАНГИИ МАҶҲУМҶОИ
«САДОҚАТ» ВА «ХИЁНАТ» ДАР ЗАБОНИ РУСӢ

Курбонова Хафиза Халимовна

Муаллими калони кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

Мақола ба тадқиқи мафҳумҳои забонию фарҳангии «Садоқат» ва «Хиёнат» дар забони русӣ дар асоси маводи сарчашмаҳои луғатнигории Пайкараи миллии забони русӣ бахшида шудааст. Нишон дода мешавад, ки мафҳумҳои садоқат ва хиёнат табиатан субъективанд, чунки семиомӯхити олами ботинии инсонро тавсиф медиҳанд. Мафҳумҳои ахлоқии «Садоқат» ва «Хиёнат» мувофиқи принсипи «плюс» – «минус» баррасӣ шуда, одатан дар ҳошиаи ҳолатҳои муайяни эҳсосии инсон истифода мегарданд.

Дар маҷмӯъ, мафҳумҳои тадқиқшаванда дорои хусусияти универсалӣ буда, хусусияти бинарнии баҳодиханда доранд, ки дар дидаи ҷудонашавандаи мусбат ва манфӣ ифода меёбанд.

Вожаҳои калидӣ: мафҳумҳои ахлоқӣ; садоқат; хиёнат; семиомӯхити олами ботинӣ; тафаккур; семантика; забоншиносии шинохтӣ; ҳаста.

УДК 811.161.1'373.46:637.1

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ГНЁЗДА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАЯЗЫКА МОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Умарова Мехринисо Саидовна

Старший преподаватель кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 98 526 77 70 (м.)
mehriniso.umarova67@mail.ru

В статье предпринята попытка провести лексико-семантический и структурный анализ процесса номинации феноменов молочного дела как в составе одиночных терминов, так и терминологических гнезд. Выявлено, что данный процесс происходит за счет общенаучных и межпредметных номинаций, которые, как правило, выступают опорными элементами одиночных терминологических гнезд. Анализ системно-семантических отношений в терминологическом инструментарии метаязыка молочной отрасли показал, что она репрезентирована не только единичными терминологическими элементами, но и целыми макро- и микросистемами терминологических гнезд, опорным компонентом которых являются феномены исследуемой отрасли науки и производства. В процессе систематизации терминологических единиц метаязыка молочной отрасли были выделены два базовых объединения терминологических элементов: привлеченные и собственные термины. Несмотря на широкое функционирование привлеченных понятий, представленных общенаучными и межпредметными номинациями, терминология молочной отрасли преимущественно представлена собственными, узкоспециальными понятиями.

Ключевые слова: терминология, терминологические гнезда, метаязык, словообразовательные гнезда, систематизация терминологии, процесс номинации феноменов.

Образование и фиксация в языке новых специальных единиц способствует развитию терминологии предметной области. Обогащение любой терминосистемы происходит посредством проникновения в язык иноязычной лексики, терминологизации общеупотребительных лексических единиц и образования новых терминов на основе существующих в языке правил словообразования. В результате последнего в терминологическом инструментарии метаязыка появляются терминологические гнезда, представляющие собой один из типов системно-семантических отношений.

Терминологическое гнездо, будучи одним из проявлений словообразовательного гнезда, представляет собой совокупность ряда терминов, наделенных едиными понятийными и презентативными признаками. Данной позиции придерживается И.Г.Кудрявцева, которая отмечает, что «терминология любой от-

расли представляет собой систему, состоящую из подсистем и микросистем, которые включают терминологические поля и терминологические гнёзда» [5, с.84].

Терминологические гнёзда выступают одним из естественных факторов систематизации терминологии определенной отрасли. Это сложные структурные образования словообразовательных «цепочек» терминов, в которых каждое предыдущее звено служит мотивирующей основой для последующего и связано с ним понятийно. Гнездообразующие термины, составляющие ядро терминологического гнезда, являются специальными единицами, формирующими базовый, первичный уровень структуры терминологии.

По мнению Т.Л.Канделаки, изучение лексико-семантических особенностей любой терминосистемы целесообразно проводить методом терминологических гнезд, который заключается в классификации и систематизации терминов с точки зрения их лексико-семантических и деривационных особенностей. Под «терминологическим гнездом» ученый понимает «группу терминов, объединенную на основе общности опорного терминологического элемента, который входит в качестве основной терминологической единицы в каждый термин гнезда и функционирует как самостоятельный термин» [4, с.11].

С учетом сферы употребления терминологической единицы в составе любой терминосистемы выделяют собственные и привлеченные термины. В свою очередь привлеченные термины представлены общенаучными терминами и терминами, сопредельных областей знания.

Лексико-семантический анализ материала, почерпнутого из отраслевых лексикографических источников, учебных пособий, позволил выявить, что терминологические единицы метаязыка молочной отрасли в русском языке репрезентированы привлеченными и *собственными* терминами.

1. *Привлеченными* в терминологию молочной отрасли единицами являются общенаучные и межпредметные термины.

Понятийный блок молочной отрасли содержит общенаучные понятия, целесообразность использования которых продиктована предметом и задачами молочной отрасли. Особенностью данного терминологического пласта является широкое участие общенаучных понятий в качестве стержневых или вспомогательных компонентов при образовании непосредственно терминов молочной отрасли. В своём большинстве данные единицы выступают ядром терминологических гнёзд.

К числу общенаучных понятий, функционирующих в терминологии молочной отрасли, можно отнести такие обозначения, как исследование, измерение, принцип, станция, прибор, аппарат, оборудование, особенность, схема, класс, цикл, этап, классификация, метод, правило, порядок, уровень, образование, контроль, классификация, компонент и др.

Лексико-семантический и структурный анализ показал, что общенаучные понятия представлены в исследуемой терминосистеме как одиночными терминами: приборы контроля и качества, доильный аппарат, порядок отбора средних проб молока, так и в составе терминологических гнёзд, выступая зачастую его ядром:

Компонент(ы)	- питательной среды - молока - молока ценные - немолочный - рациона жвачных
Контроль	- натурального молока - состава молока - эффективности пастеризации молока
Оценка	- молока органолептическая - молочных продуктов органолептическая - проб молока органолептическая - проб молочных продуктов органолептическая - сыров органолептическая - качества молока - качества сборного молока
Метод	- биопроб - электрофореза - изготовления молочных продуктов - определения молока коров, больных маститом - преобразования высокожирных сливок - комплекснометрический
Образование	- молока - молочной кислоты - оболочек жировых шариков - отдельных компонентов молока - составных частей молока
Оборудование	- скотного двора - производственное - технологическое
Особенность (и)	- технологии продуктов консервирования молока - технологии производства и обработки молока - состава триглицеридов молочного жира - молока биологические
Правило(а)	- получения молока - транспортирования молочных продуктов - хранения молока - санитарно-гигиенические - ветеринарные
Уровень	- кормления недостаточный - кормления полноценный - молочной продуктивности
Характеристика	- молочного жира теплофизическая - молока-сырья - простых белков молока химическая

- Система (ы)
- сложных белков молока химическая
 - простых белков молока биологическая
 - производства молока поточно-цеховая
 - заводского изготовления молочных продуктов
 - дисперсная
 - доильная.

Исследование показало, что процесс номинации феноменов молочного дела происходит также за счет терминов смежных наук. Известно, что молочная отрасль базируется и находится в тесной связи с такими науками, как химия, биология, физика, математика, что способствует проникновению в терминологию молочной отрасли большого числа привлеченных из сопредельных отраслей знания терминологических единиц.

Безусловно, одним из основных источников пополнения исследуемой терминосистемы в русском языке являются понятия химической отрасли, которые представлены, а) одиночными терминами: автолиз, адсорбция, альгинаты кальция, аминокислоты, консерванты, лактоцины, лецитин, разложение молочного сахара и др.; б) терминологическими гнездами:

- Белок (ки)
- молочный
 - коровьего молока
 - оболочек жировых капель
 - консервированный пищевой молочный
 - свежий пищевой молочный
 - молока простые
 - сывороточные
- Реакция (и)
- окислительно-восстановительные
 - белков
 - химические
 - восстановления химические
 - окисления химические
- Кислота (ы)
- масляная
 - молочная
 - монокарбоновая
 - ненасыщенные жирные
 - низкомолекулярная жирная
 - арахидоновая
 - маргариновая
 - арахидоновая
- Кислотность
- казеина
 - масла
 - молока
 - творога
 - кисломолочных продуктов
- Коагуляция
- сметаны титруемая
 - казеина

- молока сычужная
- кислотная
- белка
- кислотно-сычужная
- молока сычужным ферментом
- Ферменты
 - молока
 - расщепления
 - сычужные
 - микробные
 - молокосвертывающие
 - окислительно-восстановительные.

В понятийном блоке молочной отрасли широко представлены понятия биологической отрасли, которые участвуют в качестве основного элемента в образовании единиц метаязыка молочного дела. Данная микросистема включает в себя номинации феноменов молочного производства как в виде одиночных терминов: стадия лактации, сжимание соска, секреция молока, молочные железы сельскохозяйственных животных, поражение вымени маститом, лактирующая корова, растительные наполнители, так и в составе терминологических гнезд:

- Клетка(и)
 - секреторная
 - соматические
 - чужеродные
 - молочной железы.

Исследование терминосистемы молочной отрасли показало, что наряду с вышеперечисленными понятийными блоками исследуемая терминология репрезентирована достаточно представительной группой привлеченных физико-математических терминов, представленных как одиночными терминами: поверхностное натяжение молока, точка замерзания, точка кипения, точка плавления, физико-химические константы жира, так и терминологическими гнездами:

- Число
 - Гюбля
 - Кеттсторфера
 - омыления
 - жира аназидиновое
- Коэффициент
 - преломления молочной сыворотки
 - эффективного белка
- Плотность
 - исследуемого молока
 - молозива
 - молочного жира
 - обезжиренного молока
 - сычужного сгустка
- Масса
 - молочного жира
 - веществ
 - охлаждаемого молока

Результаты проведенного лексико-семантического анализа позволяют констатировать, что, несмотря на широкое функционирование привлеченных поня-

тий, представленных общенаучными и межпредметными номинациями, терминология молочной отрасли преимущественно представлена собственными, узкоспециальными понятиями.

Системно-семантические отношения в терминологическом инструментарии метаязыка молочной отрасли репрезентированы не только единичными терминологическими элементами, но и целыми макро- и микросистемами терминологических гнезд, опорным компонентом которых являются феномены исследуемой отрасли науки и производства.

На наш взгляд, целесообразна дифференциация системы собственных понятий молочной отрасли на два терминологических блока: 1) терминологический блок, представляющий понятия технологии молочного производства и 2) терминологический блок, представляющий наименования молочной продукции.

Так, терминологический блок, представляющий понятия технологии молочного производства, включает в себя определенный набор одиночных терминов, таких как титрование сметаны, транспортирование молока, удельная теплоёмкость цельного молока, условия получения молока, ухудшение качества молока, учет молока, установление сортности молока-сырья, фасование продукта, физико-химические изменения молока, свёртывание молока,

Данный терминологический блок репрезентирован также терминологическими гнездами, ядерными элементами которых являются как узкоспециальные понятия, так и общенаучные понятия. В последнем случае формирование терминологического гнезда происходит за счёт «сдвига» в семантике производной номинации в результате «транстерминологизации – перехода единицы в другую предметную область с полным или частичным переосмыслением ее значения» [9, с 54.].

Терминоэлемент *технология* обладает огромным потенциалом терминологического гнездообразования и выступает опорным элементом более 20 собственно отраслевых терминологических сочетаний, образуя при этом целую макросистему научных понятий:

ТЕХНОЛОГИЯ	производства:
молочных продуктов	вторичного молочного сырья
сливок питьевых	жидких кисломолочных продуктов
творожный изделий	кисломолочных продуктов
тепловой стерилизации нормализованных смесей	мягких сычужных сыров
хранения молочной продукции	обезжиренного молока
переработки молочной продукции	питьевого молока
	сливочного масла методом преобразования высокожирных сливок
	сливочного масла методом сбивания
	сухих молочных продуктов
	цельномолочной продукции

	сметаны
	кумыса

Терминологический блок, представляющий понятия технологии молочного производства представлен также и другими терминологические гнездами:

- Показатель (и) - физико-химические
- исследуемых сыров физико-химические
 - питьевого молока физико-химические
 - молока водородный
 - показатели молока микробиологические
 - пастеризованного молока органолептические
 - плотности натурального молока
- Свойства - молочных продуктов физико-химические
- молока коз физические
 - перерабатываемого молока физические
 - эмульгирующие
 - амфотерные
 - бифидобактерий антибиотические
 - кисломолочных продуктов диетические
- Прессование - сгустка
- сыра
 - творога
- Консервирование - молока
- проб молока
 - масла
- Консистенция - молозива
- молочных продуктов
 - сгущённого молока
 - сухого цельного молока
- Сквашивание - молочной смеси
- молока
 - молока бактериями
 - топленного молока
- Брожение - молочнокислое
- спиртовое
 - пропионовокислое
 - маслянокислое
- Состояние - коллоидное
- коллоидно-дисперсное
 - молока санитарно-гигиеническое
 - оборудования санитарное
 - молочное посуды санитарное

Инвентаризация лексического пласта молочной отрасли выявила значительное количество единиц общеупотребительной лексики, наделённых во вторичной своей номинации узкоспециализированной научной семантикой и получивших

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

таким образом статус терминов. Таковыми оказались преимущественно наименования молочной отрасли, которые и составили второй терминологический блок собственных понятий молочной отрасли. Как и в предыдущих объединениях терминологических единиц, данный блок представлен прежде всего одиночными терминоэлементами, включающими в себя двух-, трёх-, четырёхкомпонентные единицы: *слоеная простокваша с джемом, скисание молока, маргарин, кумыс, курут, примеси молока, плазма молока, пищевые добавки, основа молочного жира, творожное зерно, молочный напиток и др.*

Наряду с одиночными терминоэлементами терминологический блок наименований молочных продуктов представлен большим количеством терминологических гнёзд, самым представительным из которых являются микросистемы с опорными ядерными компонентами *молоко и продукт*.

свежее	сухое	натуральное	обезжиренное	низколактозное	парное	сырое	топлённое	цельное	нежирное	стужённое	питьевое	сухое цельное	обогащённое	неохлаждённое	с какао	с кофе
МОЛОКО																
подвергнутое термической обработке	здоровых коров	пастеризованное	ультрапастеризованное	концентрированное	запускного периода	повышенной жирности	стерилизованное	хорошего качества	нейтрализованное	коровье	козье	овечьё	буйволицы	верблюдицы		
с плесенью сырный	скавашенный	сырный	творожный	топлёные	стерилизованные	пастеризованные	низкого качества	молочные нежирные	кисломолочные	детского питания	кисломолочные витаминизированные					
ПРОДУКТ(Ы)																

кисломолочные белковые
молочнокислого брожения
молочные ацидофильные
составной молочный
сырный копченый
сырный плавленый
сырный твердый
сырный сверхтвердый
сырный рассольный
сырный полутвёрдый
сырный мягкий
ультрапастеризованные

Столь же разветвленной репрезентирована производная от номинации *продукты* микросистема с опорным элементом *продукт переработки молока*:

- Продукт переработки молока - безлактозный
- взбитый
 - восстановленный
 - вымороженный
 - концентрированный
 - обезжиренный
 - обогащенный

Исследуемый терминологический блок репрезентирован и другими терминологическими гнездами:

- Продукт(ы) - кисломолочный
- комбинированный молочный
 - концентрированный молочный
 - кумысный
 - молокосодержащий
 - скоропортящиеся продукты
 - сгущённый молочный (с сахаром)
 - молочнокислого брожения
- Масло - кисло-сливочное
- сладко-сливочное
 - сливочной
 - консервное
- Мороженое - молочное
- кисломолочное
 - мягкое
 - с растительным жиром
- Паста - масляная
- масляная кисло-сливочная
 - масляная сладко-сливочная
 - масляная подсырная
- Сыр (ы) - сычужный

- гниющий
- плавленый
- плесневый

Таким образом, в процессе систематизации терминологических единиц мета-языка молочной отрасли были выделены два базовых объединения терминологических единиц: привлеченные и собственные термины. Дальнейшая семантическая дифференциация показала, что в составе привлеченных в молочную отрасль терминологических единиц функционируют общенаучные и межпредметные номинации, которые, как правило, выступают опорными элементами как одиночных терминологических единиц, так и терминологических гнезд. В ходе исследования также были выделены два терминологических блока среди собственных терминологических единиц: понятий технологии молочного производства и наименований молочной продукции.

Литература

1. Барабанщиков Н.В. Молочное дело. – М.: Колос, 1983. – 414с.
2. Головин Б.Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии // Ученые записки. – Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1970. – Вып. 114. Сер. Лингвистическая. – С.17-27.
3. Джураев Т.К. Отраслевая техническая терминология современного таджикского языка (в сопоставлении с русским, персидским и дари): автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Джураев Тухта Кадырович. – Душанбе, 2010. – 51 с.
4. Канделаки Т.Д. Семантика и мотивированность терминов. – М.; 1977. – 167 с.
5. Кудрявцева И.Г. Семантические характеристики терминологических словосочетаний в языке для специальных целей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1219>
6. Половец М.В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики). [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им.А.И.Герцена. – 2014. – №170. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskie-gnezda-kak-sposob-otrazheniya-sistemnosti-terminologii-na-primere-angloyazychnyh-terminov-kompyuternoj> (дата обращения: 02.10.2022).
7. Султонова Р. М. Сопоставительный анализ геологической терминологии в русском и таджикском языках: дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Султонова Рафоат Мирзоевна. – Душанбе, 2013. – 176 с.
8. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории /А.В.Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Василева. – 6-е изд. – М.: Либроком, 2012. – 248 с.
9. Половец М.В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики). [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им.А.И.Герцена. – 2014. – №170. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskie-gnezda-kak-sposob-otrazheniya-sistemnosti-terminologii-na-primere-angloyazychnyh-terminov-kompyuternoj> (дата обращения: 02.10.2022).
10. Толковый словарь иноязычных слов. – 5-е изд., стереотип – М.: Рус. яз., 2003. – 856с.

TERMINOLOGICAL NESTS AS AN INDICATOR OF THE FORMATION OF DAIRY INDUSTRY METALANGUAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Umarova Mehriniso Saidovna

Senior lecturer of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 98 526 77 70 (m.)
mehriniso.umarova67@mail.ru

In the article, an attempt is made to carry out a lexico-semantic and structural analysis of the process of nominating the phenomena of the dairy business, both as part of single terms and terminological clusters. It is revealed that this process occurs due to general scientific and interdisciplinary nominations, which, as a rule, act as supporting elements of single term elements and terminological nests. The analysis of system-semantic relations in the terminological tools of the metalanguage of the dairy industry showed that it is represented not only by single terminological elements, but also by entire macro- and microsystems of terminological nests, the basic component of which are the phenomena of the studied branch of science and production. In the process of systematization of the terminological units of the metalanguage of the dairy industry, two basic associations of terminological elements were identified: borrowed and own terms. Despite the wide functioning of the involved concepts, represented by general scientific and interdisciplinary nominations, the terminology of the dairy industry is mainly represented by its own, highly specialized concepts.

Keywords: terminology, terminological nests, metalanguage, word-forming nests, systematization of terminology, process of phenomena nomination.

МАЙДОНҲОИ ИСТИЛОҲӢ ЧУН НИШОНДИҲАНДАИ ТАШАККУЛИ МЕТАЗАБОНИ СОҲАИ ШИР ДАР ЗАБОНИ РУСӢ

Умарова Мехринисо Саидовна

Муаллими калони кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 98 526 77 70 (м.)
mehriniso.umarova67@mail.ru

Дар мақола барои гузарондани таҳлили луғавию маъноӣ ва сохтории раванди номгузории феноменҳои соҳаи шир ҳам дар таркиби истилоҳҳои алоҳида ва ҳам дар майдонҳои истилоҳӣ кӯшиш ба харҷ дода шудааст. Муайян карда шудааст, ки ин раванд аз ҳисоби номгузориҳои умумиилмӣ ва байнифанние, ки одатан ҳамчун унсурҳои тақягоҳии истилоҳҳои алоҳида ва майдонҳои истилоҳӣ хизмат мекунад, баромад мекунад. Таҳлили муносибатҳои бонизоми маъноӣ дар асбобҳои истилоҳии метазабони соҳаи шир нишон дод, ки он тавассути на танҳо унсурҳои истилоҳии алоҳида, балки макро- ва микрономҳои бутуни майдонҳои истилоҳӣ, ки ҷузъи тақягоҳии онҳо аз феноменҳои соҳаи таҳқиқшавандаи илму истеҳсолот иборат аст, ифода

меёбанд. Дар раванди банизомдарории воҳидҳои истилоҳии метазабони соҳаи шир ду иттиҳодияи асосии унсурҳои истилоҳӣ ҷудо карда мешаванд: истилоҳҳои ҷалбшуда ва ҳуди истилоҳҳо. Новобаста аз амалкарди фаъолонаи мафҳумҳои ҷалбшуда, ки бо номгузории умумиилмӣ ва байнифаннӣ муаррифӣ гардидаанд, истилоҳоти соҳаи шир ғолибан бо мафҳумҳои ҳудӣ ва хусусияти маҳдуддошта муаррифӣ карда шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: истилоҳшиносӣ, майдонҳои истилоҳӣ, метазабон, майдонҳои калимасоз, банизомдарории истилоҳшиносӣ, раванди номгузории феноменҳо.

УДК 81'366:[811.222.8+811.111]

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ ТЕКСТА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Зикриёева Майсара Хасановна

Старший преподаватель кафедры английского языка (межфак)
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 18; (+992) 88 770 13 13 (м.)
maysara.khasanovna@bk.ru

Актуальность изучения текста и особенно его структуры обусловлена тем, что не только синтаксические, но и семантические связи могут выходить за пределы одного предложения.

Особое место в исследовании занимает вопрос о способах связи текста и средствах выражения связности, наиболее типичных для текстов таджикского и английского языков. Действительно, грамматическая связь, с помощью которой формируется текст, имеет отличительные особенности в его построении.

В этом отношении между английским и таджикским языками существуют определенные различия, которые необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Отмечается, что морфологические средства принимают непосредственное участие в организации и реализации категории связности, которая является важнейшей характеристикой текста.

Сложные предложения образуются с помощью ряда лексических, грамматических и интонационных средств: союзы, союзные слова, общие слова (детерминанты, видовременные формы предложений, входящих в состав сложной конструкции, эллипсис, повторы и др.). Изучение их основных характеристик и функциональных значений показало, что как в таджикском, так и в английском языке они играют важнейшую роль в организации смыслового содержания текста.

Ключевые слова: текст; сложноподчиненные предложения; сложносочиненные предложения; таджикский язык; английский язык; части речи; морфологические средства.

В качестве морфологических средств связи текста в таджикском и английском языках выступают союзы и союзные слова, частицы, местоимения, наречия, словоформы, а также единство видовременных средств языка.

В таджикском языке союзы и союзные слова используются для установления связи между частями речи. К ним относятся *ҳам – таҷже*, *низ – а таҷже*, *вақте ки – коғда*, *ҳамин ки – как только*, *ҳар гоҳ ки – всегда*, *ҳар вақт ки – когда*, *ҳар замон ки – когда-нибудь*, *даме ки – в то время*, *зеро – потому*, *чунки – потому что*, *аз сабаби он ки – в связи с тем, что*, *азбаски – так как*, *зеро ки – потому что*, *ҳарчанд*, *гарчанде – хотя*, *гарчанде ки*, *бо вучуди он ки – несмотря*, *бар хилофи он ки – напротив*, *сарфи назар аз он ки*, *катыи назар аз он ки*, *гӯё ки – как буд-то*, *монанди он ки*, *мисли он ки*, *чунон ки*, *чи хеле ки – наподобие того и др.*

Союзы не только служат для объединения частей текстовых элементов, но и в определенной степени помогают прояснить смысловые отношения, содержащиеся между частями текста. Союзы, особенно подчинительные, обычно стоят перед независимыми предложениями.

В таджикском и английском языках существуют конъюнктивные и подчинительные союзы. В таджикском языке к ним относятся: *ва -у (-ю)*, в английском *and* – *ва*. Семантические отношения между компонентами сложносочиненных предложений в структуре предложений имеют большое употребление. Например: Эй амакҷон! Ту мехоҳӣ донӣ, ки ман кистам? Ман на косибаму на тоҷир, на дузду роҳзан. Ман як нафар инсони захматкаш. Сахар кӯҳ рафтаму ҳезум овардаму фуруҳтаму ба пулаш гӯшту биринчу сабзиву пиёз харид кардам (Таджикские народные сказки, 54).

Oh, sir! You want to know who I am? Well, I am neither a craftsman nor a salesman. I am not a thief and not a robber either. I am just a man. I am an industrious man. I was gathering brushwood in the mountains all day long. Then I sold it and bought meat, rice, carrots, and onions (Таджикские народные сказки, 88) oktj.ru

– О дядюшка! Ты хочешь узнать, кто я такой? Так знай же: я не ремесленник и не торговец, не разбойник и не вор. Просто человек. Трудолюбивый человек. Я весь день собирал в горах хворост. Потом продал его и на эти деньги купил мяса, риса, моркови и лука (Таджикские народные сказки, 55) oktj.ru

В данных примерах связь элементов текста в таджикском языке передается при помощи союза – *у*–.

Исследование функций и значения союза *and* на уровне текста показывает, что этот союз многозначен и часто употребим. Например, союз *and* в произведении Э.Войнич имеет более 3000 вхождений, в частности, в одном предложении союз употребляется 3 раза: The seminary occupied the buildings of an old Dominican monastery, *and* two hundred years ago the square courtyard had been stiff *and* trim, *and* the rosemary and lavender had grown in close-cut bushes between the straight box edgings (Voynich, 2001:76).

Семинария бинои хеле кадимии савмиаи доминиканиро ишгол карда буд *ва* у сад сол пеш аз ин хам сахни мураббаи он озодаву ботартиб нигоҳ дошта мешуд (Войнич, 1982:83) – Семинария занимала здания старого доминиканского монастыря, и двести лет назад квадратный двор был строгим и аккуратным, а розмарин и лаванда росли плотными кустами между прямыми бордюрами из ящиков (Войнич, 1970:91).

В таджикском языке наиболее распространенными соединительными союзами, соответствующими союзу *and*, являются союзы *ва* и *инчунин*. Союз – *ва*– несёт большую смысловую нагрузку и является наиболее употребляемым в таджикском языке, союз *инчунин* менее частотен, встречается в переводной, а не оригинальной литературе. Между компонентами сложносочиненных предложений с союзами *ва*, *-у*, и можно выделить следующие типы отношений: пояснительные, противительные, временной последовательности; одновременности и причинно-следственные [3, с.19].

В английском языке сложносочинённые предложения с *and* в сопоставительно-противительном значении переводятся на таджикский язык сложносочинёнными предложениями с противительными союзами *-у*, *-ю*. Например: *Cezare, you and I have been friends for all these years, and I have never told you what really happened to Arthur* [Voynich, 2001:138].

Сезар, мову ту тамоми ин солхо дуст будему ман ягон маротиба бо ту дар бораи ба Артур чӣ ходиса шуданаширо нагуфта будам (Войнич, 1982:129).

Сезаре, мы с тобой были друзьями все эти годы, и я никогда не рассказывал тебе, что на самом деле случилось с Артуром (Войнич, 1982:134).

В последнем примере сопоставительно-противительное значение английского предложения передается при помощи таджикского противительного союза *-у*.

Изучение особенностей и функционального значения союзов показало, что структурно английские и таджикские предложения похожи, являются по структуре замкнутыми и в процессе перевода требуется внести различные лексические и грамматические изменения.

По мнению Ф.Зикриёева, преобразования явления такого рода объясняются различиями в структуре языков. Как правило, основную роль играют грамматические факты. Связь между словами выражается при помощи интонации, вспомогательных слов, порядка слов и интонации, и их роль различна в английском и таджикском языках [3, с.17]. Союзы являются одним из основных средств связи и показателем соотношения отдельных предложений в рамках текста. Фактически, союзы играют важную роль в структурно-семантической организации текста. Английские сложноподчинённые предложения с конъюнктивными и причинно-следственными, прилагательными, пояснительными и условными значениями переводятся на таджикский язык с помощью конъюнктивных предложений с соединительными союзами *ва -у (-ю)*, бессоюзных сложных предложений, сложноподчинённых предложений с придаточными, в которых придаточные предложения присоединяются к главному предложению с помощью *азбаски*, а также двумя отдельными простыми предложениями. Например: *But the Gadfly was difficult to consist, and the discussion went on and on without coming nearer to any settlement* (Voynich, 256). Аммо Гедфлайро бовар кунонидан душвор буд ва бахс ба хал нарасида давом мекард (Войнич, 1982:253). Но "Овод" был трудноуловим, и дискуссия продолжалась, не приближаясь к какому-либо решению (Войнич, 1970:256).

В данных примерах для соединения сложных предложений текста в таджикском и английском языках употребляется союз *ва – and*.

Подчинительные союзы являются одним из основных средств связи частей текста. Подчинительные союзы являются семантически маркированными, т.е. обладают в определенной степени четко лексическим значением, которое одновременно является и показателем смысловых отношений, выражающихся между частями текста. И такое обоюдное функциональное назначение подчинительных союзов в сфере текстовых конструкций позволяет им не только формально объединить самостоятельные предложения, контексты, абзацы и т.п. в одно синтак-

сическое целое, но и выразить семантические отношения, имеющиеся в структуре текста между его частями. Это всё свидетельствует о том, что подчинительные союзы способны отпрессовать компоненты текста более тесно и по содержанию.

Союзы *хамин ки, ҳар гоҳ ки, ҳар вақте ки, ҳар замон ки, даме ки* и т.п. служат для показа временных отношений между предикативными единицами, составляющими текст. Например: Гург аз гуруснагӣ медавид ва дар роҳ рамаи гӯсфандонро дид. *Хамин, ки* вай гусфандеро хост дахан занад, Нахутак аз байни дандонҳои гург дод зад:

– Эй амаки чӯпон! Гург гусфанди туро хӯрдан мехоҳад! Чупон ин садоро шунида, гургро ронд.

Гург боз рафтани гирифт. Дар ҷое дид, ки рамаи бузҳо мечаранд. *Хамин, ки* гург бузичаеро хурдан мехост Нахутак боз дод гуфт» (Таджикские народные сказки, 56) oktj.ru

The wolf ran farther and saw a large flock of sheep. He was *about* to seize a sheep when Nahudak cried out of the wolf's mouth, "Hey, Uncle Shepherd! The wolf wants to take away your sheep!"

The shepherd heard these words and drove away the wolf.

The wolf ran farther. Goats were grazing on the glade. The wolf was *about* to seize a little goat when Nahudak cried out again, "Hey, goats! Beware! The wolf wants to take away the little goat!"» (Таджикские народные сказки, 75) oktj.ru

Бежит голодный волк и вдруг увидел отару овец. *Только* хотел схватить овцу, а Нахудак как закричит из волчьей пасти:

– Эй, дядюшка чабан! Волк хочет твою овцу загрызть! Услыхал эти слова чабан и прогнал волка.

Побежал волк дальше. А на поляне козы пасутся. *Только* хотел волк схватить козлёнка, как Нахудак снова закричал (Таджикские народные сказки, 123) oktj.ru

В данных примерах в таджикском и английском языках употребляются союзы *хамин, ки – about – только*, выражающие временные отношения между единицами текста.

Союзы *зеро, чунки, аз сабаби он ки, азбаски, зеро ки* (потому что, так как, поэтому и т.п.) не только служат для соединения отдельных предложений внутри текста, но и выражают причинные отношения, присутствующие внутри всех видов единиц текста. Например: Дуяшон аз Шимони ба Титнуар, аз он ҷо ба Мартинье рафта барои истироҳат қарор гирифтанд, *зеро ки* руз бисъёр гарм шуда буд. Баъд аз нахори нисфирузӣ дар айвони мусофирхона ба соя нишастанд (Войнич, 1982, 26).

From Chamonix they went on by the Tete-Noire to Martigny, where they stopped to rest, *as* the weather was stiflingly hot. After dinner they sat on the terrace of the hotel, which was sheltered from the sun and commanded a good view of the mountains" (Voynich, 2001:14). – Из Шамони Монтанелли и Артур поднялись на Тэт-Иуар и в Мартиньи остановились на отдых, так как дни стояли душливо жаркие (Войнич, 1970:22).

В данных примерах для связи отдельных предложений в тексте употребляются союзы *зеро, ки – as (так как)*, одновременно они употребляются

для выражения причинно-следственных связей, которые встречаются во всех типах текстовых единиц

Союзы *то, то ки, то ин ки, барои он ки, бо мақсади он ки* и т.п. являются показателями целевых отношений внутри различных текстов.

Дар яке аз рӯзҳои моҳи январь Артур *барои он ки* китоби гирифтаашро баргардонад, ба семинария омад. Ӯ дид, ки мудир китобхонаи семинария рафтааст, бинобар ин ба кабинетаи Монтанелли даромада китобро ба толор гузошт ва мехост берун биравад, ки якбора дар болои миз китобе ба назараш ғалтид (Войнич, 1982:6) – One day in January he called at the seminary to return a book which he had borrowed. Hearing that the Father Director was out, he went up to Montanelli's private study, placed the volume on its shelf, and was about to leave the room when the title of a book lying on the table caught his eyes” (Voynich, 2001:17) – В один из январских дней Артур зашел в семинарию чтобы вернуть взятую им книгу. Узнав, что отец ректор вышел, он поднялся в кабинет Монтанелли, поставил том на полку и хотел уже идти, как вдруг внимание его привлекла книга, лежавшая на столе (Войнич, 1970:27).

В данных примерах в таджикском, русском и английском языках употребляются союзы *барои он ки* – для того, чтобы, выражающие целевые взаимосвязи между единицами текста. В английском языке при переводе союз *that* не используется, но из содержания текста становится очевидно, что здесь говорится о цели высказывания.

Анафорическое повторение союзов цели придает тексту экспрессивность, выразительность и действенность. Например: When Montanelli awoke the next morning Arthur had disappeared. He had started before day break for the higher pastures “to help Gaspard drive up the goats” (Voynich, 2001:26) – Сахарӣ Монтанелли аз хоб бедор шуд, ки Артур дар хоғаш нест. Ӯ пеш аз тулеи офтоб ба кеҳ рафта буд. То ки ба Каспар барои ба чарогоҳ рондани бузҳо ёрӣ диҳад (Войнич, 1982:14) – Утром, когда Монтанелли проснулся, Артура уже не было. Он отправился до рассвета в горы, для того чтобы помочь Гаспару выгнать коз на пастбище (Войнич, 1970:17).

Союзы *ҳарчанд, гарчанде, гарчанде ки, бо вухуди он ки, бошад, бар хилофи он ки, сарфи назар аз он ки, қатъи назар аз он ки* употребляются для связи отдельных предложений в составе текста, а также для уточнения противительных отношений между ними:

Роҳибон (монахҳо) – и сафедпӯш, ки як вақтҳо ин растаниҳову шукуфаҳоро парвариш мекарданд, кайҳо ба хок рафта аз хотирҳо фаромӯш шуда буданд, лекин шукуфаҳои хушбӯй дар ин чо шомгоҳи серуни баҳоронро ханӯз атрафшон менамуданд, *гарчанде, ки* дигар ҳеч кас онҳоро барои доруворӣ намечид (Войнич, 1982:10). – Now the white-robed monks who had tended them were laid away and forgotten; but the scented herbs flowered still in the gracious mid-summer evening, *though* no man gathered their blossoms for simples any more (Voynich, 2001:2). – Монахи в белой одежде, которые когда-то ухаживали за этими растениями, были давно похоронены и забыты, но душистые травы все еще благоуха-

ли здесь в мягкие летние вечера, хотя уже никто не собирал их для лекарственных целей (Войнич, 1970:8).

В данных примерах в таджикском и английском языках употребляется союзы *гарчанде, ки – though* – хотя для того, чтобы передать целенаправленные отношения между единицами текста. В поэзии великого поэта Омара Хайяма данное явление выражается следующим союзом. Например:

*Ҳарчанд, ки мӯйю рӯйи зебост маро,
Чун лола руху чу сарв боло маро.
Маълум нашуд, ки дар тарабхонаи хок,
Наққоши азал баҳри чӣ орост маро (Хайям, 106).
Although I have fine hair, a beautiful face,
Cheeks like a tulip, and the stature of a cypress,
No one knows why, on this earth as in a pleasure house,
The eternal Painter has drowned me well.
Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя щёки – огненный тюльпан.
Но для чего художник своенравный,
Ввёл тень мою в свой пёстрый балаган.*

В данном стихотворении Омара Хайяма используется союз *ҳарчанд, ки – although* – *хотя*, выражающий смысловые отношения цели действия.

Союзы *гӯё, ки, монанди он ки, мисли он кӣ, чунон ки, чӣ хеле ки, чӣ тавре ки* и т.п., выступая в связующей функции, передают семантику сравнения, подобия, сопоставления, источника протекания действия, состояния и т.п.

Изучение основных характеристик и функциональных значений союзов показало, что как в английском, так и таджикском тексте союзы являются словами, которые играют основную роль в организации смыслового содержания текста. Сказанное относится и к частицам.

В таджикском языке частицы занимают очень важное место. Они широко применяются как в таджикском, так и английском языке, играя роль в образовании сложных придаточных предложений с причинно-следственным значением. Частицы служат средством связи при образовании сложных предложений, включающих различные модальные оттенки, такие как удивление, вопрос и т.д. К ним относятся: *охир – ведь, магар – разве, чи – что, -ку, -дия, чаро – почему, ана – вот, навод – неужели* и т.д.

Известный таджикский лингвист Ш.Рустамов отмечал, что частица “*охир*” служит средством связи в сложносочинённых предложениях с причинно-следственной связью [10, с.325]. Например: *Охир ман хостам, ки Артур чуръат карда дохили рухи муқаддаси Ҷемма шавам, рӯхе, ки ғайр аз мехри худо ва Италия мехри дигареро наменпарварад!* (Войнич, 1982:49). – After all, I wanted Arthur to dare to enter into the holy spirit of Gemma, a spirit that produces no love other than the love of God and Italy! – В конце концов, я хотела, чтобы Артур

осмелился войти в святой дух Джеммы, дух, который не производит никакой другой любви, кроме любви к Богу и Италии! (Войнич, 1970:49).

В таджикском языке частица *магар* употребляется в придаточных предложениях и служит средством усиления связи компонентов сложносочиненного предложения: *Магар*, шумо намебинед ман ба ёрии шумо муҳтоҷ ҳастам (Войнич, 1982:80). – Don't you see that I need your help (Войнич, 2001:80). – Разве ты не видишь, что мне нужна твоя помощь (Войнич, 1970:80). – *Магар*, ба шумо чунин наменамояд, ки ин як ҳодисаи бисёр хандаовар аст? (Войнич, 1982:76). – Don't you think this is a very funny incident? – Вам не кажется, что это очень забавный случай?

Частица **О** выражает как эмоции, так и недовольство говорящего, выступая одновременно в роли междометия и частицы. С точки зрения морфологических отношений, наибольшее количество частиц характеризуется различными значениями – аффективным и модальным – и в то же время служат вспомогательным средством связи в образовании этой сложной грамматической единицы, передавая дополнительные тонкие значения предположительности, просьбы, удивления и т.д.

В английском языке это такие частицы, как *even – ҳатто*, *yet – ҳоло*, *still – ҳоло ҳам*, *just – ҳозир*, *simply – ҳамин тавр*, *never – ҳеҷ гоҳ*, *only – фақат*, *just, but – аммо*, *alone – танҳо* и др. Например: I *only* wanted to make you speak – Ман танҳо мехостам, бо ту суҳан кунам. – Я только хотел заставить тебя говорить.

Таким образом, как в таджикском, так и в английском языке широко используются частицы, придающие речи особый смысловой характер и служащие для полноты смысла, эмоциональности в речи, включая различные модальные оттенки, например удивление, волнение т.д.

Ф.К.Зикриёев, рассматривая общетеоретические вопросы ССП и средства их связи, отмечает, что морфологические средства позволяют рассматривать текст не как набор изолированных категорий, а как образующуюся путем взаимного контакта единицу более высокого уровня. В связи с этим он предлагает понимать грамматические средства как категорию, содержание которой относится к последующему контексту. Но не следует понимать под грамматическими средствами смысловую основу несвязных высказываний, которая будет реализована где-то в будущем, вне актуального контекста [3, с.56]. Так, предложение «Бале, бале, ҳамин масофаро парида омадаам, воқеан, ман дар кадом арзу тўл бошам? (Каррол, 1985:6) также относится к чему-то, что произойдет в будущем. Но это утверждение требует обязательного заполнения "семантических пустот".

Рассмотрение местоимений как слов, существующих только для замены других слов, основывается на восприятии местоимений как слов, которые представляют собой «..серию «пустых» знаков, свободных от референтной корреляции с «реальностью», всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя их в акт речи. Лишенные материальной референции, они не могут быть использованы неправильно; ничего не утверждая, они не подвержены ни критерию истинности, ни критерию ложности.

Роль этих знаков заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать трансформацией языка в речь" [1, с.228].

А.Ф.Каримов рассматривает местоимение "it", его морфологические и синтаксические значения и показывает способы выражения многофункционального личного местоимения "it" английского языка в таджикском языке. По его словам, английское личное местоимение "it" переводится не только как личное местоимение, но и как безличное предложение, вводное слово, а также предложение [6, с.120].

Ш.Рустамов подчёркивает, что иногда необходимость совершения действия, которое поясняется придаточным предложением, подчеркивается модальным глаголом *боистан* (долженствовать) и наречными словами *лозим*, *даркор* и др. [8, с.89]

Например: *Монтанелли сар боло карда ба атроф назар андохт ва бо мехрубонӣ гуфт: -Хуб, ман туро пеши бародарат бирав намегуям, вале ту бояд ба ман кавл-диҳӣ, ки вақти таътили тобистон хуб истирохат мекуни* (Войнич, 1982:14) – Presently Montanelli raised his head and looked round. "I won't press you to go back there; at all events, just now," he said in his most caressing tone; "but you *must* promise me to take a thorough rest when your vacation begins this summer. I think you had better get a holiday right away from the neighborhood of Leghorn. I can't have you breaking down in health (Voynich, 2001:4) – Монтанелли поднял голову и огляделся по сторонам. – Хорошо, я не буду настаивать, чтобы ты вернулся туда, во всяком случае теперь, - ласково проговорил он. – Но обещай мне, что ты отдохнешь по-настоящему за летние каникулы. Пожалуй, тебе лучше провести их где-нибудь подальше от Ливорно. Я не могу допустить, чтобы ты совсем расхворался (Войнич, 1970:21).

В английском языке неопределенные местоимения и наречия имеют семантическую необходимость. Слова-заменители существительных *this, these, that, those, what, which, thus, so* широко используются в качестве текстовых средств, то есть повторов, и имеют большое значение для текста. Все эти местоимения многофункциональны и иногда внешне совпадают с другими частями речи: *that* может выступать в текстах в качестве слова – заместителя, союза (что) и союзного слова (который), *one* – в качестве слова – заместителя, числительного и неопределенно-личного местоимения с обобщенным значением, *this (these)* – в качестве указательного местоимения и слова-заместителя, *which* может выполнять функции кадом – который. Например: “*Марҳамат карда гӯед, ки ман аз ин ҷо ба кадом тараф равам?* (Карролл, 1985:36) – Would you tell me, please, *which* way I ought to walk from here? (Carroll, 1979:36).

В данном тексте местоимение *кадом* – *which* – *который* является относительным местоимением и употребляется для выражения определения объекта.

Существуют формальные признаки, позволяющие выделить все случаи употребления замещающих местоимений в тексте.

Использование местоименных элементов для повторного называния предмета речи включает артикли, местоимения различных типов и другие полнозначные

части речи, такие как существительные и глаголы, которые выполняют в данном случае местоименную функцию.

Таким образом, рассмотрев точки зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей убеждаемся, что морфология незаслуженно вытеснена на периферию внимания специалистов в области лингвистики текста. И именно морфологические категории позволяют реализовать такую категорию текста, как связность.

Литература

1. Бенвист Е. Общее языкознание. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Зикриёев Ф.К. Сложноподчиненные предложения с придаточным образа действия и сравнительными придаточными в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.661 / Зикриёев Фарход Кабилович. – Душанбе: ТГУ, 1970. – 22 с
3. Зикриёев Ф.К. Сложносочинённые предложения в разносистемных языках. – Душанбе, 2013. – 96 с.
4. Камянова Т. English grammar. Грамматика английского языка: теория и практика. – М: «Дом Славянской Книги», 2015. – 448 с.
5. Каримов А.Ф. Лексико-грамматический анализ древних таджикских текстов. – Душанбе, 1986. – 99 с. (на тадж.яз.)
6. Каримов А.Ф. Личное местоимение «it» английского языка в современной разговорной английской речи // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2017. – №4/7. – С.120-123.
7. Каушанская В.Л. Грамматика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов / В.Л.Каушанская, Р.Л.Ковнер, О.Н.Кожевникова, Е.В.Прокофьева и др. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 384 с.
8. Рустамов Ш. Классификация частей речи и имя существительное в их системе. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 90с. (на тадж.яз.)
9. Рустамов Ш. Грамматика современного таджикского литературного языка. Ч.3. Сложные предложения. – Душанбе: Нашриёти «Дониш», 1989. – 224 с. (на тадж.яз.)
10. Рустамов Ш. Трудности синтаксиса. – Душанбе: Маориф, 1988. – 344 с. (на тадж.яз.)
11. Шведова Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю.Шведова, А.С.Белюсова. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – 120 с.

Источники иллюстративного материала:

1. Войнич Э.Л. Фурмагас. – Душанбе: Маориф, 1982. – 320 с.
2. Войнич Э.Л. Овод. – М.: Детская литература, 1970. – 303 с.
3. Каррол Люис. Алиса дар олами аҷоибот. Алиса дар олами оиназамин. – Душанбе: Маориф, 1985. – 147 с.
4. Умар Хайям. Рубайят. – Душанбе: Образование и культура, 2010. – 242 с.
5. Таджикские народные сказки // oktj.ru. – 120 с.
6. Хемингвей Э. Пирамард ва бахр. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 167 с.
7. Carroll Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. – 1979. – 176с.
8. Hemingway, Ernest. The Old Man and The Sea. – Dushanbe: Bukhoro, 2014. – 167 p.
9. Voynich, E. L. The Gadget. – L., 2001. – 340p.

**MORPHOLOGICAL MEANS OF TEXT COMMUNICATION
IN TAJIK AND ENGLISH**

Zikriyoeva Maysara Khasanovna

Senior lecturer of the chair of English language (interfaculty)
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 18; (+992) 88 770 13 13 (m.)
maysara.khasanovna@bk.ru

The actuality of studying the text and especially its structure is due to the fact that not only syntactic, but also semantic connections can go beyond the limits of one sentence.

A special place in the study is given to the question of the ways of connecting the text and the means of expressing the connection of the most typical texts of the Tajik and English languages. Indeed, the grammatical connection with which the text is formed has distinctive features in its construction.

In this regard, there are certain differences between English and Tajik that must be taken into account when translating from one language to another. It is noted that morphological means are directly involved in the organization and implementation of the category of connectivity, which is the most important characteristic of the text.

Complex sentences are formed with the help of a number of lexical, grammatical and intonation means: conjunctions, allied words, common words (determinants, aspect-temporal forms of sentences that are part of a complex structure, ellipsis, repetitions, etc.). The study of their main characteristics and functional meanings showed that both in Tajik and in English they play an important role in organizing the semantic content of the text.

Keywords: text; sentences; complex sentences; compound sentences; Tajik; English language; parts of speech; morphological means.

**ВОСИТАҶОИ САРФИИ АЛОҶАМАНДИИ МАТН
ДАР ЗАБОНҶОИ ТОҶИКӢ ВА РУСӢ**

Зикриёева Майсара Ҳасановна

Муаллими калони кафедраи забони англисӣ (байнифакултавӣ)
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 18; (+992) 88 770 13 13 (м.)
maysara.khasanovna@bk.ru

Мақолаи мазкур ба таҳқиқи хусусиятҳои сарфии робитаи матн дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ дар асоси маводи асарҳои бадеӣ ва тарҷумаҳои онҳо ба забонҳои муқоисашаванда бахшида шудааст.

Мубрами омузиши матн ва хусусан сохтори он бо он ҷиҳат тақозо мегардад, ки на танҳо робитаҳои наҳвӣ, балки маъноӣ низ берун аз ҳудуди як ҷумла мебароянд.

Дар таҳқиқ ҷойи махсусро масъалаи тарзҳои алоқаи матн ва воситаҳои ифодаи алоқамандӣ, ки бештар барои матнҳои типии тоҷикӣ ва англисӣ хос аст, ишғол мекунанд. Дарвоқеъ, алоқамандии грамматикӣ, ки тавассути он матн ташаккул меёбад, дар сохтори он дорои аломатҳои махсус мебошад.

Аз ин ҷиҳат дар байни забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ тафовутҳои муайяне ба назар мерасанд, ки онҳоро ҳангоми тарҷума кардани матн аз як забон ба забони дигар ба назар гирифтани лозим аст. Зикр мегардад, ки воситаҳои сарфӣ дар ташаккулдиҳӣ ва татбиқи категорияи алоқамандӣ, ки тавсифи муҳимтарини матн аст, бевосита иштирок мекунанд.

Ҷумлаҳои мураккаб ба воситаи як қатор воситаҳои луғавӣ, грамматикӣ ва интонасионӣ: пайвандакҳо, калимаҳои пайвандкунанда, калимаҳои умумӣ (детерминантҳо, шаклҳои намудӣ-замонии ҷумлаҳо, ки ба сохтори таркибҳои мураккаб дохил мешаванд, эллипсис, тақрор ва ғ.) ташаккул меёбанд. Омӯзиши тавсифҳои умумии ва қиматҳои функционалии онҳо нишон дод, ки ҳам дар забони тоҷикӣ, ҳам дар англисӣ онҳо дар ташаккулёбии мазмунии маъноии матн нақши ҳалкунанда мебозанд.

Вожаҳои калидӣ: матн; ҷумлаҳо; ҷумлаҳои мураккаби тобӣ; ҷумлаҳои мураккаби пайваст; забони тоҷикӣ; забони англисӣ; ҳиссаҳои нутқ; воситаҳои сарфӣ.

УДК 81'33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА О.О.СУЛЕЙМЕНОВА

Умбетова Надежда Жамельевна

Преподаватель кафедры русской и мировой литературы.
Термезский государственный университет
190113, Республика Узбекистан, Термез, ул. Нодирабегим, 2
nadejda.umbetova@gmail.com

Статья посвящена вопросу внедрения различных методик системного анализа, вычислений и текстовых обработок в прикладной лингвистике. Отмечается, что определенные математические методы необходимы для выявления частотности употребления лексических и грамматических единиц языка художественного текста. Лингвостатистика, являясь частью прикладной лингвистики, опирается непосредственно на математические подсчеты, что открывает широкие возможности для более глубоких лингвистических и литературоведческих исследований.

В данной работе определяются специфические особенности идиостиля известного современного казахского поэта Олжаса Сулейманова на основе выборки глагольной лексики, наиболее часто встречающейся в его поэме «Земля, поклонись человеку», и её семантико-стилистического анализа.

Показано, что частотная характеристика глагольной лексики в изучаемом тексте позволяет вникнуть в особенности авторского стиля, в художественный статус категории действия в поэтическом мировосприятии поэта, в его концептуальную систему.

Ключевые слова: язык; лингвистика; статистика; статистический метод; статистический анализ; математический метод; частота.

Лингвостатистика в языкознании является частью прикладной лингвистики, где исследования, непосредственно опираются на математические подсчёты, а именно: диалектологические, фонетические, этимологические, морфологические и т.д. Термину «лингвостатистика» даётся следующее определение: «область применения статистических методов в языкознании» [4]. Г.Я.Мартыненко даёт следующее определение: «Статистический метод (или просто статистика) – это комплекс приёмов и принципов, согласно которым производятся сбор, систематизация, обработка, интерпретация статистических данных с целью получения научных и практических выводов» [5, с.19]. Из этого следует, что определённые математические методы просто необходимы для установления частоты употребления лексических, грамматических единиц языкознания. Лингвостатистику изучают в двух направлениях: как сферу применения статистики в языкознании и как научную дисциплину, которая исследует лингвостатистические особенности и частотность их использования. Использование в гуманитарных науках матема-

тических методов открывает новые возможности для осуществления более глубоких научных исследований.

Следует отметить учёных XIX и XX вв., которые использовали вычислительные методы в лингвистических исследованиях, таких как В.Я.Буняковский, А.А.Марков, Дж.Юла, Э.Форстеманн. Они рассматривали языковые элементы «как подходящий иллюстративный материал для построения квантитативных методов, или для статистических теорем, совершенно не задаваясь вопросом, представляют ли интерес результаты такого исследования для лингвистов...» [3, с.115]. Однако А.Росс [11] говорил о математической статистике и теории вероятности как инструменте для наблюдения и проверки лингвистических исследований, допускающих числовые вычисления.

На лингвостатистику обратили внимание Е.Д.Поливанов, Ю.И.Левин, Е.М.Какзанова, Б.Н.Головин, В.А.Лапшин, М.А.Красноперова, Л.В.Бондарко, А.Н.Баранов, М.Джусупов, Л.А.Сидоркова и многие другие.

В своих работах ученые рассматривали лингвистическую статистику как надёжную опору для исследований частоты лексических единиц. Б.Н.Головин писал: «... Если статистическая методика в руках лингвиста (и шире филолога) всего лишь любопытная игрушка, создающая иллюзию точности и строгости наблюдений и оценок некоторых явлений языка, не стоит, очевидно, и копыя ломать, защищая их применение. Если же эта методика необходима, если её необходимость диктуется свойствами языка, его природой, если без статистики не может быть достигнуто достаточно полное и разностороннее знание языка, - борьба за внедрение этой методики в работу лингвиста и литературоведа становится принципиальной задачей науки, никак не зависящей от настроений и симпатий отдельных учёных. Вот почему крайне важно вдуматься в реальные, природой языка создаваемые основания вероятностно-статистического исследования языка и речи...» [1, с.10-11].

Необходимо учесть и факт качественного статистического анализа, а он будет осуществлён в том случае, если лингвист будет точно различать все единицы языка и речи (морфемы, слоги, части речи, фонемы, синтаксические конструкции и т.д.). И только тогда статистический анализ даст качественный результат в закономерностях развития и функционирования языковых единиц в тексте, тем самым открывая новые возможности для дальнейшего исследования.

Математические методы в лингвистических исследованиях обеспечивают надёжный подход к наблюдению над языковыми объектами и их связям между собой. Р.Г.Пиотровский подчёркивал, что «первым фактором, стимулирующим использование математических методов, оказались потребности самого языкознания...» [7, с.5]. При изучении лингвистических феноменов могут привлекаться самые различные области математики: прикладная математика, алгебра, геометрия, теория вероятности и математическая статистика, математическая логика и т.д.

Благодаря данному подходу, появились совершенно новые фундаментальные направления в лингвистике, занимающиеся изучением языка и широко использующие лингвистическую статистику на практике: компьютерная лингвистика,

комбинаторная лингвистика, корпусная лингвистика, алгебраическая лингвистика, квантитативная лингвистика лексикография, гипертекстовые технологии, лингвистическая экспертиза и другие. Существует большой объём литературы, в которой подробно описываются достижения статистических исследований в лингвистике. Статистика затрагивает практически все разделы языкознания, начиная от фонетики и заканчивая синтаксическими конструкциями и стилистикой, учёными было установлено, что качественная и количественная статистика имеет огромное значение в языкознании в целом. А.Ф.Журавлёв, считает, что при изучении древних памятников статистические методы помогут установить близость родственных языков [2, с.34].

Статистические исследования могут охарактеризовать стиль отдельных писателей и поэтов, а именно в том моменте, когда ведётся изучение активности или пассивности использования автором определённых частей речи, предложений, синтаксических конструкций и т.д. Б.Н.Головин провёл подобное исследование творчества К.Симонова и М.Шолохова и обнаружил, что «у Шолохова имена существительные, имена прилагательные и причастия заметно активнее, чем у Симонова; у Симонова же заметно активнее, чем у Шолохова, местоимения, глаголы, по-видимому, наречия, а также союзы...» [1, с.7-8]. Б.Н.Головин произвёл подсчёт не только частей речи, но и активности отдельных членов предложений, и здесь он обнаружил, что «в речи Симонова активнее слова в роли подлежащих, сказуемых и связки, а в речи Шолохова активнее слова в роли второстепенных членов предложения. Хорошо видно, что у Симонова меньше, чем у Шолохова, зависимых слов.... У Шолохова активнее простые предложения, у Симонова – сложные...» [1, с.8-9].

Таким образом, лингвистическая статистика поможет установить частоту употребления языковых единиц в тексте и провести анализ, опираясь на статистические данные. Именно с этой целью создаются частотные словари как важный инструментальный проводник лингвистических и литературоведческих изысканий.

По мнению таджикских ученых М.А.Умарова и Д.Ф.Джаъфаровой, «необходимость разработки программного комплекса для составления частотных словарей возникает вследствие того, что огромное наследие таджикско-персидской классической литературы до сих пор изучено недостаточно с позиции статистического анализа» [10, с.126]. При этом они ссылаются на слова известного российского ученого-востоковеда М.-Н.О.Османова о том, что использование статистических методов «дают наилучшие результаты в стилистике, которая может избавиться от субъективных оценок при помощи подсчета и строгой систематизации материала» [6, с.3].

Наше исследование поэзии О.О.Сулейменова опирается на частотность употребления глаголов в тексте, то есть на математический подход в области лингвистики, где необходимо произвести подсчёт лексем, отсюда следует, что мы напрямую обращаемся к прикладной лингвистике.

«Структура поэтического текста, - пишет М.А.Умаров, - как особого вида произведения литературы является очень сложной. Выбор способа выражения

мысли (и эмоции) с помощью стихотворения автором осуществляется по той причине, что оно обладает чрезвычайно большой информационной ёмкостью... В стихотворении информативно все: содержание, соотношение слов, смысловые оттенки, образы, ритм, размер, рифмы, художественные приемы и в целом вся его структура. Информация, содержащаяся в поэтическом тексте, не может быть передана вне данной структуры, т.е. это может привести к разрушению его структуры, искажению его содержания и передаче не того объема информации, которая содержится в нем» [9, с.129-130].

Лингвостатистический анализ глагольной лексики в поэзии О.Сулейманова производится в процентах и в абсолютных числах. Общее количество всех слов в тексте определяется за 100%. Статистика каждой ЛСГ будет приравнена, основываясь на это общее число и частотность их употребления в тексте. Определим общее число используемых языковых средств, их стилистическую окраску. Системный анализ поможет нам определить количественные – в каком количестве автор употребил языковую единицу – и качественные сведения – с какой стилистической окраской была употреблена лексема. Количественные и качественные итоги исследования будут полезны при исследовании стилистических и статистических особенностей.

Например, в поэме «Земля, поклонись человеку» употреблено огромное количество глагольной лексики. Общее количество слов составляет 3187 слов, из них использован 541 глагол. С целью усилить эмоциональную выразительность в тексте автор неоднократно использует один и тот же глагол в тексте. При подсчёте глаголов мы их внесли в список, т.к. они придают тексту эмоционально-экспрессивную окраску. Приём повтора или употребление одного слова несколько раз в тексте усиливает смысловую роль, вносит экспрессивную напряжённость и фокусирует внимание читателя на определённых моментах в тексте:

*... Жизнь идёт!
Беспокойная жизнь!
Под ногами тропинки рвутся,
Я люблю тебя,
Гордая жизнь,
Потому что
Ты — революция!
Люди!
Граждане всей вселенной!
Гости галактик!
Хозяева Шара!
Вы не хотите
пропасть бесследно?
Живите,
Живите,
Живите с жаром!
Живите, люди!*

Живите, люди [с.31]¹.

Поэт описывает состояние лирического героя, испытывавшего безграничную жажду жизни, желание не просто жить, а остаться в памяти людей, и он страстно желает, чтобы вся вселенная последовала его примеру. Глагольное слово *живите* несёт в себе конкретный оттенок значения, подчёркивающий высокую интонационную выразительность «призыв к жизни», оно повторяется в данном отрывке 5 раз – 0,16%, что усиливает эмоциональную выразительность текста.

Глагол «любить» упоминается 16 раз, а это составляет 0,50% от всего текста:

*Я люблю тебя, жизнь,
За сладость и верность разлук,
Я люблю тебя, жизнь,
За женственность
Валиных рук,
Я люблю тебя, жизнь... [с.23].*

Слово «любить» – самый употребляемый глагол в поэме «Земля, поклонись человеку», так как значение данного слова содержит в себе огромную энергетику, именно оно движет силой воли лирического героя. Это подтверждается не только его обращением к людям любить жизнь, но и его готовностью ради любви «свернуть горы» и быть первым человеком, облетевшим вокруг Земли, потому что он любит жизнь со всеми её перипетиями:

*Я люблю тебя, жизнь,
За весну
И за страх,
И за ярость.
Я люблю тебя, жизнь,
И за крупное,
И за малость,
За свободу движений,
За скованность
И за риск.
Я люблю тебя, жизнь.
За солёность каспийских брызг... [с.22-23].*

Глагол «лететь» повторяется в тексте 12 раз, что составляет 0,38% от всего текста. Автор через семантику данного слова передаёт не только прямое и переносное значение, но и главную идею поэта – подвиг истинного героя-патриота:

*Так в холмистой степи
Вдруг взмывает гранитный пик,
И орёл, не достигнув,
Опишет почётный круг.
Да.
Любовь.*

¹ Здесь и далее см.8. В примерах указываются цитированные страницы.

Он любим. Он уверен. Спокоен.

За него чьё-то сердце

Болит.

Отбирали сурово:

Любим — достоин ... [с.23-24]

Средь невидимых звёзд

Ты летишь в тишине.

Мало кто не заметил

Твоё отправление.

Гордость — дочкам оставил,

Тревогу — жене.

Мне — поэту земному —

Своё вдохновенье.

Только мужество взял.

Только веру

И долг.

Только карты

Земли и космической трассы... [с.25]

Автор в тексте много рассказывает о жизни, он проводит параллель между землёй, сердцем и полётом, утверждая, таким образом, что сердце человека не может существовать без земли, без Родины, без родных, так как именно это и есть составляющее сердца каждого человека. Он буквально сравнивает землю с организмом человека:

И, как сердце, летит Земля,

Перевитая жилами рек... [с.13]

В тексте до мельчайших подробностей описывается эмоциональное состояние, бушующее в душе героя во время полёта к Земле. Он летит, он смеется, он поет, он уверен:

Я лечу.

Моим телом разрежена мгла.

Кувырком приближается Мир.

Хлопнул взрывом высокий тугой парашют.

Взвилась,

Замерли тонкие стропы.

Тишина,

Я один!

Хохочу! Хорошо!

Я пою!

Не боюсь катастрофы!

Я уверен теперь.

Там, конечно,

Земля!

Та, которая может людей изумлять! ... [с.15]

Тонко описывается психологическое состояние героя, достигшего и почувствовавшего, после долгой разлуки, первое прикосновение земли. И опять он прибегает к глагольной лексике, когда описывает встречу своего героя с родной землей: упал – приглядывается – узнает – качается (от пережитой невесомости) – зажимает лепесток цветка:

*Я упал в траву...
Сбросил шлем...
Горьковатый цветочный сок...
Погоди,
Я чехол парашютный сорву.
Пригляжусь
И узнаю тебя,
цветок.
Ну-ка, дай лепестки...
Эх, родная земля.
... Стоял,
качаясь,
И упал на траву,
А в огромной руке
Был зажат, словно жизнь,
Стебелек Иван-чая.
Ты, Земля,
Для меня припасла
Самый светлый
из дней... [с.33-34]*

Эмоции захватывают лирического героя, он полной грудью вдыхает запах земли, приглядывается ко всему живому и не может оторваться от всего этого. Таким образом, мы представляем и переживаем состояние лирического героя, которое находится на самом пике напряжённости.

Вследствие того, что автор описывал первый полёт человека в космос, произошло частое употребление глагольной лексики, т.е. при помощи семантики слов «любить», «лететь», «жить» подчёркивается значение важного исторического события, а главное – передается идея активного выражения любви и преданности родине лирического героя.

Анализ творчества О.О.Сулейменова позволил показать, как посредством неоднократного употребления одних и тех же лексических средств впечатляюще передать динамику действия, душевное состояние героя, временное и пространственное движение.

Таким образом, лингвостатистика связывает лингвистику с цифровыми технологиями и математическими методами, которые необходимы при проведении подсчётов определённых языковых единиц в поэтическом тексте, что позволяет открыть новые горизонты в области языкознания.

Литература

1. Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 190 с.
2. Журавлев А.Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. – М.: Индрик, 1994. – 254 с.
3. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: МГУ, 1962. – 382 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. = Режим доступа: <http://les.academic.ru/603/>
5. Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. – Л.: ЛГУ, 1988. – 173 с.
6. Османов М.-Н.О. Частотный словарь Унсур. – М.: "Наука", Главная редакция вост. лит-ры, 1970. – 325 с.
7. Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка. – Л.: Наука, 1979. – 112с.
8. Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата, «Жазушы», 1976. – 456 с.
9. Умаров М.А. Об информативности стихотворения // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – №3(46). – С.129-137.
10. Умаров М.А., Джаъфарова Д.Ф. Технология составления частотных словарей // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2010. – №4(30). – С.126-132.
11. Ross A. Philological Probability Problems // Statist. Soc. Ser. B. – 1950. – Vol. XII. – P. 19-59.

USING STATISTICAL METHODS OF RESEARCH IN THE STUDY OF O.O.SULEIMENOV'S WORK

Umbetova Nadezhda Zhamelevna

Lecturer of the chair Russian and world literature

Termez state university

190113, Republic of Uzbekistan, Termez, Nodirabegim, 2

nadejda.umbetova@gmail.com

The article is devoted to the issue of introducing various methods of system analysis, calculations and text processing in applied linguistics. It is noted that certain mathematical methods are necessary to identify the frequency of use of lexical and grammatical units of the language of a literary text. Linguistic statistics, being a part of applied linguistics, relies directly on mathematical calculations, which opens up wide opportunities for deeper linguistic and literary studies.

In this article, the specific features of the idiostyle of the famous modern Kazakh poet Olzhas Suleimanov are defined, based on a selection of the verbal vocabulary most often found in his poem "Earth, bow to man" and its semantic and stylistic analysis.

It is shown that the frequency response of the verbal vocabulary in the studied text allows to deep into the peculiarities of the author's style, into the artistic status of the category of action in the poet's worldview, into his conceptual system.

Keywords: language; linguistics; statistics; statistical method; statistical analysis; mathematical method; frequency.

ИСТИФОДАБАРИИ УСУЛҲОИ ОМОРИИ ТАДҚИҚ ЗИМНИ
ОМУЎЗИШИ ЭҶОДИЁТИ О.О.СУЛЕЙМЕНОВ

Умбетова Надежда Жамелевна

Муаллими кафедраи адабиёти рус ва ҷаҳонӣ
Донишгоҳи давлатии Термез
190113, Ҷумҳурии Ўзбекистон, Термез, к. Нодирабегим, 2
nadejda.umbetova@gmail.com

Мақола ба масъалаи воридкунии методикаҳои гуногун ба низоми таҳлил, ҳисобкунӣ ва коркарди матнӣ дар забоншиносии амалӣ бахшида шудааст. Зикр мегардад, ки усулҳои муайяни математикӣ барои ошкор сохтани басомади истифодабарии воҳидҳои луғавӣ ва грамматикӣ забони матни бадеӣ заруранд. Басомади забонӣ ҳамчун қисми забоншиносии амалӣ бевосита ба ҳисобҳои математикӣ таъя мекунад, ки ин барои анҷом додани тадқиқоти амиқ дар соҳаҳои забоншиносӣ ва адабиётшиносӣ имконоти нав фароҳам меорад.

Дар қори мазкур хусусиятҳои махсуси идиосабки шоири машҳури муосири қазоқ Олжас Сулейманов дар асоси ҷудо карда гирифтани луғати феълие, ки дар достони «Замин, ба инсон сачда намо» ба назр мерасанд ва дар асоси таҳлили маъноӣ-услубии он мавриди таҳлил қарор дода шудаанд.

Нишон дода шудааст, ки тавсифи басомадии луғати феълӣ дар матни омӯхташаванда барои сарфаҳм рафтан ба хусусиятҳои сабки муаллиф, ба мақоми бадеии категорияи амал ҷаҳонфаҳмии шоиронаи муаллиф, ба низоми концептуалии ӯ имконият пешкаш месозад.

Вожаҳои калидӣ: забон; забоншиносӣ; омор; усули оморӣ; таҳлили оморӣ; усули математикӣ; басомад.

УДК 81.161.1'276.2-053.81

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Хасанова Насиба Хандуллоевна

Соискатель кафедры английской филологии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 555 54 00 61 (м.)
nassiba.khassanova@gmail.com

Среди ученых-лингвистов отсутствует общая точка зрения в отношении понятия «сленг», а этимология термина точно не установлена и представляется спорной. Термин «сленг» более характерен для лингвистической традиции западных стран и содержательно близок к русскому слову «жаргон»; специфика сленга обусловлена профессиональной обособленностью или социальной ограниченностью тех или иных групп от остального общества. Приведена классификация, выделяющая основные функции молодежного сленга. Отмечается, что молодежный сленг является одним из факторов пополнения лексического состава литературного языка, а существенную роль в употреблении сленга играют социальная принадлежность и возраст участников. Выявлено, что сленг развивался крайне интенсивно после эпохи перестройки, но продолжает использоваться и пополняться и в последние годы, а источниками пополнения сленговой лексики служат заимствования, метафора и словообразование. На основе анализа показано, что сленг представляет собой нелитературную подсистему общей системы русского языка, включающую в себя также профессиональную лексику, разговорную речь, территориальные диалекты. Своеобразие сленга в большей степени проявляется на уровне лексики и словообразования, в то же время в нем практически отсутствуют морфологические различия с литературным языком, а на уровне синтаксиса присутствует функциональное сходство с разговорной речью.

Ключевые слова: сленг; жаргон; трактовка понятия «сленг»; классификация сленга; лексический состав сленга; источники сленгизмов.

На разговорную речь в любом возрасте влияют новые реалии сегодняшнего дня: Интернет, СМИ, компьютеры, смартфоны и большое количество различных новых технологий, новые веяния в музыке и стиле одежды и т.п. Молодежная речь отличается крайней динамичностью, словарный запас молодежи подвержен изменениям примерно каждые 5-10 лет, и эта подвижность является основной причиной того, что тема молодежного сленга вызывает интерес у современных лингвистов. По мнению исследователей, «новые оригинальные увлечения молодежи обогащают ее лексикон новыми словами и фразеологизмами» [1, с.4].

Важность изучения молодежного сленга и формирующих его основ продиктована тем, что «он отражает особенности функционирования одного из социальных слоев общества – молодежи, ее мировоззрения, непонятного для других возрастов. Существует распространенное мнение, что всегда интереснее исследовать речь, не подчиняющуюся правилам и стандартам, чтобы лучше понимать сам стандартный язык» [19, с.342].

Изучение сленга в российской лингвистике представляет собой довольно молодую область исследования по сравнению с другими пластами языка и развивается с конца 1970-х – начала 1980-х годов, особенно активно – с началом перестройки. Анализируя тенденции развития сленга в новом веке, Р.И.Розина отмечает, что «после эпохи перестройки, когда сленг развивался крайне интенсивно, он продолжает использоваться и пополняться и в последние несколько лет» [17, с.116].

В «Большом энциклопедическом словаре (языкознание)» под редакцией В.Н.Ярцевой приводится следующее толкование термина «сленг»: «Сленг (англ. slang) – 1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам). 2) Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. <...> этимологический анализ <...> обнаруживает типичный для сленга в первом значении характер метафоры, лежащей в основе номинации. <...> Проведение границы между сленгом и просторечием – сложная задача лексикологии и лексикографии, т.к. сленг отличается только тем, что возник в отдельных социальных группах, иногда очень широких (молодежь)» [4, с.461].

Согласно онлайн-версии английского этимологического словаря [22], термин «сленг» известен примерно с середины XVIII-го века и обозначал в то время «особый словарь бродяг и воров», т.е. криминальный жаргон. Слово происходит от норвежского slænget или датского slænget, что означало «группа, банда». Это было выяснено английскими лингвистами в процессе этимологических исследований. Значение термина со временем расширилось и стало названием для специфической речи представителей рабочего класса, а позже – общей дефиницией для жаргонов и вульгаризмов.

И.Р.Гальперин еще в 1956 году отмечал, что спорное отношение к термину «сленг», вызывающему довольно обширный диспут в ученом сообществе, влияет на лексикологию и лексикографию. Подобную неясность теоретических концепций в отношении данного понятия автор отмечает также и в английских и американских словарях. Ученый утверждает, что «этимология термина точно не установлена и представляется спорной» [5, с.107-108].

В работах филологов и языковедов понятие «сленг» получило неоднозначную, местами совершенно противоположную трактовку. Так, часть ученых отрицает существование данного термина (И.Р.Гальперин); другая часть признает существование различий между понятиями «арго» и «жаргон», отмечая самостоятельность термина «сленг» (В.М.Шапошников); существует мне-

ние о тождественности понятий «сленг» и «жаргон» (В.М.Мокиенко, Е.Г.Борисова-Лунашанец, Т.Г.Никитина, А.И.Мазурова, И.А.Стернин и др.); ряд ученых объединяют понятия «сленг», «жаргон» в одну группу – «арго», причем «для термина «арго» характерна традиционность использования в русской лингвистике, для «жаргона» - придание отрицательной оценочной окраски, а «сленгу» – модность употребления» (В.С.Елистратов) [6, с.55].

В то же время Э.М.Береговская в своих работах указывает на то, что некоторые лингвисты в процессе исследования сленга признают сам предмет изучения «недостойным», призывая к борьбе с ним. Личная точка зрения автора заключается в том, что «лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие, в том числе и ненормативные проявления» [3, с.33].

Использование термина «сленг» более характерно для лингвистической традиции западных стран. Мы согласны с мнением, что «содержательно он близок к термину «жаргон». Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профессиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной ограниченностью от остального общества» [2, с. 48].

Часть исследователей отмечает, что источником большого количества жаргонизмов является профессиональная лексика, использующая присущую только ей терминологию (Д.А.Хайдарова, Г.Ф.Саъдиева).

Сленговые слова и выражения в определенной степени общеизвестны (ср. щегол – «молодой», *ништяк* – «хорошо», башлять – «платить», *зелень* – «американские доллары», *накосячить* – «создать проблему, натворить бед», *коляска, тачка* – «машина»). В наше время сленг употребляется в совершенно разных слоях общества среди людей разного возраста – как молодежи, так и среднего поколения. Сленгизмы встречаются и в уголовной речи, и в среде вполне интеллигентных людей, их используют не только бедные и малообразованные слои общества или люди с криминальным прошлым, но и вполне уважаемые и благопристойные люди.

Наиболее плодотворно сленг получил развитие в разговорной речи. В речи очень сложно различать сленговые слова и выражения от близких к ним жаргонизмов, профессионализмов и арготизмов. Причиной дифференциации сленга и профессиональной речи является их номинативная мотивация.

Сленговые единицы создаются, в основном, в сфере общения людей с общими интересами; через использование сленга в своей коммуникации люди выражают приверженность какой-либо идее, спланировавшей их с единомышленниками. Употребление сленгизмов ставит перед собой целью передачу той социальной роли, которую стремится играть человек здесь и сейчас. При этом сленговые средства приспособлены выражать мысль более интенсивно, чем выразительные средства в речи, например, какой-либо профессионально объединенной группы людей, т.е. сленг, на наш взгляд, быстрее и глубже выполняют социально репрезентативную функцию, чем другие системы. Причем, сленгизмы появляются в качестве синонимов литературных слов и выражений, выражая не только остро-

умие и языковую игру, но также и неофициальность и исключительность такого общения.

Молодежный сленг представляет собой динамичный и подверженный быстрым изменениям пласт языка, что обуславливают разные социальные и исторические факторы, например, смена поколений. Молодежный сленг также, как и диалект, является одним из факторов пополнения лексического состава литературного языка. Условия употребления сленга и разговорной речи схожи – в обоих случаях важны неподготовленность и непринужденность речевого акта, а также непосредственное участие говорящих в речевом акте. По мнению лингвистов, существенную роль также играют социальная принадлежность и возраст участников [7; 12].

Своеобразие сленга в большей степени проявляется на уровне лексики и словообразования, в то же время в нем практически отсутствуют морфологические различия с литературным языком, а на уровне синтаксиса присутствует функциональное сходство с разговорной речью. Молодежный сленг – целостная система, имеющая свои лексические и словообразовательные единицы, и выполняющая только присущие ей функции. К свойствам сленга можно отнести динамичность ее лексической системы, которая при этом сохраняет стабильность семантической основы, охватывающей относительно небольшой круг понятий, связанных, в основном, с человеком и его бытом.

Лингвисты отмечают, что «никакое слово не может существовать, не приспособившись своей внешней и внутренней формой к целостной системе языка» [10, с.255]. Это справедливо и в отношении лексики молодежного сленга, которую характеризует приспособление к словообразовательной, фонетической, морфологической и лексической системам русского языка. «Системность сленга проявляется, главным образом, в его способности выполнять специфические функции, свойственные лишь ему, поскольку только система, а не отдельные разрозненные средства, способна выполнять их» [13, с.122].

Э.М.Береговой разработана классификация функций молодежного сленга (позднее была дополнена И.П.Кюльмоя), выделяющая в сленге следующие основные функции [3; 12]:

–корпоративная (репрезентативная) – одна из основных функций, которая объединяет говорящих по возрасту. Молодежь объединяется в группы в стремлении противопоставить себя взрослым. Сленг представляет собой их «коллективную маску», указывающую на то, что молодой человек принадлежит к определенному кругу;

–депрециативная – означающая проявление довольно язвительной, но яркой иронии в отношении родителей, преподавателей и вообще старшего поколения;

–криптологическая – использование сленга в качестве тайного языка.

Также отмечается демонстративно-аттрактивная функция – другая важная функция сленга – его использование для подчеркивания своего «я» и привлечения внимания к своей персоне, демонстрации оригинальности своего

мышления. «Эта функция тесно взаимодействует с репрезентативной, обеспечивая развитие и быструю смену номинаций» [12, с.153].

Язык молодёжи связан с выражением эмоциональной оценки и часто непонятен для старшего поколения. В этой связи некоторые исследователи отмечают, что сленг «... предназначен не только для лингвистов, но и психологов, социологов, а особенно для родителей, не всегда понимающих язык, на котором говорят их дети» [15, с.2]. То есть понимание сленговой лексики молодёжи является залогом успешной коммуникации с его представителями.

Лексический состав сленга подвержен периодическим изменениям. Быстрое распространение некоторых сленгизмов среди носителей языка может чередоваться таким же быстрым их выходом из активного употребления. «Сленговые слова и выражения обладают специфической экспрессивной семантикой, которая делает их привлекательными и для лиц, не принадлежащих к данной социальной группе» [21, с.4].

Среди наиболее широко используемых семантических полей можно назвать следующие: «человек», «внешность», «Интернет», «компьютер», «музыка», «одежда», «досуг», «наркотики», «жилище» и др.

По словам Э.М.Береговской, «поток лексики ... молодежного сленга никогда не иссякает полностью, он только временами мелеет, а в другие периоды становится полноводным, что связано ... с историческим фоном, на котором развивается язык» [3, с.32]. Лингвистами выделены наиболее продуктивные способы пополнения сленгового лексикона: 1) иноязычное заимствование, 2) метафоризация и 3) словообразование.

Словарь молодежного сленга пополняется не только путем заимствования из иностранных языков, но и из других социолектов и пластов языка (профессиональные жаргоны, диалекты, Интернет, компьютерный сленг и т.д.).

По мнению Л.П. Крысина, «заимствование иноязычной лексики занимает особое место среди факторов пополнения словаря русского литературного языка. Процесс заимствования слов из других языков характерен для развития любого естественного языка» [11].

Выделяются два источника заимствования в сленге:

–заимствования из жаргона и аргю. Часть арготизмов при переходе в словарь молодежного сленга имеют свойство терять изначальный смысл и десемантизироваться в соответствии с особенностями жизни молодого поколения. Так, арготизм *гонник* утратил свое первоначальное значение «грабитель, оборванец» и закрепился в современном молодежном сленге в значении «малокультурного агрессивного подростка»;

–заимствования из иностранных языков (чаще из американского варианта английского языка и частично из европейских языков). Ученые отмечают, что «иноязычное слово может заимствоваться как в общепотребительный словарь, так и в сленг» [9, с.10]. Первый способ подразумевает заимствование иноязычного сленгового слова с сохранением его исходного значения, но может изменять его (слово *freak* – «человек, переодетый в устрашающего персо-

нажа» – в русском языке имеет идентичное английскому значению, в то же время, слово имеет и сленговое значение – «любой некрасивый человек»). Второй способ заимствования меняет исходное значение слова при переходе в сленг, адаптируя его к тонкостям общения молодежи (например, слово *sheer* – «дешевый» – в русском языке приобрело сленговое значение «нечто низкопробное»).

Исследователи отмечают увеличение количества сленгизмов в русском языке с течением времени [21, с.4], причем наиболее многочисленны заимствования из английского языка, которые используются в молодежной речи в большом объеме. Это позволяет говорить о том, что заимствования представляют собой одну из важных характеристик молодежного сленга: перентсы – «родители», мерс – «Мерседес», мани – «деньги», дрифт – «изворот», флетка – «квартира» и др.

Ученые отмечают, что «сленг схож с диалектом: как и диалект, сленг питает литературный русский язык» [12, с.151]. Это говорит в пользу взаимосвязи лексических составов молодежного сленга и литературного языка.

Наряду с заимствованиями, наиболее частым способом пополнения лексического словаря сленга является метафоризация. Метафора в сленге служит для создания запоминающегося образа, дает краткое и точное описание, но, в то же время, выразительную характеристику особенностям, внешности и поведению человека. Создаваемый метафорой образно-эмоциональный эффект не понимается буквально и требует навыков особого его восприятия.

Метафорические сленгизмы могут создаваться как из литературных, так и сленговых единиц. Общение среди сверстников с общим кругом интересов определяет тематическую принадлежность метафор в речи современной молодежи. К ней чаще всего относятся:

– наименования лиц (пассажир – «лишний (чужой) человек», амеба, бандерлог – «тупой, неразвитый человек», бугор – «руководитель, организующий и отвечающий за работу коллектива», командир – «любой работник силовых структур»);

– части тела (пасть – «рот», клюв – «губы», табло – «лицо», грабли – «руки», реактор – «желудок», рубильник – «нос», голова – башня, жбан, дыня, тыква, и др.);

– действия человека (ловить мух – «бездельничать», торчать – «быть в состоянии наркотического опьянения», крысить – «воровать у своего круга», заглохнуть – «замолчать» и др.).

Словообразовательные процессы являются одним из важных источников пополнения сленговой лексики. Способ словообразования определяется средством, которое используется для обозначения деривационного значения производного слова, «в русском языке следует различать две основные группы способов словообразования: аффиксальные и безаффиксные» [8, с.176].

Однако, по мнению Р.И.Розиной, здесь меняется «расстановка сил»: «появляются новые сленговые слова, образованные от основ литературного языка по раз-

личным словообразовательным моделям» [16, с.30-31]. Самым важным источником автор считает «образование сленга от сленговых же единиц: возникают производные слова, образованные от сленговых основ» [16, с.31].

Словообразование как способ формирования сленгизмов основан на:

– аффиксации: прикол – «насмешка, объект увлечения», приколоться – «увлечься, насмехаться», приколист – «шутящий над кем-нибудь», прикольный – «интересный, смешной», прикольно – «смешно, интересно»;

– деривации (синонимической или антонимической): приколотить косяк – «прибить дверной косяк», забить косяк – «приготовить папиросу наркотиком», накосячить – «натворить что-либо нехорошее, создать проблемы»; сесть на иглу – «начать употреблять инъекционные наркотики» – «подсадить на иглу (винт, джеф, спиди)» – «приучить к употреблению наркотиков»; слезть (соскочить) с иглы – «перестать употреблять наркотики»;

– усечение корней (комп – «компьютер», мамка – «материнская плата») и т.д.

Исследователи отмечают, что традиционными источниками сленговых слов и выражений в современном языке являются «криминальный мир, представители различных профессий, студенты, вообще молодежь, подростки, армия» [21, с.5].

Сленг не является замкнутой системой – одно и то же сленговое выражение может проникать в разную социальную групп среду и использоваться, как маргиналами, так и студентами, школьниками или, например, музыкантами. Можно отметить наличие множества точек соприкосновения в таких сленговых группах, как подростки и криминал. В речи подростков употребляется большое число «блатных» слов, используемых в преступной среде, исследователи объясняют это «не только уголовным укладом, пронизывающим все общество, но и романтизацией жизни преступного мира, характерной для подростков» [15, с.8]. С данным мнением согласны и ряд других авторов, считающих, что «многие популярные сленговые слова заимствованы из криминальной среды ... сленг подвержен постоянным изменениям, и чем больше общего у различных групп в образе жизни, мышлении и интересах, тем сильнее взаимопроникновение сленга этих групп. Сленг пытается найти новые метафоры, которые впоследствии либо закрепятся в речи, либо будут ею отвергнуты. Отбор новых сленгизмов может, в частности, выглядеть как варьирование уже имеющихся» [21, с.9-10].

Таким образом, сленг характеризуется более высокой динамичностью чем в арго и жаргон.

Сленг представляет собой часть русского языка, относящаяся к нелитературной подсистеме, кроме того, к сленгу также относят разговорную речь и различные региональные диалекты, профессиональную лексику. Названные элементы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, что обуславливает взаимный обмен элементами и их переход из одной подсистемы в другую.

Использование сленга – неперенный признак всякого живого языка. Сленг используют разные социальные группы молодежи, в которых объединяющими общими интересами являются: социальное положение, род занятий, схожесть мировоззрения или привычек. В процессе общения сленг употребляет или хотя бы понимает большинство населения. Можно также отметить использование сленга даже в речи интеллигенции, являющейся носителем и популяризатором русского литературного языка. На популярность сленга указывает и тот факт, что сленговые слова и выражения можно встретить как в произведениях современных писателей, так и в языке периодических изданий, представляющих собой один из основных источников распространения сленгизмов.

Литература

1. Андреев В.К. Лексикон молодежных субкультур. Опыт словаря. – Псков: АНО «ЛЮГОС», 2009. – 288 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учебник для вузов. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 248 с.
3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – №3. – С.30-34.
4. Большой энциклопедический словарь (языкознание) / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Академия, 1998. – 584 с.
5. Гальперин И.Р. О термине «слэнг» // Вопросы языкознания. – 1956. – №6. – С.107-110.
6. Елистратов В.С. Аргю и культура. – М.: Мир книги, 2000. – 639 с.
7. Земская Е.А. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 312 с.
8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Наука, Флинта, 2005. – 290 с.
9. Казачкова Е.М. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде (на примере Астраханской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Казачкова Евгения Мирославовна. – М., 2006. – 20 с.
10. Крушевский Н.В. Очерки по языковедению. Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – 312 с.
11. Крысин Л. П. О русском языке наших дней. Изменяющийся языковой мир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 18.09.2022).
12. Кюльмоя И.П. О прагматике сленговой лексики. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. – Тарту, 1999. – 348 с.
13. Кюльмоя И.П. Системность в сленге // И.А.Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность. – Красноярск, 2000. – С. 119-124.
14. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 254с.
15. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодёжного сленга. – М.: Астрель, 2003. – 188с.
16. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М.: Азбуковник, 2005. – 146 с.
17. Розина Р.И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 114-119.
18. Саъдиева Г.Ф. Структурно-семантический анализ сельскохозяйственной терминологии в таджикском, русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Саъдиева Гулистон Фатоевна. – Душанбе, 2006. – 28 с.

19. Хаджихалилович С., Модрич Ж. Молодежный сленг русского и хорватского языков: сравнительно-сопоставительный анализ // Актуальные проблемы славянского языкознания, литературоведения и фольклористики. –2016. –№3. –С.338-366.
20. Хайдарова Д.А. Особенности медицинской терминологии в таджикском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хайдарова Дилноза Аскаралиевна. –Душанбе, 2007. – 26 с.
21. Юганов И.Ф., Юганова Ф.С. Словарь русского сленга: сленговые слова и выражения 60-90-х годов / под ред. А.Н.Баранова. –М.: Метатекст, 1997. – 304с.
22. Online Etymology Dictionary. [Электронная версия]. – Access mode: <https://www.etymonline.com/>

THEORETICAL BASIS FOR THE FORMATION OF YOUTH SLANG AND ITS ROLE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Khasanova Nasiba Khandulloevna

Competitor for a degree of the chair of English philology
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 555 54 00 61 (m.)
nassiba.khasanova@gmail.com

It was revealed that among scientists there is no common point of view regarding the concept of "slang", and the etymology of the term has not been precisely established and seems to be controversial. The term "slang" is more characteristic of the linguistic tradition of Western countries and is close in content to the Russian word "jargon"; the specificity of slang is due to the professional isolation or social limitations of certain groups from the rest of society. A classification is given that highlights the main functions of youth slang. It is noted that youth slang is one of the factors in replenishing the lexical composition of the literary language, and the social affiliation and age of the participants play a significant role in the use of slang. It was revealed that slang developed extremely intensively after the era of *perestroika*, but continues to be used and replenished in recent years, and the sources of replenishment of slang vocabulary are borrowings, metaphor and word formation. Based on the analysis, it is shown that slang is a non-literary subsystem of the general system of the Russian language, which also includes professional vocabulary, colloquial speech, and territorial dialects. The originality of slang is more pronounced at the level of vocabulary and word formation, at the same time, there are practically no morphological differences with the literary language, and at the level of syntax there is a functional similarity with colloquial speech.

Keywords: slang; jargon; interpretation of the concept of "slang"; classification of slang; lexical composition of slang; sources of slang.

АСОСҶОИ НАЗАРИЯВИИ ТАШАККУЛЁБИИ ГҶҶИШИ
ҶАВОНОН ВА НАҚШИ ОН ДАР ЗАБОНИ МУОСИРИ РУСӢ

Ҳасанова Насиба Хандуллоевна

Унвонҷӯи кафедраи филологияи англисӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 555 54 00 61 (м.)
nassiba.khassanova@gmail.com

Ошкор карда шудааст, ки дар байни олимони ақидаи умумие дар бораи мафҳуми «гӯйиш» вучуд надорад, этимологияи истилоҳи мазкур бошад, аниқ муқаррар карда нашудааст ва баҳснок мебошад. Истилоҳи «гӯйиш» бештар барои анъанаи забоншиносии кишварҳои Ҷарбӣ хос буда, мазмунан ба калимаи русии «жаргон» наздик аст; махсусияти гӯйиш бо алоҳидагии касбӣ ва ё маҳдудшавии иҷтимоии ин ё он гурӯҳҳо аз ҷомеаи боқимонда тақозо мешавад. Дар мақола таснифоте оварда шудааст, ки функсияҳои асосии гӯйиши ҷавонро ҷудо мекунад. Зикр мегардад, ки гӯйиши ҷавонро яке аз омилҳои пуркунии таркиби луғавии забони адабӣ буда, дар истифодабарии гӯйиш мансубияти иҷтимоӣ ва синну соли иштироккунандагон нақши асосӣ мебошанд. Ошкор карда шудааст, ки гӯйиш пас аз даврони азнавсозӣ махсусан фаъолона инкишоф ёфт, вале ҳоло ҳам истифодабарӣ ва пуршавии он идома дода, манбаи пуршавии луғати гӯйишҳо калимаҳои иқтибосӣ, маҷоз ва калимасозӣ мебошанд. Дар асоси таҳлил нишон дода шудааст, ки гӯйиш зернизомии ғайриадабии низомии умумии забони русӣ аст, ки луғати касбӣ, нутқи гуфтугӯӣ ва шеваҳои худудири дар бар мегирад. Махсусияти гӯйиш аз бисёр ҷиҳат дар сатҳи луғат ва калимасозӣ зоҳир мегардад, айни замон дар он амалан тафовутҳои морфологӣ бо забони адабӣ дида намешаванд ва дар сатҳи нахвӣ монандии вазифавии он бо нутқи гуфтугӯӣ ба назар мерасад.

Вожаҳои калидӣ: гӯйиш; жаргон; фаҳмиши мафҳуми «гӯйиш»; таснифи гӯйишҳо; таркиби луғавии гӯйишҳо; манбаҳои гӯйишҳо.

УДК 811.222.8'373

КОНЦЕПТ «МИГРАНТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Шамбезода Мухайе Хусравовна

Преподаватель кафедры восточных языков
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 11 777 77 11 (м.)
muhayoshambezoada@gmail.ru

Статья посвящена специфике репрезентации концепта «мигрант» в таджикском языковом пространстве. Дается общая характеристика когнитивного подхода в современной лингвистической теории, рассмотрены основные позиции в вопросах репрезентации концепта. Подчеркивается, что содержание концепта «мигрант» детерминировано факторами экстралингвистического характера, автор относит к ним массовые миграционные движения, вызывающие множество социокультурных проблем и влияющие на динамику развития языка.

Показаны особенности интерпретации понятия «мигрант» в лексикографических источниках (Фарҳанги забони тоҷикӣ и Национальный корпус таджикского языка), определена лексико-семантическая специфика содержания концепта, выявлены его ядерная и периферийные зоны, дано описание компонентов концептуального поля «мигрант».

Перечень репрезентантов данного концепта в таджикском языке составляют: мухочир, мухочират, хоричӣ, мусофир, омада, мардикор, гастарбайтер. Установлено, что репрезентанты концепта «мигрант» могут быть взаимодополняемы и взаимозаменяемы в зависимости от контекста.

Согласно выводу автора, понятие «мигрант» представляет собой концептуализированную область в таджикском языковом сознании имеющую определенную структуру и связанную с важными ценностными ориентирами поведения.

Ключевые слова: концепт; мигрант; таджикский язык; иммиграция; эмиграция.

Язык отражает все, что связано с жизнью его носителей. Экстралингвистические факторы играют одну из главных ролей как в функциональном, так и во внутривидовом развитии языка. Такие процессы, как эмиграция, иммиграция, интеграция, связаны не только с процессами вхождения в новое социальное окружение, но и в новое языковое сообщество, которое порождает множество как бытовых, так и языковых проблем. При анализе вхождения мигрантов в новое социальное и языковое сообщество приходится учитывать все условия их адаптации к новым культурным, политическим, экономическим и, конечно же, языковым условиям. Именно вокруг такого большого количества социальных проблем образуется концепт, призванный отразить в сознании носителей языка отношение к данному понятию. Концепты стоят между словами и экстралингви-

стической действительностью. Отношение будет всецело связано со статусом мигрантов в чужой стране, с условиями его адаптации, с его идентичностью и многими другими факторами, что будет существенно влиять на формирование концепта в сознании носителей языка. По мнению известного ученого Д.А.Леонтьева представленный образ в сознании носителей языка – это «источник субъективной определенности, позволяющей однозначно воспринимать объективно неоднозначные ситуации. Возникающая на основе образа мира в конкретной ситуации система апперцептивных ожиданий влияет на содержание восприятий и представлений. Зная особенности восприятия человеком тех или иных сторон действительности или же односторонней интерпретации им объективно неоднозначных событий и ситуаций и приписывая причину этих особенностей или интерпретаций сложившемуся у него устойчивому образу мира, в частности, личностно-смысловым трансформациям этого образа, можно «вычислить» жизненные смыслы для него тех или иных людей, ситуаций и обстоятельств и на этой основе предсказать его реальное поведение в подобных обстоятельствах» [9, с.285]. По мнению Е.Ф.Тарасова, одинаковых образов одного и того же понятия не существует, так как создание образа всецело связано с традициями, национальными культурами, мировосприятием и мироощущением носителей языка. Для формирования конкретного образа важны не только перцептивные восприятия, но и априорные знания, в виду чего «умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально культурной специфики» [12, с.45]. В языковом отношении важным остается вопрос: насколько родной язык способен удовлетворить потребности общения в стране пребывания. Является ли он фактором идентичности или, наоборот, фактором изолированности.

В конце прошлого века распад Советского Союза вызвал массовую миграцию населения Центральной Азии и Китая в Россию и государства Азии. В результате в дискурс прочно вошел термин «миграция». В связи с этим анализ концепта «мигрант», который входит в состав более крупного концепта «миграция», становится одной из интересных тем исследования. Концепт зависит и от того фактора, который определяет отношение мигрантов не только к стране пребывания, но и к своей родной стране. В специальной литературе по миграции появилось понятие «транснационализм», принадлежащее Н.Глик Шиллер и его «команде», которые определяют его следующим образом: «Мы определяем “транснационализм” как процесс, с помощью которого иммигрант создает и сохраняет многообразные социальные отношения, связывающие общества происхождения и [нынешнего] поселения. Мы называем этот процесс транснационализмом, чтобы подчеркнуть: многие иммигранты строят сегодня социальное поле, которое пересекает географические, культурные и политические границы. Иммигрантов, развивающих и поддерживающих множественные связи – семейные, экономические, организационные, религиозные и политические, – которые перекрывают границы, мы называем “трансмигрантами”. Основным элементом транснационализма – это множество способов вовлечения, которые трансмигрант сохраняет одновременно дома и в обществах приезда» [12, с.8]. Это модель связи страны пребы-

вания и страны отъезда остается главной для мигранта-таджика. И, конечно же, в его языке концепт «мигрант» будет иметь свои специфические особенности, связанные в целом с целью миграции и ее конечным результатом, вкладывая в него свою особую когнитивную семантику.

Как указывает Н.Н.Болдырев; «когнитивная семантика рассматривается как общая теория концептуализации и категоризации, теория того, как человек воспринимает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений. В рамках этой теории человеку как познающему субъекту, носителю когниции, приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора» [2, с.18].

В данной статье нами предпринята попытка представить актуализацию в лексической системе концепта «мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка на материале, представленном в словарях, в Национальном корпусе таджикского языка и других источниках. При анализе формирования того или иного концепта, прежде всего, следует определить свое отношение к таким проблемам, как категоризация и концептуализация. Одни исследователи не видят особой связи между ними, другие говорят о существенных различиях. Так, например, известный исследователь Е.С.Кубрякова различает их и говорит о том, что «Концептуализация является одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека» [6, с.93]. Воспринимаемое явление следует категоризировать посредством познавательной деятельности через установление связи с другими близкими явлениями. «Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для того, как мы мыслим и как мы действуем, и, следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» [8, с.21]. Эти процессы связаны и предопределяют друг друга. Разница лишь в том, что процесс концептуализации направлен на выделение минимальных единиц, которые закладываются в основу семантики, а процесс категоризации объединяет по сходству единицы в более крупные разряды. «В процессе концептуализации и категоризации объектов выделяются признаки объектов, которые представляют объективные характеристики» [10, с.108]. Таким образом, в результате этих процессов создается когнитивная база для дальнейшего осмысления окружающей действительности.

Миграция, вызванная, в первую очередь, экономическими причинами становится неотъемлемой частью жизни современного общества, однако тянет собой множество других социокультурных проблем. Так, например, в лингвистике родилось такое новое понятие как «миграционная лингвистика», так как языковые проблемы становятся одними из самых значимых в процессе адаптации и идентификации в новых условиях. По мнению С.В.Шустовой, «причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений,

возникающих в мобильном и глобализирующемся мире, на основе которых особую значимость приобретает языковая динамика и её релевантность для лингвистики в целом» [13, с.115].

Ценностная оценка концепта определяется его номинативную плотность, тесно связанная со степенью языковой репрезентацией концепта, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [5, с.112]. Количество когнитивных параметров определяют номинативную плотность концепта. Высокая номинативная плотность концепта будет свидетельствовать об актуальности концепта, и наоборот. Нами номинативное поле концепта «мигрант» в таджикском языке будет описано с помощью ключевого слова-репрезентанта, его синонимического ряда и дериватов. Номинативное поле нами понимается как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих) концепт в определенный период развития общества» [12, с.47].

Процессам миграции, как и самим мигрантам, уделяется огромное внимание, подтверждением чего служит множество публикаций самого различного характера и жанра. Основными стереотипами, сложившимися в отношении таджика-мигранта составляют такие его сущностные характеристики, как дешевая рабочая сила, средство выжить, гастарбайтер, что способствует появлению в лексико-семантическое поле «мигрант» лексем с негативной коннотацией, лексем с отрицательной семантикой (гастарбайтер, незаконно и др.), а также понятия, которые помимо денотативного значения имеют оценочный компонент и используются как стереотипы. В сознании таджикского народа перемещение других народов в их страну чаще связывалось с концепт «иностранец» – человек другой нации. Данный концепт как фрагмент таджикской языковой картины мира отражает наивное представление о представителях различных наций, которое оказалось запечатленным в лексической системе языка.

З.Д.Попова и И.А.Стернин утверждают, что номинативное поле концепта представляют языковые средства, отражающие его на определенном этапе состояния общества, оно состоит из ядра и периферии. «Ядром концепта является ключевое слово-репрезентат, обладающее многозначностью и представленное дериватами. Все когнитивные характеристики, раскрывающие содержание концепта в определенных коммуникативных ситуациях, составляют периферию поля. Периферия номинативного поля, как правило, обладает большим лексическим разнообразием [12, с.67-68]. Для полного раскрытия содержания концепта важным является уровень его языковой репрезентации, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [5, с.112]. В данной статье предпринята попытка разработки семантического поля концепта «мигрант». Под семантическим полем, вслед за Т.В.Жеребило, мы понимаем «лексико-семантическую парадигму, объединяющая слова разной частеречной принадлежности, которые соотносятся с одним фрагментом действительности и имеют общий признак (общую сему) в лексическом значении» [3, с.321].

Актуальность того или иного концепта для определенного языкового сообщества зависит от степени его отражения в лексико-фразеологической системе языка, от количества лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих различные области содержательной стороны концепта. Так например, все лексемы данного поля можно разделить на две группы: в первую группу следует включить слова, связанные с политическими и социальными причинами миграции, во вторую группу слова, связанные с экономическими причинами миграции. Исходя из указанного нами принципа номинативное поле концепта «мигрант» в таджикском языке будет описано с помощью ключевого слова-репрезентанта «МУҶОЦИР», его синонимического ряда и дериватов. Следует отметить, что концепт мигрант в современной коннотации – явление достаточно новое для таджикского языка. Именно поэтому такие термины, как *иммигрант*, *эмигрант*, *преселенец*, обозначены словом *муҷоцир*. В целом же концепт *мигрант* в таджикском языке представлен следующими лексемами.

Один из самых известных толковых словарей таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» следующим образом определяет значение слов миграция «МУҶОЦИРАТ – *а. ҳиҷрат, кӯчидан аз ҷое ба ҷое.*» и мигрант «МУҶОЦИР – *1. кӯчида, ҳиҷрат карда; 2. касе, ки бо Муҳаммад аз Макка ба Мадина кӯчидааст.*». С некоторым оттенком книжности в значении миграция используется синоним *ҳиҷрат*: «ҲИҶРАТ – *а. 1. ҷудо шудан аз ватан ва хонумон, тарки ватан. 2. кӯчидани Муҳаммад ва пайравони вай аз Макка ба Мадина.*». Данный термин более известен как источник мусульманского летоисчисления, когда 16 июля 622 года Мухаммад со своими последователями ушел из Мекки в Мадину.

Данные, полученные по лексической объективации по толковому словарю, мы рассмотрим на материале Национального корпуса таджикского языка [<http://tajik-corpus.org>].

Понятия эмигрант и иммигрант репрезентированы словом МУҶОЦИР. МУҶОЦИР (595 вхождений) – ЭМИГРАНТ: «*Ба фарқ аз ҳазорон муҷоцир, Ҳайдаралӣ Курбонов дар Тоҷикистон аст ва ҳамсару се фарзандаш дар Русия қарор доранд*» [<http://tajik-corpus.org>]. – *В отличии от тысячи эмигрантов Хайдарали Курбонов в Таджикистане, а жена и трое детей в России.* МУҶОЦИР (595 вхождений) – ИММИГРАНТ: «*Ба мисли, ҳангоми тафтиш қарор надоштани муҷоцир дар ҷое, ки барои истиқомати доимӣ сабти ном шудааст*» [<http://tajik-corpus.org>]. *Например, при проверке иммигранта его не обнаружили по месту постоянной прописки.*

В соответствии с основной семой концепта «мигрант» – «лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую» в поле концепта входит понятие, связанное с миграцией, вызванная социальными, экономическими и политическими причинами. В соответствии с этим в поле концепта «мигрант» входит также понятие ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ. В таджикском языке данное понятие также «вложено» в объем значения МУҶОЦИР.

МУҶОЦИР (595 вхождений) – ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ: «*Гӯё дар ин кӯча ҳаёт ба охир расида бошад, гӯё мардуми деҳаро кӯчонида ба дигар водӣ муҷоцир карда*

бошанд – чунон ки чихил сол пеш нисфи одамони ин деҳаро ба водии Вахи кӯчонида буданд» – Как будто бы на этой улице жизнь была завершена, как будто жители сел переехали в другое село – а еще сорок лет назад половина жителей этого селения были переселены в Вахискую долину.

Как входящая миграция, так и исходящая тесно связана с понятием ХОРИҶӢ (9178 вхождений) – ИНОСТРАНЕЦ. В таджикском языке данное слово использовалось долгое время по отношению к мигрантам из Афганистана и Ирана, постоянно проживавших в Таджикистане, а также ко всем, кто временно пребывал на территории республики: *«Ҳамин тавр , зимни амалӣ гардидани амалиётҳои махсус дар умум 7150 нафар шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ дар манзилҳои истиқоматӣ , 302 корхонаву ширкат , ки дар онҳо шаҳрвандони хориҷӣ фаъолияти меҳнатӣ менамоянд , аз қабилӣ 55 ширкати сохтмонӣ , 40 ширкати истеҳсолӣ , инчунин 67 бозору марказҳои савдо мавриди санҷиши қарор дода шудааст»* [<http://tajik-corpus.org>]. – *Так, в ходе проведения специальных операций в общей сложности 7150 иностранных граждан и лиц без гражданства проживают в жилых домах, 302 предприятия и компании, в которых трудятся иностранные граждане, такие как 55 строительных компаний, 40 производственных компаний, а также 67 рынков и торговых центров.*

ОМАДА (16289 вхождений) и МУСОФИР (711 вхождений) – ПРИЕЗЖИЙ В таджикском языке слово мусофир используется ко всем лицам, проживающим в других населенных пунктах, даже если это в пределах одного административно-территориального деления: *«Аз корҳои нек ва пурсавоби вай он мардуме , ки ҳамроҳи ӯ ба ин ҷо мусофир шуда буданд , бохабаранд»* [<http://tajik-corpus.org>]. – *О его добрых делах и поступках знали люди, которые вместе с ним приехали сюда.*

В семантическое поле на основании основной семы следует также отнести ГУРЕЗА (526 вхождений) – БЕЖЕНЕЦ, слово, которое вошло в активное употребление после конфликтов последней четверти прошлого века: *«Пас аз гуреза шудан ба кадом кишваре, ки мерафтам дӯстонам бо ҷону дил қабул мекарданд»* [<http://tajik-corpus.org>]. – *После того как я стал беженцем, в какую бы страну я не поехал, друзья сердечно встречали меня.*

БЕГОНА (2592 вхождений) – ЧУЖОЙ; *«Шоҳи мақдунӣ чун марди бегона андар хаймаи хеш дид, пурсид:…»* [<http://tajik-corpus.org>]. – *Как только шах Македонии увидел чужого мужчину в палатке, спросил:…*

ҒАЙРИҚОНУНӢ (1566 вхождений) – НЕЛЕГАЛ: *«Гузориҳои тайиднашуда ҳокӣ аз он аст , ки бархе намоёндагони Маҷлиси Афғонистон бо истифода аз раводи Амрико , хонаводаҳои худро ба он кишвари бурдану сипас ғайриқонунӣ вориди Канада шуданд»* [<http://tajik-corpus.org>]. – *Неустановленные источники извещают, что некоторые представители Собрания Афганистана используя визу Америки, перевезли семью туда, а затем нелегально переправили в Канаду.*

Ко второй группе следует отнести слова, обозначающие миграционные понятия, связанные с заработками.

С усилением миграционных процессов происходит дифференциация самих мигрантов по степени их вхождения в новую социально-культурную общность. В

обиход активно вводится лексема ГАСТАРБАЙТЕР: ГАСТАРБАЙТЕР (3 вхождения) – ГАСТАРБАЙТЕР ««Приглашённый рабочий» – термин, обозначающий иностранца, или жителя другого государства, работающего по временному найму. Слово заимствовано в 1970-х из немецкого языка, получило широкое распространение в конце 1990-х в СМИ на территории СНГ, сначала в Москве и Санкт-Петербурге, а затем вошло в разговорную русскую речь» (Материал из Википедии): «*Ёдоварӣ мекунам, ки он замон “точик” бо “гастарбайтер” инҳамон набуд*» [<http://tadjik-corpus.org>]. *Вспоминаю, что тогда «таджик» с «гастарбайтером» не ассоциировался* Гастарбайтером принято считать иностранного рабочего, существенно отличающегося по условиям оплаты труда в отличие от местных жителей. Однако на территории СНГ данное слово стало употребляться с оттенком уничижительности.

Модное на определенном этапе слово гастарбайтер имеет несколько соответствий в таджикском языке, так как трудовая миграция была достаточно распространенным явлением еще в досовестскую эпоху, когда жители горных регионов уходили на заработки на сезонные работы в долины или большие города. К таким словам можно отнести МАРДИКОР 1 муздур, коргари кироия рӯзбайъ «*Рӯзи дуюм саллаи муллобачагиرو партофта ва ба қиёфаи марди – корбачагон даромада, ба Регистони Бухоро, ки бозори мардикор ҳам дар он ҷо буд, рафтам ва дар қатори мардикорони харидорталаб пушт ба девор дода, дар пеши масҷиди ҷомеи Поянда нишастам*» [<http://tadjik-corpus.org>]. – *На второй день, выбросив чалму, присоединился к подёщикам, ушел в Регистан Бухары, где был базар подёщиков, и наряду с подёщиками, облокотившись на забор, сел рядом с мечетью Поянда.* В современном таджикском языке получило новое лексическое значение – трудовой мигрант.

Другая лексема ЯККАМАРДИКОР означает работника, который работает один. Данная лексема в словарях не зафиксирована, и в Национальном корпусе таджикского языка словоупотребления с данной лексемой мы не нашли.

Интересным представляется лексема ИНҚОБИЗАН (2 вхождения) – тот, кто сам не работает, но учит работать других: «*Мардикор як танга, инқобизан сад танга*» – *наемный рабочий- рубль, тот, кто учит – сто рублей*» (поговорка). В эту же группу следует включить лексему МУЗДУР (78 вхождений) – тот, кто работает за ежедневную оплату труда: «*Вақте ки кор хатм шуд, муздур ҳаромзода шуд*» [<http://tadjik-corpus.org>]. – *Когда работа закончилась, работник становится подлецом.* «*Кориносони маҳаллӣ мегӯянд, агар масъулон барои занони муздур кори мувофиқ, ки маблағи хуб дошта бошад, пайдо кунанд, ҳатман инҳо аз мардикорӣ даст хоҳанд кашид*» [<http://tadjik-corpus.org>]. – *Местные эксперты говорят, что если должностные лица найдут подходящую работу для женщин с высокой оплатой, они обязательно откажутся от наемной работы*

Таким образом, в результате анализа представленной лексики номинативного поля концепта «мигрант» в таджикском языке можно определить зону ближней периферии, зону средней периферии и зону дальней периферии. Ядро концепта составляют лексема муҳочир – *эмигрант, иммигрант, переселенец*, ҳичрат – *покинувший родину*; зона ближней периферии – мардикор – *наемный*

рабочий, хоричӣ – иностранец, гуреза – беженец, гайриқонунӣ – нелегал, гастарбайтер; зона дальней периферии – омада и мусофир – приезжий, бегона – чужой, муздур – тот кто работает за ежедневную оплату, яккамардикор – работник, который работает один, даҳмарда – наемный пастух.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что номинативное поле концепта «мигрант» является коммуникативно-релевантным, обладает высокой плотностью является достаточно актуальным на синхронном уровне для носителей таджикского языка.

Литература

1. Адонина Л.В. Термин “концепт” в лингвистических исследованиях конца XX – начало XXI века // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2008. – №4(22). – С.169-175.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Тамбовский университет, 2001. – 123 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с. – Режим доступа: [www.http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm](http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm)
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. – Волгоград: Гнозис, 2002. – 477 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. – Волгоград: Гнозис, 2004. – 331 с.
6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина / под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Филологический факультет, МГУ, 1996. – 245 с.
8. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б.Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792с.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2002. – 450 с.
10. Магировская О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №21. -С.105-114.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 225с.
12. Тарасов Е.Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность Методологические проблемы сознания. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
13. Шустова С.В. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – 180 с.
14. Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton C. Nations Unbound: Transnational Projects, Post-colonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. – London; New York: Routledge, 1994. – 344 p.

THE CONCEPT OF "MIGRANT" IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF TAJIK LANGUAGE SPEAKERS

Shambezoda Muhayo Khusravovna

Lecturer of the chair of Oriental languages
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 11 777 77 11 (m.)
muhayoshambezoda@gmail.ru

The article is devoted to the specifics of the representation of the concept "migrant" in the Tajik language space. The general characteristics of the cognitive approach in modern linguistic theory are given, the main positions in the issues of concept representation are considered. It is emphasized that the content of the concept "migrant" is determined by factors of an extralinguistic nature, and the author refers to them as mass migration movements that cause many sociocultural problems and affect the dynamics of language development.

The features of the interpretation of the concept of "migrant" in lexicographic sources (Farkhangi zaboni tojiki and the National Corpus of the Tajik language) are shown, the lexico-semantic specificity of the content of the concept is determined, its core and peripheral zones are identified, and the description of the components of the conceptual field "migrant" is given.

The list of representatives of this concept in the Tajik language is: muhojir, muhojirat, khoriji, musofir, omada, mardikor, migrant laborer. It has been established that representatives of the concept "migrant" can be complementary and interchangeable depending on the context.

According to the author's conclusion, the concept of "migrant" is a conceptualized area in the Tajik linguistic consciousness, which has a certain structure and is associated with important value orientations of behavior.

Keywords: concept; migrant; Tajik; immigration; emigration.

МАҲҶУМИ «МУҲОЧИР» ДАР ШУУРИ ЗАБОНИИ ҲОМИЛОНИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Шамбезода Муҳайё Хусравовна

Муаллими кафедраи забонҳои шарқ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 11 777 77 11 (м.)
muhayoshambezoda@gmail.ru

Мақола ба махсусияти муаррифии мафҳуми «муҳочир» дар фазои забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Тавсифи умумии муносибати шинохтӣ дар назарияи муосири забоншиносӣ анҷом дода шуда, мавқеҳои асосӣ дар масъалаҳои муаррифии мафҳум баррасӣ шудаанд. Таъкид мегардад, ки

мазмунӣ мафҳуми «муҳочир» бо омилҳои хусусияти экстразабонидошта тақсим шудааст, муаллиф ба онҳо ҳаракатҳои оммавии муҳочирро нисбат медиҳад, ки мушкilotи зиёди иҷтимоиву фарҳангӣ ва ба динамикаи инкишофи забон таъсиркунандаро ба бор меоранд.

Хусусиятҳои интерпретатсияи мафҳуми «муҳочир» дар манбаҳои луғатнигорӣ (Фарҳанги забони тоҷикӣ ва Пайкараи миллии забони тоҷикӣ) нишон дода шуда, махсусияти луғавию маъноии мазмунӣ мафҳум тадқиқ шудааст, минтақаҳои ҳастай ва канории он муайян гардида, тавсифи ҷузъҳои майдони концептуалии «муҳочир» оварда шудаанд.

Номгӯии муаррифгарони ин мафҳум дар забони тоҷикӣ аз инҳо иборат аст: муҳочир, муҳочират, хоричӣ, мусофир, омада, мардикор, гастарбайтер. Муқаррар карда шуд, ки муаррифгарони мафҳуми «муҳочир» метавонанд яқдигарро вобаста аз матн иваз ва пурра созанд.

Мувофиқи хулосаи муаллиф, мафҳуми «муҳочир» соҳаи концептуализатсияшудаи шуури забонии тоҷикиро ташкил медиҳад, ки дорои сохтори муайяни марбут бо арзишҳои рафторӣ мебошад.

Вожаҳои калидӣ: концепт; муҳочир; забони тоҷикӣ; иммигрантсия; эмигрантсия.

УДК 658.114.1-055.2:007(575.3)

**ВЕКТОРНОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ЖЕНСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН
(по материалам СМИ)**

Комилова Хосиятхон Мирисломовна

Соискатель кафедры печатных СМИ и PR
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 14
khosiyatkhon.komilova@gmail.com

В статье рассматривается вопрос формирования и развития женского предпринимательства в Таджикистане, указываются его векторные направления в период независимости. Приводятся сведения о государственной поддержке социально-экономической активизации женского населения республики. Основываясь на историческом прошлом Центральной Азии, автор напоминает, что восточный менталитет, основанный на исламских догматах, носил ярко выраженный патриархальный характер. Советская власть, ликвидировав феодализм в Таджикистане, отвела женщине достойное место, была защищена законом наравне с мужчинами.

Особое внимание уделяется комплексу проблем и барьеров, стоящих на пути начинающих женщин-предпринимателей. Основными из них, как показывает анализ, является менталитет и устойчивые гендерные стереотипы, сформированные на почве канонических догм Ислама. Рассматриваются характерные особенности ведения женщинами успешного бизнеса, их мотивированность в решении заняться предпринимательством.

Материалом для анализа послужили публикации отечественных средств массовой информации и интернет ресурсы.

Ключевые слова: гендер; равноправие; женское предпринимательство; бизнес; государственная поддержка; стереотипы; сельское хозяйство; клише; Таджикистан; женщины; работа.

XXI век – век изменений во многих отраслях жизнедеятельности общества. Изыскания, касающиеся вопроса участия женщин в аграрном секторе, представляют малоизученную область, и хотя до настоящего времени эта тема освещалась достаточно широко на страницах печати, однако данные эти материалы не подвергнуты научному анализу. Правительство Таджикистана уделяет особое внимание вопросу участия женщин во всех сферах деятельности общества. Советская власть, ликвидировав феодализм в Таджикистане, отвела женщине достойное место, она была защищена законом наравне с мужчинами. Разумеется, решение гендерного вопроса не сводилось исключительно к принятию и ратификации законодательных актов, а предполагало предварительную концептуализацию социальных стереотипов с учетом трансформации общественно-политической системы – переходом от капитализма к социализму.

Перфекционизм как законодательства, так и новой суммы стереотипных представлений в отношении прав женщин имел свою специфику в Таджикистане. Согласно декларируемым концепциям «архитекторов» нового порядка, таджикские женщины наделялись всеми социальными и политическими правами наравне с мужчинами. На законодательном уровне эту беспрецедентную социально-психологическую трансформацию закрепляла Декларация «О раскрепощении женщин». «Работа по защите прав женщин, - справедливо отмечает Б.Б.Жумагазина, - тесно увязывалась с кампаниями по подъему деятельности Советов и другими важнейшими мероприятиями, которые сопровождались лекциями, докладами и митингами, посвященными разъяснению прав женщин, вреда калыма, многоженства и выдачи малолетних девочек замуж» [2, с.327]. За сравнительно небольшой отрезок времени у таджикских женщин произошло осознание того факта, что отныне их статус, защищенный законом, позволяет реализовывать жизненные планы наравне с мужчинами: получать образование, участвовать в общественной жизни и даже занимать руководящие должности.

С распадом Советской державы наметилась поляризация в отношении женщин в разных слоях общества и в разных сферах жизни. Новое тысячелетие стало эпохой повсеместного декларирования равноправия женщин мужчин, и этот процесс не мог не затронуть Республику Таджикистан. Сентябрь 1991 года, как известно, стал важной вехой в истории Таджикистана. Однако с утверждением независимости и перспективами, открывающимися на волне демократических преобразований, обрисовался контур новых проблем, решать которые республика должна была самостоятельно. К тому же на транзитный постсоветский период пришлось гражданская война периода 1992-1993 гг., отодвинувшая горизонты наметившихся перспектив в неизвестное будущее. В условиях гипердинамики социальных и политических процессов, реструктурировавших прежний уклад жизни республики, на плечи таджикских женщин легли новые трудности, обусловленные стагнацией экономики, эскалацией социальной напряженности, разгулом бандитизма и анархии. Другим препятствием на пути повышения статуса женщин в Таджикистане стала религия Ислама, догмы которой реставрировались параллельно с демократическими принципами.

Наибольшую проблему вызвало влияние Ислама на трансформацию социальных ролей и социального статуса мужчин и женщин, которая предопределила волну новых стереотипов, в частности, в отношении приемлемых стилей женской одежды и поведенческих моделей женщины в социальной и семейной среде. Отдельное проблемное поле составила идеализация мусульманских обычаев и ритуалов, особенно такого имманентного их элемента, как никах, который в течение столетий связывал узами брака мужчину и женщину на Востоке. Данный обычай, заложенный, подобно программе, в ментальной памяти таджиков, с реставрацией Ислама утвердился в качестве неписанного закона. Объективно данная тенденция оказалась вполне закономерна, если принять во внимания, что социокультурное пространство Таджикистана перманентно формировалось с учетом ортодоксальных канонов Ислама, один из которых нивелировал права женщины-мусульманки до уровня, близкого к положению рабыни. Тем не менее, Та-

Таджикистан, несмотря на тяготы гражданской войны, экономические и социальные проблемы, на фоне которых наметилась повсеместная исламизация населения, стал одним из первых государств в пространстве СНГ, в своей новой государственной политике предусмотревшим решение проблемы повышения статуса женщины в обществе. В свою очередь женщины не оставались в стороне, активно включаясь в политическую и социальную деятельность, и этот факт неоднократно подчёркивался Президентом страны Э.Рахмоном. В частности, он отмечал, что на всех сложных этапах отечественной истории после приобретения республикой независимости наши женщины играли созидательную и конструктивную роль.

А вот что об этом свидетельствуют сами женщины-активистки. Например, Рафика Мусоева, председатель Ассоциации энергетиков Таджикистана, вспоминает: «Судьба дала мне возможность непосредственно участвовать в становлении независимости и государственности Таджикистана под руководством уважаемого Эмомали Рахмона в составе его команды, в самое непростое время. Это особые страницы моей жизни, которые позволили наиболее полно реализоваться как политику»¹. В последнее десятилетие руководство Республики Таджикистан инициирует различные меры, имеющие целью повысить активность таджикских девушек и женщин в русле социально-экономической деятельности и довести эту активность до равнозначного уровня мужчин. В рамках институционального механизма создаются необходимые условия, чтобы занятость женщин составляла не ниже 90%, обеспечивалось равное представительство полов в различных структурах власти, экономики, бизнеса. Безусловно, для купирования всех барьеров на пути социальной и экономической самостоятельности женщин необходимо много времени, а также значительные затраты интеллектуальных ресурсов. Создание благоприятных условий, позволяющих женщине самореализовываться, хотя бы на уровне того же предпринимательства, предполагает дальнейшее совершенствование институционального механизма. По мнению М.А.Бобокуловой, для этого необходимы: «Во-первых, введение льготного кредитования и налогообложения актуальных предпринимательских проектов и, во-вторых, обеспечение государственной протекции в сфере АПК» [1, с.13].

Эпоха глобализма и рыночных отношений имеет как положительные, так и отрицательные особенности. К категории последних относятся различные риски, которыми в той или иной степени характеризуется предпринимательская деятельность. Например, риск провала бизнес-проекта и неполучение прибыли. Возможность проигрышного варианта настолько реальна, что далеко не каждый решает попробовать свои силы в частном секторе экономики. Не случайно о бизнесе принято говорить как об искусстве, и чтобы заниматься им, необходим определенный талант, который в совокупности с настойчивостью, мотивированностью и хорошим знанием теорий позволит достичь успехов.

¹ Камолова М. Женщины Таджикистана являются гарантом развития общества на пути к независимости // Народная газета. 2018. №10, 9 марта.

В этом наборе качеств обязательно должны присутствовать терпение и решимость, чтобы преодолеть комплекс проблем: всевозможные бюрократические проволочки, сложная налоговая система и т.п. С ними в равной степени так или иначе сталкиваются и мужчины, и женщины. Однако последним преодолеть вышеназванные барьеры бывает сложнее, поскольку в большинстве случаев, как отмечает Фируз Саидов, эксперт Центра стратегических исследований при Президенте Таджикистана, «у них отсутствует необходимая квалификация и информация. Плюс ко всему таджикские женщины менее мобильны, чем мужчины»¹.

Помимо прочего, экспертами выделяются следующие проблемы:

- слабый доступ к справедливым финансовым продуктам для женщин-предпринимателей, предлагаемые финансовыми учреждениями, включая высокие процентные ставки;
- ограниченные возможности женщин на права владения собственностью, ограниченный доступ к семейным активам, влияющий на их платежеспособность, а именно, предоставление залогового обеспечения;
- отсутствие доступа к информации о продуктах, предлагаемых финансовыми и кредитными учреждениями;
- низкий уровень знаний интернета и новых технологий среди женщин-предпринимателей, особенно в сельской местности².

С первых дней провозглашения суверенитета одной из политико-экономических рефлексий правительства Республики Таджикистан стала разработка и реализация программ земельной реформы, ориентированных на кардинальную реструктуризацию аграрного комплекса, в частности, фермерских хозяйств. Как известно, сельское хозяйство – основной доминант экономики страны, и «от эффективности стратегии Правительства Таджикистана в аграрном секторе зависит сокращение уровня бедности в республике» [5].

Если рассматривать аграрный сектор через призму демографии, то обнаруживается преобладание тех домохозяйств, которые возглавляются женщинами, в связи с чем, как полагает Х.Шахриари, «важная роль в деле доступа к земельным ресурсам и кредитам принадлежит именно женщинам» [7, с.6]. С учетом транспарентности этой узувальной особенности, Правительство Республики и местные органы власти оказывают различную поддержку женщинам, занимающимся агробизнесом. В немалой степени всесторонняя помощь оказывается и со стороны различных НПО. Наибольшую активность и дееспособность проявляют такие организации, как «Зан ва Замин» («Женщины и земля»), «Гендер и развитие», «Занхон дехот» («Женщины села»), «Дилафруз», «Бонувони Хатлон» («Женщины Хатлона»), Национальная ассоциация деловых женщин Таджикистана и др.

¹ Фасхутдинов Г. Женщины-предприниматели в Таджикистане. URL: <https://www.dw.com/ru/женщины-предприниматели-в-таджикистане-между-семьей-и-бизнесом/a-16229661> (дата обращения: 03.10.2022).

² Чоршанбиев П. Женскому бизнесу Таджикистана нужно финансовое «плечо» // Азия-плюс. 2022. №39. 27 сент.

На сегодняшний день в Таджикистане не менее 75 тыс. женщин занимаются предпринимательской деятельностью, о чем сообщила Нигорахон Гаффорзода, зампредела Комитета правительства РТ по делам женщин и семьи в своем интервью газете «Садои Мардум»¹. По ее данным, если еще в середине 90-х годов прошлого столетия в Таджикистане насчитывалось чуть больше 60 женщин-предпринимателей, то за годы независимости их число выросло более чем в 1000 раз. Как отмечает Гаффорзода, около 38 тыс. женщин в республике руководят фермерскими хозяйствами, а в 2021 году около 1,7 тыс. начинающих предпринимательниц получили возможность заниматься аграрным бизнесом².

Безусловно, поступательность тенденции социально-экономической активности женщин невозможна без серьезной поддержки со стороны законодательных органов. Поэтому в целях стимулирования женского предпринимательства и улучшения условий для его развития было принято Постановление Правительства Республики Таджикистан от 28 января 2021 года за №5 «О грантах Президента Республики Таджикистан для поддержки и развития женского предпринимательства на 2021-2025 годы» и Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2021 года №167 «Национальная стратегия повышения роли женщин в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы». Стратегии, утвержденные в данных постановлениях, также предусматривают развитие женского предпринимательства с целью создания новых рабочих мест, развития занятости и устойчивости экономического положения женщин в обществе.

По данным Комитета по делам женщин, в рамках реализации Постановления Правительства Республики Таджикистан от 28 января 2021 года «О грантах Президента Республики Таджикистан для поддержки и развития женского предпринимательства на 2021-2025 годы» в 2021 году было поддержано 80 целевых проектов из 332 представленных. Выделенные гранты направлены на развитие малого и среднего бизнеса, привлечение женщин и девушек к профессиональному обучению, обеспечение их постоянной и сезонной работой. По данным Комитета по делам женщин и семьи, с 2006 по 2021 год была оказана поддержка проектам женщин-предпринимателей на сумму 21 млн. 300 тыс. сомони³.

Если отойти от обобщенной абстракции, через призму которой мы рассматриваем вопрос о женском предпринимательстве в Таджикистане, и рассмотреть реальные прецеденты, то в качестве такового и наиболее показательного, на наш взгляд, может считаться пример Замирахон Каххаровой из Аштского района. Как и многие советские женщины, она в свое время не имела никакого представления о бизнесе, и тем более не предполагала, что когда-то ей придется познать все его тонкости и нюансы. Наступление эпохи рыночных отношений экономики, коммерциализация всех сфер жизнедеятельности независимого Таджикистана предопределили ее решение попробовать свои силы в агробизнесе. На начальном эта-

¹ Абдулвохидова Ш. Роль государственной независимости в повышении статуса женщин // Садои мардум. 2022. № 105 (4525). 24 авг.

² Там же.

³ Камолова М. Женщины Таджикистана являются гарантом развития общества на пути к независимости // Народная газета. 2018. №10, 9 марта.

пе бизнес-карьеру молодая предпринимательница решила экспортировать в Улан-Удэ 120 тонн винограда, а из России привезти картофель. Первая прибыль была потрачена на расширение бизнеса, и вскоре Замирахон Каххарова оказалась главой довольно крупного фермерского хозяйства, специализирующегося на экспорте фруктов и овощей в ближнее зарубежье. В частности, предприниматель снабжала своей продукцией такие российские города, как Новосибирск, Томск, Москву и Пермь, установив прочные контакты с их деловыми кругами. В 2012 году Замирахон Каххарова была признана в Таджикистане лучшей женщиной-предпринимателем. По итогам специального конкурса «ей была вручена премия в размере 100 тысяч сомони. В данном конкурсе участвовали 285 женщин-предпринимателей»¹.

Однако сельское хозяйство – не единственный вектор направленности женского предпринимательства в Таджикистане. Превалируют ориентиры, направленные на самореализацию в сфере торговли. Значительными показателями присутствия женщин также характеризуются рынки медицинских и образовательных услуг. А после 2018 года – года туризма – для многих таджикских девушек стали привлекательны такие специальности, как «горный гид» и «альпинизм». Надо отметить, что в настоящее время туризм в Таджикистане является наиболее динамично развивающейся сферой, позволяющей предприимчивым женщинам реализовывать свои бизнес-проекты, работая с иностранными клиентами, увлекающимися альпинизмом. Великолепные горные ландшафты – естественное природное богатство республики, однако инфраструктура, которая могла бы их использовать со значительной прибылью для страны, недостаточно развита, в частности, отсутствуют профессиональные гиды. Последнее обстоятельство, как оказалось, было принято во внимание многими девушками, которые увидели большие перспективы в туристическом бизнесе.

Как отмечает глава Национальной ассоциации деловых женщин Таджикистана Гульбахор Махкамова, «женщины в республике в основном развивают малый бизнес. В среднем их число незначительно, а вот в крупном и вовсе нет»². Согласно ее экспертной оценке, «около 80% представительниц прекрасного пола открывают свое дело не от хорошей жизни, так они пытаются вырваться из бедности. Другая часть идет в бизнес, используя представившийся шанс – полученное на льготных условиях оборудование или кредит. Тем более, что в стране сейчас действует президентская программа государственных грантов, выделяемых на проекты женщин-предпринимателей. Лишь небольшая их часть открывает свое дело осознанно, имея бизнес-план»³.

¹ Женщины-предприниматели в Таджикистане: между семьей и бизнесом. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B6%> (дата обращения: 01.10.2022).

² Фасхутдинов Г. Женщины-предприниматели в Таджикистане. URL: <https://www.dw.com/ru/женщины-предприниматели-в-таджикистане-между-семьей-и-бизнесом/a-16229661> (дата обращения: 03.10.2022).

³ Там же.

Если рассматривать условия, в которых развивается женское предпринимательство, то исходная позиция в начале становления своего дела у мужчин и женщин в Таджикистане заметно отличается. Мужчины начинают свое становление при наличии твердой базовой основы, включающей в себя знания, навыки, активы, связи, финансы. К тому же они более свободны и мобильны, их уверенность твердо покоится на устоявшихся стереотипах. У женщины во главу угла ставится дом и семья, потом – работа.

Вот что по этому поводу отмечают члены рабочей группы «Доступ к финансам», действующей в рамках Сети по экономическому усилению женщин и снижению гендерного насилия при поддержке программы WAGE (Women and Girls Empowered): «Женщины-предприниматели придают гораздо большее значение поддержке семьи, нежели мужчины, поскольку данная поддержка необходима для принятия решения о том, будет ли женщина начинать бизнес, а также для общего функционирования предприятия и новых инвестиций»¹.

Безусловно, трудно не признать устойчивость и силу стереотипов, согласно которым мужчина может действовать самостоятельно, а женщина нуждается в поддержке и понимании своего окружения. Эксперты констатируют, что таджикских женщин зачастую не подпускают к управлению именно в силу устойчивых стереотипов, при этом ими отмечается, что слабых мест в ведении бизнеса не наблюдается. В то же время в ведущих странах мира признано, что женщина в управлении – это более устойчивая модель, ориентированная на сотрудников и клиентов; более прозрачное ведение бизнеса, меньше рисков и больше социальной ответственности.

«Устранение барьеров, - считает таджикский исследователь Ф.В.Сугарова, - препятствующих развитию женского бизнеса, является важным приоритетом с позиции равенства полов. Усиление участия женщин в малом бизнесе в контексте современной экономики, содействует расширению возможностей женщин в сфере труда и занятости» [4, с.103].

Для этого необходимо убедить финансовый сектор в привлекательности обслуживания женского сегмента. В настоящее время это стремительно развивающийся рынок. Женщины становятся экономически более независимыми, управляют своими личными и семейными финансами. Растущая доступность образования в сочетании с изменением роли женщин в семье не только меняет их жизнь, но и пересматривает отношение к гендерным различиям и равенству [см.3; 6].

Традиционные гендерные роли больше не пользуются популярностью в современных семьях. Сегодня многие женщины получают высшее образование и добиваются больших успехов в бизнесе. Женщины больше и чаще сберегают, являются более ответственными заемщиками, поэтому поддержка женщин очень привлекательна для финансовых игроков рынка. В то же время следует признать,

¹ Чоршанбиев П. Женскому бизнесу Таджикистана нужно финансовое «плечо» // Азия-плюс. 2022. №39. 27 сент.

что привлечение женщин в бизнес одной лишь государственной поддержкой и выдачей микрокредитов достаточно сложно. Главное препятствие – менталитет и комплекс устойчивых стереотипов, которые нуждаются в серьезном пересмотре. Многие женщины наделены талантами, но не имеют возможность получить необходимое образование, поскольку родители считают важным дать образование сыну, а дочери отводят лишь роль будущей жены. Тем самым они отнимают у своих дочерей уверенность в себе, ограничивают их возможности.

Общеизвестно, что бизнесом занимаются только самоутвержденные и очень трудолюбивые женщины с необходимым фундаментом знаний, квалифицированными навыками труда и профессиональным образованием. Несмотря на всевозможные трудности и барьеры, они осуществляют свою деятельность почти во всех отраслях экономики, создают предприятия, новые рабочие места, внедряют новые технологии, выращивают сельхозпродукты, оказывают всевозможные услуги, завозят, вывозят товары и торгуют ими. Таким образом, предпринимательская деятельность женщин дает им возможность повысить качество жизни, содействует улучшению благосостояния их семей, а также вносит определенный вклад в решение социально-экономических проблем Таджикистана, в развитие демократического общества.

Литература

1. Бобокулова С.А. Из истории женского предпринимательства в аграрной сфере в Таджикистане на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2019. – №4(81). – С.12-17.
2. Жумагазина Б.Б. Политика по расширению прав и возможностей женщин в Республике Таджикистан // Молодой ученый. – 2017. – №1(135). – С. 327-332.
3. Рустамова Н. Формирование и развитие предпринимательства: гендерный подход // Сборник научных трудов преподавателей Таджикского государственного университета коммерции. – Душанбе, 2005. – С.2-23.
4. Сугарова Ф.В. Гендерные вопросы формирования и развития предпринимательства // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – №1(31). – С.98-104.
5. Хушкадамова Х.О. Женщины в политике и управлении Таджикистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarus.com/zhenschiny-v-politike-i-upravlenii-tadzhikistana> (дата обращения: 03.10.2022).
6. Шарипова С.М. Гендерные аспекты предпринимательской деятельности // Экономика Таджикистана: стратегия развития. – 2006. – №3. – С.118-129.
7. Шахриари Х. Улучшая доступ женщин к земельным и финансовым ресурсам в Республике Таджикистан / Х.Шахриари, А.М.Данзер, Р.Дживорелли, А.Анделенд. – Душанбе: ТГНУ, 2009. – 106 с.

**VECTOR AND MOTIVATION OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP
IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
(based on press material)**

Komilova Khosiyatkhon Mirislomovna

Competitor for a degree of the chair of Print Media and PR
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 14
khosiyatkhon.komilova@gmail.com

In the article, the issue of the formation and development of women's entrepreneurship in Tajikistan is considered, its vector directions in the period of independence is stated. Information on state support for the socio-economic activation of the female population of the republic is provided. Based on the historical past of Central Asia, the author notes that the Eastern mentality, based on Islamic dogmas, was of a pronounced patriarchal nature. The Soviet government, having eliminated feudalism in Tajikistan, gave a woman a worthy protecting by law on an equal basis with men.

Particular attention is paid to the complex of problems and barriers that stand in the way of beginning women entrepreneurs. The main of them, as the analysis shows, is the mentality and stable gender stereotypes formed on the basis of the canonical dogmas of Islam. The characteristic features of running a successful business by women, their motivation in the decision to do business are considered.

The material for the analysis was the publications of domestic mass media and Internet resources.

Keywords: gender; equality; women's entrepreneurship; business; governmental support; agriculture; Tajikistan.

**ВЕКТОРНОКӢ ВА ҲАВАСМАНДИИ СОҲИБКОРИИ ЗАНОНА
ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
(дар асоси маводи матбуот)**

Комилова Хосиятхон Мирисломовна

Унвонҷӯи кафедраи ВАО чопӣ ва PR
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 14
khosiyatkhon.komilova@gmail.com

Дар мақола масъалаи ташаккул ва рушди соҳибкории занона дар Тоҷикистон баррасӣ шуда, самтҳои векторноки он дар даврони истиқлолият нишон дода шудаанд. Доир ба дастгирии давлатии ғаёлашавии иҷтимоиву иқтисодии аҳолии занонаи ҷумҳурӣ маълумот дода шудааст. Дар асоси гузаштаи таърихии Осиёи Марказӣ, муаллиф тазаккур медиҳад, ки хувияти шаркиёна, ки ба аҳкоми исломӣ таъя мекунад, хусусияти бараъло маълуми мардсолорӣ дошт. Баъд аз он ки

хукумаи Шӯровӣ феодализмро дар Тоҷикистон барҳам дод, он ба занон ҷойгоҳи сазоворро ҷудо кард, ки дар натиҷаи ин занҳо, дар баробари мардон дар таҳти ҳифзи қонун қарор дода шуданд.

Ба маҷмуи мушкилот ва сарди роҳи дар назди занони соҳибкор истода таваҷҷуҳи махсус дода шудааст. Тавре ки таҳлил нишон медиҳад, асоситарини онҳо ҳувиёт ва менталитет ва стереотипҳои устувори гендерӣ мебошанд, ки дар пояи аҳкоми қонунҳои Ислам ташаккул дода шудаанд. Ҷиҳатҳои хоси дидаҳои занон ба бизнеси бомуваффақият, ҳавасмандии онҳо ба соҳибкорӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд.

Ба ҳайси маводи таҳлил интишороти воситаҳои ахбори омма ва интернет-пойгоҳҳо хизмат намудаанд.

Вожаҳои калидӣ: гендер; баробарҳуқуқӣ; соҳибкории занона; бизнес; дастгирии давлатӣ; хоҷагии деҳот; Тоҷикистон.

УДК 81'373

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Косимов Мухаммад Нуралиевич

Соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, Ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 000 922 29 98 (м.)
muhammad_muminov@mail.ru

В статье рассмотрена актуальная и дискуссионная проблема терминологического определения понятия «паремия». В языкознании до сих пор нет устоявшегося толкования паремий. Основное внимание акцентировано как на устоявшихся (комплексный лингвистический, структурный, оппозиционный, функционально-синтаксический, сопоставительно-типологический, ономаσιологический), так и новейших (идеографический, лингвокультурологический, комплексный междисциплинарный, когнитивный, когнитивно-дискурсивный, структурно-семиотический, концептуально-семиотический, лингво-когнитивный, коммуникативно-дискурсивный, прагматичный) подходах к изучению пословиц и поговорок. В работе отражены позиции ученых, – сторонников как широкого, так и узкого подходов, на принадлежность пословиц и поговорок к составу фразеологического фонда.

Анализ работ свидетельствует о широте методологических подходов к изучению паремийных единиц, которые являются особыми единицами языка. Выявлено, что применение каждого из подходов обусловлено задачами и целями исследования. Согласно выводу автора, современное языкознание не ограничивается лингвистическими методами и подходами в изучении паремии и фразеологии, а успешно использует подходы и методы научного анализа других гуманитарных наук.

Ключевые слова: паремия; методы; подходы; лингвокультурология; анализ; когнитивная лингвистика; структурный анализ; русский язык; функционально-синтаксический; комплексный; междисциплинарный; когнитивный; структурно-семиотический; концептуально-семиотический.

В прошлом веке «антропологический поворот» оказал большое влияние на различные научные отрасли, в том числе и на методологическое пространство лингвистики. Это обусловило активизацию лингвистических исследований и выход научных работ, освещавших проблемы методологии. Внимание ученых было сосредоточено как на выявлении новых подходов к изучению феномена языка, так и на статусе языковых единиц в лингвистической парадигме. В настоящее время осуществляется немало исследований языкового материала в области фразеологии и паремиологии.

Как известно, многовековое культурно-языковое наследие составляет паремиологический фонд, в состав которого входят паремиологические единицы – пословицы и поговорки. Паремии являются объектом исследований ряда научных дисциплин (языковедения, литературоведения, фольклористики, антропологии, этнологии, социологии, философии) на протяжении многих веков, за которые было написано немало трудов, посвященных истории возникновения, происхождения и методике их изучения.

Изучению феномена паремии и функционированию русских паремиологических единиц посвящены труды таких ученых, как В.И.Даль, Г.Л.Пермяков, М.Ф.Алефиренко, Н.Н.Семенов, Л.Б.Савенкова, В.Н.Телия, И.В.Зыкова, А.А.Потебня, В.М.Мокиенко, З.Г.Кацюба, В.Л.Пирогов, И.А.Голубовская, Л.И.Даниленко, О.В.Дуденко, Ж.В.Колоиз, Е.А.Селиванова и др.

Филологической наукой, занимающейся изучением паремиологических единиц, является паремиология. По словам В.М.Мокиенко, материальную базу паремиологии заложили такие ученые, как Я.А.Коменский, Э.Роттердамский, В.С.Караджич, В.И.Даль, М.Т.Симонов (М.Номыс), И.И.Носович и др. [13, с.6]. В широком смысле паремиология является частью фразеологии, которая в научной литературе трактуется в двух значениях – «средство словесных связей» и «наука об этих связях». Заметим, что фразеология отличается от паремиологии, прежде всего, методологией исследований. Для фразеологии пословицы являются сочетаниями слов и структурными единицами предложения, а для паремиологии – минимальными текстами народной литературы.

Понятие «паремия» является достаточно разносторонним и многозначным. Среди паремиологов до сих пор нет общепринятой дефиниции. Еще при Аристотеле было актуальным определение этого понятия. В частности, сам Аристотель указывал на важность паремиологических единиц и попытался их истолковать [3, с.288]. С тех пор ученые предпринимают попытки определения термина «паремия», которые продолжаются и по сей день. Поэтому эта языковедческая проблема остаётся открытой. М.Ф.Алефиренко и Н.Н.Семенов предлагают такую дефиницию паремий: «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и поучительным смыслом» [1, с.242]. Е.А.Селиванова отмечает, что понятие «паремия» преимущественно употребляется для «обозначения устойчивых воспроизводимых единиц предложенной структуры, в частности пословиц» [20, с.242]. Л.Б.Кацюба определяет паремию как «краткое, образное и устойчивое выражение (часто употребляемое в переносном смысле), синтаксически построенное как простое или сложное предложение, отражающее определенную ситуацию и содержащее истину, установку, правила, принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [10, с.67]. О.В.Дуденко считает, что паремии – это «лаконичные назидательные народные высказывания, оформленные по образцу синтаксически замкнутых, семантически целостных и воспроизводимых предложений поэтического характера, которые в обобщенно-образной форме выражают определенные жизненные закономерности, правила или истины» [8, с.5]. О.О.Савченко рассматривает термин «паремия» как «народные изре-

чения назидательного содержания, построенные как синтаксически завершенные и содержательно целостные, воспроизводимые предложения, которые в сжатой форме, в прямом или переносном смысле выражают определенные жизненные правила или истины» [19, с.2].

Одним из дискуссионных является вопрос принадлежности или непринадлежности паремий к составу фразеологического фонда. В лингвистической области сложились узкий и широкий подходы к пониманию объекта фразеологии. Толчком к такому разделению был труд С.И.Ожегова, впервые обобщивший два взгляда на объем фразеологии (в ее широком и узком аспектах) [14, с. 34-35]. Сторонники узкого понимания фразеологии, в частности В.М.Мокиенко, Н.М.Амосова, М.Ф.Алефиренко, О.М.Бабкин, С.И.Ожегов, Л.Г.Авксентьев, А.И.Смирницкий, Н.М.Неровня, В.М.Белоноженко, С.Бомба, А.Новаковская, П.Мюлднер-Нецковский, считают, что паремии как языковые феномены следует анализировать за пределами фразеологии, поскольку они по структуре близки к предложениям и характеризуются рядом структурных, семантических и функциональных особенностей, в частности, выполняют функции номинации в речи и коммуникации в речи (эмоциональная и стилистическая окрашенность) [см.напр. 12; 13] М.Ф.Алефиренко отмечает, что пословицы и поговорки вместе с афоризмами нефольклорного происхождения не входят в состав фразеологии, поскольку они отличаются от фразеологизмов, прежде всего, интонационно-смысловой завершенностью и синтаксической члененностью, имея структуру завершенного предложения. Весомым отличием является то, что в основе пословиц лежат суждения, а в основе фразеологизмов – понятие. Также исследователь отмечает, что паремии образуют тематические группы и могут вступать в синонимические и антонимические связи. Поэтому, учитывая такие отличия, паремиологию следует выделить в самостоятельную область науки [1, с.240-243]. Н.М.Амосова так же считает неаргументированным отнесение паремий к фразеологии. По ее мнению, такая позиция ученых базируется только на акцентировании общих, а не отличительных черт пословиц и фразеологизмов. Исследователь отмечает, что пословицы и поговорки ни по содержанию, ни по функциям не соответствуют фразеологическим единицам, поскольку они автономны как по структуре, так и по содержанию [2, с.143-144].

Среди ученых, которые являлись сторонниками широкого подхода к пониманию фразеологии, следует назвать Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова, М.М.Шанского, Л.Г.Скрипник, Н.Д.Бабич, О.А.Селиванову, С.Скорупко, Т.Шутковского и др. Свою позицию они аргументируют тем, что паремиям присущи такие же релевантные признаки (устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность, дидактичность и т.п.), что и фразеологизмам. В.В.Виноградов говорит, что крылатые высказывания являются достаточно сложной и разнородной фразеологической категорией. К фразеологическим единицам, кроме народных пословиц и поговорок, он относит также фразовые штампы, клише, литературные цитаты [4, с.133]. Взгляды В.В.Виноградова разделял и Н.М.Шанский, также рассматривавший паремии на фразеологическом уровне [23, с.6]. Необоснованным вынесение паремий за пределы фразеологии считает и Е.А. Селиванова. Ис-

следователь указывает на общие признаки, объединяющие паремии и фразеологизмы. По ее мнению, анализ паремий именно в рамках фразеологии существенно расширяет ее связь со многими другими языковедческими дисциплинами [20, с.645]. Г.Л.Пермяков в своих исследованиях отмечает, что пословицы и поговорки как непростые образования похожи на фразеологизмы, однако одновременно имеют сложную языковую природу, которая свидетельствует о том, что их нужно рассматривать в трех аспектах: как речевые явления, явления мыслей и явления фольклора [15, с.8].

Указанные выше подходы являются определенным стимулом для дальнейших размышлений и паремиологических исследований. Учитывая проанализированные теоретические труды и взгляды ученых относительно языкового статуса паремий, в нашем исследовании мы придерживаемся позиции сторонников узкого подхода, в частности, считаем целесообразным рассматривать паремии вне фразеологии, поскольку пословицы и поговорки существовали еще с давних времен, когда о фразеологизмах не говорилось вообще.

Исследования семантических, структурно-семиотических, универсальных, национально-специфических особенностей паремий, их номинативной и коммуникативной природы осуществляются с помощью различных подходов, в частности, комплексного лингвистического (О.А.Дуденко, И.С.Гулидова), идеографического (Н.В.Царегородцева), функционально-синтаксического (О.И.Наконечная), комплексного интердисциплинарного, оппозиционного (З.Г.Кацюба), ономаσιологического (Р.Вижкевич-Максимов), структурно-семиотического (Г.Л.Пермяков), лингвокогнитивного, коммуникативно-дискурсивного (Л.И.Даниленко), лингвокультурологического, концептуально-семиотического и сопоставительно-типологического (В.Л.Пирогов, И.А.Голубовская, Я.О.Сулейманова).

Фундаментальные исследования пословиц и поговорок были осуществлены Г.Л.Пермяковым. Ученый предложил собственную паремиологическую теорию и разработал в соответствии с логически-тематическим критерием классификацию пословиц и поговорок с учетом их специфики (многоплановость, постоянство, логичность, краткость) [16]. Его исследования базируются на структурно-семиотическом подходе, с помощью которого можно выявить семантическое ядро паремий (логическую составляющую). Г.Л.Пермяков, понимая языковую природу пословиц и поговорок как символов ситуации, своим подходом показал, что основополагающий элемент значения любого высказывания есть инвариантная пара, основу которой составляют два противоположных понятия. Она может быть представлена в нескольких вариантах: в инвариантно-тематических парах, формотворческих группах и формотворческих классах. Ученый акцентирует внимание на том, что нет смысла определять тему паремий по содержанию.

Именно инвариантную пару семантических противопоставлений, которая является постоянной и составляет ядро любой пословицы, следует считать основной темой той или иной паремиологической единицы [16, с.22, 104]. В качестве примера автор приводит ряд паремий, в частности «Гора породила мышь», в которой противопоставление горы и мыши означает не что иное, как противополо-

ставление большого и малого. Такой универсальный подход, по мнению ученого, позволяет провести детальный анализ глубинной структуры паремий и способствует выявлению уровня их структурно-языковой сложности и способности к внешним и внутренним трансформациям [16, с.103-104].

Идеи Г.Л.Пермякова легли в основу исследований Л.А.Джелаловой и В.Л.Пирогова. Л.А.Джелалова, взяв за основу структурно-семиотический подход Г.Л.Пермякова и семантико-концептуальный подход (концептуальные особенности паремий) Ю.М.Караулова, разработала метод структурно-семантического моделирования и впервые с его помощью описала семантическое ядро русских паремиологических единиц тематической группы «Человек» [7, с.8]. Совокупность лингвокультурологического, концептуально-семиотического и сопоставимо-типологического подходов применена в труде В.Л.Пирогова. Такая методика позволила автору наиболее полно проанализировать структуру и семантику пословиц и поговорок японского, английского, украинского и русского языков; выявить и описать разногласия между паремиями, а также провести параллели знаковой организации, лексического состава и инвариантности паремийных единиц. Важно, по мнению автора, применить полевые приемы для выявления сходств и различий между паремиями четырех языков в их концептосферах [17, с.7-13].

Модели семантики пословиц и поговорок с помощью структурного подхода описывает А.С.Малкова. Она акцентирует внимание на трех основных звеньях – оппозиции (пара противоположных понятий), отождествлении (семантический маркер связи между оппозициями) и конфигурации (систематическое сочетание как положительных, так и негативных оценок, входящих в звено оппозиций), составляющих семантическую основу моделей паремий [11, с.409]. В рамках комплексного лингвистического подхода В.М.Мокиенко выделяет такие основные типы межъязыковых паремийных связей, как: 1) сходство мотива при существенном расхождении образности и структуры; 2) тождество образа при тождестве структуры; 3) тождество образа при модификации структуры в пределах установившейся общеязыковой схемы-модели [12, с.366]. Основательный анализ семантики и прагматики русских паремий в когнитивном и прагматичном аспектах провела Н.Н.Семененко. По ее мнению, такой подход позволяет выявить синкретические свойства русских паремий (текстемы, знаки косвенной номинации, прецедентные единицы этнолингвокультуры) и их целостную семантическую структуру (прагматический фактор)) [21, с. 3-7].

Исследование этнокультурной семантики паремий на обозначение элементов рельефа осуществлено О.О.Савченко с помощью интегрированного подхода, сочетавшего в себе лингвокогнитивный, лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный подходы. Такое сочетание позволило автору провести анализ паремийной вербализации концептов на обозначение элементов рельефа в коллективном сознании украинского и польского народов [19, с.3].

Паремии участвуют в создании языковых картин мира, в частности ценностной. Именно в пословицах и поговорках содержится комплекс ценностей, присущих тому или иному народу. По мнению Я.А.Сулеймановой, ценностная картина мира «представляется в паремиях с помощью образов, составляющих осно-

ву культурной коннотации». В своих работах лингвист рассматривает особенности аксиологической семантики английских, немецких, русских и украинских паремий с компонентами обозначения природных стихий (огонь, вода, воздух и земля – 391 единица). Основой в ее исследовании является лингвокультурный подход, сочетающий в себе наработки отечественных и зарубежных ученых в области языкознания: паремиологии, прагматики, фразеологии, семантики, лингвокультурологии и т.д. Автором разработана классификацию ценностей в славянской и германской картинах мира по функциональному принципу и соответствию потребностям человека в социальной жизни, а также аргументированы теоретические соображения по корреляции между понятиями ценности, оценки, экспрессивности и эмоциональности, которые являются предметом обсуждения среди исследователей [22, с. 2-3, 18-19, 91, 186-187].

В современной лингвистике достаточно актуальна проблематика исследования универсального и национального в паремийных фондах языков. В этом направлении работают такие языковеды, как И.А.Голубовская и З.Г.Кацюба. В частности, И.А.Голубовская применяет новые подходы к изучению языковедческих феноменов. В своих исследованиях автор использует лингвокультурологический подход для выявления универсальных и национально-специфических особенностей паремий [5, с.6]. Учитывая знаковый характер паремиологических единиц, она предложила авторскую межъязыковую классификацию паремий, чтобы показать в их составе как национальный компонент, так и взаимодействие содержательного, формально-образного и экспрессивно-стилистического аспектов: 1) паремии, находящиеся в отношении полной содержательной, образной и экспрессивной стилистической эквивалентности; 2) паремии, состоящие в отношениях полной содержательной, но частичной образной и экспрессивно-стилистической эквивалентности; 3) паремии, состоящие в отношениях частичной содержательной и специфической образно-стилистической эквивалентности; 4) безэквивалентные паремии, которые выражают преимущественно национальные морально-ценностные приоритеты, не имеющие логико-образных соответствий в других языках (среди них выделены паремии, лишенные образной формы и имеющие ее). Систематизируя паремии изучаемых языков, И.А.Голубовская пользовалась понятиями инварианта содержания и образной формы его воплощения. Это дало возможность представить характерные признаки отличных ассоциативных механизмов коллективных сознаний того или иного народа [5, с.210-228]. Изучением психокультурных универсалий на основе синхронно-диахронного сопоставления паремийных текстов украинского, польского, русского, английского, французского и других языков занимается З.Г.Кацюба. Автор выделяет пословицы и поговорки среди других фразеологических единиц, аргументируя позицию тем, что анализ паремий должен осуществляться на уровне суждений, а не образов или мотивов. Поэтому она выводит свое исследование за пределы, собственно, паремиологии и применяет комплексный интердисциплинарный подход к рассмотрению языковых явлений [9, с.9-10]. По мнению З.Г.Кацюбы, «такой подход к исследованию базируется на понимании паремий как знаков, являющихся носителями нескольких блоков ин-

формации, охватывающих объективный (денотацию) и субъективный (оценку, мотивацию, стилистическую маркировку) компоненты сигнификата». Также исследователь свидетельствует о продуктивности оппозиционного подхода к анализу пословиц и поговорок, поскольку именно оппозиционность относится к универсальным признакам паремий. Этот подход, по словам З.Г.Кацюбы, является «одним из самых адекватных способов поиска универсального в разноязычном proverbiallym пространстве» [9, с.9, 115, 411].

О.В.Дуденко рассматривает номинативную, знаково-символическую и коммуникативную природу паремий. Она утверждает, что паремии следует изучать «не только как единицы языка, но, прежде всего, как коммуникативные единицы народной дискурсивной речи». Автор в своем исследовании использует комплексный лингвистический подход к изучению природы паремий в семантическом, структурном и функциональном аспектах [8, с. 2-3, 9].

Не менее важным в лингвистической науке является культурно-исторический аспект исследования паремий в диахронии и синхронии. Л.И.Даниленко впервые в лингвистике осуществила анализ чешской паремиологии в рамках современных парадигм языкознания. В монографии автор опирается на новые подходы к изучению чешских паремий – лингвокогнитивный и коммуникативно-дискурсивный, что позволило осуществить историко-этимологическую реконструкцию семантики паремий и представить максимально полное описание пословиц и поговорок, содержащих «генетические и когнитивно-коммуникативные особенности их существования в системе языка» [6, с.10-15].

Как видим, паремии – это часть народной культуры и особые единицы языка. Они являются объектом исследований ученых уже не одно столетие. Аналитический обзор научных работ показал, что языковедами применяются как устоявшиеся, так и новейшие подходы к изучению паремиологических единиц, в частности комплексный лингвистический, структурный, лингвокультурологический, оппозиционный, идеографический, функционально-синтаксический, комплексный интердисциплинарный, когнитивный структурно-семиотический, концептуально-семиотический, лингвокогнитивный, коммуникативно-дискурсивный, сопоставительно-типологический, ономазиологический, прагматический подходы. Такая многоаспектность свидетельствует о широте методологии исследований пословиц и поговорок.

Проведенный анализ также свидетельствует о том, что применение каждого из подходов обусловлено задачами, которые исследователь ставит перед собой.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта, 2009. – 344с.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского института, 1963. – 208 с.
3. Аристотель. Поэтика. Риторика / под. ред. К.Красник. – СПб: Азбука, 2015. – 320 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. –

- 312 с.
5. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Логос, 2004. – 284 с.
 6. Даниленко Л.И. Чешская паремиология в генетическом, лингвокогнитивном и дискурсивном освещении: монография. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2019. – 440с.
 7. Желалова Л.А. Структура и семантика паремий тематической группы «Человек»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Желалова Лариса Анатольевна. – Ульяновск, 2013. – 315с.
 8. Дуденко Е.В. Номинативная и коммуникативная природа украинских паремий: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Дуденко Елена Владимировна. – Киев, 2002. – 20 с.
 9. Кацюба З.Г. Рефлексия бытового сознания в разноязычном провербиальном пространстве (от универсального до национального): монография. – Львов: ГП Издательский дом «Укрпол», 2010. – 472 с.
 10. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – №1. – Т.10. – С. 65-67.
 11. Малкова А.С. О структуре тезауруса пословиц // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2012». – Бекасово, 2012. – С. 404-418.
 12. Мокиенко В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, интернациональный контекст: материалы Междунар. конференции (ЮНЕСКО, 28 мая – 1 июня 1979г.). – Киев, 1982. – С. 364-369.
 13. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты)// Мир русского слова – М., 2010. – №3. – С. 6-20.
 14. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – Вып. II. – С. 31-53.
 15. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 241 с.
 16. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
 17. Пирогов В.Л. Структура и семантика паремийных единиц японского, английского, украинского и русского языков: типологический и лингвокультурологический аспекты: дис... канд. фил. наук: 10.02.17 / Пирогов Владимир Леонидович. – Киев, 2003. – 230 с.
 18. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Р/на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 239 с.
 19. Савченко О.О. Этнокультурный компонент в семантике названий элементов рельефа (на материале паремий украинского и английского языков): дис. канд. фил. наук: 10.02.17 / Савченко Оксана Орестовна. – Дрогобыч, 2020. – 200 с.
 20. Селиванова Е.А. Современная лингвистика: терминологическая энциклопедия. – Полтава: Окружающая среда. – Киев, 2006. – 716 с.
 21. Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Семененко Наталья Николаевна. – Белгород, 2011. – 46 с.
 22. Сулейманова Я.О. Аксиологическая семантика паремий с компонентами на обозначение природных стихий: вода, огонь, воздух и земля (на материале английского, немецкого, украинского и русского языков): дис... канд. филол. наук: 10.02.15 / Сулейманова Янина Олеговна. – Николаев, 2018. – 288 с.
 23. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб., 1996. – 192с.

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PAREMIA IN LINGUISTICS

Kosimov Muhammad Nuralievich

Competitor for a degree of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 000 922 29 98 (m.)
muhammad_muminov@mail.ru

In the article, the topical and debatable problem of the terminological definition of the concept of paremia is briefly considered. It was found that in linguistics there is still no well-established interpretation of proverbs. The main attention is focused on both the established (complex linguistic, structural, oppositional, functional-syntactic, comparative-typological, onomasiological) and the latest (ideographic, linguoculturological, complex interdisciplinary, cognitive, cognitive-discursive, structural-semiotic, conceptual-semiotic, linguo-cognitive, communicative-discursive, pragmatic) approaches to the study of proverbs and sayings in Russian linguistics. The work reflects the views of scientists belonging to the supporters of the broad and narrow approaches, on the belonging or non-belonging of proverbs and sayings to the composition of the phraseological fund.

The conducted analysis of the works testifies to the breadth of the methodology for researching paromic units, which are special units of the language. It was revealed that the application of each of the approaches is determined by the tasks that the researcher must perform in accordance with the goals set. From the analysis of the techniques and research methods common in Russian linguistics, we can conclude that modern linguistics is not limited to linguistic methods and approaches in the study of proverbs and phraseology, but successfully uses the approaches and methods of scientific analysis of other humanitarian areas.

The study and analysis of various approaches to the study of proverbs allows us to determine the place and meaning of proverbs and sayings and phraseological units in speech in relation to specific issues of interest.

Keywords: paremia; methods; approaches; linguoculturology; analysis; cognitive linguistics; structural analysis; Russian language; functional-syntactic; complex; interdisciplinary; cognitive; structural-semiotic; conceptual-semiotic.

МУНОСИБАТИ НАЗАРИЯВӢ БА ОМУӢЗИШИ ПАРЕМИЯӢО
ДАР ЗАБОНШИНОСӢ

Қосимов Муҳаммад Нуралиевич

Унвонҷӯи кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 000 922 29 98 (м.)
muhammad_muminov@mail.ru

Дар мақола мушкилоти мубрам ва баҳсталаби мафҳуми истилоҳии паремия ба тариқи кӯтоҳ баррасӣ шудааст. Муайян гардидааст, ки дар забоншиносӣ то ба ҳол шарҳи мустаҳкамшудаи истилоҳи паремия вучуд надорад. Таваҷҷуҳи асосӣ ҳам ба муносибатҳои мустаҳкамшуда (мачмуии забоншиносӣ, сохторӣ, оппозиционӣ, вазифавӣ-наҳвӣ, муқоисавӣ-типологӣ, ономасиологӣ), ҳам ба навтарин (идеографӣ, фарҳангии забонӣ, мачмуии байнифаннӣ, шинохтӣ, шинохтӣ-дискурсивӣ, сохторӣ-семиотикӣ, концептуалӣ-семиотикӣ, забонӣ-шинохтӣ, коммуникативӣ-дискурсивӣ, прагматикӣ) нисбат ба омӯзиши зарбулмасалу мақолҳо дар забоншиносии русӣ равона карда шудааст. Дар кори мазкур нуқтаҳои назари олимон, ки ба тарафдорони муносибатҳои васеъ ва танг мансубанд ва дар бораи мансубият ё мансуб набудани зарбулмасалу мақолҳо ба таркиби захираи фразеологӣ баҳс мекунанд, мавриди таҳлил қарор дода шудаанд.

Таҳлили анҷом додашудаи қорҳо аз вусъати методологияи тадқиқоти воҳидҳои паремиявӣ, ки воҳидҳои махсуси забон ҳастанд, шаҳодат медиҳад. Муайян карда шудааст, ки истифодабарии ҳар яке аз муносибатҳо бо вазифаҳои тақозо мегардад, ки муҳаққиқ бояд мувофиқи вазифаҳои ба нақша гирифтааш анҷом диҳад. Аз таҳлили усулу методҳои тадқиқоти дар забоншиносии русӣ анҷом додашуда ба хулосае омадан мумкин аст, ки забоншиносии муосир дар омӯзиши паремия ва фразеология танҳо бо усулҳои забоншиносӣ маҳдуд намешавад, балки аз усулҳои таҳлили илмии равияҳои дигари гуманитарӣ бомуваффақият истифода мебарад.

Омӯзишу таҳлили муносибатҳои гуногун нисбат ба тадқиқоти паремияҳо барои муайян гардондани ҷойгоҳ ва аҳамияти зарбулмасалу мақолҳо ва фразеологизмҳо дар нутқ нисбат ба масъалаҳои мушаххаси марбута имкониат пешкаш месозад.

Вожаҳои калидӣ: паремия; методҳо; муносибатҳо; фарҳангшиносии забонӣ; таҳлил; забоншиносии шинохтӣ; таҳлили сохторӣ; забони русӣ; вазифавӣ-наҳвӣ; мачмӯй; байнифаннӣ; шинохтӣ; сохторӣ-семиотикӣ; концептуалӣ-семиотикӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.06.2022 г. Подписано в печать 31.06.2022 г. Формат
60x84_{1/8}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная. Объем
33,25 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №68

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30